

4•1981

Георгий Мокеевич Марков

К 70-летию со дня рождения

Фото Н. Кочнева

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

4 • 1981

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-88-58; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

Валентин ОСИПОВ

ПОСЛАНЕЦ КОМСОМОЛЬСКОГО ЦК

СМОЛЕНСК, ЯНВАРЬ 1966 ГОДА

ПОРУЧЕНИЕ

...Обстановка была такая, что хотелось работать. Мне как бы по-свойски сказали: «Давай, Юра, подключайся!»

Из интервью летчика-космонавта СССР Героя Советского Союза Ю. А. Гагарина «Комсомольской правде» в январе 1966 года

Юрий Алексеевич Гагарин, будучи членом ЦК ВЛКСМ, стал его представителем на областной комсомольской конференции в Смоленске неожиданно для самого себя.

Он не собирался туда. Пригласил его по настоянию делегатов первый секретарь Смоленского обкома партии, рассудив: в работе конференции явно будет недоставать участия знатного уроженца и воспитанника Смоленщины, избранного, кстати сказать, смолянами депутатом Верховного Совета. Потому и позвонил в Москву: «Юрий Гагарин — член ЦК, дайте, пожалуйста, ему такое поручение. Он не откажется».

...Член ЦК ВЛКСМ на трибуне комсомольской конференции. Ему вменено в обязанность ответственное дело — сказать свое слово о работе областной комсомольской организации. Рабочие, колхоз-

ники, воины, студенты, школьники — все, кто избран на конференцию, будут ждать от него и советов, и подсказки, и оценок их работы, и критических замечаний... Не общих пространных рассуждений и пожеланий ждут от него, представителя Москвы. Он обязан обратиться в зал так, чтобы увлечь, зажечь молодых делегатов.

Юрия Алексеевича Гагарина повстречали рано утром 21 января, за день до открытия конференции, и уже по дороге в гостиницу, еще в машине, его попросили насчет выступления: «Член ЦК. Это обязательно!» Не стал спорить (или понимал необходимость, или был заранее предупрежден в Москве), всего-навсего спросил: «Когда же успею подготовиться?» Ему пояснили, что черновик выступления уже загодя подготовлен — выступать должен был другой представитель ЦК. Услышав это, Гагарин сказал: «А удобно ли меняться, не обидится ли?..»

Весь день ушел у него на поездки по городу: встречался с рабочими и студентами, побеседовал с активистами в комсомольских комитетах, с первым секретарем обкома КПСС и секретарями комсомольского обкома. К вечеру попросил доставить в гостиницу последние номера молодежной газеты «Смена».

...Приступая к этому очерку, я разыскал «Смену» в библиотеке — хотелось полистать пожелтевшие газетные страницы январских номеров 1966 года. Взялся читать как бы глазами Гагарина.

Вот рубрика «Навстречу XV съезду ВЛКСМ». В его преддверии созывались комсомольские съезды в республиках и конференции в областях. По всей вероятности, космонавту приятно было вновь прочитать и другие сообщения — он о них, разумеется, знал еще в Москве: летят к Венере два советских корабля, готовят к запуску «Луну-9» — ей суждено впервые в истории совершить мягкую посадку...

Во Вьетнаме война. Американские десантники применили химическое оружие. А вот информация о решении провести очередной Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Мелькнуло в газете сообщение о начале выхода в свет «Библиотеки всемирной литературы». Гагарин потом подписался на нее...

...Около одиннадцати вечера показывали часы, когда Юрий Гагарин, инструктор ЦК ВЛКСМ Людмила Кондрашева и я (в то время член Центральной ревизионной комиссии ВЛКСМ) приехали в гостиницу. По причине сложившихся обстоятельств Гагарин снимал с меня обязанность завтрашнего оратора. Но я не чувствовал облегчения.

Серьезна, строга была и Кондрашева. На ней, как и на мне, лежала немалая ответственность за работу конференции, за участие в ней Юрия Гагарина, за подготовку его выступления. И все равно нет-нет да и прорывалась в озабоченно-начальственном виде Кондрашевой живость, непосредственность, молодой задор, и никак не получалось называть ее, работника ЦК, иначе чем просто Люда.

Вхождение Гагарина в предстоящие функции посланца ЦК выглядело примерно так.

Кондрашева:

— Юрий Алексеевич, посмотрели бы то, что мы подготовили.

Гагарин:

— Давайте, давайте, эксплуататоры. Говоришь, все готово? Тогда, смекаю, дел нам на полчаса...

Читает.

Сноп комнатного света, вырываясь наружу, пробивает густую заоконную темень ночи и зыбко высвечивает тихо падающие там снежные хлопья. Уютно, покойно, лишь шуршит в руках Гагарина бумага.

Прочитал и, не глядя на нас, встал из-за стола, помолчал немножко и с улыбкой сказал:

— С этим выступать не буду!

Моя реплика:

— Как так?! Юрий Алексеевич! Мы с Кондрашевой все постарались учесть: и новые задачи комсомола, и анализ деятельности областной организации. И примеры, надеюсь, убедительны...

Кондрашева:

— Мне с этим текстом не стыдно бы выступить. И в конце концов, это мнение нашего сектора.

Гагарин (вовсе, как вижу, не осерчав):

— А я и не спорю. Только на трибуну с такой речью не пойду, не пойду-у! — Тут же объяснил: — Мне не поверят. Не могу я так говорить.

До открытия конференции оставались только ночные часы.

Кондрашева (с нескрываемым отчаянием):

— Что делать, а?!

СЛОВО, СТАВШЕЕ ДЕЛОМ

Оно не звук окостенелый,
Не просто некий матерьял, —
Нет, слово — это тоже дело,
Как Ленин некогда сказал.

А. Твардовский

Вряд ли можно утверждать, что Юрий Алексеевич Гагарин любил писать. Мне не раз доводилось встречаться с ним именно по делам, связанным с его выступлениями в печати. Он ничуть не считал себя литератором, если понимать это звание в том смысле, когда литературное ремесло делается для человека если не главным, то, по крайней мере, постоянным.

Догадываюсь, что он тяготился необходимостью садиться за письменный стол, если выпадало выполнять поручения газет или журналов. Когда просьбы шли по части сугубо космических дел, он подчас отсылал просить разрешения своего начальства. Находил такой предлог, чтобы отказаться, ссылался, конечно, и на свою крайнюю занятость. А если, случалось, не подыскивал никаких отговорок, то прямо отказывался и был при этом непреклонным. Такое непреодолимое упрямство отказывать приходило к нему, когда он видел, что предложенная тема не для него, что кто-то другой напишет лучше или с наибольшим знанием дела.

Однажды, помню, буркнул, морщаясь от надоедливых уговоров:

— Не буду. Не приставай. Ищи специалиста. Не делай из меня генерала... свадебного. — И, наверное, чтобы смягчить резкость, отшутился: — Я пока еще полковник.

Любил шутку, если пребывал в добром настроении.

Работнику «Комсомольской правды» Яр. Голованову удалось вызвать Гагарина на счастливую для читателей беседу. Он получил ответы на неожиданные по тем временам вопросы. Нашелся среди них такой, что навел на рассуждения о будущих звездолетных профессиях. Тогда это казалось мечтой, хотя ждать начала яви оставалось, как сейчас все убедились, недолго: будут, сказал он, в космосе инженеры, физики, сварщики, строители, астрономы...

— А журналисты?

— Журналисты — обязательно. Без журналистов нельзя. Хотя с ужасом думаю о том времени, когда даже в космосе нельзя будет спрятаться от журналистов. (Яр. Голованов оставил в этом месте беседы пометку «улыбнулся». Но это, конечно, вовсе не свидетельствует, что Гагарин к газетчикам относился с юмором.)

Он уважал журналистов, ибо сам приобщался к их нелегкому труду.

Если побывать во Всесоюзной Ленинской библиотеке, то именной, как выражаются библиографы, указатель подскажет, что Ю. А. Гагарину принадлежит больше 60 публикаций в газетах, в журналах и сборниках. Кроме того, он автор нескольких книг. Они широко известны, не раз переводились на самые разные языки и издавались за рубежом: «Дорога в космос», «Вижу землю», «Психология и космос».

«Психология и космос» написана, как принято говорить, в соавторстве с кандидатом медицинских наук Владимиром Ивановичем Лебедевым. Таких книг о космосе еще не было. Хотя в печати публиковались статьи, выходили брошюры и книги первопроходцев космоса. Публикации эти были интересные, расширяли скупые и краткие сообщения ТАСС. А главное — это были рассказы очевидцев.

Но людям хотелось более глубоких, научных знаний о заземном бездонье...

Психика космонавта — его чувства, нервы, разум — в не прекращающейся ни на секунду лавине изменчивых впечатлений, в волнениях, переживаниях, сомнениях, в ощущении неминуемого страха (и впрямь не робот же), в поиске точных ответов тогда, в тех ситуациях, когда и электроника, и консультанты у земных пультов — как же они далеки! — могут быть, увы, бессильны...

Один на один с космосом. Защита — тонкая обшивка и скафандр. Спокойная (а спокойная ли на самом деле?) работа и сон по строгому распорядку (как же возможны спокойный сон или еда в стремительном снаряде?)... И человек выдерживает. Как, почему?!

Первыми взялись обстоятельно рассказать о космосе Юрий Гагарин и Владимир Лебедев. Их труд без всякого преувеличения явился открытием в новой сфере человеческого разума, деятельности.

Карл Маркс однажды заметил, использовав знаменитые стихи:

«У входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;

Здесь страх не должен подавать совета».

Как будто о вхождении Гагарина в науку это сказано, ибо с полным правом приложимо к нему — и о твердости души, и о преодолении страха...

Творческий склад ума Юрия Алексеевича Гагарина... Кажется, что первым во всеуслышание посулил ему настоящую научную будущность Сергей Павлович Королев. А уж как был строг он на похвалу! И все-таки сразу же после первого полета сказал о Гагарине так:

— В Юре сочетаются природное мужество, аналитический ум, исключительное трудолюбие. Я думаю, что если он получит надежное образование, то мы услышим его имя среди самых громких имен наших ученых... (Специальный выпуск журнала «Кругозор», 1968, с. 2.)

Пословица гласит: «Ум любит простор». Космос, вселенная дали Гагарину возможность приобщения к новой науке — космической психологии. Кстати сказать, еще в 1966 году, до выхода книги «Психология и космос», Гагарин стал почетным членом Международной академии астронавтики.

Предпоследние сутки жизни космонавта связаны с издательскими делами — он приехал в комсомольскую «Молодую гвардию». Его пригласили в издательство, чтобы подписать верстку книги «Психология и космос». В конце верстки, после внесения пометок, исправлений и уточнений, подписался: «Гагарин. 25.3.68».

В издательстве «Молодая гвардия» он считался своим автором.

От самого первого его визита в Книге почетных гостей издательства осталась запись: «С большим удовольствием побывал в издательстве «Молодая гвардия». Вся наша молодежь знает и любит это издательство. Хочется пожелать вам, дорогие друзья, всяческих успехов в вашем благородном труде».

Был он в тот памятный день таким же простым и общительным, как всегда. Кто-то из наших сотрудников (я тогда был главным редактором издательства), попадая в тон хорошему настроению, непринужденно сказал:

— Переквалифицируйтесь, Юрий Алексеевич, в писатели.

— Что ж, можно! Вот только потренироваться надо.

Однако закончил вполне серьезно, даже назидательно, и походил в тот момент на школьного учителя:

— Труд писателя чрезвычайно сложен. Он, пожалуй, сродни нашему, космонавтскому. А то еще и посложней.

Спросим себя: как Гагарин пришел к этому пониманию тяжкой доли писательского труда, как проник в мир далекого от себя художественного творчества?

Юрий Алексеевич много читал (вот бы сделать опись им прочитанного) и прозу, и поэзию. Поэт Юрий Воронов рассказывал мне, что самые первые и нигде не напечатанные стихи он показал Гагарину. Сейчас у Воронова вышло в свет уже несколько книг.

Развитию художественного вкуса Гагарина помогало его горячее

общение с пишущими людьми. С некоторыми журналистами и писателями знакомство переросло в приятельство, в дружбу.

Была и обратная связь, щедрая и для большинства плодотворная. Сколько стихотворений, очерков, писательских размышлений родилось у тех, кто знал Гагарина и испытал его влияние!

Композитор Александра Пахмутова дружила с ним, вместе с Юрием Алексеевичем ездила по просьбам ЦК комсомола на ударные молодежные стройки, не раз участвовала в совещаниях комсомольских работников, даже несколько раз вместе отдыхала в отпусках...

— Если бы не Гагарин, не быть многим моим песням... Как он умел слушать! Как умел воодушевить — не только словом, но и улыбкой своей, ободряющим жестом! А как умел спорить!..

Пахмутова создала цикл песен, которые все, к счастью, поются и не забываются: «Созвездье Гагарина», «Обнимая землю», «Нежность», «Смоленская дорога», «Знаете, каким он парнем был...».

Летом 1967 года Михаил Александрович Шолохов пригласил к себе в Вешки группу молодых писателей, а также комсомольских издателей, журналистов, работников ЦК ВЛКСМ.

Приехал на Дон и Юрий Гагарин.

Один из очевидцев, поэт Геннадий Серебряков, потом рассказывал мне:

— С первого дня они были вместе. Рядом мы видели их в пропыленном зеленом «газике», когда ездили по соседним хуторам и станицам, во время бесед в хлебосольных застольях. А поздними вечерами Шолохов и Гагарин подолгу стояли вдвоем на крутояре, где под луной светилась внизу, как казачий клинок, отливая черным серебром, излучина Дона.

Провожая космонавта, Шолохов обнял его. Последние слова врезались в память: «Ты уж побереги себя, Юра... Помни — ты нам очень нужен... Всем нужен...»

Уезжая на аэродром, Гагарин шепнул ребятам: «Я залечу еще раз попрощаться. С летчиком договорюсь, думаю, он мне машину доверит...»

Через некоторое время над Вешенской появилась маленькая серебристая «Морава». Описав дугу, она развернулась над Доном и начала кружить над домом Шолохова. Вираж, второй, третий... Все, кто был в доме, выскочили на крыльцо. Вышел и Михаил Александрович. Маленький самолет закачал крыльями и, сделав последний виток, круто ушел в синеву. Это бы прощальный автограф, оставленный Гагариным в донском небе.

Ю. А. Гагарину пришлось выступать перед писателями несколько раз. 12 апреля 1963 года (юбилейная для космонавтики дата) «Литературная Россия» напечатала гагаринское «Слово к писателям».

Той же весною произошла еще одна встреча с писателями — он, помню, покорил строгих, искушенных слушателей свежестью суждений, искренностью и смелостью ума, а еще тем, что горазд был на добрую лукавинку, на живейший юмор. Немногое удается извлечь мне из блокнота, но надеюсь, что и это немно-

гое поможет почувствовать, как свято относился Гагарин к писательскому делу:

— ...Я прекрасно понимаю, что вы пригласили меня сюда не для беседы о том, как писать книги. Сами знаете, что писателем мне не стать. Не та судьба... Да я и не променял бы свою профессию летчика на писательскую, хотя она и замечательна.

Нет. Но у нас с вами одна участь — езда в незнаемое, как это отлично сказал Маяковский...

...Поэзия нам необходима, как воздух, и в кабине звездолета Я вспоминаю книги Толстого, Горького, Пушкина, Маяковского, Островского, Шолохова и говорю: спасибо вам, мои любимые писатели, — первооткрыватели и учителя, наставники и товарищи! Спасибо вам за все — за вдохновение, за школу, за уроки жизни!

...Я знаю, наша молодежь хочет видеть в литературе героя, достойного подражания. Вот почему я обращаюсь к вам, дорогие писатели: покажите в своих произведениях человека нового времени таким, каков он есть, — сильным и гордым, умным и уверенным в своей благородной правоте, правоте нашего народа...

...Я уверен: для того чтобы видеть новое, надо много знать. Еще не потеряли ни для нас, космонавтов, ни для вас, писателей, своей остроты слова старого флотоводца адмирала Макарова: «Широта горизонта определяется высотою глаза наблюдателя». Отлично сказано, не правда ли?..

Гагарин делился с писателями, журналистами, артистами только тем, что сам так или иначе пережил, прочувствовал. Однажды, выступая перед сотрудниками редакции газеты «Известия», он сказал не без укоризны:

«...Пишется очень много статей, очерков о космическом полете. И все пишут обо мне. Читаешь такой материал, и неудобно становится. Неудобно потому, что выгляжу каким-то сверхидеальным человеком. Все у меня обязательно хорошо получается. А у меня, как и у других людей, много ошибок. Есть у меня и свои слабости. Не надо идеализировать человека. Надо брать его таким, как он есть в жизни. А то неприятно получается, как будто бы я такой паинька, такой хорошенький, что, простите меня за такое выражение, тошно становится».

В Смоленске, когда сидели в президиуме конференции, он шепнул, едва заметно, взглядом показывая на работника одной газеты. Тот как раз обозначил себя — встал и пошел к выходу.

— Не хотелось бы с ним еще встречаться. Суетливый какой-то. Все чего-то особое выуживает. В комсомольской работе смыслит мало, а пыжится. Все о пустяках, а связать не может.

ЧЛЕН ЦК В РАБОТЕ

Перо — лучший учитель, написанная речь лучше только продуманной.

Цицерон

Людмила Кондрашева очень взволновалась, когда почувствовала, что выступление Ю. А. Гагарина под угрозой срыва.

Он же, как мне показалось, ничуть не тревожился, сказал спокойно:

— Не бойся, Люда. Сейчас поработаем...

Снял китель, прошел по комнате, будто разминаясь, и добавил:

— Глаза боятся, руки делают.

С полчаса он сидел молча, продумывая план выступления, затем стал обговаривать некоторые факты и примеры из «местной жизни», которыми надеялся подкрепить, оживить свою речь.

Искушен ли был в такой работе, приходилось ли ему раньше набираться такого опыта? ...Книга Ю. А. Гагарина «Есть пламя» вышла уже после его смерти. Она издана в 1968 году, когда в благоговейную память о Гагарине решили собрать по газетам, журналам, архивам хотя бы часть им написанного и сказанного.

Прочитайте ее, горячо советую, если пока не довелось. В ней, помимо всего прочего, содержится ответ на вопрос, как становился космонавт комсомольским работником.

«Есть пламя» — сборник. Вот уж где поистине безграничным предстает мир увлеченного и добровольного стремления общаться с людьми. Книга открывается знаменитым на весь мир «Заявлением перед стартом», а заканчивается через двести страниц отрывком из «Психологии и космоса».

Сборник вобрал в себя 35 документов — статьи, очерки, интервью, выступления. Все это бесценные документы. В них отразились жизнь и раздумья целого поколения.

Пионер, комсомолец, коммунист...

Ленинский комсомол оказал Гагарину высшее доверие, избрав его членом ЦК. После космических перегрузок перегрузки новых обязанностей: доверие комсомола обязывало ко многому, и Гагарин хорошо понимал это.

Всего восемь лет ему было выделено жить в звании и в должности первого разведчика вселенной, то есть без малого всего-навсего 3 тысячи дней. Скупа слепая судьба. Но как же справедлива веками ограненная в мудрость народная поговорка «Паши не лениво, поживешь счастливо!».

И он пахал изо всех сил — нива широка была. Тут и партийные и государственные поручения... Делегат XXIII съезда КПСС, депутат Верховного Совета СССР, президент Общества советско-кубинской дружбы, один из руководителей федерации воднолыжного спорта, участник, почетный гость многих съездов, конференций, семинаров, фестивалей — встречи, выступления, поездки... Но главное в жизни — космос. Он не отпускал его ни на час. Связь с учеными и конструкторами, помощь новым экипажам, собственные тренажи, подготовка к новым полетам.. А еще — семья, малые дочурки, Гжатск, родители, друзья, к которым относился на редкость нежно и заботливо. А еще учеба, книги, театр, любимые водные лыжи, охота, хоккей, бильярд... Вряд ли перечислить все в увлеченной жизни Юрия Алексеевича. Жизнь он любил во всем, во всех ее больших и малых делах и радостях.

Комсомол благодарно относился к Ю. А. Гагарину за его полную отдачу делу воспитания молодежи.

Его имя занесено в книгу Почета ВЛКСМ. Если вчитаться в строки Почетных грамот, которыми он награжден, то они свидетельствуют, что отмечали его за полет, за подвиг, за проявленный героизм. Так, во всяком случае, было поначалу.

Но вот значок «За активную работу в комсомоле». Чаще всего, как известно, он вручается по решению Бюро ЦК ВЛКСМ комсомольским активистам и работникам. Самая высшая в комсомоле награда — «Почетный знак ВЛКСМ». В удостоверяющем его документе, выданном Юрию Гагарину, есть и такие слова: «...за большую плодотворную работу по коммунистическому воспитанию подрастающего поколения». Как члену ЦК Гагарину доверяли развитие связей с союзами молодежи других стран, несколько раз выезжал он за границу в составе комсомольских делегаций, стал участником Всемирного молодежного форума в Москве.

Быстро и цепко вбирал Гагарин опыт, систему и методику, всю стратегию комсомольской работы. Это особенно, как мне кажется, выразилось в его выступлениях в январе 1964 года на IV пленуме и в декабре следующего года на VIII пленуме ЦК ВЛКСМ.

Возможность убедиться в этом дает и сборник «Есть пламя», в который вошли выступления Ю. А. Гагарина перед комсомольским активом на всеармейском совещании, на Московской городской конференции, на трех пленумах ЦК ВЛКСМ и на XV съезде комсомола.

Но речь в Смоленске, так уж случилось, в этот сборник не вошла, к всесоюзному читателю не попала, в Москве нигде не перепечатывалась. Она не значится даже в справочных каталогах московских библиотек. В сокращенном виде ее прочитали лишь подписчики областной молодежной газеты.

Для того чтобы о ней рассказать в этом очерке, так сказать, обнародовать ее впервые за пределами Смоленской области, мне понадобилась помощь Л. Н. Кондрашевой: текст выступления Гагарина был вызволен из архивов обкома комсомола спустя десять с лишним лет... И сразу же вспомнился тот вечер в смоленской гостинице.

...Интересно было исподтишка подглядывать за Юрием Гагариным, как он работал: еще раз полистал текст отвергнутой речи, что-то отчеркнул в ней, затем покопался в бумагах, что принесла Кондрашева из обкома, достал из своей делегатской папки какую-то брошюру, тоже почиркал в ней, потом развернул газету — один номер, другой...

Полночь подступала.

Кондрашева:

— Пора бы и за работу...

Сошлись у стола.

Гагарин:

— Начали, начали... А может, мне, военному, надо бы меньше всего говорить о производственных делах? Об этом, пожалуй, другие скажут...

Кондрашева:

— Да разве вы не понимаете, что главная задача комсомола — приобщение к ударному труду!

Гагарин:

— А я и не спорю. Только это смотря с какой стороны подходить... — И тут же сказал мне повелительно: — Мы с Людой будем диктовать, ты — писарь и редактор! А когда начерно собьем — снова пройдемся по тексту.

НА ТРИБУНЕ

— Трудный вопрос: какое качество комсомольского вожака считать основным? Присмотришься — и то основное и это...

Но, пожалуй, основное качество выделить все же можно. Я имею в виду идейную убежденность, преданность не на словах, а на деле идеям Коммунистической партии.

Из ответов Ю. А. Гагарина на вопросы журнала «Комсомольская жизнь» в 1966 году. («Комсомольская жизнь», 1966, № 9)

Уже первые слова, произнесенные Ю. А. Гагариным с трибуны конференции, дали почувствовать, что вряд ли он будет во всем придерживаться того, что было написано предварительно.

«Важные и интересные вопросы поднимаются сегодня на нашей комсомольской конференции...»

Так и сказал — «нашей конференции». Случайно ли вырвалось, специально ли продумал, но только сразу же этим слил себя с залом, с земляками. Никакой теперь преграды, ничто не отделяло — ни всесветная слава, ни высокий ранг представителя ЦК ВЛКСМ, ни то, что годами был многих постарше.

На трибуне стоял опытный комсомольский наставник и такой же опытный оратор. Ему удалось вычленить и осмыслить то, чем жили делегаты, и воссоединить с тем, что сам собирался сказать.

Он отверг совет начать с разговора о производственных делах. Не захотел раскладывать по полочкам и не стал расчленять по разделам своего выступления элементы воспитательной работы, а объединил все составные.

«Этот вопрос поднимается не случайно. Не потому, что у нас плохая молодежь...»

Назвал несколько отличных в области молодых тружеников — доярку, токаря, агронома, железнодорожника. Назвал и школьника. Он тоже был известен из очерка областной газеты и хорошей учебой, и активными общественными делами. Член ЦК похвалил его первые самостоятельные шаги.

«Пятый пленум ЦК ВЛКСМ остро поставил вопрос об усилении воспитательной работы среди молодежи, о решительном преодолении догматизма и формализма в работе, об усилении нашего комсомольского влияния буквально на каждого юношу и девушку, и, как основа основ деятельности комсомола, — воспитание на боевых, революционных и трудовых традициях. ЦК ВЛКСМ рассматривал этот вопрос как средство для усиления патриотического воспитания, идейной закалки, убежденности молодого поколения нашей страны».

Запомнилось, что в этом месте он сделал паузу и спросил: «Чем это было вызвано?..» Помолчав, начал отвечать: «Выросло новое поколение молодых людей — более 70 миллионов человек родилось после 1945 года. Усилилась тяга молодежи к осмыслению революционного опыта старших поколений, желание обратиться к первоисточнику...»

«Вот и сегодня звучит в этом зале взволнованный разговор о том опыте, что накоплен на нашей смоленской земле... Знакомство с историей родного края, походы по местам боевой славы, комсомольские собрания, митинги, встречи, фестивали, проводы допризывников, трудовые праздники у мест боев, у памятников павшим героям. Музеи трудовой славы...»

Гагарин помолчал и, усилив голос, продолжил:

«Все это хорошо, но мы не имеем права недооценивать того, что живем не под стерильным колпаком... Успехи социализма, естественно, вызывают стремление буржуазных идеологов морально разоружить нас... Они стремятся разложить молодежь, лишить ее веры в будущее, подорвать веру в старшее поколение, оторвать от родной партии, спекулируя на наших трудностях и недостатках...»

ИЗ НАПИСАННОГО Ю. А. ГАГАРИНЫМ *. В Центральном архиве ВЛКСМ хранится его речь, которую он произнес всего за месяц до поездки в Смоленск, на VIII пленуме ЦК ВЛКСМ в декабре 1965 года... Вот несколько из нее извлечений: «...Есть еще один вопрос, на который нам, комсомольским работникам, следует обратить особое внимание. Борьба за мир, мирное сосуществование — один из важнейших вопросов внешней политики нашей партии. И все советские люди горячо поддерживают миролюбивую политику Советского правительства. Но иногда, пропагандируя мирное сосуществование, мы забываем о военно-патриотическом воспитании, о необходимости готовить молодежь к защите нашей Родины с оружием в руках.

Что греха таить, нет-нет да и услышишь от обывателя, что военные не нужны, армия не нужна, что в нее идут только те, кто не смог найти другого места, да и вообще, мол, войны не будет. А война между тем не только возможна, она ведется уже сейчас. Примером тому Вьетнам. Вы понимаете, я не за войну, но я за воспитание ненависти к агрессорам, к чуждому нам миру империализма и поработителей.

...Далеко не достаточно в этом направлении делается литературой и искусством. ...Разве можно так пошло, как это сделано в припеве одной песенки, говорить о светлой памяти тех, кто погиб на войне: «Мы войны, представь себе, не знали, как же мамину тревогу нам понять? Если мы с Наташей без вести пропали, значит, просто до утра пошли гулять!» ...Мы мало рассказываем молодежи о подвигах героев гражданской войны, о строителях первых пятилеток... Чем, например, можно объяснить, что фотографии популярных (да и непопулярных) артистов можно купить в любом киоске, а открытки с портретами героев найти невозможно?

...На мой взгляд, мы еще недостаточно воспитываем уважение к героическому прошлому, зачастую не думаем о сохранении памятников. В Москве была снята Триумфальная арка 1812 года **,

* Такие отступления, что пройдут по всей главке под этой рубрикой, позволят, надеюсь, расширить знание того, как связывал Ю. А. Гагарин свою комсомольскую работу со словом, с пером, и тем самым получше представить его талант общения с молодежью.

** Арку впоследствии бережно восстановили на Кутузовском проспекте неподалеку от памятника полководцу и музея «Бородинская панорама».

был разрушен храм Христа Спасителя, построенный на деньги, собранные по всей стране в честь победы над Наполеоном. Неужели название этого памятника затмило его патриотическую сущность?

...Вы скажете, что, мол, Гагарин раскритиковал всех, а есть ли у космонавтов свои традиции? Да, есть. Стало неписаным правилом, что перед полетом космонавт приходит на Красную площадь, к Мавзолею Ильича, и дает клятву выполнить порученное задание, чего бы это ему ни стоило... Традиционным стало и посещение родины Циолковского по возвращении из космоса. Не менее волнующая традиция — брать с собой в полет сувениры. Комсомольские значки, взятые с собой Б. Егоровым и В. Быковским, стали после полета лучшей наградой для комсомольцев. А Попович взял с собой портрет Владимира Ильича Ленина, В. Комаров — бант Парижской коммуны и вишневую ветку, подаренную ему пионерами города Ленина.

...Пусть же здравствуют старые традиции воинской славы! Пусть же создаются и входят в жизнь новые!..»

С трибуны Гагарин спросил:

«Означает ли задача усиления воспитательного влияния на молодежь, что мы должны отказаться от ее мобилизации на большие трудовые дела?»

Убежденно ответил:

«Нет, никакого крена здесь не должно быть. Нельзя отрывать идеологическое воспитание от трудового воспитания. Да это и неразрывно. Этому учил нас Ленин — «Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящим коммунистом». Именно такое воспитание советских людей и есть главное в нашей работе».

Свой среди своих... Иначе его и нельзя было воспринимать в те минуты. Вроде бы неказисто выглядел — роста, как известно, небольшого, жестами не баловал, значимости на себя не напускал, от игривости или там нарочитой простецкости тоже по натуре своей далек. И тем не менее всем и во всем свой.

Однажды у него спросили: «В какой аудитории вы себя чувствуете лучше всех?» Ответил: «Прежде всего в своем коллективе. Очень хорошо — среди людей примерно одного возраста, когда чувствуется отличное взаимопонимание, большая дружба. В молодежном, в комсомольском коллективе...»

Он с удовольствием — это в тот момент по всему его облику чувствовалось — взялся перечислять — в поощрение, в поддержку, в одобрение! — ударные трудовые дела и почины смоленских комсомольцев. Закончил перечисление приподнято, торжественно, что в выступлениях, как припоминается, никогда в общем-то не было свойственно ему, знать, выбрал особо дорогую для себя мысль и потому сделал ее призывным лозунгом: «Дети достойно продолжают традиции дедов и отцов!»

ИЗ НАПИСАННОГО Ю. А. ГАГАРИНЫМ. 1 мая 1961 года. «Комсомольская правда» опубликовала: «...Самое большое счастье я испытал от доверия, которое чувствовал всем сердцем, — доверия моей партии, моего народа. С самых ранних лет советскому человеку прививаются высокие идеалы, благородные стремления... Все это и дает нам могучую силу духа. В нашей повседнев-

ной жизни мы часто сами не замечаем, как приходит и накапливается такая сила. Но вот наступает день, и она вырывается наружу. Наверное, так случилось и со мной (подразумевался космический полет. — **В. О.**). Наверное, то же самое испытывали герои Великой Отечественной войны, наверное, то же самое чувствовали сотни тысяч комсомольцев-добровольцев, отправлявшихся на освоение целины, на строительство новых заводов, фабрик и городов на востоке нашей страны.

Быть полезным Родине, народу — это большое счастье».

С трибуны областной комсомольской конференции Юрий Гагарин, помню, с присущей ему откровенностью сказал и о многих недостатках в работе земляков.

«Нам нужно лучше заботиться об условиях жизни и труда молодежи. Большая, как узнал, проблема Смоленской области — это молодые кадры в сельском хозяйстве, это закрепление молодежи в деревне. Решение этой проблемы должно стать одним из главных направлений в работе областной комсомольской организации... Я много слышал о колхозе имени Ленина Починковского района. Отсюда не уезжает молодежь. Здесь высокий заработок, здесь помогают учиться и получать хорошие профессии. Председатель колхоза Сергей Иванович Базунов не забыл и об отдыхе ребят и девчат. Построили клуб и школу, спортзал и столовую. Создали музей колхозной славы. Возвели памятник героям-колхозникам, павшим за Родину.

Сергей Иванович по-отцовски, сердечно заботится о жизни, работе, учебе, отдыхе каждого молодого колхозника. Недаром и трудятся они хорошо, здорово».

Как бы нечаянно, ненароком вырвалось у него «здорово», словцо в общем-то не для официальных речей. А вышло тепло, доверительно.

«Вот так воспитывают здесь настоящих патриотов. Это, без преувеличения говоря, университет опыта работы с молодежью для каждого из нас, комсомольских активистов и работников».

Обратим внимание на то, что фразы «нас, комсомольских» не имелось в тексте выступления. На трибуне она родилась, и делегаты сразу же убедились, что Ю. А. Гагарина пригласили к ним не только как космонавта. Духом и буквой своего выступления он уравнял их и себя общностью забот, прав, обязанностей и планов. Он выступал на равных... Потому без напрасных обид восприняли делегаты конференции критику...

«Не могу не сказать о работе с младшей нашей сменой. К сожалению, комсомольцы совхозов, строек, заводов мало еще уделяют внимания пионерам. Их шефство над школами часто носит формальный характер.

Не представляю себе, как пионеры могут вырасти без всего того, что дает военно-патриотическое воспитание. Но, как узнал, в большинстве школ эта работа ведется бессистемно, от случая к случаю. Почему же слабо используются богатые возможности нашего героического Смоленского края?!»

Чтобы последующее понялось, необходимо, думаю, пояснение: на утреннем заседании выступила пионервожатая с непривычной, пожалуй, темой — как не самым лучшим образом сказывается на мальчишках то, что к работе с ними привлекаются по большей части девушки. «И учителей-мужчин стало меньше», — с огорче-

нием добавила она. Ему, выходит, запомнилось это встревоженное выступление. Гагарин поддержал пионервожатую и добавил от себя: «Многие забыли или не представляют себе, что значит для ребят, для пионеров военный человек. Он во всем пример для мальчишек. Надо, чтобы военные люди постоянно встречались с ребятами, надо знакомить их с боевой техникой... Как же расти мальчишке без мужского влияния, без общения с людьми сильными и мужественными!»

В перерыве, когда его, как всегда, окружили делегаты, продолжил:

— Вы поговорите с людьми моего возраста! Они вам все точно скажут, что значили в нашем детстве Чапаев, Чкалов, Карацупа со своим Индусом, Покрышкин... В каждом дворе играли в игры, подражая героям. Но мы героев видели только в кино, а теперь рядом столько заслуженных ветеранов... Жалко, что они не всегда ордена и медали носят. Сколько эти старики повидали!.. Есть что рассказать им!.. — Выступая, он не стеснялся приводить острые, даже язвительные примеры: «Я не открою секрета, если еще раз скажу, что нам нужно научиться работать не вообще, а конкретно с каждой категорией молодежи — возрастной, профессиональной, социальной. Но разве это не смешно, когда одну семнадцатилетнюю первокурсницу из пединститута, такую хрупкую девушку, прикрепили к хулиганствующему лоботрясу, над год старше ее? Да еще посоветовали ей — ходи с ним в кино, на танцы и вообще как можно больше будь с ним, влияй на него, мол, денно и нощно. А у нее довольно ревнивый друг, ему тоже хочется ходить с ней в кино и на танцы».

ИЗ НАПИСАННОГО Ю. А. ГАГАРИНЫМ. В одной из своих статей делился: «Вот уже прошло столько лет, а в памяти до мельчайшего штриха сохранилась запечатленная мальчишескими глазами картина. Это было на Люберецком заводе сельскохозяйственных машин, где я практиковался, занимаясь в ремесленном училище.

Рабочие пригласили и нас, подростков, то ли на торжественное собрание, то ли на конференцию... Но сильнее речей нас взволновало, если не сказать потрясло, пение в конце... Рабочие пели гимн партии «Интернационал». Перед моими глазами до сих пор стоит рослый, с жесткими, впроседь усами и крупными, жилистыми руками рабочий... Пел он, может быть, не очень искусно, но с какой торжественностью, неповторимой душевной страстью произносил слова «Мы наш, мы новый мир построим...»!

...Я будто новыми глазами взглянул тогда и на завод, и на училище, и на литейный цех, а главное — на людей, наших старших товарищей. Того дядьку-усача, как называли его ребята меж собой, мы часто встречали в цехе и здоровались. Он отвечал: «Здравствуйте, рабочий класс!»

...Сейчас это может показаться смешным, наивным, но тогда мы, как медали, носили пятна и окалину на комбинезонах, а вернувшись с работы, не спешили умываться: боялись, как бы кто не сказал, что в цехе не были. Уж очень нам хотелось быть настоящими литейщиками, походить на заправских рабочих.

...И до полета и после возвращения из космоса мне довелось быть там, где строят космические корабли. Встречался с инженерами, с рабочими. Один из них как-то сказал: «Вы, ребята, хоть

и высоко летаете, не отрывайтесь от нас. Корень ваш тут, на земле, в трудовом народе».

...И сейчас, спустя много лет, чувствую ясно и осознанно: первую моральную и трудовую закалку мне дали рабочий класс, коммунисты. Первыми моими учителями были те, чьими руками создаются материальные ценности человеческого бытия. С той училищной поры у меня сложилось твердое убеждение, что именно он, человек труда, создатель и властитель всех земных богатств, способен творить чудеса, переделывать мир, ковать счастье».

К концу шло выступление. Теперь он обращался к комсомольскому, так выразился, командованию, к активу:

«Успех всей деятельности комсомола по коммунистическому воспитанию молодежи в решающей степени определяется боевитостью, организационной крепостью и сплоченностью каждой комсомольской организации, каждой комсомольской группы.

Они обязаны повышать ответственность любого комсомольца за высокое звание члена Ленинского Коммунистического Союза Молодежи — наследника и продолжателя великих традиций Коммунистической партии».

Член ЦК не общим указанием ограничился — нашлось уточнение: «Для того, чтобы решать эти задачи непосредственно в группах и первичных организациях, необходимы опытные, подготовленные кадры...»

Уйму, понятно, советов смог бы высказать по такой теме Ю. А. Гагарин. Но удержался от неизбежной в перечислении скороговорки, сосредоточив внимание делегатов на одном — как райкомы, горкомы и обком учат свой актив.

ИЗ НАПИСАННОГО Ю. А. ГАГАРИНЫМ. Из книги «Есть пламя» можно узнать, что член ЦК ВЛКСМ Ю. А. Гагарин не раз в своих статьях или выступлениях пытался высказать, каким он видит комсомольского активиста и работника. Писал об этом с глубоким проникновением в сущность — сам был членом комсомольского бюро в военном училище и затем уже в полку — заместителем секретаря. Вот выдержки из двух его публикаций.

«Многое нужно знать комсомольскому вожаку. Многие черты характера необходимо воспитывать в себе. Надо не только хотеть быть лучшим из лучших, но и суметь быть таковым. Надо помнить, что комсорг — это политический руководитель молодежи, что по его поступкам, по его работе молодежь судит обо всей деятельности комсомольских вожаков, комсомола в целом.

...Равняться любому комсомольцу и комсомольскому вожаку надо на коммунистов, на старших товарищей. Именно у них, прошедших более серьезные и суровые испытания, чем те, что выпали сегодня на долю молодежи, комсомольцы должны учиться убежденности и стойкости.

...Мне кажется, что наше время требует от настоящего комсомольского вожака сплава душевной чуткости, отзывчивости с высокими организаторскими способностями. Разделить с человеком радость, ободрить в трудную минуту, но в организаторской работе быть справедливо требовательным и волевым, способным решать любой поставленный вопрос, вовлекая всех комсомольцев в большие и малые дела». Это из ответа на анкету «Говорят делегаты XXIII съезда КПСС, опубликованную в журнале «Комсомольская жизнь».

«Именно так растут на родной Смоленщине (слово это он произнес нараспев) достойные продолжатели лучших традиций самых разных поколений. От тех, кто устанавливал у нас Советскую власть, защищал Смоленск в Великую Отечественную войну, восстановил область после войны, до тех, кто сейчас вот отлично трудится».

«Дети достойно продолжают традиции дедов и отцов!»

Свою речь на смоленской конференции Ю. А. Гагарин закончил так:

«И я, ваш земляк, уверен, что с задачами, которые поставлены перед вами, справитесь. Позвольте пожелать вам и в будущем больших достижений в развитии промышленности и сельского хозяйства, комсомольской боевитости, целеустремленности, принципиальности в работе, чтобы в ваших сердцах всегда ярко горел комсомольский огонек».

В стенограмме пометка: «Бурные аплодисменты».

Он было вышел из-за трибуны, но из президиума поспешили передать записки. Гагарин пробежал по ним взглядом...

«Тут товарищи просят рассказать о моих планах по части космических полетов и поподробнее...»

Было бы просто невероятным, если бы записки такие не поступили. Делегатам показалось странным, что о своем родном деле космонавт даже не упомянул.

Поразительно любопытна неисправленная, подлинная стенограмма ответа — хорошо же, что она сохранилась: передала речь Гагарина со всеми ее паузами, сбивчивостью...

«Я думаю, что... я не могу задерживать очень долго внимание, потому что комсомольская конференция... Я тоже комсомолец — член ЦК комсомола. Поэтому хочу соблюсти комсомольскую дисциплину... Но все-таки скажу... И я, и все наши товарищи, которые побывали в космических полетах, которые еще не были там, готовятся к предстоящим стартам. И будем летать... будем хорошо летать».

Последний раз он писал или говорил о своем отношении к космосу, вообще о космических делах 18 января 1966 года. Это мне нетрудно было узнать — полистал центральные газеты. Тот день — день прощания с С. П. Королевым. В выступлении на панихиде угадывалась вера, что тяжкая утрата ничего не остановит. Гагарин прямо сказал об этом и спустя пять дней в Смоленске. Слова были пророческими — в день открытия комсомольской конференции газеты и радио сообщили о запуске «Космоса-105». Никто особенно эту весть не обсуждал — стало привычным...

НА ЗЕМЛЕ ДЕТСТВА

Смоленские все такие —
въедливые, настырные,
к делу прикипают...
Юра тоже наш, смоленский.

Скульптор С. Т. Коненков

Первый после конференции день выпал на воскресенье. Хозяева предложили отдохнуть — поехать за город, на рыбалку.

...Когда вошли в избу, рыбаки придирчиво оглядели шинель

и полковничью папаху главного своего гостя. В их глазах нетрудно было углядеть и упрек и заботу — мол, хоть и важна на вид, да уши не прикрыть, не по нашему морозу... Они пошептались между собой и, как ни отказывался Гагарин, настояли на том, чтобы он переоделся.

Нарядили его рыбаки как раз к рыбалке — в валенки, в просторный овчиной вовнутрь черный полушубок и в невзрачную на вид шапку-ушанку. Она сползала Гагарину на брови, была велика, но он похохатывал от удовольствия.

Рыбаки поторапливали — зимний день, известно, короток. По команде заспешили гурьбой из избы на крыльцо, а затем к недалекому озеру. Однако, как я заметил, уха и без рыбалки уже поспевала — запашисто потянуло из каморки-кухни, куда нечаянно дверь приоткрылась.

Шли, подрастянувшись, цепочкой. Вдруг Гагарин дернул меня за рукав, подмигнул в расчете, что тайный его заговор пойму. Мы пропустили рыбаков, как будто нечаянно приостановившись, с протоптанной дорожки свернули в лес, но так незаметно, что никто даже не обернулся.

Остались с Гагариным вдвоем, и я уже втайне решил было воспользоваться этой счастливой возможностью порасспрашивать поподробней космонавта про жизнь, про полет...

Но беседы не получилось, уже первый мой вопрос Гагарин оставил без внимания, как бы давая этим понять, что не затем в лес мы свернули, чтобы интервью заниматься.

— Вот бы моих сюда! — мечтательно сказал Гагарин. — Ленку и Галю...

Как-то Валентина Ивановна Гагарина доверила почитать в ЦК ВЛКСМ одному другу своей осиротелой семьи небольшое сочиненьице старшей дочери. Оно писалось, когда учительница задала всему классу тему «Расскажи о своем папе».

Потом сочинение попало в «Молодую гвардию», его напечатали в сборнике-реквиеме космонавту. Книгу назвали «Жизнь — прекрасное мгновение».

Книга издана в 1974 году, и тираж ее не особенно велик. Вот и пусть, подумалось, узнают о сочинении новые читатели. Вспомнил о нем, когда всплыла в сознании наша прогулка с Гагариным по зимнему смоленскому лесу.

«Я была совсем маленькой и вдруг осталась одна. Без папы и мамы. С тетей Марусей. Лену взяли с собой к морю, а меня побоялись взять. Уж очень там было жарко. Я обиделась. А папа и мама тоже скучали без меня.

Ночью папа прилетел домой. Я так и бросилась к нему, схватила его за руку и не отпускала, хотя папа объяснил мне, что прилетел за мной. Я так и проспала всю ночь, держалась за папину руку.

А потом мы прилетели к маме и Лене. Нам было очень весело. Мы с папой плавали до буйка. Я плавать не умела, а сидела у папы на спине и держалась за его шею. Мы так шалили, что мама сердилась на нас. Но я все равно не отходила от папы. За это он звал меня «прилипалой».

...К ухе не опоздали, подъехали на розвальнях. Тайная, хотя, кажется, совсем недолгая наша отлучка, конечно, встревожила

рыбаков. Обрадовались, увидев Гагарина. Я смотрел на Юрия Алексеевича, расслабленного, отдыхающего, и почему-то опять мысленно возвращался в номер смоленской гостиницы.

Как трудно давалась ему концовка выступления! Еще одна страничка ушла, как он пошутил, в невесомость. Гагарин отвергал один вариант за другим, добиваясь наибольшей четкости и ясности мысли. А время позднее, за полночь уже. Поустали мы все. И вдруг Гагарин резко встал, улыбнулся и начал рассказывать, как после полета он ездил в Оренбург, в город, который дал ему «и семью, и власть над самолетом».

Кстати сказать, самолет, на котором обучался летному мастерству Ю. А. Гагарин, ныне стоит на пьедестале у входа в Оренбургское высшее военное авиационное училище имени Полбина. При училище открыт музей космонавтики, действует школа юных космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

Не раз, бывая в Оренбурге, Гагарин заходил в гости к курсантам этой славной школы, и они встречали его не только как первого в мире космонавта, но и как духовного наставника, мужественного летчика, прекрасного спортсмена и веселого рассказчика.

— И представьте себе, Люда. В Оренбурге я обычно выступал без долгой предварительной подготовки, — вспоминал Ю. А. Гагарин. — Как-то проще, сердечнее получалось...

— Но в Оренбург-то вы ездили просто в гости, наверное. А тут вы по заданию ЦК комсомола, ответственное поручение выполняете! — строго вела свою линию Людмила Кондрашева.

— Все, все, сдаюсь, Люда... Продолжаем работу, — с озорной улыбкой сказал Гагарин и снова послушно сел за бумаги. И снова по листку побежали строчки:

«Отрадно, что в работе по организации учебы различных категорий секретарей и групкомсоргов у вас имеется определенный опыт. Как знаю, постоянно занимается этим Смоленский горком ВЛКСМ. Не случайно, что школы групкомсоргов на предприятиях получили постоянную прописку. И если в прошлом году их было только 10, то сейчас работает уже 23 школы. Однако нельзя допустить, чтобы учеба превращалась в формалистику. Ведь такое еще случается...»

Члена ЦК ВЛКСМ Ю. А. Гагарина слышали и слушали тысячи молодых, жадно впитывающих его ровный голос девчат и ребят. Все, все вызывало в них влюбленное и горделивое восхищение оратором. И внешнее обаяние, и простота поведения, и мудрость опыта жизни...

Они знали, как много повидал и испытал Гагарин за короткую свою жизнь. Трудное, полное лишений и невзгод оккупации детство. Затем ремесленное училище, потом летное училище, а далее Военно-воздушная инженерная академия... Курсант досаафовского аэроклуба и полковник авиации... Работа в цехе с расплавленной сталью и та самая — в последний для него миг! — вспышка огня трагическим мартовским утром спустя 34 года и 17 дней после рождения...

Поутру на вокзале, когда провожали в Москву, Гагарин, окруженный со всех сторон комсомольцами-делегатами, разыскал в толпе взглядом Людмилу Кондрашеву, кивнул, подозвал и спросил:

— Как вышло выступление? Не подвел?

После конференции прошло два дня, а он все, оказывается, беспокоился.

30 января «Комсомольская правда» на первой странице напечатала отчет о смоленской конференции. Необычным он был — беседа с Ю. А. Гагариным:

— Юрий Алексеевич, вы гость смолян...

— Не совсем так. Я сам из Смоленска. На родине я не чувствую себя гостем... Да и на конференции меня втянули в работу.

— Понравилась ли вам конференция? Какие качества земляков-комсомольцев вас особенно радуют?

— Ход конференции был лишен той парадности, которая еще почему-то порой считается у нас показателем хорошего тона. Обстановка была такая, что хотелось работать. Мне как бы по-свойски сказали: «Давай, Юра, подключайся!» Меня затронул за живое тот серьезный разговор, который вели ребята нетрескуче, не выпаливая заученные речи о процентах и надоях... Меня радует их удивительно трогательная и глубокая любовь к своему краю, гордость за героическое прошлое и настоящее Смоленщины. Земляки, с которыми я встречался в эти дни, четко видят цель в жизни, не хлюпают и не брюзжат.

— Что наиболее интересно, на ваш взгляд, в деятельности смоленских комсомольцев?

— На этот вопрос в двух словах не ответить... Но мне кажется, что сама история смоленской земли, история вековой борьбы с врагами Отечества, определяет стержень всей комсомольской работы — воспитание на традициях отцов и дедов. Смоляне испокон веков были ратоборцами, защитниками Руси. Смоленск называют городом-крепостью. По старой Смоленской дороге бежала наполеоновская армия, бежали разбитые под Москвой дивизии Гитлера. Молодые смоляне любят свой край, изучают его историю. Не только, конечно, военную. Но мне, офицеру, особенно по душе внимание комсомольских организаций именно к армии, к истории, связанной с ратными подвигами земляков... Конференция обсудила и решила много важных вопросов комсомольской жизни. Острая критика, я думаю, поможет обкому ВЛКСМ избавиться от недостатков. Да и не только обкому. В жизни каждого комсомольца областная конференция оставит ощутимый след.

Эхом далеких шестидесятых годов остались некоторые подробности этой, если можно так сказать, сугубо профессиональной работы члена ЦК ВЛКСМ Ю. А. Гагарина и его выступления перед комсомольцами Смоленщины. Это — память, а память — знание. Совсем не зря живет столетия доброе русское присловье: «По старой памяти что по грамоте».

●

ПОЭЗИЯ

Космонавтика — величайшее достижение человеческого разума, мирного созидательного труда, гордость XX века. XX век и Байконур неотделимы, потому что в мировую летопись великих подвигов навечно вписаны имена наших соотечественников — первопроходцев космоса — Королева, Келдыша, Гагарина, а до них — Кибальчича и Циолковского.

Как Млечный Путь состоит из множества звездных скоплений, так и дорога в космос — это лаборатории, цехи и испытательные стенды, бессонные смены ученых, конструкторов, монтажников, врачей, космонавтов... Вот об этом — о волнующем и сложном, победном и драматическом освоении космоса — стихи Анатолия Щербакова. Они написаны не просто талантливым поэтом, а человеком, причастным к событиям, возвестившим начало космической эры.

Герман ТИТОВ,
летчик-космонавт СССР

Анатолий ЩЕРБАКОВ

БАЙКОНУР, XX ВЕК

ПЕРВЫЙ НЕБОЖИТЕЛЬ

Слыхать одно лишь имя:
«Юра!..»
А время медленно течет...
Табло на пультах Байконура
Ведут минутам точный счет.

Такого звездного свершенья
Еще не знали мы!..
«Ура-а-а!..» —
Кричат у станции слеженья
Дел космодромных мастера.

«Порядок!» —
Техник белокурый
Итожит труд друзей баском...
А журавли
Над степью бурой
Плывут на север косяком.

Страна гордится небожителем,
Шагнувшим в космос
От Кремля,
А испытатель,
Ставший зрителем,
Мнет тонкий стебель ковыля.

К ПЛАНЕТАМ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Нам по душе озерной сини небо
И облака как шапки дальних гор.
Когда-то жили —
Было б вдоволь хлеба!
Теперь нам нужен
Солнечный простор...
Вновь корабли летят по траектории,
И веса стали я ищу слова.
В стремительной космической истории
Полет «Салюта» —
Новая глава!
Ему орбита выпала крутая.
В колодце старта плавя кирпичи,
Гудит огонь.
В межзвездье улетая,
Корабль, как солнце, светится в ночи.
Кто был на старте,
Кто в монтажном зале...
Но каждый помнит тот громовый звук,

Когда корабль из жаропрочной стали
От космодрома
Оторвался вдруг.
Стоят в степи ребята холостые,
И говорят о них:
«Творцы ракет!»
Их называют гордостью России,
А им, глядишь, всего по двадцать лет.
Вновь провода в приборах, словно нервы,
Бесперебойно пропускают ток.
И предскажи поди,
Кто самый первый
Вокруг Венеры
Совершит виток.
Уже пути намечены в пунктире,
И, тяготеньям всем наперекор,
У космонавта
В городской квартире
Дохнуло ветром с марсианских гор.

* * *

Как воспеть напряжение
Звездной работы!
...На рассвете
Монтажники входят в пролеты.
На платформах-катках
В испытательном зале
Чудо-стрелы лежат
Из титана и стали!
Продолжается в цехе
Монтажном работа.
Инженеры толпятся
Вокруг звездолета.
Труд конструкторов —
Поиск, талант и терпенье.
Окрыляет механиков
Звездное рвенье.
Точно в срок
Завершили они испытанье.
Получил экипаж звездолета
Заданье...
Вот корабль на платформе

Увозят из цеха,
Мастера космонавтам
Желают успеха.
Ветер пылью швыряет
И кварцем колючим.
Проплывают по рельсам
Цистерны с горючим.
А вверху, у антенн,
На монтажных площадках
Инженеры, рабочие —
В белых перчатках.
...Озарен небосклон,
Как пожаром, закатом.
Ярко рдеет звезда —
Мироздания атом.
Операторы Центра —
У телеэкрана.
Доложил, что готов,
Экипаж звездоплана.
Покоряли отцы
Океаны и горы.
Сыновья покоряют
Вселенной просторы.
Низвергает ракета
Сноп пламени ало,
Будто солнце второе,
Она засияла.
Те, кто в космос влюблен,
Те, кто знал Королева,
Обращаются памятью
К Главному снова.
Стартом в звездную высь —
Как полетам в грядущее —
Отдают вдохновение
Следом идущие.

Егор ИВАНОВ
НЕГРОМКИЙ ВЫСТРЕЛ
Роман-хроника

КНИГА ВТОРАЯ

ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

ПРОЛОГ

Куранты на колокольне собора святых апостолов Петра и Павла отзванивали такты гимна «Коль славен» в первые дни 1914 года так же уныло, как и все полтораста лет своего существования. Северному «Городу святого Петра» — Санкт-Питер-бурху, Санкт-Петербургу — оставались последние полгода мирной жизни под сенью крыл двуглавого орла.

Поднятая по воле Петра Великого из ржавых болот, столица утвердилась гранитами дворцов и набережных, перетянула жгутами мостов артерии рек и каналов, широко раскинула во все стороны черные линии железных дорог, серые ленты шоссе, тонкие проволоки телеграфа.

Кости сотен тысяч «мужичков» и «работных людишек», сраженных болотной лихорадкой, холодом, голодом и нищетой, словно гати, стали фундаментом для дворцов, банков, страховых обществ и промышленных компаний. Распахнутыми пастями банковских сейфов всосал Петербург перелитый в золото трудовой пот наемных рабов и слезы обездоленных всей империи. Тысячами зримых и невидимых нитей связал он себя с финансовыми, промышленными и политическими центрами Европы — Парижем, Лондоном, Берлином.

Там, где Александр Невский отстоял русскую землю от захватчиков-шведов, там, куда пытался ступить Иван Грозный, да оскользнулся, толкаемый соседями, за спинами которых маячила фигура коварного Альбиона, выросла новая метрополия. К ней долго не могла привыкнуть Россия, ибо Петербург был только маленькой холодной головой огромной империи, но не ее сердцем.

Талант великих зодчих, сияние гениев русской культуры, творивших архитектуру, музыку, литературу и науку на берегах Невы, придали большому красивому телу столицы трепетание жизни и души.

Гнет самодержавия, крепостничество и леденящая чи-

Первая книга романа Егора Иванова «Негромкий выстрел» опубликована в № 12 журнала «Молодая гвардия» за 1977 год.

повная мертвечина сделали Санкт-Петербург исчадием зла. Пожар пугачевского восстания, свободомыслие Радищева и каре полков на Сенатской площади 14 декабря 1825 года были ему ответами. Святая ненависть к казенному Петербургу вспыхивала огнем от выстрела на Черной речке февральским утром 1837 года, звенела набатом герценовского «Колокола», гремела взрывом Степана Халтурина.

Стремительное развитие капитализма в евроазиатской империи, и прежде всего в ее столице, превратило Петербург в арену борьбы, в которой рос, развивался и мужал пролетариат. Как полярный империализму самодержавного Петербурга здесь начался и стал бурно протекать процесс соединения научного социализма с российским рабочим движением. Молодой Ульянов противопоставил силам зла гений революционера. Ленинский петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», а затем Российская социал-демократическая рабочая партия, партия большевиков, во главе которой встал Ленин, пошли на штурм старого мира.

...После грозного вала революции 1905 года истекло не так много невской воды. В начале 1914-го Санкт-Петербург был вновь чреват революцией. Забастовки рабочих сотрясали столицу. Грозно гудели рабочие окраины Питера. Большевики готовили рабочий класс к решительному бою с капитализмом.

Буржуазия тоже готовилась. Банкиры и фабриканты, купцы и промышленники ждали момента, чтобы разделить власть с самодержавием, а может быть, и выхватить ее целиком из рук царя. Рябушинские, путиловы, коноваловы и терещенки готовились к решающим схваткам и со своим главным противником — пролетариатом. Они надеялись задушить рабочее недовольство костлявой рукой голода, забить его нагайками казаков и полиции, расстрелять пулями из солдатских винтовок.

Петербург был наполнен до краев самодовольством и ненавистью, богатством и нищетой.

Когда в клубах тумана или потоках дождя колыхались линии улиц и вертикали домов города святого Петра, казалось, что шевелятся в болотных трясинах, ворочая фундаменты, те загубленные его строители, которые отдали Петербургу свой труд и самую жизнь. Гнев народа сотрясал столицу, словно землетрясение перед извержением вулкана.

Часы на колокольне Петропавловского собора уныло отзванивали над Санкт-Петербургом такты гимна «Коль славен»...

ПЕТЕРБУРГ, ЯНВАРЬ 1914 ГОДА

По заснеженному Большому проспекту, насквозь продуваемому колючей поземкой с Финского залива, Анастасия спешила к шестому номеру трамвая, что останавливается у Николаевского моста.

Стоять на ветру почти не пришлось. Подошел новый, блестевший красными лакированными боками вагон с прицепом, и Настя легко поднялась на три высокие ступеньки.

Трамвай катил по знакомому маршруту, которым она всегда в дурную или холодную погоду добиралсь до консерватории. Анастасия почти не чувствовала минувшей осенью и нынешней зимой непогоды и холодов. После того как Алексей на Стрелке Елагина острова признался ей в любви и просил ее руки, Настя не могла найти покоя. Много ночей она провела без сна, до головной боли задумывалась о своей судьбе, порывалась все рассказать маме, но останавливала себя, зная наперед, что суровые и трезвые родители будут против неравного, как они сочтут, брака дочери фабричного машиниста с полковником Генерального штаба.

Мерное покачивание трамвая, неспешная праздничная манера вагоновожатого подолгу стоять на остановках, редкое треньканье звонков и замерзшие окна располагали к размышлениям. Настя вспомнила, как в такой же морозный зимний день она впервые увидела в Михайловском манеже лихого гусара на красивой лошади. Вспомнила, как поразила тогда всех его смелость и находчивость у самого опасного барьера.

Взгляд, который гусар после этого бросил на трибуны, встретился с глазами Анастасии.

Победитель конкур-иппика долго не мог найти Настю, и только случай снова свел их. Но образ гусара, смелого, решительного, красивого былинной доброй красотой, сразу разбередил девичье сердце.

«Как жаль, что он стал теперь полковником Генерального штаба! — подумалось Анастасии. — Мама, наверное, легче смирилась бы с женихом — провинциальным гусарским ротмистром, чем с нынешним петербургским офицером...»

Вагон сделал остановку на Театральной площади и покатил по улице Глинки. Услышав объявление кондуктора, Настя дернулась по привычке, намереваясь выйти у консерватории, но вспомнила, что сегодня ей надо ехать дальше. Ход мыслей сразу стал тревожным и беспокойным.

Причина на то была. Анастасия давно, с самого первого года учебы в консерватории, симпатизировала революционерам — социал-демократам и особенно большевистскому их направлению. Девушка выполняла несложные поручения партийных товарищей, принимала участие в сходках, маевках, читала нелегальные газеты и брошюры... Теперь она ехала по вызову руководителя одной из подпольных большевистских организаций Василия на квартиру, где он жил по чужому паспорту. Насте доверили небольшой транспорт нелегальной литературы, который прибыл из-за границы через Финляндию.

Уже несколько раз Анастасия получала на хранение и для последующей передачи товарищам по особому паролю стопки партийных книг и брошюр, за одно только чтение которых по законам империи полагалось несколько лет тюрьмы. Настя прекрасно представляла себе, что если охранке станет известно место хранения этого «взрывчатого» материала, то опасность угрожает не только ей, но и отцу.

Анастасия хорошо знала, что отец, справедливый и честный человек, хороший механик, не симпатизировал бунтам и беспорядкам. Но он никогда не был штрейкбрехером и не единожды бросал работу вместе с забастовщиками, когда рабочие выступали по призыву стачечного комитета.

На всякий случай девушка не рассказывала отцу о том, что частенько на дне ее сундучка, под аккуратно сложенным бельем хранится нелегальщина. Она это делала вовсе не потому, что не доверяла ему, а оттого, что в случае обыска и ареста собиралась принять всю вину только на себя и умолить жандармов не забирать еще и отца от матери.

Иногда Настя понимала, что рассуждает наивно, что злобные ищейки из охранки все равно никаких объяснений не пожелают слушать... Но девушка смело шла навстречу опасности и всегда просила Василия дать ей поручение посложнее, лишь бы скорее совершилась революция. Видя ее нетерпение и горячность, молодой задор

и храбрость, товарищи по организации большевиков только посмеивались, но трудных и опасных дел не поручали, оберегая Настю и исподволь обучая ее приемам конспирации...

Трамвай прогромыхал по мосту через Екатерининский канал, и мысли Анастасии переключились на новый предмет.

Как отнесутся к ее замужеству товарищи по партийному кружку, друзья по рабочим и студенческим сходкам? Не сочтут ли ее свадьбу с полковником изменой революции, которой они все посвятили себя? Не оценят ли начало ее семейной жизни как желание уйти от полной опасностей и борьбы судьбы революционера в мир буржуазных удобств и обеспеченного существования?.. Когда гремела революция 1905 года, на фабрику хозяин вызывал эскадрон кавалергардов для наведения порядка. Командир расположился в конторе как у себя дома, а гвардейцы перепороли шомполами всех, кого фабрикант назвал причастными к стачечному комитету... А теперь она любит офицера, полковника!.. Может быть, и он был карателем? Нет! Нет! Он не мог! Он никогда не говорил об этом, и не может этого быть! А что, если товарищи будут о нем так думать?! Надо непременно выяснить у Алексея, что он делал в те годы... Ах да! Кажется, он что-то говорил... Слава богу, он проходил тогда курс в Академии Генерального штаба! Конечно, он никак не мог участвовать в расправах армии с рабочими и крестьянами... Он не такой человек!..

ПЕТЕРБУРГ, ЯНВАРЬ 1914 ГОДА

Льдистый рассвет крещенского дня застал Генерального штаба полковника Алексея Соколова уже на пути в Зимний дворец. Третий год подряд государь император Николай Александрович во избежание летней эпидемии холеры повелевал устраивать Иордань на Неве, напротив Зимнего, с крестным ходом, освящением знамен гвардейских частей и парадным завтраком в Помпеевской галерее и Малахитовом зале для приглашенных господ офицеров, сановников империи и дипломатического корпуса.

Соколову, в обязанности которого по службе в отделе генерал-квартирмейстера Генерального штаба входили контакты с иностранными военными агентами при императорском дворе, надобно было чуть раньше всех осталь-

ных гостей прибыть во дворец, дабы сверить с церемониймейстером порядок расстановки его подопечных в Пикетном зале и галерее, уточнить все детали дипломатического и дворцового протокола.

Зимний дворец сиял огнями. В блистании ярких электрических ламп в подъезде толпились швейцары в красных ливрейных шинелях, с золотыми булавами в руках. Лакеи в расшитых золотом красных фраках еще проходили по мягкому, пушистому ковру, устилавшему лестницу, и лили из больших бутылок на раскаленные чугунные совки придворные духи, источавшие какой-то особый, присущий только Зимнему дворцу тонкий аромат.

Соколов слышал, что одной штатной прислуги в Зимнем дворце насчитывалось около пяти тысяч человек, проживавших по дворцовым каморкам и подвалам и столовавшихся здесь же по третьему разряду, но он впервые видел их муравьиное хлопотанье и лакейское пренебрежение к тем, кто не носил свитских царских вензелей на погонах.

Он достиг зала, назначенного для дипломатов и военных атташе, и почти сразу увидел церемониймейстера, вышедшего из внутренних покоев дворца.

Церемониймейстер оказался генерал-майором графом Ностицем, начинавшим когда-то службу в кавалергардском полку, а затем служившим по Генштабу и бывшим даже, как знал Соколов, военным агентом во Франции. Особых заслуг он, впрочем, не имел, а прославился своей бестолковостью и красавицей женой, которую он отбил у какого-то американского миллионера. Два генштабиста сразу же нашли общий язык, и Соколов смог не только уточнить свои задачи, но и порасспросить графа о предстоящем торжестве.

Между тем ко всем четырем подъездам Зимнего дворца — Иорданскому, Салтыковскому, ее величества и Комендантскому — стали прибывать гости.

Толчея раздевающихся офицеров, тонкий запах духов, меха, кружева, шелк и охорашивающиеся, поправляющие прически дамы — все это отражалось в громадных зеркалах, закипало водоворотами у лестниц, ведущих на второй этаж, туда, где зеленели пальмы и лавры, специально свезенные во дворец для крещенского приема из оранжерей всего Петербурга.

Соколов вернулся на верхнюю площадку Иорданской лестницы, чтобы встречать здесь своих подопечных — во-

енных агентов, — и залюбовался отсюда видом широкой беломраморной лестницы. По ней во всю ширь поднимался пестрый поток гостей российского императора, сверкая золотом шитья и драгоценностями в лучах яркого электрического света. Блеск Византии и фантазии Шахразады меркли перед этим сонмом богатства.

По мере того как проходило изумление, у полковника возникали иные, более трезвые мысли.

«Сколько же нужно было медных мужицких и рабочих грошей, чтобы воссияли весь этот блеск и роскошь?!» — подумалось ему. Он повел головой, отгоняя печальные мысли, и тут же боковым зрением увидел нового британского военного агента — майора Альфреда Нокса. Ярко-красный мундир королевской гвардии гармонировал с ежиком седых волос и седыми усами поджарого джентльмена.

Соколов еще не был представлен Ноксу и не стал по этой причине приветствовать коллегу-разведчика.

Нокс впервые попал в Зимний дворец. Невиданные красота и богатство поражали его. Он не ожидал увидеть в этой варварской России столь дивные произведения искусства, которые открывались теперь его взору. Громадные вазы из полупрозрачных сибирских камней — ляпис-лазури и орлеца, статуи работы великих мастеров итальянского Возрождения затмевали собой ту роскошь, которой он восхищался, бывая в Букингемском дворце английских королей или резиденциях самых первых семей Британии.

«О! Какая же это богатая страна! — поражался британский военный агент. — Этого колосса будет трудно свалить в грядущей войне! Придется опять нам помогать Срединным державам...»

Наконец майор Нокс добрался до Николаевского зала, откуда было назначено любоваться обрядом водосвятия дипломатам и их семьям. Нокс раскланялся от дверей со знакомыми и повернул к одному из окон, подле которого было чуть свободнее, чем у других.

В голубизне неба сияло холодное зимнее солнце, под бризом полоскались на дворцах трехцветные российские флаги, шпалеры войск недвижимо стояли на морозе и ветре вдоль набережной.

Нокс опять подумал, насколько все здесь было непохоже на его столицу, хотя Лондон тоже вырос вокруг реки. Эта мысль унесла его сразу очень далеко — в род-

ную Британию, где сейчас, как летом, зеленеют газоны под низким, набухшим влагой зимним небом. Майор вспомнил, как перед отъездом в Петербург он по совету премьера Асквита побывал с визитом у военно-морского министра сэра Уинстона Черчилля. Эта встреча в малейших деталях запомнилась Ноксу и теперь снова встала у него перед глазами.

ЛОНДОН, ДЕКАБРЬ 1913 ГОДА

Военно-морской министр принял майора Нокса в своем высоком и темном кабинете в здании Адмиралтейства. Энергичный и непоседливый Черчилль буквально вскочил с кресла, когда будущий военный агент в России появился на пороге. За его спиной от движения воздуха заколебалась огромная карта Северного моря, вся утыканная разноцветными флажками, отмечавшими положение кораблей британского и германского флотов. В военных кругах по поводу этой карты поговаривали, что сэр Уинстон постоянно проводил подле нее совещания, стараясь привить адмиралам британского флота, избалованным долгими годами мира, чувство «постоянно присутствующей опасности».

Первый лорд Адмиралтейства и майор встретились на середине кабинета и дружески, но по-английски сдержанно пожали друг другу руки. Черчилль повел его не к карте, а к покойным кожаным диванам у камина в другом конце зала. Нокс понял, что беседа будет неформальной и долгой.

— Я привык всегда брать быка за рога! — похвалился военно-морской министр и, прикурив сигару, произнес: — Наш главный противник вовсе не Германия, а... Россия!

Майор вопросительно поднял бровь. Он в принципе знал это с самого начала своей военной карьеры, но в последнее время слышал из официальных уст совсем другое и хотел теперь пояснений.

— Да! Да! Да! — энергично подтвердил Черчилль. — Со времени Ивана Грозного интересы России вступили в противоречие с глобальными интересами нашей империи! Как только эти азиатские дикари начали создавать государственность и объединять вокруг себя славянские и неславянские народы, они перебежали дорогу нашим купцам, которым до той поры было очень удобно и выгодно торговать с ними порознь. Большую опасность для

Англии русские стали представлять, когда они устремились на Восток, колонизируя племена, жившие за Уралом и неся им хоть и примитивную, но европейскую культуру. И уж совершенно нетерпимое положение сложилось, когда Россия вышла к Тихому океану, произвела разграничение с Китаем и вступила в пределы Средней Азии!

Нокс хорошо знал эту азбуку британской политики и ждал более подробных тезисов. Сутуловатый, с опущенными плечами, Черчилль пришел в такое возбуждение, что поднялся с дивана и принялся расхаживать перед камином, изредка попыхивая «гаваной».

Германия, говорил он, стала приобретать черты врага лишь тогда, когда при Бисмарке принялась бурно объединяться и развивать промышленность. Строительство флота, необходимое в первую очередь для германских имперских интересов, показало, что Вильгельм II и его советники разбираются в политике.

Военно-морской министр Великобритании признал все же, что германский флот хотя и стал представлять определенную угрозу Британии, но, в сущности, еще не вырос из пеленок.

Гораздо опаснее, чем германская промышленность и ее любимое детище — военно-морской флот, стремление российских политиков, торговцев, военных в Персию. Русские в Персии не только конкурируют с ткачами Манчестера и механиками Лидса, но и нацелились на железнодорожное строительство, ведущее к воротам Индии!

— Возникает прямая угроза жемчужине нашей короны! — патетически воскликнул министр и стряхнул пепел сигары в огонь. — К тому же русские слишком прямолинейно истолковали договор 1907 года о разделе Персии на сферы влияния, и консулы, назначенные из Петербурга, стали быстрыми темпами русифицировать свою зону... Они приблизились вплотную к нейтральной, промежуточной сфере...

— Признаюсь, я не слышал ничего о русской железной дороге к Индии, сэр! — слукавил майор. Он, разумеется, знал об этих планах, но хотел послушать оценку молодого министра.

— Помимо стремления Германии построить железную дорогу к Багдаду и тем самым проникнуть к нефтяным центрам, а затем сомкнуться с русскими железными дорогами на Кавказе, — принялся пояснять сэр Уин-

стон, — существуют планы русского правительства и капитала о Трансперсидской железной дороге, которая, соединяя российскую и индийскую железнодорожные сети, служила бы транзитным путем между Европой, Индией и Австрало-Азией. Трудно переоценить эдакие мысли! Ведь по железной дороге можно везти не только товары и сырье, но и войска...

А главное даже не железная дорога... — подчеркнул Черчилль. — Планы строительства всегда можно утопить в песке персидских пустынь. Вызывает опасения большой размах и широта действий России в северной части Персии, где у нее несколько тысяч подданных и покровительствуемые племена и где торговля и сбор налогов всецело в ее руках.

Я боюсь, что ход событий в северной Персии может привести к роковому для англо-русского согласия положению, — с нажимом продолжал военно-морской министр. — Хотя мы и наталкиваемся на быстро растущее сопротивление немецкого крепыша, но оно не столь чувствительно, как казаки на пороге Индии...

— Припоминаю, сэр, что когда казацкие части под командованием какого-то русского генерала столетие назад отправились по наущению Бонапарта искать дорогу в Индию через Среднюю Азию, то послу его величества в Петербурге пришлось организовать заговор, убравший со сцены императора Павла Первого, — вставил наконец свое слово майор-разведчик и добавил одобрительно: — Британский посол полностью владел тогда обстановкой, сэр!

— Вот именно, — откликнулся Черчилль. — Сэр Джордж Бьюкепен, в тесном контакте с которым вам предстоит служить, майор, уже завязал неплохие связи в окружении русского императора. Даже великий князь Николай Михайлович, весьма просвещенный и цивилизованный боярин, почти джентльмен, симпатизирует нашему послу. Он поставляет ему весьма ценную информацию из самых высоких российских сфер, делая это, конечно же, совершенно бескорыстно...

— Деятели такого масштаба деньгами не берут, сэр! — с военной прямолинейностью подтвердил Нокс. — Им подавай влияние и политическую помощь в их комбинациях в борьбе за власть.

— Мы с вами подошли как раз к той теме, в которую я вас хотел ввести, — уточнил Черчилль и уселся на ди-

ван. Первый лорд закурил новую сигару. — Кабинету его величества известно, что в высших сферах России нет полного единства, — раздумчиво начал Черчилль. — Например, мало кто из близко стоящих к трону симпатизирует царице. Императрица Аликс, хотя и весьма близка по своему воспитанию как внучка королевы Виктории английским интересам, в последние годы все больше склоняется к ложным идеям укрепления царской власти, или, как это называют в России, самодержавия...

Черчилль фыркнул презрительно.

— Между тем, воспитанная в Англии, она могла бы понять, что власть становится значительно крепче, если ее обставить демократическими институтами, как это делаем мы. Но Аликс и Николай держат себя просто вызывающе по отношению к даже столь жалкому подобию парламента, каким является Государственная дума... Так вот, мой дорогой Нокс, одна из ваших главных задач — нащупать и опереться на те слои, которые готовы совладать с упрямством Николая, изолировать людей, кто разделяет его пагубные идеи наступления на жизненные центры Британской империи на Среднем Востоке и в Азии.

— Я понял, сэр, — отозвался Нокс, — я должен найти новых офицеров русской гвардии, которые будут готовы придушить царя и царицу, повернув руль корабля против Германии...

— Вы слишком прямолинейно излагаете свои мысли, майор, — чуть поморщился сэр Уинстон. — В двадцатом веке необязательно протыкать императора шпагой, достаточно ограничить его власть конституцией или парламентом, наконец, законами, благоприятными для самых деятельных сословий общества — промышленников и купцов.

— Как я понимаю, сэр, если удастся заменить на российском троне императора Николая на одного из двух великих князей Николаев, то наши задачи будут решены? — уточнил Нокс.

— Отнюдь нет! — живо ответил министр. — Любое лицо на русском троне может пойти по наезженной колее политики, приносящей выгоды России. Наша задача — изменить направление колеи... Мы должны привести Россию к лобовому столкновению с Германией.

— Понимаю... — протянул майор, поглаживая усы. — Тем самым мы продолжим святую имперскую традицию — сталкивать между собой наших сильнейших врагов еще

до того, как они сумеют объединиться и нанести нам урон...

— Да, сэр Альфред, — ласково назвал собеседника по имени Черчилль. Это свидетельствовало о высокой степени его дружеского расположения. — Мы подошли к вашей второй задаче. Действительно, столкнуть наших двух злейших врагов — Германию и Россию, которые, если объединятся, могут нанести неисчислимый вред империи, — благородная задача. Наша дипломатия работает над ней не один год. Ради этого мы пока на словах отказываемся от традиционной догмы английской дипломатии о неделимости Турции. Пока и на словах! — поднял палец свободной правой руки Черчилль.

— Да, сэр, — согласился Нокс. — Теперь я понимаю, почему в Петербург был назначен посол Бьюкенен... Видимо, потому, что он служил послом его величества в Софии и имел опыт интриг вокруг знаменитой «пороховой бочки Европы» на Балканах!

— Воистину так, майор, — согласился первый лорд Адмиралтейства. — Именно на Балканах традиционно сталкивались интересы пангерманизма и панславянства. Нигде лучше нельзя было столкнуть русских с германцами и австрийцами, к тому же если туда пустить такого закоренелого «ангелочка мира», как сэр Эдуард Грей, министр иностранных дел его величества! Ха-ха-ха! — рассмеялся Черчилль, который немало завидовал посту, который занимал Грей, но на людях всегда с показным добродушием подтрунивал над сэром Эдуардом.

— Я вам очень благодарен, сэр, что вы столь живо раскрыли мне суть задач британского военного агента в Петербурге... — склонил голову с пробором в седых волосах перед молодым министром Нокс.

— Не стоит благодарности, майор... — прервал излияние старого служаки первый лорд Адмиралтейства. — Что касается флота и его задач, то имейте в виду, что у русских очень сильны морские инженеры и они при известной слабости своей промышленности компенсируют ее недостатки весьма прогрессивными конструктивными решениями. Не недооценивайте их и старайтесь как можно больше почерпнуть у них новых технических идей, которые сумеет воплотить под «Юнион Джеком» * британская промышленность. А теперь, сэр, все-таки подойдем к карте! — предложил он.

* Так называется в английском флоте имперский флаг.

Джентльмены приблизились к огромному полотнищу. Военно-морской министр стал действовать сигарой, словно указкой. Казалось, что не сигарный дым наполнил просторы Северного моря на карте, но задымили трубы крейсеров и броненосцев, линейных кораблей и прочих более мелких посудин, силуэты которых заполнили карту от края до края.

— Я перевел британский флот с угля на нефть не для того, чтобы отдать ближневосточные нефтяные богатства Германии и России, — с угрозой выдохнул дым сигары Черчилль. — От этого наш флот обрел новые скорости и боевые качества, новый радиус действия, ибо быстрее и проще бункероваться нефтью, чем углем.

Посмотрите на Скапа-Флоу *... На карте не хватает места для всех кораблей, которыми командует адмирал Джеллико. Они все ходят на нефти. Нефть, между прочим, есть и в России, и она тоже годится для нашего флота и промышленности. Это прекрасная легкая кавказская нефть. Сейчас ею владеют через подставных Нобелей французские Ротшильды, но уже идут переговоры о продаже их контрольного пакета акций англо-голландской компании «Шелл», где главенствует джентльмен из Сити — сэр Генри Детердинг. Ваша третья задача, майор, — обеспечить быстрый переход акций Ротшильдов и Нобелей в портфель сэра Генри. Это не только в высшей степени патриотическая задача обеспечения нашего флота и промышленных нужд. Помогая сэру Детердингу, вы закладываете фундамент своего будущего...

ПЕТЕРБУРГ, ЯНВАРЬ 1914 ГОДА

Видения декабрьского Лондона и Темзы, столь непохожей на заснеженную Неву, еще проносились в памяти майора Нокса, когда к нему подошел французский военный агент маркиз де Ля-Гиш в сопровождении полковника в черном мундире Генерального штаба. Де Ля-Гиш представил коллеге Алексея Соколова, которого он назвал «директором австро-венгерского бюро» генерал-квартирмейстера. Нокс прекрасно знал структуру российского Генерального штаба и слышал еще в Лондоне об удачливом русском разведчике, который ведал Австро-Венгрию и Балканы.

* Главная военно-морская база Великобритании на Оркнейских островах (северо-восточнее Шотландии), там, где сливаются воды Северного моря и Атлантического океана.

Соколов пожал протянутую руку офицера союзной армии со смешанным чувством необходимости и неудовольствия. Он знал из докладов жандармских офицеров в войсках, что британский майор сует свой нос повсюду, но при этом не отличается дружелюбием к армии, в которой он представляет своего короля. Вот и сейчас Нокс постарался найти довольно болезненную для обсуждения в Зимнем дворце тему, а именно — как будет даваться салют.

— Не выйдет ли нынче при залпе несчастья, как в 1905 году? — обратился английский офицер к русскому полковнику.

Де Ля-Гиш слышал тоже об этом эпизоде, когда по недосмотру военного начальства в числе солдат гвардейской конной артиллерии оказались злоумышленники. Они зарядили одно из орудий батареи, стоявшей на Стрелке Васильевского острова у Биржи, не холостым — для салюта — снарядом, а боевой шрапнелью. Однако прицел был взят неточно, было разбито несколько окон в Зимнем дворце, убит городовой и ранен солдат.

Охранка так и не смогла раскрыть виновников происшествия, военная жандармерия наказала всех солдат батареи, а государь император после этого случая много лет не присутствовал на водосвятии на Неве. Лишь когда среди населения Санкт-Петербурга пошли толки, что отсутствие царя на Иордани будет причиной тяжких бедствий и действительно в столице вспыхнула страшная эпидемия холеры, Николай вновь решил принять участие в водосвятии.

Именно на этот инцидент бестактно намекал майор Нокс, но Соколов мгновенно нашелся, что ответить высокомерному бритту.

— На этот раз будет только русский порох, сэр, но не английская шрапнель, — парировал он, твердо глядя в нахальные глаза майора. Полковник имел в виду трудные переговоры о крупном заказе военного министерства на английские снаряды к русским трехдюймовым пушкам. Но получилось гораздо многозначительнее, с подтекстом о традициях британской дипломатии в отношении России. Де Ля-Гиш с удовольствием отметил про себя находчивость и смелость русского полковника.

Майор Нокс пожевал губами, силясь найти достойный ответ неробкому московиту, но вдруг где-то громко стукнули открывающиеся двери, послышался стук жезлов

церемониймейстеров о блестящий паркет. Обер-церемониймейстер важно проследовал вдоль зала, предваряя высочайший выход. Нокс, злобно сверкнув на Соколова глазами, но так и не найдя, что сказать в ответ, повернул от окна и стал протискиваться ближе к середине зала сквозь толпу дипломатов, военных и придворных, чтобы увидеть красочное шествие во всех деталях.

Соколов с высоты своего роста мог наблюдать процессию поверх голов иностранных гостей. Он не замедлил воспользоваться случаем в первый раз увидеть воочию всю женскую половину высочайшей семьи, за исключением императрицы Александры Федоровны. Царица по причине своих неврастенических наклонностей избегала публично появляться в свете.

Во главе шествия шла вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать государя императора. Миниатюрная, стройная и из-за этого казавшаяся значительно моложе своих 67 лет, она величественно выступала в белом атласном платье, отделанном серебряной парчой. Длинный шлейф наряда был оторочен таким пышным и темным соболем, что он казался почти что черным. Высокая бриллиантовая диадема искрилась в солнечном свете, падавшем из окон.

Позади вдовствующей императрицы следовала великая княгиня Мария Павловна — третья дама империи, вдова дяди царя, великого князя Владимира Александровича. Мария Павловна была широко известна в высших сферах как одержимая манией величия и желанием всюду затмевать Александру Федоровну. В отсутствие в Петербурге вдовствующей императрицы Марии Федоровны Мария Павловна всегда вела себя как самодержица всероссийская. Царица за это платила ей глухой ненавистью.

За ней шли сестры государя великие княгини Ксения и Ольга, великая княгиня Виктория Федоровна, супруга великого князя Кирилла Владимировича. Они были в платьях василькового бархата, к которому очень шли сапфиры с бриллиантами, украшавшие их уши, декольте и запястья.

Затем шествовали две великие княгини-сестры, так называемые «черногорки». Это были дочери короля Черногории Николая, выдавшего своих дочерей Анастасию и Милицу за русских великих князей... За ними по трое шли статс-дамы в оливковых придворных платьях и молодые фрейлины в бархатных платьях рубинового цвета.

Соколов, как и де Ля-Гиш, стоявший подле него, обратил внимание на то, что все платья были освященного традицией «русского» покроя: плотно облегавшие фигуру лифы с большими вырезами и без рукавов, отделанные жемчугами, широкие юбки с треном, накидки, отороченные соболями или бобрами, спадавшие с плеч на трен, тюлевые вуали, прикрепленные к русским кокошникам, которые были того же цвета, что и платье.

...Хвост процессии втиснулся в золотые двери в конце галереи, створки закрылись, и полушепот восхищения в зале сменился полноголосым разговором дипломатического корпуса, в котором зазвучали ноты удивления, зависти и критики.

«Вы видели бриллианты вдовствующей императрицы?» — «А вы видели изумруды великой княгини Ксении? Поразительно! Среди них был один величиной с кулак! И как она, бедняжка, только носит подобную тяжесть!..»

За двойными рамами окон на Неве послышался хор трубачей. Все общество оборотилось к огромным окнам, за которыми длинная вереница знаменщиков с офицерами-ассистентами несла знамена гвардейских полков. Затем раздался резкий звук труб. От дворца к Иордани направилась процессия во главе с государем императором. Духовенство в золотых ризах встретило Николая II на ступенях временного деревянного храма у проруби. Войска, свита и гражданские чины обнажили головы.

Государь по красному ковру сошел к воде, митрополит петербургский сопровождал его, неся большой золотой крест. Святой отец трижды окунул крест в прорубь, затем наполнил освященной водой кропильницу и в сопровождении государя прошел вдоль шеренги знамен, орошая их каплями святой воды. Торжественно гремели колокола на Петропавловском соборе, оркестр играл «Коль славен», но вдруг все звуки потонули в мощном пушечном салюте. Свита, к которой в этот момент вернулся царь, испуганно вобрала головы в плечи, но Иордань на этот раз сошла благополучно — шрапнели по царю и великим князьям не полетели.

Бывалые дипломаты, хорошо знавшие церемониал, столпились у средних дверей, которые все вдруг широко распахнулись, и церемониймейстер пригласил в зал, где для гостей императора был сервирован завтрак.

Столы для почетных гостей были накрыты вокруг рос-

кошных пальм, свезенных закутанными в войлок специально для этого случая из оранжерей Ботанического сада и Таврического дворца. Послы и министры с супругами, разведенные скороходами к своим местам, уютно устроились на стульях, в то время как прочая публика ринулась к огромному буфету, занимавшему весь конец зала.

Маленький секретарь китайского посольства буквально пролезал под рукой громадного офицера-кавалергарда к особенной серебряной вазе, в которой на льду стояли бутылки с шампанским удельного имения Абрау. Таких ваз было множество, и возле каждой из них закипала толпа желающих напиться вволю шампанского. Другие гости осаждали конец буфета, где на хрустальных тарелках были выставлены произведения придворных кондитеров. Считалось, что таких сластей в городе не найдешь. Офицеры, а также и дипломаты, набивали конфетами и шоколадом в пестрых бумажках полные карманы.

Полный неловкости от картины этого великосветского разбоя, когда никто не смущался выхватить лакомый кусок из-под руки соседа, Соколов начал завтрак шоколадным мороженым, а затем успел зацепить кусок фазана с маринованными сливами до того, как на него покусился японский дипломат. Алексей отошел в сторонку — туда, где у серебряных ковшей с оршадом, лимонадом и клюквенным морсом почти никого не было. Здесь он стал невольным свидетелем разговора артиллерийского подполковника с его спутником, поручиком Измайловского полка. Украшенный густой черной бородой подполковник в хмельной запальчивости убеждал поручика выбросить засахаренные фрукты, которыми тот набил карманы, и не носить их матери.

— И ты набрал? — вопрошал подполковник. — А зачем? Ведь это все народное... Это все и создано народом, и оплачено им... Ведь и ты, и я, и этот коллега из Генштаба, — он кивнул на Соколова, — мы все — народ. Все это, стало быть, наше, а государь — только наш отец-командир и не более...

— Что ты, Саша, — увещевал его поручик, — ты крамольные вещи говоришь да еще в гостях у царя!..

Поручик, бледный от волнения и негодования на своего друга, все тянул его под руку подальше от стола, от толпы, где мог найтись какой-либо верноподданный гвардеец и устроить скандал вплоть до дуэли.

Движимый сочувствием и желанием, чтобы смелый офицер не попал в лапы военной жандармерии, которая ревностно следила за образом мыслей в армии, Соколов подошел к подполковнику. Привитая сызмальства, с кадетского корпуса дисциплина сработала в сознании офицера, и он подтянулся, увидев старшего в чине.

— Алексей Соколов, — просто представился полковник.

— Александр Мезенцев, — так же просто сказал артиллерийский подполковник.

— Виктор Гомелля, — в тон старшим товарищам представился гвардии поручик.

— Давайте выпьем за знакомство... — предложил артиллерист и потянулся за бутылкой. Виктор умоляюще посмотрел на друга.

— Ну хорошо, Виктор, — почти трезво ответил на его взгляд подполковник, — я себе почти не налью.

Шампанское вспенилось в узких бокалах, новые знакомые чокнулись. Пригубив, Соколов отставил свой бокал в сторону, и офицеры последовали его примеру.

— В какой дивизии изволите служить? — поинтересовался Соколов. Ему был симпатичен артиллерист-вольнодумец, и он не прочь был поближе познакомиться с ним.

Подполковнику тоже понравился этот офицер Генштаба, совершенно незаносчивый, добродушный и сразу располагающий к себе.

— 28-я бригада, — коротко ответил подполковник, зная, что этого достаточно генштабисту.

— Командир батареи трюхдюймовок?.. — полувопросительно-полуутверждающе протянул Соколов.

— Так точно, и к тому же «огнепоклонник»... — шутливо ответил Мезенцев, намекая на две большие партии в русской армии. Одна, называемая «штыколюбами», пользовалась поддержкой верхов военной власти.

«Огнепоклонники» выступали за максимальное насыщение армии огневыми средствами — от скорострельных винтовок и пулеметов до разнообразной, особенно тяжелой, артиллерии. Молодые и прогрессивно мыслящие генштабисты, такие, как Соколов, называемые иногда «младотурками» за страсть к преобразованиям в армии, горячо поддерживали «огнепоклонников».

— Вот как! — обрадовался Алексей. — Тогда нам есть о чем поговорить.

Полковник хотел узнать у артиллериста о том, как внедряются в его роде войск некоторые новинки, негласно полученные им через Австрию с заводов Круппа. Особенно его интересовала бризантная шрапнель, о которой он уже давно докладывал через генерал-квартирмейстера в Главное артиллерийское управление.

Поручик-измайловец, свято оберегавший своего нетрезвого друга, решил вмешаться, презрев субординацию.

— Господин полковник! — умоляюще посмотрел он на Соколова. — Нас ждут к обеду дома... — неловко соврал он.

Алексей понял и оценил заботу о товарище.

— Хорошо, господа, встретимся завтра в восемь с половиной в офицерском собрании на Кирочной... — предложил он.

— Согласны!.. — торопливо выпалил Виктор, не дожидаясь, пока Мезенцев, настроенный на разговор, отреагирует по-другому.

ПЕТЕРБУРГ, ЯНВАРЬ 1914 ГОДА

7-я рота, где уже около года квартировал Василий, была улица пролетарская, шумная. Маленькие ампирные домики, каменные и деревянные, в два и в три этажа — обиталища старых бар — перемежались пятиэтажными кирпичными громадами, так называемыми «доходными» домами. Здесь уже почти ничего не осталось от старых времен, когда в районе казарм Измайловского полка, по имени которого получил свое название проспект, селились целыми ротами отставные солдаты.

Василий жил в подвале большого каменного дома, исключительно удобном для конспирации. Из двора можно было усадьбами пройти к Измайловскому проспекту или выйти на 6-ю роту. Через дыру в заборе было легко проскользнуть в узкий Тарасов переулок, а от него через 1-ю роту и проходной двор собственного дома Тарасова добраться до Фонтанки, где летом работал яличный перевоз, а зимой была проложена тропка к Институту путей сообщения и Юсуповскому саду. Одним словом, опытный человек, выйдя от Василия, мог немедленно исчезнуть с глаз долой вольного или невольного наблюдателя.

Анастасия уже два раза получала здесь для передачи своим друзьям студентам нелегальную партийную литературу и потому хорошо знала дороги вокруг дома. Она

шла к нему кратчайшим путем, осторожно наблюдая, не ведет ли за собой «хвост» или не затаился ли где-нибудь господин из «наружки» в типичном гороховом пальто.

Девушка нырнула под арку ворот и через черный ход спустилась в подвал. Расхлябанная дверь пронзительно заскрипела. Вместе с клубами морозного пара Настя очутилась в сводчатом коридоре, освещенном тусклой сальной свечой в железном фонаре. Влажное тепло, тяжелый запах кислых щей, мокрых валенок и непросушенных тряпок пахнул на девушку. Она подошла к знакомой двери и постучала в нее. Василий, одетый в синюю косоворотку и полосатые брюки, ждал гостью.

Настя облегченно вздохнула — в комнате не было этого страшного запаха, который покоробил ее в коридоре. Она сбросила беличью шубку, развязала шаль и присела к столу.

Василий до ее прихода завтракал.

— Хотите чаю, Анастасия Петровна? Хорошо с мороза! — предложил Василий.

— Спасибо, да! — ответила Настя.

Василий налил гостье чаю в стакан, поставил его на стеклянное блюдечко и спросил:

— Вам внакладку или вприкуску?

— Спасибо, вприкуску!

Горячий чай с синеватым твердым сахаром был действительно очень хорош с мороза. В комнате Василия было чисто и просто — железная кровать, аккуратно застланная синим покрывалом, дешевый двустворчатый шкаф, который служил хранилищем и платья, и нехитрых съестных припасов, два венских стула, на которых сидели хозяин и гостья, да пара деревянных лавок, так же хорошо обструганных, как и стол. Неяркий зимний свет струился из узенького оконца, расположенного высоко под потолком.

Анастасия постепенно оттаяла от скованности, расположилась доверием к товарищу и решилась выложить ему все свои сомнения насчет своего замужества.

— А можно мне с вами посоветоваться? — начала она довольно робко.

— Выкладывайте, Настасья, что у вас за беспокойство! — подбодрил ее Василий.

Девушка решила начать издалека.

— Вы помните полковника Соколова, который ходил

на «четверги» к Шумаковым? — осторожно спросила Анастасия.

— Ну конечно! С чего это я должен забывать его, ведь такие офицеры, как он, не каждый день попадаются! — удивился Василий.

— А как вы к нему относитесь? — продолжала спрашивать Анастасия. Она никак не могла найти нужные и точные слова для разговора и от этого все время краснела.

— Очень хорошо отношусь! — подтвердил Василий. — А в чем, собственно, дело? У тебя появились какие-нибудь подозрения? Он что, связан с охранкой? Или что?

— Что вы! Что вы! — испугалась за репутацию Соколова Настя. — Он просто сделал мне предложение!..

— Какое предложение? Сотрудничать с полицией? — продолжал недоумевать Василий.

— Что вы! Совсем не с полицией, а выйти за него замуж! — возмутилась Настя. — Как вы могли такое подумать о нем!

— Ах вот в чем дело! — успокоился насторожившийся было Василий. Он был настроен совсем на другой предмет внимания и поэтому высказал свои подозрения. Теперь ему стало стыдно. — Извините, Настенька! — смущенно улыбнулся он. — Я совсем не подумал об этом, но желаю счастливо жить с ним!..

— А я все мучаюсь, выходить мне замуж за него или нет! — простодушно призналась Анастасия и опять густо покраснела. — Ведь он полковник, представитель той самой машины насилия, которая подавляет революцию... Что будут говорить все наши товарищи?..

— Ну а как к человеку у вас какое отношение к Алексею Алексеевичу? — хитро прищурился Василий. — Сами-то вы его любите или нет?

— Очень люблю! — смущенно прошептала Настя.

— Так за чем же дело стало? — изумился Василий. — Сыграйте свадьбу да живите себе дружно!..

— А революция?! Не предам ли я ее таким образом? Ведь это значит погрузиться в мир семьи... А потом... Солдаты 9 января стреляли в народ по приказам офицеров! Он тоже офицер!.. А вдруг ему придется выполнять приказ и идти против народа?.. Василий, что мне делать?! — вырвалось у Насти.

Мастеровой слегка опешил от потока сбивчивых слов

и молчал, собираясь с мыслями. Настя тоже замолчала, и ее руки бессильно легли поверх стола.

— Во-первых, он не производит впечатление грубого и тупого служаки, бессловесного слуги царя... — принялся размышлять вслух Василий. — Я бы сказал, что Соколов очень умен и какой-то открытый, доброжелательный человек... Он веселый и незлой, вызывает симпатию...

— Да, он очень добрый и незлой! Он справедливый и очень жалеет народ! Я знаю, я видела!.. — горячо вступилась Настя.

— Ну что ж, Настенька! Придет такое время, когда все умные и честные люди будут на нашей стороне! И очень скоро! В армии тоже есть порядочные люди, а революция 1905 года хорошо показала нам, что мы должны завоевывать симпатии солдат на свою сторону, привлекать к борьбе с самодержавием офицеров, распропагандировать их, чтобы не отдавали они команд стрелять в народ! Ну и хорошо! — басил Василий. — Вы ему как-нибудь брошюру нелегальную дайте почитать... Как он на нее отреагирует?..

— Обязательно! — воодушевилась Настя. — Но все равно я хочу быть его женой!

— Не волнуйтесь, Настенька! — успокоил ее Василий. — Товарищи правильно все поймут, если вы выйдете замуж за Соколова. Мы желаем вам счастья!..

— Ой, как я засиделась! — вспомнила о цели своего прихода девушка. — Вы уже приготовили то, что обещали?

— Да, да! — откликнулся Василий. Он стал серьезен и, поднявшись со стула, встал на лавку у окна. Из какой-то глубокой ниши за подоконником он вынул обычную корзинку, с какой кухарки отправляются на рынок за провизией. Корзинка была заполнена доверху. Сверху, на чистой тряпице, прикрывавшей содержимое, лежали мороженые антоновские яблоки. Все было банально и не вызывало никаких подозрений.

— Как я люблю мороженую антоновку! — не удержалась Настя. — Можно, попробую?

— А будете передавать, сверху картофель положите, чтобы технологам, которые будут у вас получать эту корзинку, было хорошее жарево!..

Анастасия аккуратно повязала вокруг шеи тонкую шаль, оберегая от простуды горло. Василий помог ей на-

деть шубку, и Настя, несмотря на свою хрупкость, легко подняла тяжелую корзинку.

— Студент, который придет к вам за ней через две недели, ровно в полдень, скажет пароль: «Не даете ли вы уроки игры на скрипке?» Вы должны ответить ему: «Нет, я могу только учить пению». После этого на всякий случай выгляните на лестницу и в окно — посмотрите, нет ли наряда полиции. Если все спокойно, то отдавайте корзинку. Это оттого, — пояснил Василий, — что в Технологическом институте было несколько провалов и комитет опасается, что там действует провокатор. Если Костя-технолог окажется агентом охранки и приведет с собой полицию, то вы отдайте ему десяток книжек, которые лежат сверху, отдельно, — это вполне безобидные издания речей думских ораторов-меньшевиков...

ПЕТЕРБУРГ, ЯНВАРЬ 1914 ГОДА

Настя давно хотела послушать Надежду Плевицкую, самую модную певицу Москвы и Петербурга. Говорили, что сам царь часто приглашает «курскую соловушку», как прозывали Плевицкую, на вечера в Царское Село. Публика валом валила на концерты знаменитости, которые, впрочем, были нечасты в столице. Анастасия хотела услышать Плевицкую совсем не из-за всеобщего ажиотажа, а потому, что сама училась пению, любила народные песни и репертуар прославленной певицы был ей близок.

Алексей знал об этом желании Насти, следил за афишами и, как только появилось объявление, что «концерт единственной в своем жанре, известной исполнительницы русских бытовых песен Н. В. Плевицкой из Москвы имеет быть в зале Тенишевского училища в четверг... января, с ценою местам от 80 копеек», заказал два билета в креслах поближе к сцене.

Алексей и Настя прибыли за четверть часа до начала. Зал, поднимавшийся крутым амфитеатром, был переполнен, везде стояли дополнительные стулья, молодежь сидела и стояла в проходах амфитеатра. Соколов с трудом нашел свои кресла во втором ряду партера. Стоял неумолчный гул, публика с нетерпением ожидала начала. Первым вошел постоянный аккомпаниатор певицы Александр Зарема, он же автор переложения песни «Шумел, горел пожар московский», часто исполнявшейся Плевиц-

кой. Ему вежливо поаплодировали, и он, откинув полы фрака, присел к роялю. Зал замер, ожидая выхода любимицы.

Плевицкая стремительно появилась на эстраде. Неожиданно для всех она оказалась одета в праздничный наряд курской крестьянки. Ее простое, некрасивое лицо было задумчиво. Она неловко поклонилась в ответ на вспыхнувшие аплодисменты и исподлобья, недоверчиво посмотрела на публику.

Зарема взял первые аккорды. Лицо певицы преобразилось. Широкая русская улыбка, истинно русские интонации речи, таинство поэзии принесли в зал свежесть привольных полей и рощ, бескрайний простор лесов, в которых скрывался былинный Соловей-разбойник.

Как завороженные слушали Плевицкую Настя и Алексей. Необыкновенной мощью веяло от стройной, но крепкой фигуры, блестящих глаз и большого рта, широких скул и побелевших заломленных пальцев...

«Какой талант!» — думала Настя, отдаваясь потоку русских мелодий.

На эстраде русская баба пела о разбойнике Чуркине, о пожаре Москвы 1812 года, о трагедиях на старой калужской дороге и в диких степях Забайкалья. В зале, куда набились вместе с простым народом завсегдатаи аристократических салонов, великосветских праздников, звучали баллады о тяжком труде кочегара — «Раскинулось море широко» и страданиях сибирских каторжан — «Когда на Сибири займется заря». Эту песню ссыльных Плевицкая отваживалась даже петь в Царском Селе перед самим государем-самодержцем Николаем Вторым, отправлявшим борцов на каторгу. И ничего — царь с умилением слушал.

...Раздалось «марш вперед!», и опять поплелись
До вечерней зари каторжане.
Не видать им отрадных деньков впереди,
Кандалы грустно стонут в тумане...

Эта песня вызвала буквально бурю аплодисментов в амфитеатре, переполненном студенческой молодежью, и весьма умеренный восторг в партере вокруг Насти и Алексея.

Анастасии было очень интересно посмотреть, какую реакцию вызовет песня о каторжанах у Соколова. Она

не ошиблась — Алексей был глубоко тронут исполнением этой народной баллады великой певицей.

Девушка видела, что концерт Плевицкой всколыхнул душу Соколова и разбередил ее. Полковник машинально положил руку на подлокотник кресла, где уже лежала рука Анастасии, и она не отняла ее, как бывало раньше. Боясь пошевелиться, просидел Алексей всю оставшуюся часть концерта. В конце концов рука занемела, и, когда надо было помочь Анастасии одеться в гардеробе, полковник не смог это сделать достаточно ловко.

Анастасия была тоже в нервном возбуждении. Она очень хотела, чтобы именно сегодня Алексей объяснился еще раз, снова попросил ее руки. Девушка чувствовала, что искусство словно окрылило Соколова, что он готов сделать решающий шаг и почти уверен, что теперь ему не будет отказа. Они вышли после концерта на улицу вместе с сотнями людей, объятых восторгом и громко обсуждающих свои впечатления, свернули на пустынную в этот поздний час набережную Фонтанки напротив Летнего сада. Где-то вдали, за штриховкой из переплетенных ветвей голых деревьев, горели огнями окна английского посольства.

Соколов остановился у парапета, взял в руки маленькую узкую ладонь Анастасии, поднес ее к губам и глянул прямо в широко открытые глаза девушки.

— Настя, вы знаете, я люблю вас! Я больше не могу без вас существовать!.. Я прошу... Я очень прошу вас стать моей женой!..

Настя, у которой весь этот вечер душа ликовала от счастья — слышать проникающее в самое сердце пение Надежды Плевицкой, быть рядом с Алексеем в эти прекрасные минуты, — вдруг почувствовала себя обессиленной. У нее перехватило дух, закружилась голова, а из глаз неожиданно брызнули слезы.

— Милый... Алеша!.. Я согласна!..

ПЕТЕРБУРГ, ЯНВАРЬ 1914 ГОДА

Чрезвычайный посол и полномочный министр Французской республики при российском императоре Морис Палеолог собирался нанести свой первый визит в Петербурге коллеге и давнишнему знакомцу, послу короля Великобритании сэру Джорджу Бьюкенену. Француз и англичанин хорошо узнали друг друга за те несколько

лет, которые они еще недавно вместе прослужили в болгарской столице Софии.

Господа союзники не только знали друг друга по личным встречам. Опытные и хитрые дипломаты, Палеолог и Бьюкенен, которых судьба столкнула в одном из самых взрывоопасных центров Балкан, собирали друг о друге и систематизировали сведения гласных и негласных своих агентов, сплетни и слухи, циркулировавшие в небольшом дипломатическом корпусе Софии.

И теперь, одеваясь с помощью своего камердинера, Палеолог мысленно улыбался от того, что не только мог предугадать весь ход разговора и вопросы, которые словно невзначай бросит сэр Джордж, но даже скупые жесты коллеги, которыми он будет их сопровождать.

Сойдя из бельэтажа в подъезд, где замерзшие окна излучали голубоватый свет, посол дал себя укутать в шубу на хорьках, мягкий башлык и глубокую бобровую шапку. Героически, как купальщик в холодную воду, вышел он на занесенную снегом набережную. Он затаил было дыхание, боясь обжечь легкие страшным русским морозом, но воздух на набережной оказался совсем не холодным — всего на десять делений ниже буквочки С градусника, укрепленного на посольском подъезде.

Перед послом лежала закованная в ледяной панцирь Нева. Снежные сугробы на набережных, шапки снега на крышах — все источало под солнцем мириады искр. У посла сразу заболели глаза, и он устремился в спасительный полумрак кареты.

Ехать было совсем недалеко. Посол даже не успел поразмышлять, тем более что перед глазами маячила закрывавшая собой все переднее стекло кареты широченная спина Арсения, одетая в синий армяк, по которому пущены три широких галуна — отличительный знак кучера посла. Лакей открыл дверцу и помог выбраться закутанному до ушей господину чрезвычайному министру. Дюжий швейцар с седой бородой распахнул тяжелую створку двери посольского подъезда, и Морис Палеолог очутился на клочке суверенной британской территории.

Заботливые руки лакеев распутали посла от мягких оков перед зеркалом в вестибюле, занимающим простенок между белоснежными колоннами. Стекло отразило небольшого человечка с черепом, голым, словно бильярдный шар, небольшими седыми усами, моноклем на длин-

ном черном шнуре, обвисшим подбородком, подпертым высоким и тугим крахмальным воротничком, в мешковатом фраке на покатых плечах.

В сопровождении мажордома Вильяма, который в обычное время, как было известно Палеологу еще по Софии, служил сэру Джорджу камердинером, посол Франции поднялся в бельэтаж.

«Умеют же устраиваться эти англичане, — думал Палеолог, ступая за одетым в темно-зеленую ливрею и украшенным треуголкой с зелеными петушиными перьями мажордомом, на лице которого выражение любезности сменилось на холодно-каменное. — Даже в этом холодном городе, в арендованном особняке у них чисто английские запахи и надраенная латунь, английская живопись и гравюры в вестибюле...»

Сэр Джордж, сухощавый джентльмен, с короткой стрижкой седых волос и пушистыми усами на продолговатом лице, обнажил в улыбке желтые лошадиные зубы, завидя старого знакомого. Он радушно сунул Палеологу холодную руку и на чистейшем французском языке изложил свою огромную радость вновь увидеть старого друга и союзника по балканским делам в главной столице славянства.

Столь же радостно, как и хозяин, гость приветствовал старого доброго друга.

— Как поживает леди Джорджина? — поинтересовался он у британского посла.

— Превосходно, она велела вам кланяться...

Достигли изящного салона, обставленного старинной дорогой мебелью, крытой гобеленом. Британский посол заметил интерес, который гость проявил к интерьеру, и спокойно прокомментировал:

— Вы видите здесь мою коллекцию мебели, которую я вожу за собой из страны в страну...

— Это все превосходно, мой друг! — одобрил Палеолог собрание редкостей и уютно устроился в одном из золоченых кресел. Он думал при этом, что только англичане обладают столь развитым чувством комфорта, что могут таскать за собой по всему свету любимую, но громоздкую мебель.

Сэр Джордж уселся в кресло рядом и принял свое излюбленное положение — подперев подбородок руками, поставленными в мягкие подлокотники кресла.

— Мой дорогой французский друг! — начал сэр Бью-

кенен. — Я искренне рад снова встретить вас теперь на северном краю Европы...

— О да! — поднял глаза к потолку француз. — Именно здесь надо искать концы тех нитей, узлы которых мы столь успешно развязывали на Балканах...

Сэр Джордж перевел эту тираду с дипломатического языка на обычный и вполне согласился с мыслью о том, что, препятствуя России осуществить ее политику сплочения южнославянских государств, стравливая всех и вся на Балканах и помогая князю Фердинанду Кобургскому отстаивать германские интересы в Болгарии, британский и французский посланники в Софии свято выполняли свой долг, возложенный на них Уайтхоллом и Кэ д'Орсе *.

И тот и другой получил от министров, премьеров и иных вершителей судеб своих стран и народов совершенно четкие и однозначные инструкции — всячески поддерживать друг друга, обмениваться политической информацией, соединенными силами связывать российские правящие круги золотыми финансовыми путами, обязательствами, вытекающими из союзных договоров Антанты, секретных соглашений и протоколов.

От общих знакомых разговор естественно перешел на общие проблемы. Послы резко осудили кайзера Вильгельма и его правительство, поощряющее проникновение германских промышленников и купцов в Турцию, то есть туда, где издавна хозяйничали без оглядки на туземные законы британские «Виккерс», «Армстронг», «Англо-Персидская нефтяная компания» и «Шелл», «Телефон компани», французские «Крезо», «Креди Лионнэ» и прочие тузы.

Сэр Бьюкенен был при этом весьма корректен и не допускал столь резких выражений, которые могли бы отразиться на его репутации джентльмена и посла его величества. Единственно, в чем он по существу расходился со своим французским коллегой, так это в том, что Азия — это, безусловно, британское владение на века и малейшие посягательства на нее со стороны России, Германии и дражайшего союзника — Франции — должны пресекаться в любой доступной Альбиону форме.

Однако послы коснулись восточных дел лишь вскользь,

* Так именовались на дипломатическом жаргоне МИДы Великобритании и Франции по их местоположению в Лондоне и Париже. Российский МИД назывался на этом же жаргоне «У Певческого моста».

ибо главное, что хотел узнать Палеолог, была обстановка при царском дворе, характеристика ближайшего окружения царя, расстановка сил в правящих кругах России, то есть схема всей той паутины власти, которая опутывала империю, и знание тех ее нитей, дергание за которые послужит к вящему торжеству франко-британских интересов.

— В российской политике непомерно большую роль играет ее величество императрица Александра, — не торопясь, отвечал на вопрос Палеолога мистер Бьюкенен. Он знал, что французский посол имел склонность к писательству, и поэтому выбирал слова.

— Она внучка нашей королевы Виктории и по воспитанию более англичанка, чем немка, хотя ее русские недруги считают, что государыня типичный немецкий продукт... Мадам крайне истерична, не переносит любое общество, кроме, разумеется, своего мужа и, может быть, немногих близких друзей... К числу ее советчиц и поверенных в самых деликатных делах принадлежит фрейлина Вырубова...

Палеолог слушал с безразличным видом, но по тому, как изредка монокль выпадал из его глаза, сэр Джордж понимал, что услышанное весьма интересует французского посла.

— Как мне сообщали осведомленные друзья, — монотонно, но на хорошем французском языке вещал британец, — государыня крайне бережлива и скупа. Вот вам пример... По традиции русского двора дочери царя получают в день совершеннолетия жемчужное ожерелье. Ее величество предложила начальнику канцелярии министерства двора, ведущего закупки для императорской семьи, господину Мосолову покупать ко дню рождения, именинам и рождеству каждой великой княжне по три жемчужины, дарить их и откладывать затем в шкатулку, чтобы подобрать из них в нужный момент целое ожерелье. Таким образом ее величество собиралась избежать больших расходов с императорского цивильного листа... Господин Мосолов оказался достаточно умен, он опроверг способ экономии императрицы, поскольку почти невозможно предложенным ею способом набрать за много лет красивые ожерелья из подходящих друг к другу жемчужин. К тому же стоимость драгоценностей постоянно растет... Тогда Александра Федоровна велела купить каждой из четырех великих княжен по жемчужному оже-

релью, но не вручать его целиком, а рассыпать жемчужины и дарить по три штуки на каждый из праздников — и так до совершеннолетия.

— Ее величество, возможно, упорядочила финансы всего государства? — съязвил Палеолог.

— Совершенно напротив — она дискредитировала себя в такой необузданной стране, как Россия... — сделал вывод Бьюкенен.

— А как смотрит на это его величество? — поинтересовался француз.

— Государь старается не перечить ее величеству... Он вообще производит впечатление довольно апатичного и безвольного человека, но внешность эта обманчива... — подчеркнул англичанин. — Государь кажется также мягким и добрым... иногда, — поправился Бьюкенен. — На самом деле он очень упрям, не любит сильных личностей, диктующих ему свою волю. Поэтому погиб премьер Столыпин и был удален от власти премьер Витте... Образования государь ниже среднего и, думаю, не смог бы успешно командовать полком, хотя и носит звание полковника...

Слуга принес кофейник с горячим напитком, к которому оба дипломата привыкли в бытность свою на Балканах. Разговор, весьма важный для Палеолога и достаточно интересный для его английского коллеги, продолжался.

Бьюкенен рассказал о соперничестве так называемых «малых дворов», то есть придворного окружения семьи каждого из великих князей — ближайших родственников царя, о тонкостях их отношений с царем и царицей, коечто об их интригах и сплетнях, которые рождаются в салонах великих княгинь для того, чтобы поразить конкуренток и даже саму царицу. Он говорил о том, что государыня платит такой же неприязнью своим русским родственникам, которой они окружили ее...

Палеолог слушал друга все более и более рассеянно. Его мучил зуд по всей коже — француз был настолько запуган разговорами о русских морозах и холоде внутри зданий зимой, что, отправляясь с визитом, надел шерстяное белье. Теперь в жарко натопленной гостиной, выпив не одну чашку горячего кофе, он настолько разогрелся, что взмок, а его кожа буквально горела.

Половину из сказанного Бьюкененом он просто пропускал мимо ушей, а остальное не в силах был запомнить

из-за крайне неприятных ощущений. Хорошо воспитанный англичанин делал вид, что он ничего не замечает, но внутренне поражался какому-то странному состоянию Палеолога.

Наконец он не выдержал.

— Друг мой, не больны ли вы? — участливо спросил сэр Джордж, уставившись на раскрасневшийся голый череп француза и его пылающие щеки.

— Сэр Джордж! — воскликнул Палеолог. — Я не пойму, что со мной творится! Позвольте мне на сегодня откланяться!...

Посол Франции встал и побрел к двери. Он решил, что у него сейчас будет тепловой удар.

Сэр Джордж проводил гостя до гардероба, швейцар помог одеться французскому министру и распахнул перед ним дверь. Только на улице, вдохнув слегка морозного, приятного, как шампанское, воздуха, Палеолог опять почувствовал себя нормальным человеком.

— Англичанин, конечно, осведомлен... Но сэр Джордж не сказал ничего такого, чего не знали бы мои секретари... — сделал вывод хитрый дипломат, садясь в свою карету.

ПЕТЕРБУРГ, ЯНВАРЬ 1914 ГОДА

Два дня — пятницу и субботу, — после того как Соколов получил согласие Анастасии стать его женой, он прожил как в тумане. Он так же, как и всегда, приходил в свое делопроизводство в Генеральном штабе к одиннадцати, чтобы в пять часов покинуть рабочую комнату и спешить на встречу с Настей.

Он и раньше, рискуя прослыть чудаком или гордецом, старался меньше принимать участия в банальных разговорах, которые велись сослуживцами в присутственное время и сводились, помимо военных проблем, к обсуждению скачек, бегов, злословию и анекдотам. Взгляды его начальника Монкевица не отличались широтой во всех вопросах, кроме мировой политики, в которых он был силен из-за близости с министром инстранных дел Сазоновым. Да и тут он был типичным «нововременским стратегом», как иронически называли в российской столице господ, излагавших взгляды, навеянные чтением реакционной газеты Суворина «Новое время».

Полковник Энкель и подполковник Марков также не

отличались особенными умственными запросами. Их интересы сводились лишь к четкому прохождению службы, ожиданию очередного чина, а у Энкеля к тому же к усиленному сколачиванию капитала любыми средствами. Бывший гвардеец-семеновец, Оскар Энкель частенько обедал со своими старыми однополчанами в офицерском собрании Семеновского полка, где собирались великосветские хлыщи и ставшие предприимчивыми дельцами бывшие гвардейцы. После таких совместных обедов Энкель обязательно приносил и распространял самые свежие слухи о похождениях Распутина и другие грязные сплетни из высшего петербургского общества.

Соколов оставался глух ко всяческой придворной грязи. Он не любил слушать Энкеля, россказни которого коробили и потрясали его.

Единственный, кого он отличал среди своих сослуживцев, с кем поддерживал приятельские отношения, был подполковник Сухопаров, обремененный большой семьей и буквально надрывавшийся на разных приработках — чтении курсов в кадетских училищах, руководстве практическими занятиями в Академии Генерального штаба. Только Сухопарову рассказал он о том, что любит и, кажется, любим и что в воскресенье намерен отправиться к родителям просить руки Анастасии.

Не доверяя своему вестовому Ивану в покупке цветов, Соколов сам лично отправился на Морскую в субботу после конца присутствия. Он заказал к следующему утру в магазине «Шарль» самый лучший букет роз, который только можно составить зимой в Петербурге.

Вообще он не привык к особенному гусарству в своей холостой жизни, но ему очень хотелось как-то зримо выразить свою любовь к Насте. Его совершенно не смущала трата денег — полковник российской императорской армии получал неплохое содержание от казны.

С первых своих встреч с Анастасией Соколову очень хотелось доставлять ей приятное, преподносить цветы и конфекты, а на рождество, пасху и именины делать дорогие подарки. Но скромная девушка поставила Алексею условия — отказаться от купеческих замашек, не смущать ее букетами и роскошью, которая в ее глазах выглядела отвратительной и крикливой.

Соколов правильно понял подтекст выговора, который получил однажды от Насти, когда послал ей на рождество 1913 года огромную корзину цветов и положил среди

гвоздик из Ниццы футлярчик с ниткой кораллов. На следующий день Настя вызвала его со службы в приемную. Холодно глядя на Соколова и обратясь к нему весьма официально — «господин полковник», девушка вернула украшение.

— Моя дружба с вами и хорошее отношение не дают основания для столь дорогого подарка! Вы поставили меня в неловкое положение перед родителями, которые весьма удивлены, за что это я получила вдруг драгоценность... Если вы уважаете меня, то больше никогда не посмеете сделать такую бестактность!

Алексей сначала обиделся, но по трезвому размышлению понял, что девушка не терпела отношения к ней как к какой-нибудь содержанке и была права. Тем более что ее семья, по-видимому, была весьма неприятно поражена появлением неизвестного дарителя...

Со слов Насти он знал, что мама не хочет даже и слышать о Соколове, отец тоже против ее брака с офицером. Эти новые трудности не пугали Алексея, он даже предложил девушке увезти ее в другой город и тайно обвенчаться. Но все-таки Алексей не хотел нарушать обычая и решился после объяснения с Анастасией обратиться к ее родителям за благословением.

В воскресенье, взяв закрытую карету, дабы не заморозить цветы, Алексей отправился на 18-ю линию Васильевского острова, где жила Настя. Всю недлинную дорогу — от Морской до 18-й линии — Соколов проволновался и мысленно составлял разные варианты начала разговора. Он знал, что мать Анастасии, Василиса Антоновна, отличалась суровым и властным характером, имела твердые принципы и в страхе божьем держала мужа и дочь.

Отец Анастасии, Петр Федотович, был человек трудолюбивый и мастеровитый — каждую свободную минуту он посвящал дома поделкам из дерева, наполняя квартиру замысловатыми шкатулками с секретами, резными полками и собственноручно изготовленной мебелью в модном тогда древнерусском стиле с резьбой.

«А вдруг откажут?!» — думалось Соколову под скрип снега и хруст ледяных линз, давимых железными шинами кареты.

Наконец возница достиг назначенного ему адреса, Соколов расплатился. На совершенно ватных ногах полковник поднялся на третий этаж, где была квартира Хол-

могоровых. Здесь Алексей дернул за цепочку звонка, и за дверью послышалась знакомая дробь каблучков.

Дверь распахнулась, и действительно за ней стояла Настя. Густой румянец волнения покрывал ее лицо.

Прихожая была невелика, коридор отходил из нее на кухню, откуда приятно тянуло теплом и пахло пирогами. Алексей неловко снял шинель, держа букет, и остался в служебной форме, которая полагалась при случаях по собственной надобности. Крест ордена св. Станислава с мечами второй степени стягивал ему шею, а на левой стороне сюртука красовался еще один орден — св. Владимира 4-й степени, полученный им совсем недавно за выполнение очень конфиденциального и опасного поручения в Германии. Остальные ордена Алексей вполне сознательно не надел, боясь, что весь этот иконостас будет вызывающе выглядеть в простом семействе Анастасии.

Настя вполне оценила его скромность. Она оглядела его с головы до ног, а потом поцеловала в щеку. Алексей снял бумагу с цветов и прошел в горницу, дверь которой была открыта. Здесь в простенке между двумя окнами висело большое зеркало. Соколов увидел самого себя с букетом и Анастасию, идущих под руку. «Совсем как под венец», — улыбнулся он.

Посреди комнаты стоял стол, покрытый скатертью, а слева, почти прижимаясь к киоту в красном углу, большой резной буфет с тяжелыми хрустальными стеклами в дверцах. Огонек лампады теплился перед иконой Казанской божьей матери. Киот был уставлен потемневшими ликами святых и Николая-угодника в блестящих мельхиоровых ризах.

— Сейчас придут, — шепнула Настя Алексею про родителей и усадила его на диван.

Сидеть Алексею было неудобно. Мешал букет, и он никак не мог приладить на широком диване саблю. Не успел он ее уставить, как вошла высокая и моложавая из-за своей худобы женщина с довольно длинным носом, придававшим унылое выражение ее лицу, решительной складкой нешироких губ и с живыми темными глазами. Ее волосы были темно-русы и расчесаны на прямой пробор.

Алексей встал и преподнес букет хозяйке дома. Она спокойно приняла цветы и передала их дочери властным жестом. Когда Соколов увидел вошедшего следом за женой Настиного отца, то сразу понял, от кого девушка взяла всю свою красоту. Петр Федотович был хотя и невысок,

но строен и ладен. Густые и непослушные пепельные волосы его были причесаны явно с большим трудом. Большие голубовато-синие, как у Анастасии, глаза смотрели на гостя прямо и доброжелательно. Твердый подбородок был гладко выбрит, а рот прикрывала щетка усов темно-пепельного цвета. Он смущенно улыбался оттого, что его жена была не очень-то радушна к Соколову, хотя и заранее предупреждена дочерью о важной цели его визита.

Василиса Антоновна была действительно не в духе. Во-первых, она очень не хотела брака Анастасии с полковником, человеком хотя и обеспеченным, но совсем из другого сословия. Ее просто бесило, что кто-то из будущих знакомых Насти может счесть ее дочь неровней этому человеку, барину в ее глазах. Она считала также, что все военные, а тем более гусары, крайне ветрены и не способны на любовь и привязанность такую, как у людей простого сословия.

Совсем отказать дочери в благословении Василиса Антоновна, как человек глубоко верующий, не могла, но решила все-таки сразу не сдаваться и немедленного согласия не давать.

В таком настроении она вошла в горницу и увидела поднявшегося при ее появлении высокого и стройного военного, с открытым мужественным лицом, ясными глазами и белозубой улыбкой из-под русых усов. Соколов с достоинством преподнес ей красивый букет, каких в жизни у нее не бывало, она встретила его прямой взгляд и оценила простоту и скромную манеру держаться. Неожиданно для нее самой накипевшая на этого гусара злость понемногу стала улетучиваться, и она почти радушно сказала ему:

— Садитесь, батюшка, садитесь! — А сама с мужем села за стол.

Соколов тоже сел к столу и, не зная, как начать, теребил темляк своей сабли. Все молчали. Настя поставила цветы в вазу и тоже присела к столу. Из-за спины родителей она ободряюще взглянула на Алексея.

Соколов чуть кашлянул, от волнения во рту пересохло, и он начал с глухотцой:

— Уважаемые Василиса Антоновна и Петр Федотович! Прошу руки и сердца вашей дочери, а также родительского благословения на наш брак!.. — Он замолчал, раздумывая, что еще следует сказать, поскольку позабыл все придуманные в карете варианты.

Мать Насти, лицо которой было покрыто пятнами от волнения, еще не отошла до конца от своего неприязненного настроения.

— Ну что ж!.. — протянула она. — Настя нам сообщила третьего дня о ваших намерениях... Только у нас, родителей, имеются сомнения... — не захотела она сдаваться. — Мы и приданого такого не имеем, чтобы угодить господину полковнику...

Пришел черед краснеть Анастасии.

— Мама, что ты говоришь! — чуть не плача, вымолвила она.

Твердо глядя на будущую тещу, Алексей медленно и размеренно заявил:

— Я люблю Анастасию, и мне не нужно никакого приданого!

— А как же так — без приданого! — возмутилась Василиса Антоповна. — Это же не по-православному...

— Васюта, подожди со своим приданым... — щурясь, словно от боли, вступил в разговор отец. — Насколько тверды-с ваши намерения, господин полковник? Ведь мы понимаем, что Анастасия, хотя девушка красивая и скромная, все же не из вашего круга жизни-с... Желаете ли вы дать ей счастье или хотите иметь только красивую куклу-с? Вот это нас и беспокоит, так что не обессудьте-с!

Настю почему-то стала раздражать эта мелкочиновничья приставка «с», которая появлялась в речи отца, когда он очень волновался и хотел придать своим словам официальный оттенок.

Алексей, давно передумавший все думы, которые выкладывали сейчас перед ним родители Анастасии, не отводил взгляда от синих глаз Настиного отца, пока тот делился с ним сомнениями. За Соколовым внимательно наблюдала Василиса Антоновна.

Судя по всему, она осталась довольна серьезностью, с которой Соколов воспринял рассуждения ее мужа, и готовилась внести свою лепту в разговор.

— А как вы намереваетесь жить, милостивый государь? — спросила она, показывая себя женщиной практичной. — Ведь вам надо держать дом, приглашать разных гостей... Чай, и генералы к вам заходят?.. А ведь Настенька у нас этикетам не обученная... Вы об этом подумали?..

Соколов решил разрядить атмосферу шуткой.

— Что вы, Василиса Антоновна! — простодушно заулыбался он. — Нет ничего проще... У Сытина на Нев-

ском купим «Подарок молодой хозяйке» Елены Молоховец — и можно закатывать любой званый обед!..

Хозяйка не приняла его юмора и поджала губы. Отец понял, что опять собирается гроза, и постарался свести все дело к миру.

— Алексей Алексеевич! Негоже нам так сразу отдавать любимую и единственную дочку-с! Повремените несколько дней-с! А мы пока тоже обсудим и решим-с! Если Анастасия не усомнится, то мы ей противиться не будем... — И он решительно посмотрел на жену.

— А теперь, Настенька, накрывай на стол! — скомандовал отец. — Надеюсь, господин полковник откушают с нами чаю?..

— С удовольствием! — отозвался Алексей, хотя у него на душе скребли кошки и настроение не стало лучше от ответа неопределенного. Но он решил не обострять отношения с будущими родственниками.

Возбужденность и настороженность прошли и у родителей Анастасии. Они превратились в радушных и гостеприимных хозяев, желавших всячески ублажить гостя. На столе появились пышные пироги, закуски и мочености, из глубины буфета была извлечена лимонная настойка в пузатом графинчике.

Настя, накрыв на стол, сурово посмотрела на родителей и, упрямо вскинув круглый подбородок с ямочкой, поставила свой стул рядом с Алексеем. Мать грозно глянула на дочь, отец улыбнулся одними глазами. Соколову стало ясно, что Настя добьется своего, и ему в следующий раз не будет отказа. Чтобы закрепить это чувство, он довольно демонстративно взял руку Насти и поцеловал ее.

Василиса Антоновна отвернулась, но промолчала.

Стали пить чай и разговаривать о недавнем крещенском празднике на Неве, где на сей раз впервые за много лет в присутствии государя императора была освящена вода, о мягкой сравнительно зиме и близости ранней весны, когда «цыган шубу продает».

Алексей совсем успокоился, он чувствовал теперь себя почти как дома и любовался грацией движений Анастасии, светом мысли на ее лице и всеми чертами человека, которого он любил. Несмотря на то, что отчужденность родителей Насти почти прошла и они от души занимали гостя, через пару часов Соколов решил, что пора и честь знать. Он поднялся и начал прощаться. Его проводили

всей семьей до двери, а когда она за ним захлопнулась, мать ворчливо сказала:

— Не по себе дерево рубишь, не по себе...

— Что ты говоришь, Васюта! — возмутился отец. — Что, наша Настя недостойная, что ли?!

— Не по себе она дерево рубит, не по себе! — уперлась Василиса Антоновна. — Я знаю, что говорю... Барин он!.. Генералом еще станет.

— Что, наша дочь хуже генеральш? Ты говори, да не заговаривайся! — рассердился отец.

— Я решила и выйду замуж за Алексея! — твердо вступила в спор Настя. — Он вовсе не барин, а добрый и умный человек! Я его люблю!

— Гусар он, гусар, говорю тебе! — настаивала мать.

— Не ерепенься, Антоновна! — закончил дискуссию отец. — На следующее воскресенье дадим ему согласие играть свадьбу летом, когда Настенька курс в консерватории закончит...

— Я ему завтра это скажу!.. — обрадовалась Анастасия.

— Не вздумай! — грозно обрушилась на нее мать. — Испортишь все! Икону надо приготовить... Он ведь военный... святым великомучеником Георгием Победоносцем... А все ж, скажу, не по себе ты дерево рубишь!..

ПЕТЕРБУРГ, ФЕВРАЛЬ 1914 ГОДА

Соколов и Анастасия встречались теперь, после того как родители Насти дали согласие на их брак, почти каждый день. Они могли целый вечер бродить по заснеженному Петербургу, а потом отогреваться горячим шоколадом в кондитерской «Бликген и Робинсон», где всегда были любимые Настей взбитые сливки с орешками, или у Филиппова на Невском. Однажды Анастасия согласилась поужинать у «Старого Донона», что на Английской набережной у Николаевского моста. Ресторанная роскошь, пальмы, вышколенные официанты, дамы в открытых почти до пояса платьях и полупьяные господа во фраках и гвардейских мундирах произвели на девушку тяжкое впечатление. Алексей какой уже раз получил повод восхититься трезвостью и справедливостью ее суждений, твердыми принципами, которыми руководствовалась в жизни Настя.

Вторая молодость пришла к Алексею. Любовь окрыляла его, прибавляя сил и делая прекрасной его жизнь.

Полковник словно впервые дышал полной грудью, и мир открывался ему во всем великолепии его лучших сторон. Даже рассказы Насти о суровой и полной тягостной нищеты жизни рабочего сословия Питера, хотя и трогали и волновали Соколова, оседали у него в душе, но не могли вывести из состояния радостного подъема, которое владело им все последние дни.

Приближалась масленая неделя — самое веселое время в Петербурге. Алексей и Настя заранее предвкушали, как они отправятся на народное гулянье, устраиваемое на целую мясопустную неделю Санкт-Петербургским городским попечительством о народной трезвости в Петровском парке. Чопорный чиновный Петербург преображался и опрощался на эти дни. Из холодной и давящей метрополии столица превращалась в народный и веселый Питер.

На масленую наезжали в город из окрестных чухонских хуторов в непостижимых количествах белобрысые «вейки» * с лохматыми маленькими лошадками, запряженными в низенькие санки. Сидя на облучке, небритая добродушная «чухна» сосала невозмутимо трубку-носогрейку и за всякий конец просила «ридцать копек». Петербургские «ваньки», тоже старательно наряжавшиеся на масленицу, обвязывавшиеся многоцветными узорчатыми кушаками и украшавшие упряжь лентами, жестоко презирали конкурентов. Встретив где-нибудь на своем пути «вейку», извозчики обязательно кричали ему: «Эй, посторонись, деревенщина!»

Алексей договорился с Анастасией, что заедет за ней в воскресенье в полдень. Настроение у Насти было отличное, она в субботу днем долго вертелась перед зеркалом, примеряя новую котиковую шапочку, так удачно сочетавшуюся с ее беличьей шубкой и пепельно-жемчужными волосами.

Ее кокетство перед зеркалом прервал звонок в дверь. Был уже седьмой час вечера. Отец еще не пришел с фабрики, а мать, как всегда по субботам, была в церкви, у вечерни. Настя открыла дверь, и мальчишка-посыльный в черном пальто с медным номером на груди и с бляхой на шапке передал ей запечатанный конверт.

* Финское имя, ставшее нарицательным, обозначавшее род извозчиков.

— Ответа не ждут, — сказал мальчишка, но остался стоять в дверях. Настя поняла, что он привык к чаевым, и извлекла из кармана своей шубки двадцать копеек. Посыльный моментально исчез.

Дурное предчувствие овладело девушкой. Она никак не могла вскрыть конверт.

«Неужели что-то случилось с Алексеем?» — испугалась она, но записка оказалась от Василия. Он просил срочно прийти в собор апостола Андрея Первозванного, что на 6-й линии, и сообщал, что будет ждать ее в правом приделе, в дальнем от алтаря углу. Через пять минут Анастасия уже входила в жарко натопленный и нагретый дыханием сотен людей собор.

Еще продолжалась вечерня вселенской родительской субботы. Высоко к сводам собора вместе с чадом сотен свечей, дымом ладана и испариной от верхней одежды прихожан возносилась «Аллилуйя», творимая многоголосым хором.

Настя вспомнила уроки по элементарной конспирации, полученные от товарищей, купила у входа тоненькую свечку и направилась в правый придел. Там в полутемном углу, где теплились лишь лампады, стоял Василий. Его задумчивая поза ничем не выделяла его из молящихся.

Настя подошла поближе, словно случайно встала впереди него, делая вид, что не знает этого человека. Василий остался в прежнем полускорбном положении. Когда, заглушая отдельные слова молитв, громко грянул хор, Василий сказал так, что слышно было только Анастасии:

— Костя-технолог оказался провокатором. Он связан с охранкой. Завтра в час пополудни он должен прийти к вам за литературой и привести за собой наряд жандармов...

Хор певчих гремел во всю мощь, его покрывал бас дьякона.

— Запомните адрес — Малая Охта, Среднеохтинский проспект, 8, второй этаж направо, спросить господина Бессмертного. Будут ждать завтра целый день. Когда отворят дверь, спросить: «Мне сказали, что у вас остановилась моя родственница...» Если в ответ скажут — «Проходите, будьте как дома...» — можно отдавать корзинку. Ни пуха ни пера!..

Анастасия не успела оглянуться, как Василий растворился в темноте придела и исчез. Девушка, потрясенная услышанным, машинально подошла к подсвечнику, за-

жгла свечу от какого-то огарка, поставила ее и так же тихо отошла.

Неторопливо, раздумывая о всем услышанном, она направилась к дому. Неожиданно в голову пришла мысль о том, что ведь Алексей приедет за ней в полдень, а он никогда не опаздывал. Она или должна успеть обернуться до Малой Охты и обратно, или... Это «или» поразило Анастасию своей простотой.

С непредусмотрительностью молодости Настя решила дождаться Алексея, вместе с ним съездить по указанному адресу и отдать опасную корзинку.

«Ведь будет еще целый час до прихода полиции!..» — думала Настя, но, не искушенная в делах подполья, не могла предположить многого...

Воскресенье началось, как обычно, с ожидания Василисы Антоновны от заутренней. Время долго тянулось к полудню. Без пяти двенадцать Настя, одетая в шубку и новую шапочку, поставив у входной двери корзинку, по верху которой, под салфеткой, угадывались французские булки, с волнением ожидала в прихожей звонка. За несколько минут, пока девушка томилась подле двери, масса самых панических мыслей промелькнула у нее в голове. То ей казалось, что сейчас войдут жандармы и схватят ее с уликами, то думала, что Алексей совсем не приедет из-за какой-нибудь случайности, то хотелось раздеться и броситься в постель, сказавшись больной...

Соколов, верный своим привычкам разведчика и генштабиста, был пунктуален. Стенные часы в комнате родителей еще не начали своего перезвона, как на лестнице послышались его шаги с характерным звоном шпор. Настя распахнула дверь и бросилась ему на шею.

— Милый, здравствуй, как я рада, что ты не опоздал! — выпалила она, поцеловав Алексея в бритую и пахнущую одеколоном щеку. Подхватив корзинку и не дав полковнику возможности поприветствовать своих будущих родственников, Настя сбежала вниз по лестнице. Соколов последовал бегом за ней и успел открыть перед ней дверь подъезда. На пороге Настя остановилась, ослепленная ярким солнцем и блеском чистого снега.

У подъезда стоял лихач. Настя немедленно уселась в сани. Соколов укрыл ее ноги медвежьей полстью с кистями и приказал: «Лететь!»

Улица плавно тронулась назад. Вместе с ней остался почти у подъезда Настиного дома человек в студенческой

шинели и шапке с эмблемой Технологического института. Это был Костя-технолог.

Полиция еще вчера решила начать операцию по изъятию нелегальной литературы на час раньше, но приход Соколова спутал охранке все карты. Увидя отъезжающих Настю и полковника, Костя бросился к соседней подворотне — там стояла карета с нарядом жандармов, только собиравшихся вылезать на морозец из тепла.

— Проворонили! — выпалил Костя жандармскому ротмистру, возглавлявшему наряд. — Птичка упорхнула...

— Дурак вы, господин, хотя и студент! — выругался ротмистр. — Спать долго любите!.. В восемь утра надо было начинать... Теперь попробуйте добыть улики-с! А без улик мы не можем дело прокурору передать!.. Теперь госпожу Холмогорову не тронешь!.. На всякий случай двум филерам остаться для наблюдения.

ПЕТЕРБУРГ, ФЕВРАЛЬ 1914 ГОДА

Настя благополучно сдала корзинку на Малой Охте. Соколов, которому она сказала, что мама просила отвезти провизию заболевшей родственнице, терпеливо ждал в санях и предвкушал настоящий праздничный день из таких, о которых память сохранилась с самого детства. Его лишь слегка тревожило, что Настя была сначала неестественно оживлена, потом, дорогой, словно бы успокоилась, а затем на Охтенском мосту вроде бы снова разволновалась. Своим чутьем разведчика и душой любящего человека Соколов точно уловил моменты переживаний Анастасии, но отнес их на счет болезни родственницы.

Девушка вернулась умиротворенная через пяток минут, и Алексей тоже успокоился.

Лихой «ванька» быстро домчал их до Петровского острова, где в Петровском парке шло-гремело народное гулянье. Уже от Тучковой набережной в морозном ясном воздухе доносились от парка за Малой Невой звонкий веселый гул голосов и море самых разнообразных звуков — гармонь, какие-то бубны, писк свистулек, смех и отдаленные выкрики. Все это будило воспоминания о радостях детства.

Показались дощатые балаганы. Отдаленный шум превратился в неумолчное гудение толпы. Веселая и оживленная Анастасия, щеки которой разрумянились от быстрой езды с лихачом, легко выпрыгнула из саней, как

только Алексей открыл полсть. Оба сразу попали в толпу, где, чтобы не оторваться от Алексея, Настя взяла его под руку и прижалась к нему.

Народное гулянье было совсем не тем местом, где можно было вдоволь любоваться друг другом. Настя и Алексей поняли это, радостно, как будто беспричинно засмеялись и стали разглядывать вывески, обращая внимание на самые смешные из них.

На одном из балаганов красовалось огромное полотнище. В пороховом дыму на белом коне скакал храбрый генерал и махал сабелькой, вслед ему валили солдаты, простирая вперед штыки. Как водится, противник быстро улепетывал.

Внутри балагана слышались трубные звуки, пальба, музыка и барабаны, восторженные крики зрителей.

К другому балагану — Малофеева — было не протолкнуться. Здесь народ облепил боковые деревянные лестницы, ведущие в раек. Ждали начала «Куликовской битвы».

— Пойдем? — спросила Настя.

— Пойдем! — с удовольствием ответил Алексей.

Затем покатались с высоченных ледяных гор, слетая в утлых салазках, вздымающих брызги искрящейся на солнце ледяной пыли. Рядом с горами у дощатого буфета под навесом пыхтел огромный самовар и парились пузатые расписные чайники с заваркой. Тут же лежали горками вяземские, тульские, мятные печатные пряники в виде рыб и зверей, человечков и всадников. Толпа прибила Алексея и Настю к буфету, и они не могли удержаться от лакомств.

Всюду сновали лоточники с мочеными грушами и яблоками, разных видов колбасами и студнем, ситными пирогами с грибами, с ливером... Их товар расхватывался на лету и не успевал замерзать.

Когда сияние дня стало угасать, для вящего веселья зажглось электричество. Настя заметно утомилась, стала реже улыбаться и тяжелее опираться на руку Алексея. Он почувствовал это и, полуобняв, развернул к выходу.

Взяли свободную «вейку». Мохнатая лошадка затрусила по Тучкову мосту к Среднему проспекту Васильевского острова. Стемнело. Под меховой полстью Настя уютно прижалась к шинели Алексея и задремала, как сморенный усталостью ребенок.

Внезапно тревожная мысль словно ожгла Настю, и весь сон сразу пропал.

«Как там дома?.. — подумала она. — Все ли благополучно?»

Алексей почувствовал, что девушка проснулась. Он велел финну быстрее держать к Восемнадцатой линии. Когда они вскоре вылезали из саней у Настиного дома, большая круглая луна разливала свой жемчужный свет над городом.

У дома и в подъезде все было тихо. Алексей проводил девушку до квартиры и, когда открылась дверь, хотел было откланяться. Хозяйка, однако, пригласила его на блины. Скрывая свою радость побыть с Анастасией еще целый вечер, Соколов принял приглашение.

«...Все было отменно хорошо в этот день», — думал полковник, покидая радушный кров Холмогоровых. Он шел к Среднему проспекту в надежде нанять там извозчика, и вдруг какое-то смутное беспокойство стало овладевать им. Острая наблюдательность офицера военной разведки позволила ему мгновенно заметить, что он стал вдруг объектом наружного наблюдения. В два счета определил он незадачливого сыщика, прикидывавшегося пьяным гулякой на другой стороне улицы. Он повел его за собой, минуя Средний, до Большого проспекта. Там простейшим приемом быстрого поворота за угол с заходом в ближайшую темную подворотню он сбил преследователя со следа и кликнул проезжавшего мимо «вейку».

По дороге домой полковник упорно размышлял, почему это он вдруг попал в поле зрения филеров. Его острый ум сопоставил это с утренним волнением Анастасии, невзначай замеченным около ее дома возбужденным студентом-технологом и другими мелкими приметами. Соколов сделал отсюда довольно правильный вывод о том, что слежка за Настей, наверное, затеяна охранкой в связи с какими-либо студенческими беспорядками.

«К ним, наверное, причастна Настя и ее друзья...» — решил полковник и тут же подумал, что весь жандармский корпус знает про аполитичность армии. Не стоит волноваться из-за пустяка...

ВАРШАВА, АПРЕЛЬ 1914 ГОДА

В начале тысяча девятьсот четырнадцатого года генеральные штабы всех крупных европейских держав уже предчувствовали большую войну. В российском Генеральном штабе опасались войны еще в прошлом, 13-м году,

но он, слава богу, истек, и Россия получила еще какое-то время для осуществления своей программы перевооружения и модернизации армии. Но военно-политическая обстановка продолжала обостряться, разведка приносила все новые сведения о военных приготовлениях германцев, австрийцев, румын, болгар. Военный министр Сухомлинов решился испросить милостивого соизволения государя на проведение стратегической игры генералитетом русской армии.

На сей раз, дабы придворные бездарности не вмешались в штабные дела и не сорвали задуманное с помощью дядюшки его величества, великого князя Николая Николаевича, как это было в 1911 году, Сухомлинов решил проводить игру в Киеве, подальше от двора.

Когда высочайшее одобрение игры было получено и машина Генерального штаба пришла в движение, один из винтиков этой машины — полковник Соколов, начальник австро-венгерского делопроизводства разведывательного отделения, — получил предписание своего начальника, генерала Монкевица, отправиться в Варшаву. Полковнику следовало проработать в разведывательном отделении штаба Варшавского округа вопросы информационного обеспечения военно-стратегической игры, а затем прибыть в Киев и принять участие в штабном учении.

Под перестук колес варшавского экспресса у Соколова все дальше в интимные уголки сознания уходили мысли о Насте, о предстоящей свадьбе и хлопотах, с нею связанных. На передний план выдвигались сложные переплетения больших европейских и мировых проблем, нацеливание агентуры на самые важные звенья работы берлинского и венского штабов, на раскрытие вражеских замыслов и соображений.

Варшавский экспресс с небольшим опозданием прибыл на Санкт-Петербургский вокзал Варшавы. Коляска из штаба ждала Соколова на площади, он погрузился в нее и велел кучеру везти себя в Европейскую гостиницу, что на улице Краковское предместье. Алексей любил этот удобный отель, сооруженный на месте бывшего дворца Огинских, и до открытия его конкурента «Бристоля», славившегося как первый отель Варшавы.

Портье в отеле, человечек с бородавкой на носу и прилизанными редкими волосами, с пробором посредине головы, в железных очках, внимательно изучал вид на жительство, выданный полковнику Генерального штаба Со-

колову, и внимательно сверял указанные в нем приметы с внешностью красивого военного в черном мундире. Соколову вдруг очень не понравился этот маленький человечек, его манера исподлобья взглядывать на гостя и вся его важная медлительность. Он нахмурился, человечек понял его мимику и мгновенно вернул документ.

— У иностранцев мы вообще не спрашиваем их бумаги, господин полковник! — пояснил он, и Соколов уловил какой-то непольский акцент в его русской речи. Но он не успел разобраться в своих наблюдениях, как коридорный подхватил его чемодан и бросился с ним к подъемной машине, чтобы доставить в скромный двухрублевый номер, который снял Соколов.

Алексей не стал отдыхать с дороги, а тут же вышел на Краковское предместье размяться и побродить по Варшаве, чтобы затем, ближе к четырем часам, явиться в штаб округа к Батюшину.

Генерал Орановский, начальник штаба Варшавского военного округа, принял Соколова очень любезно. Он слышал об этом умном и храбром офицере и теперь с удовольствием пожал ему руку. Долго задерживать визитера он не стал — в Варшавском офицерском собрании был назначен бал, где генерал должен был присутствовать вместе с супругой, игравшей роль первой дамы гарнизона.

Николай Степанович Батюшин был не менее любезен — хотя по сроку производства в чин полковника он был намного старше, но Соколов как-никак был его начальником в Петербурге. Батюшин весь выражал внимание.

Они не виделись чуть меньше года. Начальника варшавского разведывательного пункта продолжало очень интересовать дело Редля и его завершение.

— Группа Стечишина, которую летом прошлого года вывели было в запас, — поделился Соколов, — уже в августе вновь принялась давать информацию, к тому же первоклассную... Ты помнишь, Николай Степанович, один из участников этой группы занимает высокий пост в венском генеральном штабе. Так он доставляет через киевских чехов свежайшие — с разницей всего в две недели — подробные данные прямо с совещаний высшего руководства военного ведомства Австро-Венгрии, проходящих под председательством самого Конрада фон Гетцендорфа... Что касается твоего вопроса о Редле, то 12 ав-

густа мы получили агентурное сообщение из Вены о совещании 21 июля у Конрада, когда он огласил текст составленного им ответа начальнику германского Большого генерального штаба фон Мольтке-младшему. Представляешь, у них вспыхнул скандал, поскольку совещание нашло, что хотя содержание ответного письма и отвечает ироническому тону письма фон Мольтке, но редакция его должна быть изменена, чтобы не идти вразрез со стремлениями дружбы, которую Австрия питает к Германии. Конрад уперся и заявил, что считает текст своего письма окончательным и единственно отвечающим достоинству занимаемого им положения. Старик так разобиделся, что просил поручить составление ответного письма кому-нибудь другому, и совещание решило доложить весь вопрос императору...

— Выходит, у австрийцев и немцев еще идет ссора? — решил уточнить Батюшин.

— Вот именно... Они грызутся практически беспрестанно! — ответил Соколов.

— А как ты смотришь на возможность скорой войны? — задал, в свою очередь, вопрос Соколов и пояснил: — У меня есть сообщения, что в Германии в настоящее время начинают исподволь подготовлять население и войска к мысли о неизбежности столкновения с Россией. В частности, наш агент обратил внимание на популяризацию этой мысли в ряде чтений, прошедших на эти темы в войсках и общественных аудиториях.

— Алексей Алексеевич, я смотрю на сей предмет очень серьезно, — подтвердил Батюшин. — Моя агентура тоже доносит о заявлении императора Вильгельма насчет желательности совместной проверочной мобилизации с Австрией крупных воинских масс и проведения других мероприятий, усиливающих германскую армию... В частности, и австрийцы и немцы особенно остро ставят вопрос о полевом снабжении армии, выдвигая его на степень неотложности. Они пополняют свои войсковые продовольственные запасы до норм военного времени и ведут усиленные переговоры с поставщиками на армию...

Разведчики продолжали обмен мнениями и информацией о военных приготовлениях Срединных империй, а затем отправились обедать в офицерское собрание в бывшем дворце графов Замойских на Краковском предместье.

КИЕВ, АПРЕЛЬ 1914 ГОДА

Когда день 20 апреля уже вступил в свои права, его высокопревосходительство военный министр и генерал-адъютант свиты его величества Владимир Александрович Сухомлинов изволили еще почивать после бурно проведенной ночи с господами генералами, прибывшими на оперативно-стратегическую игру в преславный город святого Владимира. Но зловредный камердинер Петруша не дал досмотреть господину министру радужный сон. Он преданно склонился над кроватью и нежно теребил хозяина за рукав ночной рубашки:

— Ваше высокопревосходительство, вы изволили приказать поднять вас в полдень, а сейчас уже час с четвертью...

— Что же ты, дурак, не разбудил меня раньше, ведь в два я должен начать совещание в штабе округа!.. — осерчал барин.

— Ваше высокопревосходительство, здесь же буквально два шага до Банковой улицы, где стоит штаб... — пытался оправдаться верный слуга.

— Подавай тогда быстрее одеваться, остолоп! — продолжал сердиться генерал. — Да пойди скажи адъютанту, пусть передаст в штаб, я задержусь на полчаса, мол, с государем буду по прямому проводу разговаривать...

Час спустя надушенный и причесанный господин военный министр входил в солидное здание штаба Киевского округа.

С необыкновенно радостным настроением поднимался Владимир Александрович по лестнице, украшенной красным ковром, ведь столько лет изо дня в день он ходил здесь, будучи генерал-губернатором и командующим. А если смотреть на дело шире, то и в переносном смысле он поднялся в верха Российской империи именно по этой лестнице — главной лестнице Киевского военного округа... Именно отсюда вызвал его государь, чтобы доверить сначала Генеральный штаб, а затем и все военное министерство.

Генерал-адъютант вошел в свой прежний кабинет. Здесь теперь царил генерал Иванов, но он любезно предоставил его военному министру.

Сухомлинов сел и раскрыл папку с приготовленной для него диспозицией. Генерал-квартирмейстер Данилов сел визави и приготовился давать объяснения по ходу

записки о военной игре. Однако Сухомлинов знал все бумаги, касающиеся игры, столь хорошо, что разъяснений оператора-стратега не потребовалось.

— Пригласите участников военно-стратегической игры! — торжественно изрек военный министр и перешел к председательскому креслу во главе длинного стола, вокруг коего было приготовлено девятнадцать стульев — по числу генералов, собранных из основных военных округов России — Варшавского, Виленского, Киевского, Московского и Казанского — для проверки оперативных и мобилизационных расчетов и соображений российского Генерального штаба в отношении будущей войны. Никто не знал, что она разразится всего через три месяца и застанет большинство присутствующих сейчас в Киеве генералов на тех же постах, которые были отведены им в ходе этой первой военной игры в России XX века.

Между тем в армии главного противника России — германской различного рода проверочные, зачетные оперативные работы, военные игры на картах и полевые поездки под руководством авторитетного военачальника фон Шлиффена были настолько часты и обычны, что являлись как бы естественным и повседневным занятием офицеров германского Большого генерального штаба.

Сухомлинов знал от военной разведки русской армии об этих особенностях армии германской, очень хотел бы ей подражать, но постоянно сталкивался с косностью и леностью высших армейских и придворных сфер, которые привыкли заменять все военные игры традиционными маневрами в одном и том же районе Красного Села и блестящими парадами пехоты и кавалерии перед царем-батюшкой.

Теперь же он торжествовал — его детище, военно-стратегическая игра, начиналось наконец, и в том составе, в котором предложил всеведущий Данилов...

Генералы занимали места за столом. На одной его половине уселись «представители» так называемого «Северо-Западного фронта» — командующий Варшавским округом Жилинский, бывший недавний начальник Генерального штаба; Орановский, его начальник штаба, который получил роль начальника штаба фронта; Ренненкампф, командующий Виленским округом в роли командарма-I, со своим начальником штаба Милеантом; другие генералы фронта — Рауш фон Траубенберг и Леонтьев.

На другой половине — главком «Юго-Западного фронта» Иванов, нынешний радушный хозяин в Киевском военном округе; начальник его штаба Алексеев; командармы и начальники штабов барон Зальц и генерал Гутор, Плеве и Миллер, Чурин и Драгомиров-младший, Рузский и Ламновский.

Янушевич и Данилов заняли места на противоположном Сухомлинову конце стола.

— Ваши превосходительства! — торжественно начал военный министр. — Сегодня мы приступаем к важнейшему мероприятию, долженствующему усилить нашу славную российскую армию... Здесь собрались те командующие округов и штабов, кои с объявлением подготовительного периода к войне, то есть мобилизации, развернутся во фронтовые и армейские организации...

Сухомлинов важно оглядел всех присутствующих и убедился, что его внимательно слушают.

«Ну, слава богу, пошло!» — подумал он, но вслух продолжал размеренно и начальственно:

— Мы мысленно представим себе, что государь император объявил сегодняшний день началом мобилизации. По ее этапам, а также по оперативным планам стратегического развертывания, на основе информации наших разведывательных отделений о противнике и других вводных проведем всестороннюю работу, как если бы война началась на самом деле...

Генералы слушали, не перебивая и не задавая вопросов. Они были уже заранее подготовлены Генеральным штабом, получили на руки мобилизационные предписания, оперативные планы начала войны и ознакомились со всеми этими материалами.

Сухомлинов продолжал:

— В качестве одной из вводных мы принимаем, что перевозки и весь тыл фронтов и армий работают без задержек и перебоев... Кроме того, нынешняя игра у нас односторонняя, то есть наши командующие фронтами и армиями работают только за себя, принимая вводные на игру, но никто не выступает в качестве противника. Как видно из общей вводной обстановки игры, нашим врагом являются Германия, Австро-Венгрия и Румыния, причем главные силы Германия направляет против нашего союзника — Франции, а Румыния, хотя и может развернуть на русском фронте до трех армейских корпусов с соответствующими резервами, активно воевать про-

тив нас, как показывают имеющиеся политические и разведывательные данные, не будет...

Когда Сухомлинов помянул Францию и основное направление германского удара на нее, Янушкевич и Данилов сразу же вспомнили прошлогодний визит генерала Жоффра в Петербург, когда французский командующий вопреки всякой военной логике настаивал на Восточной Пруссии как цели главного удара, для того чтобы оттянуть главные силы германцев от французского фронта.

Стратегическая истина подсказывала совершенно иное направление главного удара русской армии — на Австро-Венгрию, что обеспечивало разгром этого союзника Германии и еще больший эффект в оттягивании сил с западного фронта. Однако Жоффр был неумолим, он пустил в ход не только довольно куцые оперативные аргументы, но главным образом угрозы прекратить финансирование стратегических железных дорог в западных областях России, ассигнованиями на которые, а также на вооружения западная союзница России тесно привязала ее к себе и к своим планам. В Петербурге не нашлось достаточно твердых и решительных политиков и военных, которые могли бы растолковать упрямому Жоффру и всему французскому генеральному штабу, что русский оперативный план войны более выгоден и скорее достигает тех же целей, что и французский.

Сухомлинов также хорошо помнил все обещания Янушкевича Жоффру и поэтому в качестве основного противника указал на Германию и ее стратегическое развертывание в Восточной Пруссии. Однако упрямая логика стратегии подсказывала российским генералам направление удара на Австрию. Поэтому второй вводной было сообщено об одновременном ударе также и на Галицию.

Французские идеи войны против Германии кровью русских мужиков все-таки получили приоритет в устах самого военного министра, начальника Генерального штаба Янушкевича и генерал-квартирмейстера Данилова: организация стремительного первого контрудара в Восточной Пруссии. Именно поэтому Сухомлинов и продолжал коротко, но смело:

— 1-й и 2-й армиям, не ожидая окончания нашего развертывания на среднем Немане, немедленно перейти в наступление обеими армиями одновременно, нанося главный удар 1-й армией в направлении Гумбинен в об-

ход Мазурских озер с севера; 2-й армией в направлении на город Лык с охватом правого фланга германцев...

— Ваше превосходительство, — позволил себе перебить военного министра командующий 1-й условной армией генерал Ренненкампф. — Но ведь это настоящие Канны для германской армии!

— Мы это еще проверим в ходе игры, — самодовольно отозвался Сухомлинов и продолжил свой доклад об условиях и вводных.

...Целых четыре дня в весеннем Киеве 1914 года в здании штаба Киевского военного округа царило необыкновенное оживление. Старцы в генеральских погонах устраивали на бумаге Канны германской армии, громили австрийцев, забывая о самых элементарных принципах стратегического развертывания армии, основанного на хорошо поставленной армейской организации, путях сообщения, связи и материальных ресурсах.

Твердо устанавливалась та самая пагубная линия поведения любой ценой угодить западному союзнику, которую приняло русское военное руководство в первые месяцы мировой войны. До разгрома армий Самсонова и Ренненкампфа оставалось три месяца.

КАРЛСБАД, МАЙ 1914 ГОДА

Могучие каштаны подняли к ясноголубому небу над Карлсбадом белые свечи своих соцветий, напоили воздух долины, что расстилается за поворотом речки Тепль у здания Королевских ванн, весенним ароматом. Изредка на дороге у трактира «Почтовая станция» останавливались собственные и наемные экипажи, высаживая по-курортному одетых дам и кавалеров, беззаботно щебечущих и совершенно не подозревавших, что в сотне метров от них, в парке подле белокаменной трехэтажной виллы, два генерала готовятся решать судьбы и этих веселых кургастов, и всего остального — цивилизованного и нецивилизованного — мира.

Это были начальник генерального штаба императорской и королевской армии Австро-Венгрии Конрад фон Гетцендорф и его гость из Берлина, начальник Большого генерального штаба германской армии генерал граф фон Мольтке-младший. Племянник «великого» Мольтке, победителя Франции, младший граф фон Мольтке был уже совсем не молод, успел прослужить в хлопотливой долж-

ности начальника германского генерального штаба около восьми лет. За это время его от рождения меланхоличный характер стал еще более пессимистическим, а усы, браво торчащие а-ля кайзер как у любого германского офицера, повисли почти трагически. Его грузная фигура покоилась в плетеном кресле рядом с другим таким креслом, в котором, напружившись, не касаясь спинки, сидел радушный хозяин — Конрад фон Гетцендорф. Оба были в легких летних фуражках, Мольтке — в синем мундире генерального штаба, а Конрад — в своей любимой кавалерийской венгерке. Его усы воинственно топорщились в сторону гостя.

Свита, состоящая из офицеров генштаба обеих империй, и два лакея, назначением которых было менять бокалы и напитки, расположились чуть в стороне, также в тени огромного платана, как и генералы, но на таком расстоянии от них, чтобы в любую минуту можно было подать портфель, карту или справку.

Генералы важно и неторопливо вели разговор, который должен был спустя несколько недель определить движения корпусов и армий против всех врагов Срединных империй и их союзников.

Фон Мольтке на этот раз отвечал визитом своему коллеге фон Гетцендорфу, с которым не виделся почти год, но весьма оживленно переписывался. На бумаге он так и не смог ни в чем убедить упрямого Конрада и поэтому, по совету императора Вильгельма, решился даже на такой крайний шаг — в разгар подготовки к большой европейской войне, когда начальник генерального штаба должен трудиться на своем рабочем месте и готовить всю страну к решительной схватке, фон Мольтке отправился под видом отпуска в Богемию, в Карлсбад на встречу с гордецом, которого он к тому же так сильно задел в своих письмах, связанных с делом Редля. Ну что же! Ведь както надо было исправлять положение и внушить этим легкомысленным австрийцам, что гениально прав был Шлиффен, когда говорил, что «судьба Австро-Венгрии будет решаться не на Буге, а на Сене!».

Теперь, сидя в удобном кресле рядом с Конрадом, фон Мольтке мысленно перелистывал страницы доклада о нем полковника Николаи, обер-шпиона Германии, и приходил к выводу, что Вальтер добросовестно выполнил задание. Этот живой и напористый генерал в кавалерийском наряде (Мольтке знал — в армии союзника, как и в осталь-

ных европейских, в особом почете были именно кавалеристы, представители самого аристократического рода войск), заявляя о чисто прикладных сторонах своего оперативного плана войны, весьма упорно отстаивал преимущества «Сосредоточения Б», имевшего направлением Балканы и главной целью — разгром Сербии и Черногории.

Германская империя, ее армия и лично фон Мольтке-младший были более заинтересованы в плане под названием «Сосредоточение Р», смыслом коего являлась активизация Австро-Венгрии против России. Но начальник германского генерального штаба уже бился с утра, но никак не мог доказать упрямому Конраду всю выгодность для общего дела именно второго плана.

— Главным врагом Австрии исторически является Россия, — размеренно высказывал он свои мысли Конраду. — Именно против нее следует направить все помыслы, всю энергию, все оперативно-стратегические расчеты. В то же время главным врагом Германии является Франция, и, как говорил мой учитель Шлиффен, мы должны мечтать о победоносном вторжении в цветущие равнины Сены и Луары. Это всеми принимается как нечто вполне определенное...

— Но, граф, ведь Франция предусмотрела направление главного германского удара и построила систему крепостей, закрыв все проходы через Юру фортами в Бельфоре, Туле́ и других городах... Ее можно взять только фланговым ударом — через Швейцарию или Бельгию... — решительно возразил Конрад. — Однако нарушение нейтралитета Швейцарии и Бельгии вызовет всеобщую войну и осуждение Германии!

— Генерал, мы должны отбросить все банальности об ответственности агрессора... Только успех оправдывает войну! — не менее решительно ответил ему Мольтке. Затем, пригубив отличного моравского вина «Совиньон», пруссак продолжал подстрекать австрийца против России:

— Итак, господин генерал, если бра́ть за основу мобилизационный план «Сосредоточение Р», а я полагаю, это следует делать обязательно, ваш союзнический долг заключен в том, чтобы максимально соотнести планы кампании с германскими. Тогда при расчетах мобилизационной готовности нужно иметь в виду, что на 18-й день мобилизации Россия может сосредоточить на своем западном фронте весьма внушительные силы... В то же вре-

мя, — продолжал Мольтке, — я хотел бы вас предупредить, что план основного и главного удара германской армии направлен на разгром армии французской, а посему мы направим против Франции все основные силы и средства. Как полагал генерал Шлиффен, мы можем даже оголить наш фронт в Восточной Пруссии, и в течение шести недель с первого дня мобилизации Австро-Венгрия должна будет самостоятельно вести операции против России. Мы твердо рассчитываем через шесть недель разгромить полностью основные вооруженные силы Франции и взять Париж! — еще раз подчеркнул генерал и уверенно шлепнул по столику ладонью, так что задребезжали бокалы.

Конрад сделал знак лакею, чтобы тот наполнил бокалы, и, когда слуга отошел, он поднял бокал и, глядя в глаза Мольтке, проникновенно произнес:

— За грядущие победы германской и австрийской армий! Хох!

Начальник германского генштаба чуть приподнял свой бокал и пригубил его. Затем он методично продолжал развивать свою мысль о разгроме Бельгии:

— В дополнение к одиннадцати корпусам, которые вторгнутся во Францию через Люксембург и Арденны, германское правое крыло составят 15 корпусов, или 700 тысяч человек. Оно будет наступать через знаменитые бельгийские укрепления Льежа и Намюра, защищающие долину Мааса. Каждый день в наших планах уже расписан. Могу вам сообщить строго доверительно, что дороги через Льеж будут открыты на Францию на 12-й день после мобилизации, Брюссель падет на 19-й день, граница с Францией будет пересечена на 22-й день. На тридцать первый день германские войска выйдут на линию Тьонвилль-Сен-Квентин, а в Париж войдут, достигнув решительной победы, на тридцать девятый день войны...

— Браво, генерал! — уже без иронии, почти убежденный пруссаком, воскликнул Конрад. — Но на какой день после начала мобилизации германские войска начнут передислокацию против России, чтобы сокрушить этого колосса?

— На сороковой день мы начнем переброску частей из Франции на Восточный фронт, если к тому времени вы еще будете воевать... Не исключено, что после разгрома Франции Россия выйдет из войны и начнет переговоры о

мире... Вот тогда-то всей мощью вы сможете осуществить свой план «Сосредоточение Б», обрушившись на славянские государства на Балканах и включив их в результате победы в свою империю!

Эта перспектива настольк› захватила Конрада, что он решил согласиться с фон Мольтке и действительно начать войну с «Сосредоточения Р». Он посидел еще несколько минут молча, затем откинулся на спинку кресла и подтвердил:

— Я согласен, господин генерал, с вашими предложениями о координации действий императорской и королевской армий империи с планами стратегического развертывания германской армии...

Мольтке вздохнул с облегчением. Ему уже начало надоедать упрямство коллеги. Теперь он решил зафиксировать договоренность и предложил:

— Господин генерал, не угодно ли вам будет подписать протокол о нашей встрече, который со временем войдет в скрижали германской истории?

— Охотно, граф! — согласился Конрад. — Давайте поручим составление этого документа начальникам оперативных отделов наших генеральных штабов. Я выделяю для этого полковника Гавличека...

ПАРИЖ, НАЧАЛО ИЮНЯ 1914 ГОДА

Париж танцевал и веселился перед тем, как все, у кого есть деньги, разъедутся на курорты или в поместья. Золотые луидоры текли рекой не только у модного «Максима», но во всех других ресторанах и кабачках. Автомобильные фабрики и магазины не успевали выполнять заказы на лакированные лимузины и ландолеты. Моторы давали возможность пресыщенному свету встречаться на приемах не только в наскучивших особняках и залах столицы, но и в загородных уютных дворцах и шато, окруженных парками, на берегах озер и прудов, даривших прохладу разгоряченным винами и любовью гостям.

Но все затмил бал «драгоценных камней». Он превзошел даже самые пышные петербургские придворные балы и представления в Мариинском театре, куда дамы являлись увешанные буквально килограммами драгоценных камней. На этом парижском балу каждая модница заранее обменялась со своими знакомыми каменьями и превратилась в олицетворение того или другого драго-

ценного камня. Ее туалет соответствовал цвету украшавших даму камней.

Его превосходительство, чрезвычайный и полномочный министр Франции при дворе императора Николая Второго Морис Палеолог, почтивший своим присутствием этот бал, самодовольно подумал, что холодный и туманный Петербург, который он только что покинул, чтобы прибыть в Париж и обсудить с президентом все детали его предстоящего визита в российскую столицу, лопнул бы от зависти, доведись ему хоть краем глаза увидеть все это великолепие и богатство. Но тут же господину послу, возвращавшемуся под утро с бала домой, сделалось не совсем уютно в обитом шелком лимузине. Он вспомнил о том, что ему поручено готовить новую европейскую войну, присматривать за союзником и понадежнее втравить его в грядущую схватку.

Палеолог вспомнил, как почти прямо с Северного вокзала, едва переодевшись из дорожного платья в визитку, он ринулся в Елисейский дворец, к президенту Пуанкаре. Старая дружба, еще по лицею Людовика Великого, и доверительность отношений, в которых дипломат Палеолог выступал конфиденциальным информатором политика Пуанкаре, давали ему право быть принятым по первому телефонному звонку.

Личный секретарь Пуанкаре, не спрашивая патрона, пригласил господина министра прибыть в Елисейский дворец и любезно прислал за ним мотор. Лакей в галунах и позументах проводил Палеолога к высоким резным, с бронзой дверям кабинета Пуанкаре и поклонился. Посол вошел в зал, украшенный гобеленами и старинной драгоценной мебелью. Вся эта королевская обстановка отнюдь не гармонировала с простой и коренастой фигурой мсье президента.

Невзрачный человечек с редкими волосами и щелочками бесцветных глаз на лице, посреди которого алел приплюснутый носик, вышел из-за инкрустированного черепахой и серебром стола XVIII века навстречу другу и соратнику. Его, олицетворявшего собой на ближайшие годы великую Францию, давно уже окрестили в народе метким прозвищем «Пуанкаре-война» за то, что во всей своей государственной деятельности, во всей своей политике он толкал страну на реванш у Германии. Его поддерживали все правые парламентские группировки как носителя идеи реванша и продвигали этого адвоката

сначала на министерские посты, затем на пост премьер-министра, а теперь усадили и в кресло президента республики.

— Мой дорогой Морис, как я рад тебя видеть! — зажурчала гладкая речь Пуанкаре. — Давай же обнимемся!..

— Дорогой Раймон! — возликовал Палеолог, видя, что его принимают не как чиновника, но как друга. — Я примчался по первому знаку!..

Друзья обнялись. Пуанкаре после этого уселся на диван, крытый шелком, и сделал знак Палеологу занять место рядом в кресле.

— Чем дышит Петербург, господин посол? — приступил он к делу без лишних предисловий.

— Дышит парижской модой и ароматом французских духов, любуется фиалками из Ниццы, пьет французские вина... — пошутил посол.

— Слава богу, что денежки, которые мы зарабатываем на этих «медведях», мы считаем сами, — ворчливо поддержал его Пуанкаре. — А что господин Романов? Готов ли он наконец начать отрабатывать полученные кредиты, схватив за хвост германского орла? Ведь в позапрошлом году, когда началась драка на Балканах, его военные отказались в нее ввязаться, ссылаясь на неготовность армии к большой войне...

— Они и сейчас еще говорят, что не готовы, Раймон, — перешел на серьезный тон Палеолог. — Только к 1917-му!..

— Мы не можем ждать так долго! — категорически изрек президент. — Германия тогда слишком прочно осядет на Ближнем Востоке и отхватит у нас Северную Африку. Разве русские забыли о прыжке «Пантеры» в Агадир?

— В России не думают о том, какую угрозу германский флот и германские промышленники составляют французским интересам повсюду в мире. Петербург больше смотрит на Персию, противодействуя там Британии. Даже Турция его меньше волнует теперь... — Палеолог подумал, а затем продолжал: — По докладам моих информаторов, хорошо знающих настроения при дворе, царская семья и великие князья имеют множество интересов в Маньчжурии, их волнует Закавказье, примыкающее к Ирану и Турции. Но на Дальнем Востоке и в Средней Азии, в Персии и Турции их интересы сталкиваются с

английскими. Именно по этой причине нам трудно превратить сердечное согласие в крепкий тройственный союз...

— И не надо, — прервал его Пуанкаре. — Совсем незачем устраивать сближение России и Англии. Нам нужно от России только одно — чтобы миллионы ее солдат отвлекли германскую армию на Восток, пока мы изготовимся и перейдем в наступление на Берлин.

Пуанкаре поведал другу, что главное сочувствие идее войны высказывается хозяевами французской металлургии, объединенными в знаменитый «Комитэ де Форж». Они крайне заинтересованы в возвращении Франции Эльзаса и Лотарингии, отнятых немцами в 1870 году. Палеолог и сам хорошо знал, какую роль в нагнетании военных настроений во Франции играли эти провинции. Но, кроме эмоций, за идеей реванша стояла еще огромная экономическая выгода магнатов текстильной, металлургической индустрии, хозяев железных дорог, которую они рассчитывали получить, отвоевав Эльзас-Лотарингию.

Затем президент перешел к возможному предлогу войны и указал, что обстановка на Балканах, этой «пороховой бочке» Европы, остается крайне взрывоопасной.

— Далее, — не давая себя перебивать, продолжал Пуанкаре. — По очень надежным каналам нам стало известно, что готовится покушение на эрцгерцога Франца-Фердинанда, которое может стать предлогом для столкновения Австро-Венгрии и Сербии. Разумеется, при желании такое столкновение всегда можно превратить в более широкий конфликт, если в данный конкретный момент это будет нам выгодно...

Что же касается сроков, то, мой дорогой посол, это известно только самой судьбе. Ведь мы лишь ее рабы, — скромно опустил глаза долу президент.

— Раймон, не мог бы ты подсказать, что следует делать в Петербурге в это сложное и опасное время? Я всегда особенно ценил твои советы...

Пуанкаре криво усмехнулся.

— Твоя задача, Морис, сделать в Петербурге так, чтобы инициатива развязывания войны принадлежала не Франции или ее союзнику — Российской империи, но Германии. Поэтому поддерживай миролюбие царя только до такого предела, чтобы Вильгельм втравил его в войну... Но честь ее начала должна принадлежать Гогенцоллерну!.. Это, кстати, весьма важно и для того, чтобы на-

ши социалисты и радикалы голосовали за военные кредиты и развитие армии...

Пуанкаре поведал своему другу также тайну, которая уже не была секретом для русских дипломатов. Он рассказал, что бывший министр иностранных дел Российской империи, а ныне посол в Париже Извольский и нынешний министр иностранных дел Сазонов — члены французских масонских лож и на них можно влиять в нужном направлении через французских братьев.

В Петербурге, у Певческого моста об этом кое-кто знал. Слухи дошли даже до императрицы Александры Федоровны. Александра Федоровна была убеждена, что именно масоны толкают Россию к войне, и требовала от супруга, чтобы он реже принимал министра иностранных дел и, упаси бог, не поддавался на его просьбы...

Президент и посол поговорили о слабостях и недостатках царской семьи, о глубочайшей моральной противоположности и молчаливой двусмысленности, которые лежат в основе франко-русского союза, союза прекрасной, прогрессивной и гуманной республики с мрачной самодержавной монархией, презираемой всеми либералами Европы.

— Ослабить эту империю, оторвать от нее Польшу на западе, в пользу англичан — Среднюю Азию и Кавказ, кроме, конечно, Бакинских нефтепромыслов, которые должны стать полноправным владением французских банков, — вот твои долговременные задачи, мой дорогой посол!

КИЛЬ, ИЮНЬ 1914 ГОДА

Свежий норд в четыре балла по шкале Бофорта развел порядочную волну в Кильской бухте. Через весь бездонный голубой свод неба тянулись с веста на зюйд несколько серебряных струй перистых облаков. На рейде, напротив входа в канал, лагом к волне стояла императорская яхта «Гогенцоллерн». Волны накатывались на левый борт и, хлюпая, обегали весь стройный белоснежный корпус. Выступающий вперед плуг форштевня, чуть склоненные назад две трубы и мачты яхты придавали ее силуэту стремительность. Даже стоя на якоре, она казалась летящей по волнам.

Перед императорской яхтой среди сияющих на волнах бликов, распустив белоснежные паруса, бесшумно

скользили в бейдевинд, зарываясь в мириады брызг, легкие суденышки. Это были международные гонки парусных яхт, посвященные традиционному празднику германских мореходов — «Кильской неделе».

На парадной палубе императорской яхты под тентом, полощущимся на ветру, кайзер Вильгельм II наблюдал за гонкой. Черный адмиральский мундир украшал дородное тело императора, правая здоровая рука в белоснежной лайковой перчатке твердо сжимала морской цейсовский бинокль, левая сухая рука, как обычно, была заложена за спину.

Вильгельм изредка бросал недовольные взгляды на север, где мористее чернели два силуэта английских дредноутов, прибывших почетными гостями в Киль.

Склянки отбили три часа пополудни. Император снова отвлекся от мрачных мыслей и стал внимательно разглядывать участников гонок. Но ему помешал сосредоточиться на любимом спорте паровой катер, который нагло пересек курс быстро приближавшихся яхт и подвалил к выстрелу * императорского корабля. На его палубе подавал сигналы рукой, стараясь привлечь к себе внимание, какой-то генштабист. Фалрепный ** матрос вопросительно посмотрел на флаг-офицера ***; флаг-офицер постарался угадать желание кайзера и увидел, как он недовольно шевельнул левой рукой. Этот знак говорил флаг-офицеру: кайзер желает, чтобы его оставили в покое. И горе было смельчаку, презревшему это повеление, если важность сообщения не имела оправдания.

Офицер продолжал махать какой-то бумажкой, а затем вложил ее в свой портсигар и метнул на палубу, прямо к ногам кайзера. Тот инстинктивно дернулся, словно это была бомба. Флаг-офицер коршуном бросился на портсигар и открыл его.

«Какая неслыханная дерзость!» — решил про себя император и собрался уже сделать соответствующее распоряжение насчет генштабиста, как моряк подал ему листок, оказавшийся бланком телеграммы. В ней стояло:

---

* Выстрел — длинная и толстая балка, идущая горизонтально над водой от борта корабля. Служит для перехода с корабля на шлюпку.

** Фалрепный — матрос из состава вахтенных, назначающийся для подачи фалрепа (троса, заменяющего перила на трапе) при встрече прибывающих на корабль лиц командного состава, а равно и при проводах отбывающих с корабля.

*** Флаг-офицер — офицер в морском штабе, ведающий сигнальным делом и исполняющий обязанности адъютанта.

«Три часа тому назад в Сараеве убиты эрцгерцог и его жена».

У кайзера кровь сначала отлила от лица, а затем снова от радости бросилась в голову. «Вот он, желанный «Казус белли»!» * — как удар бича, пронеслась мысль императора. Вслух он произнес нечто иное, хотя и довольно двусмысленное:

— Теперь придется начинать сначала!

Фалрепный помог генштабисту подняться на борт «Гогенцоллерна», но офицер не знал ничего, кроме содержания телеграммы, подробности ожидались через пару часов.

Кайзер отдал приказ. Якорные шпили потянули носовой и кормовой якоря, а на флагштоке поползло вниз белое полотнище военно-морского флага Германии, перечеркнутое темно-синим крестом. В середине его напружил хищно свои крылья орел, а в углу у древка повторялся имперский флаг — черно-бело-красный с Железным крестом в центре.

Кайзер ни одним словом не выразил грусти по убитому родственнику, хотя и понимал, что все его слова в этот день войдут в историю мира и Германии. Он только топорщил свои усы, и его распирало чувство огромной радости. Вот наконец явился повод наказать всех этих балканских славян и, может быть, даже начать столь долгожданную и желанную войну!

Матросы не успели еще смыть с якорных лап иловую грязь, поднятую со дна, как «Гогенцоллерн», выдохнув из своих двух белоснежных труб мрачные черные клубы копоти от нефти, повалил в циркуляции курсом на норд, к выходу из бухты. Император решил обогнуть остров Фемарн и добежать до Варнемюнде, где всегда ожидал команды запасной императорский поезд на прямой железнодорожной линии до Берлина.

«Адмирал Атлантического океана», как любил себя называть в кругу единомышленников Вильгельм II, предался размышлениям.

«Если эти шенбрунннские недотепы не осмелятся использовать столь благоприятный повод для начала большой войны, — думал император, — я сам заставлю их сделать это! Какой прекрасный момент! Славяне убивают загордившегося Франца-Фердинанда, возомнившего объединить под австрийской короной еще и югославян. Как

* «Казус белли» — повод к войне (латин.).

будто мало ему проблем в дуалистическом союзе Австрии и Венгрии! Захотел еще триалистическую монархию в пику германским интересам на Балканах! Неужели он не сообразил, что все эти славянские земли должны быть не более чем сухопутной надежной дорогой на Ближний Восток, в Турцию!

Вот где мы заставим потесниться французских ростовщиков и английских торгашей!» — размышлял кайзер под равномерный гул машины.

«Надо поручить дипломатам и разведчикам узнать, вступит ли в драку Англия. Это больной вопрос! Русский медведь, если он полезет на защиту своих склочных братьев, будет оч-чень долго запрягать, и мы сможем повернуть против него наши железные корпуса, освободившиеся после разгрома Франции... Но если Англия задумает принять участие в схватке, то большую войну надо отложить на другой раз, чуть позже, поссорив Альбион со своими союзниками... Итак, будем толкать Австрию к войне!

А если все-таки придется вести войну и с Англией?» — пришла мысль в голову кайзеру. Он ответил себе на этот вопрос словами, которыми когда-то, несколько лет назад, столь поразил своего любимого адъютанта графа фон Хилиуса.

«Если кто-то осмелится напасть на Германию, — сказал он близкому помощнику в день своей серебряной свадьбы — 24 февраля 1906 года, — я зажгу мировую войну, которая потрясет весь свет; я подниму весь ислам против Англии, и султан мне обещал свою поддержку. Англия может уничтожить наш флот, но у нее кровь будет сочиться из тысяч ран». Опасения английского участия в большой войне нахлынули вновь в его душу, но священная германская гордость взяла свое. Вильгельм решительно вернулся в свое кресло, чтобы продумать ближайшие шаги. Следовало с максимальной пользой использовать столь счастливое обстоятельство, как славянский террористический акт, на благо великой германской идеи...

ПЕТЕРБУРГ, 15 ИЮНЯ 1914 ГОДА

Жаркий июньский день сиял над Дворцовой площадью, когда Анастасия и Алексей, сопровождаемые шаферами и подружками, вышли из-под высоких прохладных

сводов Главного штаба. Только что в военной церкви святого великомученика Георгия Победоносца совершился обряд венчания. В сознании новобрачных еще стояли слова священника, обращенные к ним:

— Раба божия Анастасия, согласна ли взять в мужья раба божьего Алексея?.. — И еле слышное «Да!» в ответ.

— Венчается раб божий Алексей рабе божьей Анастасии! Да прилепится муж к жене своей и будет одна плоть единою. Тайна сия велика есть...

Гармония самой совершенной площади мира открылась перед ними. Небольшая толпа гуляющих собралась у подъездов Главного штаба, возле экипажей, ожидавших свадьбу.

Яркое солнце заставило всех вышедших из затененных коридоров зажмуриться и остановиться на мгновение у подъезда. Толпа раздалась, пропуская молодых и гостей к коляскам.

— Какая красивая пара! — восхитился вслух кто-то из прохожих.

Молодые, а с ними Сухопаров, выступавший шафером, его жена, начинающая полнеть веселая хохотушка, и их младший сын, несший в церкви икону Георгия Победоносца, которой благословили Анастасию и Алексея родители Насти, уместились в первой открытой коляске, запряженной парой белых генштабовских казенных лошадей, с бравым вахмистром в роли кучера.

Второе ландо заняли подруга Насти — Ольга, подполковник Мезенцев, Михаил Сенин и большеголовый, с короткой стрижкой студент Саша, с которым Соколов познакомился на столь памятном ему вечере у Шумаковых, где он встретил Анастасию.

Лошади, настоявшись на солнцепеке, резво повлекли коляски под сень арки Главного штаба, на Морскую улицу, затененную высокими домами. Свернули на Невский, полупустынный по-воскресному. На Полицейском мосту надрывался мальчишка-газетчик, размахивая листами «Нового времени».

— Убийство герцога Фердинанда! Убийство герцога Фердинанда!

Звонкий мальчишеский голос легко перекрывал негромкий шум затихшего в летнем зное проспекта. Все трое военных в колясках насторожились. Соколов приказал остановить подле газетчика, и мальчишка, подбе-

жав к экипажу, бросил ему тугой сверток листов, влажных от типографской краски.

— Еще одну в ландо!.. — приказал Алексей, расплачиваясь.

Полковник повернул газету так, чтобы вместе с Сухопаровым они могли прочитать телеграфное сообщение на первой странице. Оно было выделено жирным шрифтом:

«Сегодня утром в Сараеве выстрелами из револьвера наповал убиты ехавшие в авто наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд и его супруга графиня Хотек».

— Это война!.. — вырвалось у Алексея.

— Бог даст, обойдется! — прищурился на газету Сухопаров. — Эрцгерцога ведь не очень жалуют в Вене, и войну из-за него, пожалуй, не станут начинать...

Необыкновенно радужное настроение Алексея слегка померкло от неожиданного известия. Заведуя австро-венгерским делопроизводством, полковник в числе немногих военных в России и за ее пределами знал о намерениях австрийцев и их союзников германцев развязать войну на Балканах.

Из агентурных донесений Соколов знал, что эрцгерцог очень желал восстановить союз трех императоров — австрийского, германского и российского, жить в мире и согласии с Россией, утверждая тем самым принцип монархизма в Центральной Европе. Именно поэтому быстрый ум полковника сразу сделал вывод, что если такое препятствие для войны, каким был Франц-Фердинанд, убрано, то скоро заговорят пушки.

Анастасия внутренним чутьем уловила его смятение и погладила мужа по руке.

— Может быть, на этот раз пронесет, милый?.. — полуутвердительно, полувопрошая спросила она.

— Бог даст! Бог даст! — защебетала Зинаида Сухопарова, для надежности перекрестившись.

Безмятежное свадебное настроение было испорчено. Во второй коляске тоже говорили только о новости. Стало заметно сразу, что и прохожие на улице чаще, чем обычно, останавливались подле газетчиков, разворачивали листы и начинали читать прямо на тротуаре. Сонная одурь летнего воскресенья постепенно сменялась атмосферой глухой тревоги.

Экипажи покатили по Невскому, где из конца в конец

разносились одни и те же выкрики разносчиков газет:

— Убийство наследника австрийского престола! Убийство герцога Фердинанда!..

Алексей очень любил Невский. Проезжая по нему даже рядом с Настей, он всегда любовался домами и дворцами, скользил взглядом по толпе и витринам. Сегодня, когда Анастасия стала его женой, Алексей смотрел только на нее и не мог насмотреться. Он понимал, что им скоро предстоит расстаться.

Напрасно он планировал свадебное путешествие в Италию, напрасно испрашивал отпуск и получал паспорта, заказывал билеты, отели в агентстве Кука...

Повернули на Знаменскую, где две недели назад, готовясь к свадьбе и началу новой семейной жизни, полковник снял квартиру в только что отстроенном доходном доме. Колеса экипажей загремели по булыжнику улицы, показался огромный пятиэтажный дом с двенадцатью колоннами по фасаду. Толстый швейцар в галунах распахнул дверь подъезда с хрустальными стеклами, коляска остановилась. Алексей легко спрыгнул на тротуар, откинул ступеньку и чинно подал руку молодой жене. Ему хотелось поднять ее на руках и взбежать единым духом на четвертый этаж, но вместо этого полковник торжественно прошествовал с Анастасией к электрической подъемной машине, впустил в кабину шафера Сухопарова с женой и мальчиком, которому и выпала редкостная удача нажать белую фарфоровую кнопку с цифрой 4. Лифт медленно пополз вверх, щелкая на каждом этаже.

У дверей новой квартиры Соколовых ждали тетушка Алексея, заменившая ему мать, и родители Насти. По обычаю они обсыпали молодоженов овсом.

Молодежь из второй коляски не стала ждать подъемную машину, а в мгновение ока оказалась на четвертом этаже.

Гостиная, куда все устремились, была полупуста и сияла первозданной чистотой. Самым дорогим украшением ее был рояль — свадебный подарок Алексея Анастасии.

Гостей сразу же попросили в столовую, к свадебному столу.

Как положено, говорили тосты и кричали «горько!». Насте было очень весело и радостно от милых лиц людей, собравшихся на ее с Алексеем праздник, и от того,

что тетушка Алексея, которая будет жить с ними, такая славная и добрая старушка, и что ее собственная мать — Василиса Антоновна — наконец, кажется, от души готова полюбить и понять Алексея...

Но сердцем Настя чувствовала тревогу Соколова, видела иногда появляющиеся две поперечные морщинки на его челе, означавшие, как она уже знала, беспокойство и напряжение мысли. Страх и ожидание опасности начинали закрадываться в ее душу.

Вечерняя прохлада сменила наконец дневной зной. Обед подходил к концу. За окнами виднелась панорама крыш, высоко в светлом вечернем небе реяли ласточки. Казалось, мир и покой опустились на землю. Заканчивался день, который должен был стать самым счастливым для Соколовых.

ПЕТЕРБУРГ, ИЮНЬ 1914 ГОДА

В понедельник, на следующий день после покушения на эрцгерцога, Соколов решил явиться к обер-квартирмейстеру генералу Монкевицу, хотя и был в отпуске. Полковник, всегда ревностно относившийся к службе, привыкший отвечать за жизнь сотен и тысяч людей, не мог упиваться личным счастьем, наслаждаться свадебным путешествием в дни, когда, по его мнению, решались судьбы России. Великая империя стояла, по его убеждению, на пороге войны, к которой по-настоящему не была готова. По роду своей работы Соколов знал отрицательные оценки боевой готовности российской армии, даваемые ей противником — Германией и Австрией. Как опытный военный разделял эти оценки. К тому же он уже давно начал приходить к выводу о неповоротливости, ограниченности, бездарности многих из своих высших начальников, которым государственный ум и стратегическое мышление заменяла придворная гибкость позвоночника.

Дома все было хорошо. Согласие и лад царили за первым совместным завтраком новой семьи, никаких признаков мировой катастрофы не ощущалось и в утренних газетах, которые вестовой Иван успел принести как раз к кофе. Алексея насторожили только сообщения из Берлина, в которых говорилось, что высшие руководители германской армии считают положение настолько спокойным, что собираются в отпуск.

«Германские генералы могут уехать от своей армии только в том случае, если полностью готов мобилизационный приказ и дело способно завертеться и без них», — пришло в голову Алексею. Он счел этот признак действительно угрожающим и достойным немедленного обсуждения с Сухопаровым, который замещал его по делопроизводству.

В час пополудни Соколов входил в свой подъезд на Дворцовой площади. Часовые отсалютовали ему, он не торопясь поднялся по мраморной лестнице до площадки, где стоял бюст Петра и на двух мраморных досках пообочь его были выбиты золотом названия славных побед российской армии. На секунду Алексей задержался здесь, окинув взглядом внушительный список, и заспешил на третий этаж, где в бывшем кабинете Данилова восседал теперь новый обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба генерал Николай Августович Монкевиц.

Монкевиц ничуть не удивился, увидев полковника, который уже целую неделю был в отпуске. Он знал, что Соколов — настоящий офицер и в чрезвычайных обстоятельствах никогда не оставит своих обязанностей. Генерал был рад видеть главу своего австро-венгерского производства, чтобы почерпнуть у него детали об отношениях внутри венского двора для оживления доклада на высочайшее имя об убийстве эрцгерцога, который ему поручил подготовить начальник Генерального штаба Янушкевич.

— Ваше превосходительство! — обратился Соколов к генералу после взаимных приветствий. — Каковы виды на войну у Сергея Дмитриевича?

Полковник знал о тесной дружбе генерала с министром иностранных дел Сазоновым и о том, что министр обо всех европейских делах непременно советуется с Монкевицем.

— Его высокопревосходительство Сергей Дмитрич стоит на том, что война на этот раз почти неизбежна... — потер свои седины генерал. — Наши союзники в Париже, как сообщает посол Извольский, весьма и весьма настроены воевать! Если они начнут самостоятельно, мы неизбежно примкнем к ним в силу союзнической конвенции.

— Но успеет ли получить наша агентура в Срединных державах сигнал о необходимости перехода на вариант работы по военному времени? — озабоченно спросил пол-

ковник, который давно уже, с времен балканских войн, ждал, что Франция будет втягивать Россию в большую европейскую войну с Германией.

— Сомневаюсь... — раздумчиво протянул Монкевиц.

— Но ведь это может грозить им арестами и расстрелами, если мы заранее не обусловим связь с агентами, когда прямые почтовые отношения между нами будут прерваны фронтами военных действий, — забеспокоился Алексей. Он живо представил себе чешскую группу — Стечишина, Гавличека, Младу, их друзей и помощников.

— В нынешних условиях я не могу приказывать вам прервать отпуск! — с нажимом вымолвил генерал. — Неизвестна окончательная позиция его величества. Может быть, государь еще сумеет уладить миром вспышку конфликта на Балканах...

— Стало быть, есть еще надежда? — обрадовался было полковник.

— Сазонов говорит, что очень мало... — Монкевиц отвел свои косые глаза в сторону и забарабанил по зеленому сукну стола кончиками пальцев. Он явно задумался о чем-то своем, неслужебном. За окном белесое небо источало на Петербург жар.

Соколов размышлял. По мере того как он все более убеждался из разговора с осведомленным генералом, что война почти неизбежна, тревога за Гавличека, Филимона и Младу все больше охватывала его. Инструкции на случай чрезвычайных обстоятельств были направлены группе уже давно — накануне первой Балканской войны. Прошло почти два года, какое-то из звеньев могло устареть и поставить под удар всю организацию.

«Надо ехать самому! — напрашивалось решение. — А это значит, что Настя останется в одиночестве бог знает на сколько недель, а может быть, и месяцев...» И это теперь, когда так счастливо началась их совместная жизнь...

Голос сердца подсказывал один за другим аргументы против поездки, но голос разума коротко и весомо сделал вывод: могут погибнуть замечательные люди, братья. Надо ехать!

Соколов решительно вторгся в отрешенное молчание генерала.

— Ваше превосходительство! — официально обратился он к своему начальнику. — Прошу отдать приказ о прекращении моего увольнения в отпуск, а также срочно

подготовить необходимые документы для поездки в Прагу и Вену...

Монкевиц встрепенулся.

— С богом! Я знал, что ты решишь именно так... — повернулся к Соколову генерал. — Когда думаешь отъезжать?

— Послезавтра с «Норд-экспрессом» в Берлин, затем в Лейпциг, откуда через Швейцарию достигну Австрии... На пути через Германию надеюсь провести рекогносцировку германской мобилизации: если приказ уже отдан, то немцы будут удлинять посадочные платформы, готовя их для войск и тому подобное, что спрятать никак нельзя.

— Алексей Алексеевич! — вздохнул Монкевиц. — Большая надежда на тебя. Не подведи, голубчик!

...В полном смятении чувств подъезжал Алексей к своему дому. Его ждала самая прекрасная женщина мира — его жена, а он везет ей известие о своем спешном отъезде! Как объяснить Насте невозможность ехать вместе, как сообщить ей о полной неопределенности сроков возвращения? Как, наконец, устроить ее жизнь на то время, пока он будет в отсутствии? Эти и десятки других вопросов терзали Соколова до тех пор, пока он не поднялся к себе в квартиру.

Настя встретила его в прихожей. Она, наверное, выглядывала из окна, ожидая его, догадался Алексей. По виду мужа Анастасия все поняла и решила быть ему поддержкой и опорой.

— Милый, наша поездка откладывается? — стараясь быть как можно спокойней, спросила Настя.

Алексей молча кивнул головой. Настя подошла и обняла его.

Они простояли так несколько минут, и Алексей никак не мог начать свое печальное сообщение.

— Тебе очень плохо? — спросила Настя.

— Да, очень! — вздохнул он. — Я должен послезавтра уехать...

— Надолго? — словно выдохнула Анастасия, и у нее внутри все оборвалось. Но тут же она вновь взяла себя в руки и усилием воли подавила чувство паники, готовое разгореться.

— Вероятно, да!

— Поездка для тебя опасна? — подняла Настя на Алексея глаза, полные слез. Он решил слукавить.

— Что ты, родная! Это вроде поездки на воды, когда болен: скучно, глотаешь какую-то гадость и ждешь не дождешься отхода обратного поезда...

Глаза Насти почти просохли, он поцеловал их и ощутил на губах солоноватый вкус ее слез.

— Начнем готовиться к твоему путешествию, — поддержала Настя его нарочито веселый тон и повлекла мужа в гостиную, чтобы составить список вещей, которые он должен взять в дорогу.

Две ночи, остающиеся до среды, когда отбывал его «Норд-экспресс», Соколов не сомкнул глаз. Виною был совсем не полуночный свет, разлитый в природе. Слились воедино заботы о Насте, волнение о предстоящей сложной операции, предчувствие огромных событий, надвигающихся на Европу...

Когда, сморенная сном, его жена засыпала, разметав на подушке густые и длинные волосы, Алексей без сна лежал часами, боясь пошевелиться и разбудить Настю. Он любовался еще полудетскими чертами ее красивого рта, чуть заметно вздернутого носа, темными бровями и густыми длинными ресницами, нежным овалом нарумяненного сном родного и близкого лица.

Алексей смотрел и не мог насмотреться впрок. Иногда ему приходили мысли о том, что еще можно отменить всю поездку, как-нибудь .списаться со Стечишиным и Гавличеком, передать им уточненные инструкции через кого-нибудь из консульских или посольских чинов. Но он стыдил себя после таких мгновений слабости, представлял, как австрийская контрразведка идет по следу его друзей и соратников. Всякое желание отсидеться в тепле и уюте своего гнезда мгновенно пропадало...

В среду в 6 часов вечера «Норд-экспресс» уносил от Варшавского вокзала полковника Соколова. В глазах Насти, без сил оставшейся стоять на дебаркадере, сквозь слезы расплывались контуры исчезающих вагонов.

Продолжение следует

ПОЭЗИЯ

Валентин СОРОКИН

ВЕСЕННЯЯ РОДИНА

* * *

По весне оживает вода,
Закипает ручьями и реками.
Не к дождю ль петухи кукарекали;
Струи плещутся, как невода.

Не к дождю ли дышали поля
Влажным зноем
                    и грозною древностью.
Зачарованы скорой напевностью
Близких рощ — не шумят тополя.

Всюду слышится, видится дождь,
Даже месяц над теплою грядкою,
Словно сторож, кемарит украдкою
Под капельную зыбкую дрожь.

И звенит на просторе вода.
И, наверное, где-то за Волгою
Вестью раннею,
                    радостной, долгою
Шлют приветы Москве города.

Вот и радуга — сеять пора:
На сверкучих крюках коромысла
Два больших океана повисло —
Голубых, солнцебоких ведра.

НАДЕЖДА МИРА

Шуми, судьба моя, средь горьких вьюг
И радостных — по колеям Отечества.
Коль рядом есть любимая и друг,
Понять нетрудно
даже человечество!

Ищу я в человечестве себя,
Счастливого,
талантливого,
сильного.
И, никому на свете не грубя,
Я требую спокойствия стабильного.

Желаю встретить розовых внучат
И старость знать, высокую и долгую.
Мне о любви перепела кричат
И свищут где-то соловьи за Волгою.

Когда плывет старинная луна
Над юностью моей,
над кровной крышею,
Навстречу улыбается она,
Шаги ее так благодарно слышу я!..

Светлы глаза и волосы светлы,
Душа светла, слова светлы и молоды.
И жизнь проста, как тихий вздох ветлы,
Как дали, звонко грозами расколоты.

Шуми, судьба моя, средь горьких вьюг
И радостных — по колеям Отечества.
Коль рядом есть любимая и друг,
Понять нетрудно
даже человечество!..

* * *

Тихая осенняя дремота.
Легкое движение небес.
А вдали, за кромкой поворота,
Все шумит — не утихает лес.

Этот шум ловлю я у порога,
Так ловлю,
что мечется душа.
И опять зовет меня дорога
Свистом ветра, чутью камыша.

И опять, как в юности, легко мне,
Если я уверовал давно, —
Ничего осмыслить и запомнить
Без страданья сердца не дано!

Дни летят и гаснут за годами
В синих ширях —
только торопись
Прорасти извечными трудами
И уйти в мучительную высь.

Я не знаю неизбывней доли,
Ласковей заботы не приму —
Плыть желанным голосом над полем
Иль глядеться месяцем во тьму.

* * *

Прекрасна революция! Она
Лишь правоте и мужеству дана.

Прекрасна революция, вперед
Зовет народ и топоры берет.

Великий очистительный огонь
Несет ее рабочая ладонь.

* * *

Вырос я на Урале,
Где огнистые дали.

Где по-воински горы
Зорко смотрят в просторы.

Край ты мой необъятный,
Богатырь непонятный!

* * *

Быстрый шорох радостной листвы:
Это ветра жест неумолимый.
И рассвет, торжественно-ранимый,
Из родной выходит синевы.

Над его кудрявой головой
Гаснут звезды — стражники покоя.
И пространство, звонкое такое,
Все поет: и птицей и травой.

Я один стою на берегу
Озера
        и слышу: тихо-тихо
Стряхивает росы лебедиха
С теплых крыльев на моем лугу.

О земля, твоя известна власть:
Хорошо, что в чуткой круговерти
Я могу с рождения до смерти
Отдавать свою природе страсть.

* * *

Путем журавлиным
Ты в гости их жди,
По смирным долинам
Помчались дожди:

Пшеничный — привычный,
Льняной — проливной,
Грибной да клубничный
Мелькнул стороной.

Сосновые дремы
Взлетели в зенит.
Сквозь вьюгу черемух
Кукушка звенит.

И юность вернулась,
И храбрость ко мне.
Волна прикоснулась
Устами к волне.

Я облак поймаю,
За гриву схвачу.
По громкому маю
Вперед поскачу.

Пусть в поле открытом,
Где ветер и я,
Звезда под копыта
Сорвется моя.

ПОЭЗИЯ

Марк ЛИСЯНСКИЙ

РОДСТВО

В НИКОЛАЕВЕ

Мы с тобою на пирсе «Руссу́да»
(Раньше так назывался завод).
Броненосец «Потемкин» отсюда
Начинал беспримерный поход.

Здесь, на левом плацдарме Ингула,
Где с Ингулом братается Буг,
Из кузнечного дыма и гула
Верфь возникла. Прославила юг.

Оказался приток мелковатым,
Очутился завод на мели.
Углубили ингульский фарватер —
И пошли и пошли корабли.

Николаевский судостроительный
Замер под смертоносным крылом.
Здесь построенный
«Сообразительный»
Стал гвардейским бойцом-кораблем.

Он летел на гремучем просторе,
Тот гвардеец, крещенный огнем.
Всю войну воевал в Черном море —
Ни единой пробоины в нем.

Николаев не зря же, конечно,
Выбрал путь знаменательный свой.
Жил на Клепочной, и на Кузнечной,
И на Плотницкой люд трудовой.

Эти улицы преобразила,
Из трущоб подняла в облака
Наша неодолимая сила
И рабочая наша рука.

Корабли бороздят океаны,
Тают в зыбких огнях острова.
Я хочу, чтоб младые Иваны
Своего не забыли родства.

В эту жизнь,
В этот мир удивительный
Мы пришли обагренной тропой.
От «Потемкина» — «Сообразительный»
И от Клепочной — мы с тобой.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

С. Берце

Старые фотографии вы не смотрите!..
Лица, как будто в тумане,
Плещется маленький мальчик в корыте,
Думает, что в океане.

Старые фотографии — тени событий...
Светится взгляд синевою,
Юность в зените и слава в зените,
Солнышко над головою.

Старые фотографии вы сохраните...
Если придется невольно,

Все же смотрите,
Все же смотрите,
Пусть вам и грустно и больно.

УТРО ЛЕТНЕГО ДНЯ

Вдалеке от шоссе,
Через лес прямиком,
По траве
По росе
Я иду босиком.

Утро летнего дня
Ночку сводит на нет.
И встречает меня
На опушке рассвет.

Распахнув небеса,
Лес уходит в зенит.
Зоревая роса
Ноги мне холодит.

На виду у осин
И у птиц на виду
Много лет,
Много зим
Я из детства иду.

МАЛИНА

Не жизнь, а малина
В июльском саду,
Где ты, Антонина,
У всех на виду

Идешь меж кустами
В заветный куток
И знаешь на память
Любой лепесток.

Ты здесь не однажды
Склонялась в жару,
И в ягодке каждой
Ты видишь зарю.

На ветках малины
Горят янтари,
Как отсвет единый
Души и зари.

Зари и заката,
Где даль далека...
Чуть-чуть горьковата,
Но трижды — сладка.

Шипами — по коже,
Но это не в счет.
Легко с цветоложа
Малинка идет.

Врачуются раны
В зеленом саду.
И жизнь, как ни странно,
С малиной в ладу.

Николай СУМИШИН

УРОКИ

Повесть

МИТЬКА

Мотоцикл остановился во дворе. Отец, уже без шлема, стряхивал пыль с одежды, поглядывая на задумавшегося Митьку.

— Неприятности в школе?

— Откуда ты взял? — Митька достал расческу, причесался. — В школе — порядок.

— Что тогда тебя тревожит?

— Меня? — Митька спрятал расческу, взял в коляске портфель. — Разве что товарищеский суд. Хотя, по всем правилам и законам психологии, суд должен тревожить тебя. Извини, я что-то не так сказал? — добавил Митька, заметив растерянность отца.

— Нет, нет, правильно сказал. Пойдем обедать. — Но возле веранды отец остановился.

— Вот о чем я хотел спросить тебя... как взрослого человека, образованного... — Он вздохнул, отвернулся. — А впрочем, пусть уж... Хотя тебе надо знать, сын: злословие — тоже преступление, иногда более тяжкое, чем убийство. Вот что я хотел сказать...

— Странно, ты обиделся...

— Обида у меня одна. Холоден ты, сердце холодное. И легкомысленный, а скоро уже в армию идти.

Митька рассердился:

— Ну, вырос! Ну, в армию! И что я такое сказал?

— Сказал... — Лицо отца, сморщенное, тощее, пошло розовыми пятнами — точно так, как тогда, когда его позвали к столу. В вертикальную щель, словно на зауженном экране, Митька видел розовые пятна на тощем лице, руки, которые нервно теребили бахрому красного бархата, и обвисшие брюки на коленях. Это почему-то он запомнил. Хотя было много и другого. Например, тот первый день...

Задача по геометрии не решается, хоть плачь. Уже попробовал три варианта, но каждый раз ответ расходился с написанным на последних страницах задачника. Роман, ясное дело, решит! В Романовой тетради будет правильный ответ.

Заурчал мотоцикл.

— Митя, — донесся с кухни голос матери. — Отец буряки привез.

— Некогда мне.

— Ага. Ну ладно, пусть сам. У меня тоже — пироги вот-вот дойдут.

Взвизгнули занавески электродуховки. Запахло печеным.

Возле хаты пробухало много ног.

— Мам, кто там?

В дверях появилась встревоженная мать:

— Сколько их принесло... И Деркач... Присмотри за пирожками.

Митька отодвинул занавеску. Так и есть! Деркач, начальник охраны завода. С ним сельсоветский секретарь Захарченко и еще какие-то люди. Деркач высокий, плечистый — секретарь, слушая его, поглядывает вверх.

Видно, неприятное говорит Деркач. Отец стоит перед ним растерянно, руки опустил. Взгляд удивленно-испуганный.

Хотя Митька не слышал ни одного слова со двора, но уже догадался, в чем дело. Деркач обвиняет отца, что тот якобы взял буряки из кагатов, а отец, ясное дело, насобирал их на дороге: машины везут их на завод и теряют. Вот на чем скрестили мечи давние враги. Странные люди, честное слово! Портят себе нервы... Деркач мстит отцу за давнюю, неудачную охоту, если не сказать, трагическую... За какого-то паскудного зайца едва не порешил отец Деркача.

Как ни раздувал дело с буряками Деркач, но продвинуть его дальше товарищеского суда ему так и не удалось. Степан Важко проезжал в тот день возле кагатов, но, что он брал буряки, никто не видел. На дороге же Важко частенько собирал буряки, которые падали с машин. И не только Важко.

Об этом говорилось на заседании товарищеского суда.

Дома отец рассказал все подробно, особенно о какомто письме в органы народного контроля. Будто бы решили его написать члены товарищеского суда, но сначала им нужно «подсчитать, сколько же сырья теряется на скверных дорогах».

— Папа, а как же с тобой? — улыбнувшись, спросил Митька.

— Что? — не понял отец.

— Ну, как с тобой обошелся суд?

— А-а... Да разное говорили.

— Ясно. Критиковали твой способ жизни и твой спо-

соб мышления. А я полагал, врежут рублей пять штрафу за чрезмерное влечение к мелкособственнической деятельности. — И засмеялся.

— Не зубоскаль о вещах, в которых ты ничего не понимаешь, — сурово сказал отец, а мать добавила:

— Ты ему слово, а он тебе десять... Иди, иди в огород.

МАЙСТРЕНКО

Учитель истории входил в класс так, словно не портфель держал в руке, а ведро с водой, которую боялся расплескать.

Поставив портфель на стол, Иван Иванович поздоровался, предложил развернуть учебники на тридцать третьей странице и еще раз перечитать заданное. Но дружного шелеста страниц, к великому удивлению учителя, не послышалось.

Иван Иванович насторожился, покачал головой и спросил:

— Так что у вас?

Ученики опустили глаза в бумаги — молчок.

Только Женя Иванцова подняла на учителя глаза, и он прочитал в них: «Как же вы не видите?» Роман Любарец тоже взглянул на Ивана Ивановича, затем перевел взгляд на доску. Учитель оглянулся и увидел на классной доске объявление:

21.IX.19... года
заседание ТОВАРИЩЕСКОГО СУДА
по делу
Важко Степана Степановича
Нач. в 19 час.

— Важко, немедленно снимите!

Митька и не пошевелился. Лицо его дернулось и побледнело. Он встал и вышел из класса.

Иван Иванович стоял перед десятиклассниками и растерянный и смущенный. Ясно, читать мораль не стоит.

Иван Иванович нашел среди онемевших ученических лиц самое решительное и едва заметно кивнул. Никогда раньше не позволил бы себе учитель истории обратиться таким образом к Роману Любарцу, потому что Роман был парнем дерзким, взгляд у него всегда какой-то насмешливый.

Роман вскочил, подбежал к доске и сорвал объявление. Не спеша свернул его и направился к Хоме Деркачу. Молча положил перед ним и вернулся на место.

В учительской шептались сестры Липинские, возле книжного шкафа сидел Никита Яковлевич, и, как всегда, по его лицу блуждала пренебрежительная улыбка, еще несколько учителей проверяли тетради. Иван Иванович сел возле окна и засмотрелся на сад. Он любил смотреть на школьный сад. Отсюда, со второго этажа, яблони были как зеленые облака.

В учительскую вбежала Ирина Николаевна.

— Они дерутся! Во дворе! Деркач и Любарец!

Все побежали во двор, Иван Иванович остался стоять возле окна.

Ребят разняли. Василий Михайлович начал выговаривать Роману. Хома же стоял под раскидистым деревом, размазывал на лице слезы и кровь и что-то кричал Любарцу. Во дворе толпились ученики младших классов, их галстуки краснели на фоне загоревших лиц и белых сорочек, как маки в созревшей пшенице.

Зазвенел звонок. Во дворе остались только учителя и Хома с Романом.

«Сейчас приведут сюда, и начнется...» — подумал Иван Иванович.

Действительно, их привели в учительскую. Василий Михайлович вошел и обратился к Майстренко:

— Поражаюсь! Вы, классный руководитель, не соизволили даже выйти и прекратить это безобразие!

Иван Иванович ничего не сказал, потому что говорить было нечего. Взглянул лишь с укоризной на Романа Любарца и отвернулся к окну.

Зато Василий Михайлович не жалел слов и времени. Долго исповедовал ребят, его вопросы дополняла краткими въедливыми репликами Ирина Николаевна. Затем директор отпустил Хому Деркача на урок и выговаривал Роману отдельно. Любарец — ох, и упрямец! — держался дерзко, даже без намека на раскаяние.

Ирина Николаевна только махнула рукой и ушла.

Остались трое: учитель, директор и ученик. Иван Иванович поймал себя на мысли, что ему сейчас ближе ученик, нежели директор.

Рассердился:

— Ты считаешь, что, устроив драку под окнами школы, поступил правильно?

Роман потупился, исподлобья взглянул на учителя.

— Хома — негодяй!

— А ты? — крикнул директор. — Как тебе не стыдно! Перед детьми... думаешь, герой? Геройский поступок, смотрите на меня!.. Стыд! Жаль, что отца твоего нет, он бы тебе... хотя, впрочем, и отец был...

— Минутку, Василий Михайлович, — увидев, как побледнел Любарец, вмешался Иван Иванович. Боялся, как бы парень в горячке не наговорил лишнего. — Отложим этот разговор. Продолжим его, скажем, после уроков. А пока пусть Любарец перед всем классом попросит извинения у Деркача.

— Никогда! — выкрикнул Роман и бросился к двери.

И они остались вдвоем — директор и учитель. Директор недовольно скривил губы, наклонился над столом.

— Кто вас просил?.. Душу ученика понимать надо...

Иван Иванович не ответил. Взял журнал.

— Мне на урок...

Василий Михайлович сказал еще несколько общих фраз о воспитании «трудных», о психологическом сопротивлении, а затем встал, что значило: идите.

РОМАН

Из окна ему видны огороды, на которых работают люди, кусок колхозного поля, где летом желтела пшеница, а теперь грустно поблескивает пахота. Еще ему виден пруд, на тихом серебристом плесе которого застыли лодки рыбаков. За прудом село и дорога к нему — белая в желто-голубом сиянии...

Этой дорогой он ездил с отцом по грибы в Лисичанские кустарники. Грибов они тогда собрали много, и мама их очень вкусно приготовила. Закрыла в банки, и... и потом, когда отец умер, эти маринованные подавали к столу на поминках...

Роман закрыл глаза, чтобы придержать слезу, которая вот-вот должна была упасть на белый лист бумаги.

«Твой отец от водки умер...» Это бросил ему в глаза Хома Деркач перед дракой, да и директор едва не сказал в учительской.

— Роман!

Вздрогнул, выглянул из окна. В саду переминался

с ноги на ногу Митька Важко. «Ну вот, благодарить пришел», — недовольно подумал Роман, возвращаясь от своих воспоминаний к Митьке, который маячил перед глазами.

— Роман, — говорил ему Митька. — Я иду с отцом на смену. Почему-то подумал, что и ты хотел бы... сказал об этом, и он согласился.

Роман сразу вспомнил, что старший Важко обслуживает те самые центрифуги, возле которых когда-то стоял его отец. Подхватился:

— Я сейчас!

Вскоре они шли прямой, как шнур, улицей, по обе стороны которой росли островерхие тополя.

У проходной стояла высокая фигура Степана Степановича.

— Быстро, быстро!

Он поздоровался с Романом, показал охраннику какую-то бумажку и, когда заспанный человек равнодушно кивнул, пропустил ребят вперед.

Светлый просторный заводской корпус дохнул в лицо теплом и тихим равномерным гудением механизмов. Ступеньки побежали вверх, на второй этаж, на стенах — лозунги, плакаты, планы. Степан Степанович громко здоровался со встречными, и ребята здоровались с ними. Постепенно удивительное настроение охватывало Романа. Словно он спешил на свидание с отцом.

Кто-то кричал сверху, кому-то кричали снизу. Кто-то подходил к Степану Степановичу, и они долго убеждали друг друга в чем-то, щедро жестикулируя. Роман только слышал отдельные слова: «вентиль», «трясушка», «выпарка», и они его волновали.

В паузах, когда Степан Степанович отходил на минутку, возле вестонок становился Митька. Роман никогда не видел его таким. Лицо товарища наполнялось сосредоточенностью. Гордился, наверно, перед Романом, что может самостоятельно стоять на процессе.

— Тут главное — поймать момент, когда сахар дозреет, — говорил Митька, наверное, повторяя слова отца.

И сразу же после его слов в аппаратах что-то щелкало, и белая масса тихо, как марля, падала вниз. А в центрифугу уже лилась желтая маслянистая жидкость.

— Знаешь, какая здесь сила! Тридцать тысяч оборотов в минуту!

И снова белела эта липкая жидкость, белела, и дозревала, и осыпалась теплым снегом неведомо куда.

— А можно мне? — несмело спросил Роман.

Митька оглянулся на отца и, увидев, что тот увлекся разговором, кивнул — мол, становись.

Роман подошел к пульту, поднял руку, и... она повисла в нерешительности.

— Давай!

Юноша дернул на себя рычаг — заслонка неуверенно поплыла вверх.

— Обороты!

И Роман дотронулся до синей кнопки. После этого коричневая масса вдруг прижалась к стенам, словно испугалась его сильного жеста, из глубины машины вырвалось скулящее жужжание — действительно испугалась, даже плачет!

Роман засмеялся, и Митька засмеялся, увидев удовлетворение на лице товарища.

Жидкость потихоньку белела.

— Воду!

Роман дал воду, и мелькающий круг засеребрился, как росой умытый.

— Выпускай!

Нажал еще одну кнопку. Белая спрессованная масса упала в люк. Вместо нее, лениво вращаясь, поблескивал синевой металл.

Роман даже вспотел и, когда к ним подошел Степан Степанович, неторопливо вытирал капли со лба, как человек, который хорошо поработал.

— Интересно? — добродушно спросил вестонщик, оглядывая раскрасневшегося Романа.

— Угу...

— Сейчас интересно, а бывает и тяжело, — сказал Степан Степанович, и, хотел он этого или нет, в его словах Роману послышалось столько душевной боли, что он взволнованно ответил:

— Я понимаю!

— Вот и хорошо. Я всегда говорю Дмитрию: чтобы понять что-либо, нужно в корень смотреть и умом крутить... Ты, вижу, такого склада парень...

— Наверно, такого... — совсем растерялся Роман, удивляясь, как хорошо видит его этот человек.

Через час Митька повел Романа на «сладкую воду».
«Сладкая вода», точнее ведро с сахаром, разведенным водой: оно стояло возле дверей с надписью «Химлаборатория», рядом с автоматом с газированной водой.
— Посмотрим, какой ты сахарник, — засмеялся Митька. — Набирай.
Роман бросил в стакан ложку сахара и хотел добавить воды.
— Э-э, нет, так не пойдет, — остановил его Митька. — Смотри, как надо.
Он набрал полстакана сахара, поставил под автомат и нажал кнопку. Красный ящик вздрогнул всем телом и выдал порцию газированной воды.
— Ведь она же густая, как патока! — удивился Роман. — Разве можно такую пить?
Товарищ не ответил, а взял ложку, размешал и выпил до дна.
— Вот это да! — смеялся Роман. — Это тебе так просто не пройдет...
— А ты не смейся, размешивай и пей. Гарантирую: ничего с тобой не случится. Так все на заводе пьют. Особенно те, кто во дворе работает: греет... И вообще для здоровья — сила!
— Ладно, наливай.
Пока Митька готовил напиток, Роман думал, что, наверно, и пять, и десять лет назад приходили рабочие к этому оцинкованному ведру, на «сладкую воду». Наверно, и отец не раз приходил...
— И давно это придумали?
— Что? — не понял Митька.
— Ну... воду сладкую пить.
— Давно! Еще отец застал так... На, пей.
Роман выпил полстакана тягучей сладчайшей жидкости — больше не смог.
— Эх! — вроде бы обиделся Митька.
— Для первого раза хватит, — оправдывался Роман, запивая сироп чистой газировкой.
К ним подошел Костя Дьяченко, сосед Романа. Он искренне удивился:
— Роман! Откуда ты здесь взялся?
— Из вестонок... Хочу вестонщиком стать, — полушутливо, полусерьезно сказал Роман.
— Вестонщиком? — переспросил Костя, и его пухлые губы сложились в полупрезрительную усмешку. —

Даешь, старик! Вестонщиком?! Гм-м... Идем со мной, если ты на самом деле решил стать сахароваром. Сахароваром! — И палец поднял, придавая особое значение сказанному.

— А ты как? — повернулся Роман к товарищу.

Митька пожал плечами:

— Пойди глянь...

— Может, вместе?

— Нет, я к отцу.

— Да сколько здесь идти! — вмешался Костя. — Оттуда нам будет видно твоего друга. Позовет, тогда и побежишь.

И повел Романа между чанами, в которых булькала, переливалась, кипела густая коричневая жидкость, к ступенькам, которые вели на третий этаж.

— Подумай, Роман. Почему сахарников когда-то, да и теперь величают сахароварами? То-то же. А кто варит сахар? Аппаратчики. То есть Миронович и я, Костя Дьяченко. Мы делаем сахар, а все остальные — так, вспомогательная сила. А теперь идем. Миронович уже, наверно, носом вертит, что я проболтался полчаса.

Миронович, тучный седой человек, сидел возле большущего желтого чана, над которым висела табличка с надписью «Продукт № 1». Старик сердито и недовольно глянул на Костю. Тот направился к столу, который стоял под другим, точно таким же чаном, но с табличкой «Продукт № 2».

— А ты кто, чего здесь? — перевел на Романа свои тяжелые глаза Миронович, и Роман сразу же подумал: «Вот уж точно — продукт номер один».

— Да я просто...

— Экскурсия, что ли?

— М-м... экскурсия...

— Оставьте его, Миронович, — вмешался Костя. — Он со мной, интересуется тем, что мы делаем... Он профессию себе облюбовывает, на будущее, ясное дело, вот я и пригласил его посмотреть на нашу фирму с высоты аппаратчиков.

Миронович кивнул, что следовало понимать: хорошо, и закрыл глаза. Костя подмигнул — иди сюда, мол, — и стал записывать в тетрадь показания разных термометров.

— Ну как? — спросил тихо.

— Зверь лютый!.. Не знаю, как ты с ним здесь...

Костя засмеялся:

— Миронович — сердечный человек. У него душа добрая... Добро его жизнью выверено. — Костя еще приглушил голос и сказал: — В войну Миронович разведчиком был!

— Да ну! — искренне удивился Роман: никак не верилось, что вот такой «продукт номер один» мог быть разведчиком.

В это время к ним подошел Миронович:

— Сбегай-ка, Костя, в лабораторию, пора уже.

Роман остался один на один с Мироновичем.

На высокие, почти десятиметровые окна надвигались сумерки, и они, эти окна, темными, суровыми квадратами врезались в белые стены. Роман хотел спросить старика об отце. Кто-кто, а Миронович на заводе всех знал и знает, работает ведь не один десяток лет...

Миронович подошел к столику, за которым только что сидел Костя, просмотрел записи, после чего обратился к Роману:

— Ты чей будешь, хлопче?

Роман почувствовал, что бледнеет.

— Любарца... — ответил он неуверенно, потом посмотрел старику в глаза и повторил: — Ивана Любарца, который на вестонках стоял.

Ничего не изменилось на суровом, расчерченном морщинами, бледном лице Мироновича.

— Ивана Любарца?

— Угу.

— Так тебя Романом зовут?

— Романом, — удивленно подтвердил парень.

Миронович кивнул, словно то, что Роман есть Роман, его полностью удовлетворяет, и спросил:

— В класс какой ходишь?

— В десятый.

— Что-то сердито отвечаешь, — продолжал Миронович. — Наверно, школу надумал оставить.

— Нет, что вы! — засмеялся Роман. — Кто же позволит?!

— А я подумал, может, хочешь на завод...

— Не-е-ет...

— Вот и хорошо. Учиться, дружок, надо. Учиться. — Миронович вздохнул, подсел к столу. — По-настоящему учиться... А то у нас теперь инженеров много. Придет

такой, скажем, ко мне, взгляну я на него и сразу же скажу: по-настоящему он ученый или не по-настоящему. Понял?

Роман передернул плечами.

— Не знаю...

— Так не может быть. Подумай и скажи.

Роман засмеялся и сказал:

— Верю. Но... не знаю, правильное ли ваше мерило.

— Не знаешь или сомневаешься?

— Наверно, сомневаюсь.

— Почему?

— Все же их учат профессии и ученость присуждают в... м-м... в заранее определенном кругу, давно определенном. Вы же как смотрите? На поведение. Как человек шагнет перед вами, как слово скажет. Я так думаю?

— Правильно думаешь! Только вот не пойму, почему сомневаешься? Как думаешь, Константин?

Костя вышел из-за спины Романа.

— И не спорь! Наш Миронович в этих вопросах — сила! Там, внизу, тебя товарищ ждет. Домой уже собрался... А это возьми. Чайку выпьешь и нас с Мироновичем вспомнишь. — Костя засмеялся и ткнул Роману в руки небольшой газетный сверток.

Роман отклонил рожок газеты и заглянул внутрь: там сверкали кусочки свежего белого-белого сахара. И он вспомнил: когда-то такими кусочками угощал его отец, когда-то... семь лет назад...

Домой шли молча.

Уже смерклось, в темноте ярко светились окна Дома культуры. На асфальтной дорожке крутились стайки девчат, кое-где стояли парни.

— Эй, малышня! Постой-ка!

Роман остановился, и Митька тоже. Кажется, это к ним.

Справа под рябиной стояли ребята. С ними и Хома Деркач. Остальных Роман не знал, разве что Василия, сына Ульяны Григорьевны. Василий сидел на скамейке и нагло пальцем манил Романа и Митьку.

Роману даже смешно стало:

— Посмотри-ка, Мить, какой царь!

— Ты что лыбишься? — угрожающе крикнул Василий. — А ну-ка подойди!

— Твоя мать — учительница, — напомнил ему Роман. — Должен знать хотя бы элементарные правила...

— Ты смотри, какой умница! Хома, он?

— Он.

Митька дергал Романа за рукав:

— Идем отсюда! Идем...

— Подожди! — раздраженно бросил Роман.

Василий поднялся. Высокий, широкоплечий.

Роман почувствовал, как дрожат у него колени, пальцы на руках.

Митька не выдержал, отступил. Роман услышал его шаги сзади. Хотелось оглянуться, но взглядом он словно прикипел к глазам Василия.

«У него ведь тоже отца нет!» — мелькнула мысль.

Только на два удара он сумел ответить. Потом упал как подкошенный, и по асфальту рассыпались кусочки сахара. Как зверь, стоял над ним Василий. Только хотел Роман подняться, а кулак Василия опять безжалостно валил его на асфальт.

Вокруг кружил Хома Деркач. Под его ногами похрустывал сахар, как снег после первого мороза.

— Дружинники! — крикнул кто-то. Может, пожалел Романа, а может, испугался, зная характер Василия: он и до смерти способен бить...

— Сволочь! Гадина! — шептал Роман, собирая кусочки сахара. — Ненавижу!..

Кто-то подошел, спросил, что случилось. Роман не обратил внимания. Ссыпал в карман сахар, поднялся и пошатываясь побрел домой.

Сразу же за заводским парком встретили его Митька и мать.

— Господи! — всплеснула мать, оглядывая его окровавленное лицо.

Роман отступил в тень, потому что смотреть на мучения матери было нестерпимо.

— Ты, мам, не волнуйся. Немного лицо поцарапал... Идем домой.

Мать взяла его под руку. Он увернулся. Мать вздохнула сквозь слезы:

— Митя просил же тебя идти от них прочь, почему ты не послушал?

— Идти прочь? — спросил Роман. — Не мог я... Очень хотел показать, что они трусы. А как скажешь, убегая?.. — И засмеялся.

— Ничего, я научу его любить правду! — тихо промолвила мать, и в ее словах было столько решимости, что он вздрогнул. — Его, проклятого, уже давно тюрьма дожидается.

Остановились под фонарем. Мать принялась вытирать лицо Роману косынкой.

— Я, наверно, пойду? — спросил Митька.

— Беги, — ответил Роман, ощупывая заплывший глаз. — Только запомни: в школе ни слова!

— Как хочешь, — покорно ответил Митька и исчез в темноте.

— Ни слова? — вмешалась мать. — А черта лысого! Я его выведу на чистую воду!

Роман только рукой махнул...

С матерью он ладил неплохо. Иной придет из школы, книги на стол и поминай как звали. Роман — нет. Пока мать с работы прибежит, он уже, смотри, пол вымоет. И мать работящая, поэтому в хате у них всегда прибрано и во дворе чисто.

«Хотя и без мужа в хате, но у нас беда беду не потянула, — хвалилась перед соседками Любарчиха, — без хозяина двор не плачет».

Роман не раз слышал горделивые похвалы матери и только улыбался.

Другая беда у Оксаны Любарец: скуп сын на слово. Вот и теперь. Пришли домой — молчит.

— Рома...

— Что, мама?

— Ты мне никогда ничего не рассказываешь...

Роман стоял посреди комнаты с рушником в руках, отвернувшись к окну:

— Ты мне тоже.

— Не понимаю...

— Скажи, мама, это правда, что мой отец от водки умер?

Роман подошел к зеркалу и в нем перехватил испуганный взгляд матери.

— Кто это нагородил тебе? — переспросила она нарочито спокойным голосом.

— Мне каждый глаза этим колет.

— Каждый?.. — Мать села, закрыла лицо руками и заплакала.

Роман сел рядом.

— Мама.

Она обняла его, стала целовать:

— Не верь, Рома! Не верь никому!

Слезы так и катились у нее из глаз, и от этих соленых слез болели ссадины на лице, а еще больше — душа.

— Успокойся, мама!.. Прошу тебя...

— Твой отец... Он был честным и добрым человеком. Не верь! Никому не верь... Есть же злые люди?!

— Успокойся, прошу тебя... — повторял Роман, хотя ему хотелось и самому заплакать. Вот так упасть матери на грудь и заплакать, как в детстве... Но детство ведь давно прошло... еще тогда, когда отца отвезли на погост.

ТУЛЬКО

Василий Михайлович сидел под вишней. Было по-осеннему тихо. Садилось солнце, оно лишь угадывалось за густыми желтыми листьями.

Иванна Аркадьевна сидела напротив и любовалась осенним закатом. Глубоко в душе она считала себя поэтессой, недаром же когда-то ее стихи печатали в периодических изданиях. Потом, когда вышла замуж, стало не до стихов.

Вот она теперь и сидела в своем густо засаженном деревьями дворе и любовалась миром. Если кто из прохожих здоровался, она низко наклоняла голову и говорила:

— Добрый вечер!

Василий Михайлович только в эти моменты поглядывал на нее, словно ото сна пробуждался. Наконец сообщил:

— Омский звонил.

Иванна Аркадьевна улыбнулась:

— Может, порыбачить собрался?

Инспектор районо Омский летом частенько наведывался сюда на рыбалку.

— Нет, — нахмурился муж. — Хорошо, что едет. Хоть слово замолвит при случае...

— Омский замолвит!..

— Как бы там ни было, а звонил. К нам комиссия едет. Спецбригада...

Иванна Аркадьевна побледнела, морщины распрямились на лице:

— Иван Иванович?

— Наверно... А впрочем, не знаю. И Дмитрий Павлович способен...

— Вот! По-моему вышло! Надо было тебе их трогать. Скажи, надо было их трогать?

— За двойки меня тоже по головке не погладят.

— У тебя Суховинский. Он завуч... У него бы, кстати, поучился, как в тени держаться.

— Хватит! Не об этом сейчас...

— Именно об этом! Он завуч, пусть и ссорится с учителями за успеваемость, пусть и отвечает.

— А! — махнул рукой Василий Михайлович.

Иванна Аркадьевна подошла к мужу, положила ему руку на плечо:

— А помнишь, Вася, тот проклятый шестьдесят второй? Припомни, припомни! Что тогда вышло, помнишь? Выперли в этот занюханный поселок... Что ж, нам и тут неплохо жилось и живется. Словом, дальше отступать некуда... Скажем, выйдет по-ихнему, — ты не противоречь... Соглашайся, дели хитренько вину — ты, Суховинский, Ступик. Каждую вину... если они найдутся... — Она замолчала.

Василий Михайлович выпрямился.

Воевать Василий Михайлович начал на другой день. Прежде всего вызвал Анну Васильевну Ступик.

— Скажу вам под большим секретом, Анна Васильевна: к нам едет комиссия из облоно.

— Вот это да! Заварили кашу... — Учительница поморщилась, поставила портфель, села к столу. — Что же теперь будем делать?

Директор загадочно усмехнулся, потом подсунул женщине лист бумаги с напечатанным текстом.

— Здесь я наметил кое-какие мероприятия. Выпишите для себя... К слову, кое о чем вы мне не однажды напоминали, — закончил он несколько угодливо.

Анна Васильевна просмотрела текст, на некоторых пунктах задержала внимание. Глаза у нее при этом только немного прищуривались, лицо же оставалось неподвижным. Напрасно Тулько, откинувшись на спинку стула, ждал одобрительного возгласа, учительница ничего не сказала. Напротив, в глазах у нее мелькнуло что-то тревожное.

— Стенгазеты — это не самое главное, — начал убеждать директор упрямую женщину. — Хотя, скажу вам, раскрашенные стенгазеты в коридоре тоже обратят на

себя внимание. Представьте, входит чужой человек. Желает он или не желает, но на него уже действует наш арсенал наглядных пособий.

Сказав это, Василий Михайлович даже улыбнулся. Улыбнулась и Ступик.

— Все это, в общем-то, неплохо, — ответила она после сказанного директором. — Я давно вам говорила о юбилейном стенде... Только вот... как-то все это на показуху похоже...

— Не забывайте, что я беспокоюсь о всем коллективе, о каждом учителе... — Директор повысил голос.

— Хорошо, хорошо, я согласна, — быстро сказала Анна Васильевна. — Но чтобы все это осуществить, сколько денег нужно!

— Сколько требуется, столько и дадим! — твердо произнес Василий Михайлович, и голос его при этом даже не дрогнул.

— И художнику? — удивлялась учительница.

— И ему. — Теперь директор вздохнул и повторил: — И ему. Я уже договорился.

— А с фотографиями как?

Василий Михайлович взглянул на часы:

— Скоро подойдет один парень, он сделает хорошо... Вы же немедленно составьте список, кого фотографировать.

Когда за Анной Васильевной закрылась дверь, директор с удовлетворением потер руки. Ступик дело сделает на совесть. Таков уж характер у этой женщины.

Но тут же у Василия Михайловича настроение упало, он вспомнил, какой разговор у него еще предстоит. Иван Иванович... Молчаливый, тихий человек. На педсоветах выступает кратко и сердито. Неужели и теперь откажется?..

И вот они с глазу на глаз. За окнами яблони переплелись ветвями, по-осеннему тихие. Яблонь много возле школы, скоро будут собирать урожай...

— Положение в десятом «Б» тревожное. Как вам кажется?

Тулько откинулся на спинку стула. Иван Иванович, взглянув на горделивую позу директора, успокоился.

— Мне кажется, что ваша тревога безосновательна, — спокойно сказал Иван Иванович. — Класс как класс.

— Вы считаете, что драка, которую устроили перед

окнами школы Любарец и Деркач в присутствии малышей, — закономерное явление?

— Я считаю, что лучше драться под окнами школы, на виду, нежели в другом месте.

— Погодите, погодите. Не так давно, буквально вчера, вы соглашались, что в вашем классе нездоровая атмосфера. Только вчера вы об этом говорили!

Майстренко опустил голову.

— Вчера, возможно, и говорил, но это было вчера.

— А знаете ли вы, что к нам едет комиссия. Из облоно. Пристрастная комиссия!

Иван Иванович перегнулся через стол и тихо сказал:

— Я бы вам посоветовал, Василий Михайлович, подать заявление.

— Какое заявление?

— Прошу уволить меня с должности директора, потому что не умею вести педагогическое дело, потому что я не могу выделить из мелочей главное, потому что я безнадежно отстал от современных требований педагогики. Поверьте, Василий Михайлович, где-нибудь в ином месте вы уже не были бы директором.

— Гм-м... Вам так просто не сойдет с рук, что вы здесь наговорили, Иван Иванович, — зловеще промолвил Тулько и наклонился над столом, забарабанил пальцами по полированной его поверхности.

МАЙСТРЕНКО

После директорского кабинета Иван Иванович щурился, словно из темноты вышел.

Взяв плащ, он решил идти к Любарцу.

Зазвенел звонок, зовущий учеников с большой переменки.

«Все здесь родное тебе, Иван Иванович, все! Так просто ты не сможешь уйти из школы», — думал он, идя асфальтовой дорожкой. Выкатилось из-за малопобеянских садов солнце и ударило по шоссе. Штакетник упал на дорогу вдвое увеличенной тенью, резкой и рельефной.

Возле штакетника возились с ведрами и банками завхоз Пахарчук и Дмитрий Важко. Пахарчук сливал в ведро краску, Дмитрий помешивал ее палочкой. Половину штакетника от дороги они уже покрасили.

Иван Иванович вспомнил фразу, которую произнес ди-

ректор: «К нам комиссия едет!» Все стало на свое место. Учитель даже засмеялся.

Иван Иванович заметил двух женщин, которые, торопясь на работу, перемолвились негромко:

— Разбогатела школа, ты смотри!

— Наверно, какая-нибудь проверка будет. У нас когда-то...

И стыдно стало Ивану Ивановичу, так стыдно!

Крикнул:

— Важко!

Дмитрий оглянулся, и Пахарчук оглянулся. Дмитрий, увидев учителя, оставил мешалку, взял на траве забрызганную краской тряпку, вытер руки и подошел.

— Слушаю, Иван Иванович!

— Ты почему не на уроке?

— Мне сказали забор красить...

— Он с разрешения директора, — добавил завхоз.

— Хорошо, потом поговорим... Ты вчера видел Любарца? — спросил учитель.

— Вчера? — переспросил парень, и Иван Иванович сразу догадался: видел, больше того, вчера что-то произошло. Важко наверняка знает, почему не появился в школе Любарец, знает, но сейчас думает, как ответить.

— Да, вчера. И прошу тебя, говори правду, пожалуйста...

Митька посмотрел на учителя и понял, что лгать нельзя.

— Я... не могу вам сказать...

— Почему?

— Я...

— Марш на урок! И чтоб этого, — показал на ведра и банки, — я больше не видел.

Вмешался Пахарчук:

— У нас еще половина работы! Я директору пожалуюсь!

— Ваше право, — проворчал учитель, думая и дальше над тем, что снова что-то случилось, следовательно, к вчерашним заботам добавятся новые.

А у Романа Любарца сидела Ульяна Григорьевна, мать Василия. В который раз он повторял ей:

— Василий ваш не виноват. Я первый его задел, назвал царем. Поэтому я начал, я и расплачиваюсь.

Ульяна Григорьевна склонила при этих словах голову, пряча заплаканные глаза: не верила, зная своего сына.

Поднялась, поправила юбку, надела плащ табачного цвета. Лицо ее, и без того бледное, совсем пожелтело.

Роман тоже встал и спросил:

— В школе знают?

— Еще нет. Но будут знать.

Он проводил Ульяну Григорьевну до самой веранды. Там она с кем-то поздоровалась. Роман увидел Ивана Ивановича, классного руководителя.

— Здравствуй, Роман.

— Здравствуйте, Иван Иванович. Заходите...

Иван Иванович разделся, бросил плащ на стул.

— Мать на работе?

— На работе.

— Вчера я не так повел себя, Роман, — неожиданно сказал учитель, и губы его крепко сомкнулись.

— Я тоже. — Роман отвернулся к окну.

— Завтра заседание комитета. Придешь? — спросил через минуту Иван Иванович.

— Нет.

— Надо, чтобы ты был.

— Я... я не могу...

— Почему...

— Они затронут моего отца, этого вынести я не смогу.

— Я знал твоего отца. Он был скромным, добрым и честным человеком. Ты не имеешь никаких оснований стыдиться его.

Роман благодарно взглянул на учителя, но отвел глаза:

— Вы же слышали, как говорил Василий Михайлович...

— У Василия Михайловича это получилось сгоряча. Нет никаких, слышишь, никаких оснований говорить так.

Молчание повисло над ними, как черная туча. Роман почувствовал, что Иван Иванович переступил какую-то невидимую для ученика, непонятную для него грань и теперь, должно быть, раскаивается. Хотелось сказать ему что-нибудь утешительное, подбадривающее, но в голову ничего путного не приходило.

— Вы не спрашиваете, почему я сегодня дома, почему ко мне приходила Ульяна Григорьевна...

— Догадываюсь. Достаточно увидеть твое разукрашенное лицо, — бросил учитель, думая, видимо, о чем-то своем.

Ответ его не понравился Роману, настолько не понравился, что он вдруг не захотел говорить правду.

— Вчера я снова в драку ввязался, точнее, спровоцировал ее... и получил по заслугам.

— Здесь, наверно, не только ты виноват...

Роман взглянул на учителя: что он хотел этим сказать? Пытается исправить положение. Пытается спасти атмосферу откровенного разговора. Нет, поздно. Роману больше не хотелось говорить правду, более того, он сейчас вообще избегал разговора.

— Я только и виноват. Ульяна Григорьевна тоже почему-то подумала, что виноват ее Василий. — Роман засмеялся, его смех окончательно сбил с толку учителя. — Я оскорбил Василия, а теперь должен, наверно, пойти к нему и извиниться. Как вы думаете, Иван Иванович?

— Если уверен, что виноват, иди, как же иначе, — просто ответил учитель. Он подошел и стал у Романа за спиной.

Теперь оба смотрели в окно на колхозное поле, стальной плес озера и застывшие лодки рыбаков.

Роман высокий, но еще узок в плечах. Они стояли возле окна, словно отец и сын... Роман, как только остановился у него за спиной Иван Иванович, сразу же об этом подумал. Нестерпимо больно ощутить за спиной отца и знать, что это не он...

— Не знаю... — наконец отозвался Роман. — Кажется, уверен...

— Бывают в жизни ситуации, из которых невозможно выпутаться самому.

— Зато, когда выпутаешься, получаешь удовлетворение вдвойне, — заметил Роман, дав понять, что на эту тему разговаривать ему не хочется.

РОМАН

Иван Иванович еще не покинул двор, а Роману уже хотелось бежать куда-то, говорить кому-то какие-нибудь слова, успокаивать кого-то и успокаиваться самому. Необычная неуверенность охватила его. И не понять Роману, что это за состояние такое, потому что ему всего-навсего семнадцать лет.

Прибежала на обед мать. Видно, тоже переживает, вон как потемнело у нее под глазами.

— Лежишь? — спросила она с порога.

— Лежу, — проворчал.

— И лежи. Куда пойдешь, такой хороший? — Мать разделась, причесалась перед зеркалом. — Я уж сама к курам выйду и кроликам есть брошу... А то прошелся бы по поселку, пусть глянут люди, как он тебя, проклятый, разрисовал.

— И без смотрин знают...

Мать обернулась, встретила упрек в глазах сына.

— Ты хочешь, чтобы я простила этому бандиту? — Губы ее задрожали.

— Ты, мама, здесь ни при чем, — перешел на спокойный тон Роман. — Впрочем, пропади он пропадом, чтобы я о нем еще думал.

— Он что, приходил сюда? — настороженно спросила мать.

— Нет. Приходила Ульяна Григорьевна.

Мать усмехнулась, как показалось Роману, злорадно.

— Зачем же она прибегала?

— Хотела знать правду.

— Не ищи правды у других, если у тебя ее нет!

— Мама!

— Воспитала бандюгу! — Мать вся дрожала, даже жалко было смотреть на нее. — Имея такого сына, не смей людям в глаза смотреть, не смей чужих воспитывать! Учительница!..

Роман даже растерялся: такой мать он еще не видел. Столько вражды у нее было к Ульяне Григорьевне!

За обедом мать снова заговорила о том, что Роман напрасно прощает «этому головорезу». Пусть бы потаскала его немного милиция.

— Хватит, мама, о нем, ну его к дьяволу! — сказал Роман. — Хватит об этом! Лучше расскажи мне... расскажи... об отце...

Вилка задрожала в руке матери, остановилась над тарелкой.

Роман так и подхватился с места:

— Почему, как только я начинаю про отца, ты сердишься? Разве не проще сказать правду? Разве не легче, не легче нам будет тогда?! Слово чести, я могу подумать, что... что ты виновата в его смерти.

В комнате стало тихо, через открытые форточки доносился шелест листьев.

— Виновата? Н-не знаю... — Мать нащупала спинку стула, осторожно села. В ее жестах была обреченность.

Роману хотелось подойти к матери, успокоить, попросить прощения за ничем не оправданные вопросы... Но была и злость. Хотелось криком кричать, чтобы рассказала все.

Роман вышел из хаты и пошел мимо сарая, тропинкой через огороды к берегу. На убранных, высохших после засушливого лета полосках земли еще кое-где виднелся укроп, островками зеленели буряки, оставленные хозяйками «на вырост», торчали голые стебли подсолнуха.

Возле берега стояли лодки. По пять-шесть приткнулось к каждому столбику. Будний день, вот и отдыхают, а в субботу и воскресенье разбегутся во все стороны и потом застынут на зеркальном плесе.

Роман огляделся. Берег здесь был широк, и на нем ровными рядами красовались плакучие ивы. Но что это? Даже застыло у Романа что-то в груди: первый ряд, который был ближе других к пруду, лежал в воде. Зеленые крепкие ивы неуклюже покачивались на волнах. Они словно упали на колени. Их кроны, еще зеленые, еще сильные какой-то удивительной внутренней мощью, вошли в воду, и их длинные ветви напоминали косы утопленницы.

— ...три, четыре, пять, шесть, семь, — шептал Роман, считая подмытые водой, полегшие ивы.

Он подошел к одной из них, присел на корточках возле вывернутого корня, под которым мирно плескалась вода.

— Эй, парень!

Роман увидел в двух шагах от себя Мироновича.

— Вы?!

— Я, — улыбнулся аппаратчик. — А ты что здесь плачешь?

Роман отвернулся, поспешно вытер слезы.

Миронович подошел к иве, погладил блестящий ствол.

— По-моему вышло. Просил укрепить берег! Куда там! — Миронович словно и забыл о Романе. — Дурьи головы! — ругал он кого-то, щупая темно-рыжие корни ив узловатыми, как и эти корни, пальцами. Потом повернулся к Роману. — Вот скажи, ты парень грамотный, могут они еще раз вырасти? Что молчишь? — дотронулся до его плеча Миронович.

— А что тут сказать? Вон сколько погибло...

— Полагаешь, погибло? — Миронович прошелся между вывернутыми корневищами, обернулся к Роману. —

Смотри, они еще питаются соками земли. Если бы выкопать и перенести... скажем, вон туда. Грунт одинаков, а? Заметь, они уже неделю так лежат — и зеленые и крепкие.

«И в самом деле! Поставить их снова в строй, вот было бы здорово!»

Миронович еще раз обошел все ивы, наклоняясь над каждой.

— Я впервые здесь... — Голос Романа прозвучал глухо и неуверенно. — Наверно, пропадут они все же: к зиме идет... Сюда бы людей, человек десять.

— Вдвоем не сдвинем, — весело сказал Миронович. — Да и на смену мне. — Он взглянул на часы. — Вот если бы пришли твои друзья, скажем, одноклассники, а?

«Одноклассники... Митька Важко, Ваня Микитюк, Левко Нежный, Хома Деркач... Сейчас они, наверно, на стадионе...»

— Они сейчас на стадионе...

— И здесь можно собраться, разве нет, Роман? Я так думаю, — сказал Миронович.

Роман не ответил и пошел вдоль берега мимо разноцветных лодок, мимо огородов, на которых одиноко торчали стебли подсолнухов.

Ребята сидели в углу стадиона. Несколько пар глаз настороженно уставились на Романа. Сердитые ребята — игра не состоялась... Левко Нежный стоял перед воротами, на одиннадцатиметровой отметке, и методично забивал мячи в сетку. Когда все пять оказались в воротах, он, уже лениво, выкатил их из ворот и начал все снова.

«Из поселка маловато», — отметил Роман.

— Кто это тебя так? — спросил Вадим Коренев.

Роман не ответил и спросил:

— Игра, как я понимаю, не состоялась?

— Увальни! — махнул рукой Адамко. — Думают, что у меня работы дома нет.

— А у меня? Да что говорить! — сказал Левко, и белый мяч закрутился в сетке ворот.

«Настроение у ребят явно не того...» — подумал Роман и понял, что не пойдут они с ним. Еще и высмеют.

Зеленое поле лежало перед глазами, и на нем белыми пятнами — пронумерованные футболки. Одни футболки перед ним, а ребят вроде бы и нет. Только номера на спинах. У Левка — седьмой, у Коренева — одиннадцатый. Начхать им на упавшие ивы.

— Ты что уставился? — спросил Вадим и легко поднялся. — Ну что? По домам?

— Куда же еще? — поднялся и Адамко. — Домой... — Он остановился перед Романом и сказал сердито: — А тебя хорошо разрисовали!

Роман снова не ответил и сказал:

— На берегу ивы подмыло. Их еще можно поставить, работы на несколько часов.

Адамко миг смотрел на Романа, должно быть, взвешивал сказанное, потом едва заметно усмехнулся, пожал плечами и повернулся к ребятам:

— Домой?

На слова Романа не обратили никакого внимания.

Кто-то тронул его за плечо. Роман даже вздрогнул — такой напряженный был весь. Взглянул: Левко Нежный. Мячи он уже собрал в сетку.

— Ромка, ты серьезно про ивы? Вчера я там был. Страшно! Считаешь, можно еще спасти?

— Спасешь... — процедил Роман и кивнул на ребят, которые уже переоделись и окружили Вадима Коренева. Как Вадим скажет, так и будет. Это понимал, наверно, и Левко. Вон он шагнул к нему:

— Вадим, может, попытаемся, а? Пойдем и поставим их! Пусть растут... Помнишь, летом, когда солнце надоедало, мы лежали под ивами, в тени?..

Не рад был Роман, что нашел себе единомышленника в лице Левка. Его бесило удивление Вадима. Сказал бы уж что-нибудь, сколько же можно улыбаться!

— Что ж ты смеешься? — не вытерпел Роман. — Говори!

Вадим взглянул на него внимательно, улыбка с лица исчезла:

— Твоя идея, тебе и дерзать. На мне весь свет клином не сошелся. Тем более времени — ни минуты. Так что без меня.

— И без меня, — двинулся за ним Адамко.

— А мне пять километров топать.

— Мне тоже. Сам знаешь, сколько сейчас работы...

Один за другим разошлись ребята. На стадионе остались только Роман и Левко. На солнце наползла туча. Темное пятно, словно тень неведомого существа, поплыло зеленым полем стадиона, захватило деревья, хаты, которые выглядывали между ними седым шифером, оцинкованным железом, и побежало на пруд.

— Даю задний ход, — невесело усмехнулся Роман и пошел к ограде.

— Ромка! Ромка! — кричал ему вслед Левко. — Завтра устроим. Завтра поднимем ребят, вот увидишь.

Роман не обернулся.

МАЙСТРЕНКО

Последний урок в десятом «А» закончился неожиданно. Иван Иванович Майстренко на полуслове прервал объяснение, покраснел густо, взглянул на десятиклассников угрюмо и сказал:

— На сегодня все. В следующий раз буду спрашивать вторую и третью темы. Прошу подготовиться. До свидания. — И вышел.

Десятиклассники удивленно переглядывались и, не поняв в чем дело, разошлись по домам.

Домой пошел и Майстренко. Шел не спеша, низко опустив голову.

Проурчал мотоцикл и остановился. Мотоциклист снял шлем, бросил его в коляску и пошел навстречу.

— Добрый день, Иван Иванович. Давно хотел поговорить с вами.

«Важко Степан... как же его по отчеству?»

Перед глазами сразу же возникло помятое объявление о товарищеском суде. Силился вспомнить, ведь обвиняемого там называли по отчеству, но напрасно: все заслонил растерянный вид ученика — Дмитрия Важко.

— Здравствуйте, — сухо промолвил Иван Иванович, с откровенным любопытством рассматривая невысокую худощавую фигуру Важко. — Извините, не помню отчества.

— Степанович...

— О чем же вы хотели со мной поговорить, Степан Степанович?

— Про сына, — повторил Майстренко. Его почему-то раздражал этот загадочный человек. Это он, кажется, стрельнул когда-то в Деркача из ружья. Зайца не поделили!.. — Я вас слушаю.

— Спросить хотел, как он там, в школе...

— Грешно возводить напраслину. Юноша имеет твердые положительные оценки.

— Ну а поведение? Понимаете, беспокоит он нас. Какой-то он, ну, ко всему равнодушный, несобранный...

— У меня их много, Степан Степанович. Во всяком случае, Дмитрий ничем особенно не отличается — ни в лучшую, ни в худшую сторону... Единственное, что я могу посоветовать, Степан Степанович, это быть примером для сына, образцом в жизни, — не удержался Майстренко и заметил: как-то сразу поблекли, побледнели синие кольца возле глаз собеседника, а узловатые, в ссадинах и порезах руки начали зачем-то расстегивать и застегивать пуговицы на ватнике. Добавил помягче: — Поверьте, дети очень болезненно воспринимают житейские неудачи близких людей. Особенно когда неудачи случаются вследствие аморальных поступков... Извините, я не хотел вас обидеть. До свидания.

И, оставив ошеломленного Важко посреди дороги, Иван Иванович фактически убежал. Убежал, потому что не мог ничего сказать встревоженному отцу: он просто не знал его сына, Дмитрия. Да и отца он совсем не знал.

Жены дома не было.

Сразу же поднял сиденье дивана и окинул взглядом связанные канцелярские папки, общие тетради в коленкоровых обложках. Все они покрылись седоватой пылью. Иван Иванович взял первый попавшийся конспект, вытер пыль на обложке и осторожно раскрыл. Бумага немного пожелтела, на ней четко выделялись блоки абзацев, выписанных каллиграфическим почерком, обсыпанных кавычками. «Мысли великих о педагогике», — узнал Иван Иванович конспект.

Вошла жена.

— Нам только такого беспорядка недоставало! Иван!.. Я же только что пол вытерла.

Иван Иванович не ответил. Пытался сосредоточиться на цитате из работы прогрессивного немецкого педагога Дистервега: «Во всяком истинном ученье объединены три фактора: знание дела (объекта), любовь к делу и ученику (субъекту), педагогические способности (субъективно-объективный метод). Эти три аспекта ученья объединяются в одно гармонически целое в личности учителя, который имеет на учащихся утроенное влияние, отчего они приобретают знание предмета, любовь к нему, волю и силу для достижения истины и служения ей».

— Молчишь... А ты вертись с утра до ночи.

Читал дальше:

«Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбят тебя и науку, и ты

воспитаешь их, а если сам не любишь ее, то сколько бы ты не принуждал учить, наука не сделает воспитательного влияния. Л. Толстой».

А голос жены бубнил в затылок:

— У Никиты Яковлевича поучился бы ты...

Не выдержал Иван Иванович:

— Сейчас же замолчи! Ни слова больше... — Только теперь он обернулся и взглянул на жену.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами:

— Сегодня ты меня, Анна, не трожь. А завтра мы обо всем поговорим, — тихо добавил Иван Иванович. — Обо всем завтра. А сегодня обойди меня стороной. Я поработаю...

— Думала, мы нынче картошку...

— Анна!

Видимо, она прочла что-то опасное для себя в глазах мужа: подняла кверху руки, мол, хорошо, хорошо, — исчезла.

«Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку...» — мысленно повторил Иван Иванович. И здесь между каллиграфически выписанных абзацев увидел строчки чужого почерка. Да это же рука Валерия Рослюка! Помнишь? Валерий остановился тогда за спиной, прочитал написанное и покачал головой:

— Точно и мудро... Но мы имеем врага, проклятого врага.

Он достал ручку и написал:

«Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку, одновременно как ненавистного, злого недруга остерегайся равнодушия. Равнодушие коварно, оно способно раздавить в тебе самую высокую любовь. В. Рослюк».

Майстренко еще раз перечитал строки, под которыми расписался Валерий. «Ты прав, друг. Все-таки страшная болезнь. Она давит не только самую высокую любовь, но и дружбу...» Майстренко стал вспоминать, когда между ними прекратилась переписка.

Писем среди бумаг не было, но зато было чувство, что прошлого уже не вернуть.

РОМАН

Поздно вечером Роман тихонько, чтобы не разбудить мать, выбрался из хаты и пошел к проходной завода. Решил встретить после смены Мироновича.

Завод пламенел в темноте множеством мерцающих фонарей, и это играющее мерцание сливалось в одно дрожащее сияние. Завод смотрел на парня яркими окнами, словно подчеркивая, что этот вечер ничем особенным не отличается от предыдущего.

Мимо Романа проходили рабочие, торопились на ночную смену. Миронович и Костя Дьяченко уже, должно быть, оделись, с минуты на минуту появятся в проходной. «Ну как?» — спросит Миронович и хитро прищурит глаза.

«Может, уйти? Не было полегших ив и насмешливого взгляда Мироновича. Не было, и точка! А что? Другой на твоем бы месте никогда не влезал бы в сомнительное дело. Но когда уж произошло, когда не хватило ума в ответственный момент — махни теперь рукой... Коренев и такие, как он, — они же махнули и ушли. Чихать хотели они на твои ивы, под которыми летом искали тень».

В проходной замаячила высокая фигура Кости Дьяченко. Он был похож на студента из фильмов о дореволюционной жизни. Такой вид придавала ему черная фуражка.

Увидев Романа, Костя остановился.

— Роман?.. Ты что в полночь бродишь?

— Добрый вечер!.. Мне... Миронович нужен...

— Миронович? — Костя почему-то оглянулся. — Он заболел.

— Заболел? — удивился Роман. — Но перед сменой я встречался с ним!

— Сердце... По дороге на работу его схватило... Такая наша жизнь: здоров — болезни жди, а болен — смерти.

Романа напугали эти слова. Костя заметил его тревогу:

— Удивлен? Наверно, еще ни разу не думал о таком? О жизни и смерти человек начинает думать после тридцати. Голова же восемнадцатилетнего забита иными проблемами: честь, совесть, отношения, достоинство... Разве не так? И правильно. Я зря затеял с тобой этот разговор, ты извини.

— Ничего подобного!

— Вот как? Почему? Поделись...

«Почему? — подумал Роман. — А потому что есть мать с какой-то тайной, есть Степан Степанович Важко, которого судила общественность, есть его сын, который вчера чуть не подрался с негодяем Хомой, а сегодня шептался с ним в коридоре, есть, наконец, больной Миронович...»

Роман не сказал всего этого, а повел разговор о постороннем:

— Все хаты одинаковые, деревьями окружены, на одну колодку сделаны, а пойди, разве измеришь одной меркой все заботы, которых столько в каждой... в той — радость, а в этой беда, там — смех, а тут — плач. И разве не бывает часто так, что тут радуются, потому что там плачут?

— Гм-м... Я в твои годы, старик, об этом не думал... Как это теперь — акселерация?

— Шутишь. — Роман махнул рукой.

— Перерос ты свои годы, дружок. Такое впечатление, словно мы с тобой ровесники. А я уж и забыл, когда в армии отслужил.

— Разве это не правда? — добивался ответа Роман.

— Настойчивый! — засмеялся Костя. — Ну-ну, не сердись... Так здесь, говоришь, радость, потому что там плачут? Бывает... А сейчас, старик, мы навестим Мироновича. Идет?

— Неудобно. Поздно уж, ночь...

— А мы в хату заходить не будем. Посмотри на окна: если светятся — Мироновичу плохо, если темно — порядок, спит старина.

— Пойдем!

Роману нравилось общество Кости.

— Каков ты — вот главное мерило нашего общежития, — вернулся Костя к предыдущему разговору. — Миронович просто смотрит на такие вещи. Миронович посмотрит на человека, спросит у него что-нибудь и сразу же скажет, кто перед ним. Думаешь, чудак Миронович? Впрочем, можешь не отвечать. Судя по разукрашенному лицу, ты — единомышленник Мироновича. Наверно, за кого-то заступился, а на соотношение сил не обратил внимания. Бывает... — Костя остановился возле штакетника, прямо напротив окон высокой каменной хаты. Окна сине поблескивали в темноте, словно налитые водой. — Все хорошо, — прошептал Костя. — Спит наш Миронович... Идем, а то подумают: сомнительные люди бродят...

Какое-то время шли молча. Роман чувствовал к Косте расположение.

Костя не умел долго молчать.

— Завтра утром забегу к Мироновичу, доложу: на службе полный порядок! Костя Дьяченко сдал экзамен... Я, старик, был сегодня аппаратчиком. В полном смысле. Доверили. Раньше, бывало, аппаратчиков другой смены

вызывали, а сегодня меня поставили. И я, кажется, справился! — Костя засмеялся удовлетворенно, и Роман подумал, что Костя вообще счастливый парень. Все у него щедро смазано и притерто в жизни. Улица, освещенная мигающими фонарями, вела в темную неизвестность, сужаясь вдали, как железная дорога. Деревья по сторонам стояли в синеватой мгле, словно задумав что-то.

— Удивительный ты парень, — сказал Роман.

— Скорее чудак.

Костя притих, а Роман — слово за слово — разговорился. И рассказал все о своих последних приключениях. Костя только покачивал головой. Когда же разговор зашел об Иване Ивановиче, он оживился:

— Иван Иванович? Кто бы подумал? Иван Иванович...

Роман ничего не понял. Правда, ему показалось, что Костя знает совсем не того Ивана Ивановича...

Костя, по мнению Романа, должен был сказать что-то на прощанье, как-то подытожить их запутанный разговор. Он, наверно, понимал, что Роман сейчас барахтается в своих нерешенных вопросах, словно в ячейках огромного вентеря: назад не вернешься и вперед не пойдешь, потому что невидимая сеть прямо перед глазами.

Но Костя ничего не сказал. Лишь от пожатия его сухой и сильной руки к Роману пришло неизъяснимое желание скорей дождаться завтрашнего дня и одним махом решить все проблемы.

Уверенный, возвращался Роман домой. Ему даже показалось, когда входил в хату, что стал на голову выше, — пригнулся, чтобы не зацепить притолоку. Пригнулся и засмеялся.

Посреди комнаты стояла встревоженная мать.

— Ромочка!

— Все хорошо, мама, успокойся.

— А я уж думала!..

Роман подошел и поцеловал мать.

— На заводе был... задержался... все прекрасно, все хорошо.

ТУЛЬКО

Василий Михайлович, улыбаясь, смотрел в широкое окно кабинета на просторный школьный двор. Его пальцы быстро бегали по столу, а это свидетельствовало о том, что мысль его напряженно работала.

Василий Михайлович, хотя и прожил пятьдесят семь лет, о старости еще по-настоящему не задумывался. Разве что иногда ночью; после дневных хлопот, когда уж слишком допекут школьные дела, он вдруг со злорадной облегченностью подумает: да пропади все пропадом, скорсе бы уж шестьдесят — и будьте здоровы! Вот удочка, а там — пруд. Он засыпа́л с таким настроением, поэтому и во сне видел себя на пруду: сидит далеко-далеко посреди застывшей свинцовой массы с удочкой в руке — словно скульптурное чудо. «Эй, Васька, плыви к берегу!» — кричал сам себе Василий Михайлович, и мороз пробегал по коже: Васька не слышал.

Тяжкие были ночи, даже вспоминать — сердце болит. Хорошо, что хоть умеет забывать. Золотая способность!

Такие ночи и все, что им предшествовало, Василий Михайлович выбрасывал из памяти на следующий же день. До завтрака еще помнил, а после завтрака — нет.

Эх, старость, старость! Никого-то она не обходит...

Раскрылись двери, и на пороге выросла солидная фигура Деркача-старшего.

— А вот и вы! Посиживаете, значит, в теплом кабинете и составляете генеральные планы. Кому, значит, золотую медаль, кому двойку, а кого и совсем отчислить. К примеру, если парнишка — сын маленького человека. Да? А кто держал Хому за рукав, кто? Разве не вы? «Товарищ Деркач, у нас некомплект выходит, пусть парень учится, после десятилетки в любое училище примут». Не-ет, этого я не оставлю, я до министерства дойду.

Он примолк на минуту, и Тулько сказал:

— Вы успокойтесь, Григорий Петрович. Никто вашего сына выгонять не собирается. А сказали ему в воспитательных целях.

— В воспитательных целях? — Деркач потер ладонь о ладонь, потом обеими руками пригладил взъерошенные волосы.

— Именно так, — устало промолвил Тулько. — Чтобы разбудить сознательность, желание учиться.

— Вот оно как!.. Я понимаю... а я-то...

— Вы бы и со своей стороны повлияли на него. — Директор, взглянув на часы, встал. — Двойки ведь у парня.

— Влияю... Но на большее он, значит, и не способен...— Деркач снова потер ладонь о ладонь. Руки у него были

большие и красные. — Пусть бы все шло так до конца, а?

— Нельзя, Григорий Петрович. Выпускной класс.

— Никто у вас четверок не выпрашивает! Тройку хотя бы... Пусть уж будет с аттестатом.

— У меня сейчас совещание. — Тулько еще раз выразительно взглянул на часы. — Извините. Поговорите еще с классным руководителем... А вообще сына надо держать покрепче...

— Да я уж и так, Василий Михайлович!.. — И Деркач сжал свои огромные кулаки.

Тулько усмехнулся и сказал:

— До свидания, Григорий Петрович.

РОМАН

Роман и Левко Нежный вышли из школы. На улице, хотя и светит солнце, звенит затаенная грусть. Роман слушал Левко невнимательно. Хотелось закрыть глаза и посидеть одному в углу. И чтобы было тихо. Надоели разговоры, вздохи, смех... Не нужно ему знать, отчего умер его отец, почему на второй же день Митька подружился с человеком, который его глубоко оскорбил. Сейчас Роману все равно. Он хочет тишины, покоя.

«Перейдем двор и простимся с Левко. Тебе вправо, мне налево», — подумал Роман.

Но не получилось, как хотелось. Во дворе школы виднелась толпа школьников. Над головами торчали лопаты, поблескивали на солнце острые лезвия.

— Это же наши! — выкрикнул Левко. — Ну, Валька, молодец!

От толпы отделилась Валя Дашкевич, староста класса. Вначале Роман ее не узнал. Голова повязана белой косынкой, на ногах черные резиновые сапоги.

— Левко, вот и мы! Веди, приказывай... — Она весело засмеялась, и Роман опять не узнал в ней всегда чем-то недовольную Валю Дашкевич.

— Я? — удивился Левко. — Почему я? Он будет руководить, — и показал на Романа.

— Как же он будет руководить, когда слезы висят на волоске, — засмеялась Тоська, прозванная в классе Злючкой. Она подошла ближе.

Между ними встал Левко.

— А тебе только дай поострить!

Тоська удивленно подняла брови, серьезно спросила:

— А что такое, Левко?

— А такое. Надо меру знать... Идем, товарищи!

И толпа подростков тронулась со двора школы в долину. Когда пришли на место, когда улеглось первое удивление, когда, наконец, Тоська залезла в воду и набрала в сапоги воды, Левко сказал:

— Начинайте, ребята, копать ямы. Диаметр... Валя, дай-ка лопату. — Он быстро измерил корень ивы, дал припуск. — Полторы лопаты, думаю, хватит. Идем! Кто в сапогах, деревья подкапывать. Кто без лопаты, будет сменным. Ну, «бригада ух»!

— А ты словно родился бригадиром, — ехидно заметила Тоська. Она сидела на краю рва и выжимала портянки.

— Работать мы тоже умеем! Валя, ты пока постой. — Левко ловко отметил ширину будущей ямы и стал копать.

Против каждой ивы стало по двое ребят — и вскоре зачернели на берегу семь кругов.

Роман подошел к Тоське:

— Можно твою лопату?

— А я?

— А ты посиди посохни...

— Нет, не выйдет.

— Я тебя прошу.

Тоська посмотрела на Романа.

— На, возьми... И забудь в труде свои обиды. Чудак... из прошлого столетия. — Она притопнула, потому что в мокрый сапог не входила никак нога. — Космический век, а он принимает близко к сердцу такие мелочи. Что ж, иди копай землю, земной труд успокаивает впечатлительных людей.

Роман ничего не ответил. Взял лопату и встал рядом с Левко. Копал быстро и думал об одном: выбросить больше земли, чем Левко.

Поставили одну иву, другую, и Роман подумал, что можно будет идти на исповедь к Мироновичу. Подумал и улыбнулся.

МАЙСТРЕНКО

Пока Майстренко добрался до районного городка, в котором жил и работал Валерий Рослюк, вечер постепенно окутал небо. На огородах жгли сухую картофельную бот-

ву, стлался дым над землей, прыгали через огонь дети. Единственное, что напоминало о городе, — двухэтажное заводское сооружение. Оно дымило паром в белый свет, распространяло вокруг тихий гул. Именно оно и роднило этот далекий чужой городок с Малой Побеянкой. Тут даже воздух был одинаков, пропахший жженым сахаром.

За тем углом — домик Валерия. Майстренко уже видел клочок крыши, покрасневший под закатным солнцем, видел раскидистую яблоню.

Вот и знакомый двор, занесенный ясеневым, яблоневым, вишневым листом.

Ничто здесь не изменилось. Штакетник, уже старенький, поседевший от ветров, дождей и снегов, окружил домик и спрятался под хмель, который лениво свисает с ветвей. Стволы яблонь, давно побеленные известью, выцвели, почернели.

И в хате — запах осенних яблок. Мать Валерия, Надежда Максимовна, сухонькая, маленькая женщина лет шестидесяти, сидела, низко склонившись над швейной машинкой. Иван Иванович тихонько поздоровался. Женщина вздрогнула, сверкнули стеклышки очков.

— Не узнаете, Надежда Максимовна?

Она внимательно присмотрелась и вдруг подхватилась:

— Иван Иванович?!

Надежда Максимовна стала зачем-то перекладывать на столе вещи, и видно было, как дрожат у нее руки.

«Опять я не вовремя, кажется, приехал... опять у них что-то случилось», — тревожно подумалось Ивану Ивановичу.

— А где же Валерий?

Руки ее остановились над столом, замерли. А может, ему так показалось?..

— Вы раздевайтесь, Иван Иванович. Валерий вот-вот будет, в область подался. Садитесь, отдохните с дороги... Я шитьем занялась... Вы поездом, наверно?

— Поездом.

— Ну вот. А Валерий, наверно, автобусом будет ехать. Придет, тогда и поужинаете, я вон вареников налепила, сейчас в кипяток брошу. Свеженьких и поедите...

Иван Иванович сел к столу, открыл чемодан.

— Это для вас, Надежда Максимовна...

Она взяла черный шерстяной платок, прижала к груди и впервые посмотрела ему в глаза. Посмотрела просяще, жалобно — она очень изменилась, Надежда Максимовна...

— Скажите, Иван, он вас вызвал? Попросил вас приехать?

— Нет, что вы! Я сам... я поездом... дай, думаю, загляну, как здесь Валерий поживает. Знаете, как бывает. Хлопоты, хлопоты, некогда с другом встретиться...

Майстренко говорил торопливо, Надежда Максимовна подошла к своему шитью. Плечи ее неестественно как-то, тяжко обвисли, а затем еще и вздрогнули, и она закрыла лицо подаренным платком.

— Прошу вас, умоляю: не поддакивайте ему!.. Не поддерживайте Валерия!..

— Что случилось, Надежда Максимовна? — топтался позади нее Майстренко, думая о том, что напрасно он прикатил сюда, совсем напрасно.

— Учительство бросил... Пошел на завод каким-то социологом. Дороги не перейдешь: каждый тебе в глаза заглядывает...

Даже хорошо зная Валерия, Майстренко был просто ошеломлен.

— Он мне... не написал, — наконец нашел выход из положения Майстренко.

— На это время надо, а он сейчас... воюет... Сын, говорю, что ты затеял? Где там! Восстановил против себя всех людей, господи, что же дальше будет!

Она немного успокоилась и стала рассказывать, как сын с завучем перессорился, как ученикам двойки ставил, и школа из-за этого оказалась на последнем месте в районе и как на экзаменах «зарезал» тридцать учеников, но приехала комиссия и навела порядок... Теперь вот социологом на заводе.

Женщина ожидала, что он скажет. А что мог сказать человек, который сам приехал за утешением?

— Тут что-то не так, поверьте. Я знаю Валерия давно, служили в одном взводе, учились в одном вузе и встречались каждый день... Пошел на завод, значит, так нужно.

Надежда Максимовна снова насторожилась.

— Я очень испугалась, когда увидела вас... К нему сейчас нельзя допускать единомышленников. Надо, чтобы он смирился... Ведь что за жизнь? Без жены, без детишек... И в кого он такой пошел, не представляю!..

— Все пройдет, все будет хорошо. Вот увидите...

Но она не слушала. Глаза ее наполнились слезами и смотрели мимо Ивана Ивановича. Майстренко хотел сказать что-нибудь ласковое, но нужных слов не находил.

Время шло. Надежда Максимовна мелкими шажками удалилась на кухню, загремела там посудой.

«Может, уйти? Сказать Надежде Максимовне, что, наверно, не вовремя приехал, и уйти восвояси?»

Майстренко поднялся, закрыл чемодан. Но не успел он и шага сделать, как с кухни донесся голос Рослюка:

— Опять плакала? Ой, мама! Все это не стоит твоих слез. Поверь, выйдет по-моему!

— У тебя гость...

Раскрылась дверь, и на пороге остановился Рослюк. Иван Иванович глядел на него и не мог в сознании соединить воедино рассказ Надежды Максимовны и этого делового, уже немолодого человека.

Обнялись. И только тогда Майстренко поверил, что все это случилось с Рослюком: Валерий прижался к нему, словно обиженный ребенок.

Они молча сидели на диване и курили. Рослюк похудел, вокруг глаз сомкнулись синие круги.

— А годы бегут, гляди-ка! Бегут наши годы!.. — сказал Майстренко. — И нам с тобой уже под сорок...

— Да и мы потихоньку движемся, разве нет? — неопределенно ответил Валерий Игнатьевич, и ответ прозвучал как упрек.

Майстренко отвел глаза к окну: там уж угасали огоньки на огородах.

— Надежда Максимовна сказала мне, — начал он тихо. — Я, признаться, удивлен... Когда-то мы могли позволить себе подобное... а теперь... теперь нам не двадцать пять лет...

Рослюк как-то странно усмехнулся.

— Осталось у меня, Иван, только утешение осознавать, что я не изменился и не стал равнодушным к нашему делу. Оно меня жжет, как и когда-то...

В его голосе прозвучал откровенный упрек, и Майстренко окончательно убедился, что напрасно ехал за две сотни километров. Начинать разговор о своих тревогах напрасное дело.

— Оно всех жжет, коллега, — ответил Майстренко и подумал, что разговор складывается странный.

В комнату вползали сумерки. Они старательно маскировали лицо Рослюка. И вот уже из темноты поблескивали на Майстренко лишь две точки неспокойных глаз хозяина.

— Я вынужден ставить «удовлетворительно» тогда,

когда надо ставить двойки! Да? Вынужден, потому что так выгодно школе, директору, завучу, мне, наконец... Разве это вообще не дико! Падает успеваемость, но беда не только в этом... беда не только в том, что Иванов пошел на завод малокультурным, малообразованным человеком, хотя и терся возле высоких наук десять лет. Беда еще в том, что мы портим Ивановых и, главное, самих себя. Над этим стоит задуматься, коллега!

«Такой он и есть, Рослюк, — думал Иван Иванович. — Правда из его уст горше лжи...»

Вошла Надежда Максимовна, включила свет. Рослюк закрыл глаза ладонью, скривил губы:

— Мама, надо предупреждать!

— Почему же сидите в темноте? — Она тревожно смотрела на сына. — Да и ужинать пора, вареники готовы. — И ушла. Видимо, нарочно вмешалась.

Рослюк сел, раздавил в пепельнице сигарету, прикурил другую.

— Больно сознавать, что ты причастен к этому обману, — сказал он спокойнее.

Майстренко возразил:

— Ты преувеличиваешь. Обычные временные проблемы школы...

— Ты так полагаешь? — И Рослюк усмехнулся чужой усмешечкой. — Зло порождает только зло, неправда — только неправду... Из-под наших временных проблем буйно прорастает инертность, равнодушие! Инженерам легче. То, что они делают, что решают, все их мысли — преимущественно о технике. А мы выдаем живую продукцию!

Рослюк разошелся. Он говорил быстро и яростно, часто стряхивая пепел с сигареты.

А Майстренко становилось не по себе. Он слышал резонные суждения.

— ...Все со мной соглашаются, кивают головами, а Голомега так же «отчитывает уроки» и получает каждый месяц положенную зарплату. Зато успеваемость в отчетах самая высокая... Как-то приехал к нам журналист и опросил учеников старших классов. Делал какое-то исследование. Тема: «Книга в твоей жизни». Письменно, разумеется. Среди других вопросов был и такой: «Любишь ли ты стихи?» Очень мне было стыдно за нашу школу, за нас, учителей, когда вышла статья под заголовком: «Стихов не люблю». А Голомега взял газету дву-

мя пальцами, словно тряпку, и говорит: «Юноша призывает нас воспитывать Есениных. А руками Есениных коммунизм не построишь». Кто не обратил внимания, кто промолчал, кто согласился. Голомега — завуч... Я не мог молчать! Я встал и сказал: «Не принимайте во внимание, коллеги, Иван Алексеевич шутит. Потому что человек, который так думает, не имеет права воспитывать детей, не имеет морального права...»

«Я не выдержал когда-то, шагнул в сторону, а он и ныне на студенческих позициях!» Эта мысль теперь уже упорно преследовала Майстренко, хотя он и гнал ее.

Надежда Максимовна собирала на стол ужин: хлеб, порезанную тонкими ровными кружочками колбасу, соленые помидоры и огурцы, которые запахли на всю хату укропом и тмином. Иван Иванович только сейчас почувствовал, как он устал и проголодался.

— А затем это совещание в облоно, — продолжал свое Рослюк, и его указательный палец дрожал над пепельницей. — Голомега смотрел на меня презрительно, ненавидяще, но я стоял перед молодыми учителями, которые только-только начинали. Они разделяли мои мысли! Ничто не могло сдержать. Мое выступление, ко всему прочему, еще и газета напечатала. Что тогда было!

Валерий Игнатьевич снова возвратился к злосчастному совещанию и начал рассказывать еще раз, со всеми подробностями, а Майстренко стало грустно.

— Думаешь, я бросил школу и сдался? — ни с того ни с сего спросил Рослюк.

— Нет. Я сейчас думаю о твоем здоровье. Тебе, коллега, надо капитально подлечиться.

Валерий Игнатьевич исподлобья взглянул на Майстренко, в его взгляде мелькнуло и разочарование.

— Ну хорошо. Пойдем ужинать.

Они говорили до поздней ночи. Дважды проветривали комнату, курили во дворе, и тогда Майстренко прислушался к тихому гулу завода — такому же, как в Малой Побеянке.

Говорил больше Рослюк. Иван Иванович обошелся общими фразами: все хорошо, работаю, дома тоже нормально. А здесь проездом. Еду из Киева, жена посылала к родственникам...

— Будем спать? — наконец предложил хозяин. — Ты же с дороги?

— А когда мой поезд, не знаешь?

Рослюк ответил только тогда, когда улегся:

— В двенадцать тридцать семь. Спокойной ночи!

Майстренко долго не мог уснуть. «Обиделся Валерий. Кто-кто, а я должен был его поддержать. Вертится, тоже не может уснуть... Завтра скажу ему: ты молодец, Игнатьевич! Я бы так не смог...»

Утром Майстренко встал тихо, чтобы не разбудить Рослюка, и вышел во двор. Надежда Максимовна хлопотала по хозяйству.

— Что же вы, Иван? Поздно же легли...

— Не могу спать в чужом доме, Надежда Максимовна, давняя моя беда.

— Может, твердо было?

— Что вы? Спасибо! Пойду поброжу. А Валерий пусть поспит, ему нужно много спать.

Больше всего не хотелось возвращаться к вчерашним разговорам.

Часа два он бродил по полям. Прогулка не принесла удовлетворения, чувствовал он себя так, словно провинился перед кем-то.

Только он вошел во двор, а Надежда Максимовна показалась на крыльце.

— Гуляли, Иван? Валерий ждал, ждал, да и пошел, ему же на работу...

— И мне пора, Надежда Максимовна. Надо уже на вокзал идти.

— Да, да, — приговаривала она и семенила за ним в комнату.

«Она не спросила меня, видел ли я сегодня Валерия, не предложила подождать его. Рада, что я не поддержал сына, и трижды рада, что я уезжаю».

Майстренко медленно побрел тихой улочкой — желтые листья под ногами шелестели.

ТУЛЬКО

Позвонили из районо, и Василий Михайлович битый час рассказывал о школьных делах. Наконец было сказано: «До скорой встречи!» — и трубку положили.

Василий Михайлович отодвинул подальше аппарат, откинулся на спинку стула, вытер пот со лба. Настенные часы ударили один раз. Только вздрогнул, поднял глаза:

половина одиннадцатого. Странное дело, полтора часа он на рабочем месте, а до сих пор ни один учитель не зашел к нему. Дело неслыханное. Обычно уже после первого урока они идут к директору с неотложными делами.

Снова зазвонил телефон. Теперь звонили из облоно. Правда, из облоно вопросов было в два раза меньше и формулировали их сжато: Василий Михайлович легко отделывался односложными «да» и «нет».

Вошла Ульяна Григорьевна с листком белой бумаги в руке. Трудно было определить, что белее — ее лицо или бумага. Учительница подошла к столу, положила листок, рука ее дрожала. На бумаге виднелась всего одна строка текста: «Прошу уволить меня с работы».

Директор показал рукой на кресло и, пока Ульяна Григорьевна усаживалась на краешек, попрощался с облоно.

Тулько прекрасно понимал, что сын загнал Ульяну Григорьевну в угол, но, естественно, хотел кое о чем спросить. Не мог же он просто так отпустить ее.

— Я, поверьте, удивлен! Ничего не понимаю!

Учительница посмотрела на директора... Умоляюще? Нет, мольба только промелькнула в ее глазах.

— Я вас прошу...

— Но ведь... мотивы? Мотивы? Меня же спросят?..

— Мотивы... — Ульяна Григорьевна отвернулась, прижала щеку к плечу и закрыла глаза. — Я не имею права воспитывать чужих детей. Не имею морального права...

— Вы, Ульяна Григорьевна, прирожденный педагог, — сказал он искренне. Чем-то все-таки поражала его эта высушенная горем женщина. — Вы, мне кажется, не сможете без детей, без школы.

— Подпишите мое заявление сегодня... сейчас... я не смогу пойти на урок, — и взглянула ему в глаза. Какое там — в глаза! В самую душу. Она взглянула так, что Тулько на миг открылась большая тайна: это не поражение учительницы, а победа. Победа над собой...

Он опустил глаза на бумагу, достал авторучку.

— Что же, дело ваше... Какое сегодня число?

— Первое...

Василий Михайлович поставил число и швырнул ручку — словно она была виновата, что в жизни бывают такие минуты и такие ситуации.

— Дело ваше... Хотя не уверен, что история с сыном является серьезной причиной. Это дети... они еще боль-

щий сюрприз способны нам преподнести. Я искренне сожалею, что вы уходите от нас. Искренне сожалею, Ульяна Григорьевна.

Женщина лишь головой кивнула, тоже непонятно, соглашается она или прощается. Тулько кивнул, и она тихо вышла.

«Странные люди, — думал Василий Михайлович, перекладывая бумаги из ящика на стол и наоборот. — Непостижимы, факт! Усложняют свое бытие, а оно и так сложно!»

Часы на стене отбили одиннадцать. Значит, закончился большой перерыв. Через сорок пять минут начнется и его урок.

Василий Михайлович представил себе классы, учеников за столиками.

Вошел Максим Петрович Суховинский, завуч школы. Но достаточно было Тулько взглянуть на его кислую физиономию, чтобы сделать вывод: ничего приятного не услышишь.

— Василий Михайлович, что-то мы с вами погорячились...

«Что-то мы с вами», — любимые слова Суховинского. Он их употребляет даже тогда, когда к делу не имеет ни малейшего отношения. Поставил учитель в журнал двойку, Максим Петрович ему: «Что-то мы с вами...» — и сдвинет брови.

— Я, может, не вовремя? — Суховинский с удивлением смотрел на директора. — Тогда я зайду позже...

— Погорячились? — переспросил Тулько. — У вас, Максим Петрович, скверная привычка: говорить вокруг да около... Мы работаем давно, знаем друг друга. Время уже, наверно, пришло говорить конкретно, без вступлений.

Завуч прокашлялся.

— Ульяна Григорьевна... мы подписали ей заявление, я считаю, что мы поспешили, то есть погорячились.

Тулько молчал. Он был искренне удивлен. Что вынудило Суховинского стать на защиту Ульяны Григорьевны?

Сдержанное, уважительное лицо с близко поставленными глазами безмолвно маячило перед ним.

Так и не ответил Максиму Петровичу директор, потому что в кабинет буквально влетела дородная и всегда спокойная Анна Васильевна Ступик.

— Так нельзя, нет! Я против! Могли бы и с нами по-

советоваться... Я против, Василий Михайлович. — Она не кричала, скорее говорила шепотом, словно боялась, что ее появление могут воспринять как желание поссориться. — Думаю, что и коммунисты школы будут против этого увольнения.

— Извините, Анна Васильевна! Я никого не увольнял! Я только подписал заявление учительницы Билкун, которая решила оставить работу. Это ее дело...

— Нет, Василий Михайлович! Это не только ее дело. Это наше дело. Ульяна Григорьевна — настоящий педагог и работу свою любит. Мы должны вникнуть, проанализировать, глубоко проанализировать ситуацию. Это бессердечно!

— Ну и ну! — сказал Василий Михайлович и засмеялся. — А я думал, что бессердечно оставлять ее в школе. Напрасно вы так, Анна Васильевна. Я могу и по-другому. Я могу положить заявление в ящик. Хотя и не уверен, что Ульяна Григорьевна на это согласится. Ульяна Григорьевна из тех людей, которые решают только один раз! — Василий Михайлович посмотрел на растерянных педагогов. — Эх-хэ-хэ, если бы только эти заботы! Нам нужно серьезно обдумать наше положение и... — Василий Михайлович еще раз обвел взглядом присутствующих, словно хотел убедиться: стоит ли высказывать сокровенное или же подождать. Лицо Ступик было настороженное, а Суховинского — без всяких эмоций. — И выработать план наших действий. Я уже кое-что наметил. В десятом «Б» больше всего двоек, поведение учеников разбирает комсомольский комитет школы... А как ведет себя Иван Иванович? Он стал демагогом!.. Теперь даже школьникам ясно, что ему из этой круговерти не выбраться. Такая ситуация...

Еще раньше Анна Васильевна стала несогласно водить головой. Это ровное и широкое покачивание раздражало Василия Михайловича, раздражало и настораживало.

— Иного выхода я не вижу, Анна Васильевна! Майстренко выступил против коллектива, он не прислушался к советам старших коллег, вел себя задиристо и несолидно!

— Нет, Василий Михайлович, — подняла голову Ступик. — Завтра мы собираем партбюро. В пятницу — открытое партийное собрание. Послушаем людей.

Тулько так и подпрыгнул:

— Это все равно что заливать бензином пламя!

Анна Васильевна тоже встала:

— В ситуации, которая сложилась в нашей школе, есть только один выход. Все обходные пути нечестны по отношению к другим людям, чужды нашему делу. Извините! — И вышла.

Суховинский какое-то время топтался около кресла.

— Какая путаница! Какая путаница! — выкрикнул он и вышел за учительницей.

Василий Михайлович остановил взгляд на дверях собственного кабинета. В голове его крутилась одна мысль: «Лучше было бы тогда предложить избрать секретарем парторганизации Никиту Яковлевича. С ним можно было найти общий язык. А так... что и говорить. Ошибся...»

РОМАН

Над Малопобеянской школой взошло не по-осеннему яркое солнце, и небо открылось чистое до самого горизонта, словно оно приглашало: иди и гуляй.

Монотонно, как и в пятницу, лился рассказ Никиты Яковлевича о достижениях современной литературы.

Роман отвернулся к окну, но и там не нашел никакой пищи для своих мыслей. Бросить школу он надумал еще в субботу. Сидел на скамейке под хатой, красными от бессонницы глазами смотрел вдаль. На душе было тяжко-тяжко. Прибежала на обед мать. Хлопоча по хозяйству, она с болью поглядывала на сына. Наконец села рядом и сказала вдруг:

— Сынок, я... готова рассказать тебе...

— Что, мама? — вначале не понял Роман.

— Рассказать... про отца.

Роман испугался:

— Сейчас?

— Я же вижу: с тех пор как тебе кто-то сказал...

— Ты виновата, мама? Скажи только одно слово!

— Ох! — выдохнула мать. — Ты стал таким нервным, я боюсь за тебя, Рома.

— Ты виновата, мама? Скажи!

— Не знаю... Жизнь, сынок, сложная...

— Ты только одно слово скажи!

Мать взглянула на него сквозь слезы:

— Жизнь, сынок, сложная и иногда скучная. И тогда

встречается человек, который... ну... Ты не смотри на меня так!

Роман опустил глаза.

— Хватит, мама. Я все понял. — Он говорил спокойно, словно речь шла теперь уже о посторонних вещах. — Ты предала моего отца, и он с горя запил...

Мать замахала руками, прижала их к груди.

— Что ты! Что ты говоришь! — И заплакала.

— Мама. Я, наверно, уйду из школы.

Мать что-то говорила, умоляла оставить такую мысль, но Роман уже ее не слушал. Опять уставился вдаль.

Потом появился Костя Дьяченко. Сел на ее место, дотронулся до плеча Романа, что могло означать: «Привет, старик!» — и они долго сидели молча. Наконец Костя сказал:

— Ты, Роман, парень уже взрослый, пора понять одну простую истину: все в нашей жизни обусловлено поступками людей... Но твоя вина в этой истории настолько незначительна, что и разговора не заслуживает. Думаешь, все началось с этого объявления? Ошибаешься. Все началось давно, еще я был таким, как ты, пареньком. А впрочем, слушай. Все равно глазами небо пасешь...

...Я немного проспал, поэтому, сердитый на весь белый свет, сразу же побежал на берег, где увидел неорганизованную охотничью толпу.

Им, естественно, только бы до поля, а там разойдутся и побредут вдаль тревожной дрожащей цепью. Я торопился. Хотел поспеть на жеребьевку. Бежал, придерживая рукой приклад вчера купленной «тулки». На спине подпрыгивал зеленый рюкзак с разными охотничьими штучками.

От толпы отделился один из охотников, махнул рукой, мол, давай быстрей, и я узнал Степана Степановича Важко.

Важко на мое «здрасьте!» только головой мотнул.

«Кто вожаком будет?» — спросил я, хотя и знал, что вожака определит жеребьевка.

«Не знаю», — буркнул Важко.

«Хотел бы, чтобы вам выпало. Тогда я бы пошел пятым или шестым».

«И так пойдешь серединой, потому что на обхвате не выдержишь. И запомни, идешь на охоту, болтовню дома оставляй. Тебе словно под языком свербит!»

«Да я... пока до охоты».

Тем временем за плотиной толпа сбилась поплотнее. Деркач уже начинал жеребьевку.

«Ты что оторвался? И так солнце на плечи село!» — встретил Степана Степановича Деркач.

«Без меня», — сказал Важко.

«Веди, Иван, что мы будем тянуть? — отозвался Никита Яковлевич, — время действительно уходит».

«Что же... Тогда так. Возле меня пойдет Никита Яковлевич. Третьим...»

«Я пойду третьим», — сказал Степан Степанович.

«Нет, — усмехнулся Деркач. — Ты два года отдыхал, значит, пойдешь в конец. Третьим пойдет...»

Пока вожак раздавал номера, я поздоровался с ребятами из нашей бригады. Тихонько спросил:

«Что это с бригадиром?»

«Кто его знает. Может, концлагерь вспомнил?»

И такое возможно. Дело в том, что Важко пережил когда-то Маутхаузен. Рассказывать об этом он не любит, никому и не рассказывает. Как-то приехали к нему с телевидения, он им рассказал кое-что про Маутхаузен, а о себе — ни слова. Так и уехали ни с чем.

«Ну, тронули, мужики! — сказал Деркач. — Я пойду справа».

«Справа? — удивился Никита Яковлевич. — Но там же пахота, заяц там не лежит».

«Сколько той пахоты! Пойду мимо кустарника до картошек, а Степан обогнет Вила, завернет к середине и выйдет на Травки».

Отдыхали за Голубой долиной. Каждый охотник выложил все, что имел. Но обедали невесело, без обычных шуток.

Важко часто поглядывал на Деркача. Наверно, хотел чем-то уколоть вожака: ему сегодня перепадало больше всех. Но ничего не говорил.

И опять — живая цепь, опять бескрайнее поле, балки и рощицы. А день осенний, короткий — раз! — его и нет. И поворачивай, охотник, дуло своего ружья домой. Пока тебя ночь не застигла в поле.

Тут, словно нарочно, словно в издевку, выбежал из-под Деркача лапанчик серенький. Грохнул выстрел, еще один, еще, ясно, вожак, у него пятизарядный браунинг. А зайцу — ничего! Прижал уши к спине — и как стрела... Деркач еще дважды выстрелил, но уж просто так, в белый свет...

Вылетел зайчик на бугор, поднялся на задние лапки, насторожил уши — и не заяц, а столбик на вершинке перепаханного взгорка.

«Заходи!» — пошло по цепи, и все поняли, что вожак задумал его взять, окружив в Травках.

Левые обогнули Карпову гору, подались в обход.

Круг сужался, уплотнялся, словно кто-то наконец решил затянуть петлю.

«Стой!» — крикнул Деркач.

Остановились.

Стало тихо-тихо. Охотники повытягивали шеи, чтобы увидеть зайца. И я тоже приподнялся на носках, но ничего не увидел, кроме густой желтой травы.

Минут пять стояла напряженная тишина. И тут заяц не выдержал: запищал в пожелтевшей траве, закричал душераздирающе.

Опустились руки у охотников. Я даже хотел предложить: мол, пойдемте отсюда. А заяц тем временем еще и на задние лапы встал, передние выставил вперед — ну точно как для рукопожатия!

Потом все произошло молниеносно.

«Стерва, сто чертей твоей матери!» — выкрикнул Деркач, и пять патронов отборной, четыре нуля, дроби вылетело из американского браунинга в тот крик и плач.

Заяц лег в траву, и не видно его, только белого пуха куча.

«Ты что?» — разбудил всех нас после какого-то оцепенения Степан Степанович.

«А ничего, — спокойно ответил Деркач, перезаряжая ружье. — Пусть не скулит, и без него невесело».

«Ах ты! Гад! Гад!..» — цедил бледный Важко. Да и пальнул из двух стволов по ногам вожака, даже ружья к плечу не подняв.

Деркач вскрикнул, упал на колени перед Важко, словно поклонился ему.

А Важко взял свое старое ружье за стволы и поволок через поле...

— А дальше? — спросил Роман замолчавшего Костю.

— Дальше? Дальше — по закону. Отсидел Степан Степанович и возвратился. Но Деркач и поныне держит зло на Важко. Свою ненависть, как наследство, передал сыну... А Митька простодушный парень, совершенно другое воспитание... Из чистого любопытства пошел он за Хомой. Я так полагаю.

— У тебя все просто!..

— Жизнь, старик, непостижима только на первый взгляд. Все события в ней переплетаются, хотя иногда и хитроумно, но всегда по суровым законам добра и зла.

— А знаешь, что? Пошли завтра на завод. Мироновича нет, будешь мне помощником. Как?

В воскресенье утром Костя вместе с Романом пошли на смену.

На заводском дворе к Косте подошел мужчина. Вид у него был усталый.

— Плохо, друг, — сказал он, здороваясь за руку. — Едва девяносто девять вышло.

Костя оглянулся на Романа, скривился, потом махнул рукой: эх, вы!

Мужчина, оправдываясь, говорил что-то о газовой печи, про мотор, а Костя стоял напротив и покусывал тонкие губы.

— Вот так! — сказал Костя, когда они поднимались по железной лестнице в аппаратный цех. — А сегодня — тридцатое, последний день месяца.

Роман не мог понять причины Костиного волнения. Есть директор, есть сменные инженеры, есть секретарь парторганизации, есть профсоюзная организация! Пусть у них болят головы. А Костя Дьяченко — без году неделя аппаратчик...

— Извини, Костя, но я не понимаю, почему тебе надо волноваться? — осторожно сказал Роман.

— Как это? — спросил Костя. Мысли его, наверно, вертелись вокруг цифры «девяносто девять». Но вот он остановился, внимательно посмотрел на Романа, и будто легкое сочувствие промелькнуло в его глазах. — Ничего, друг. Все будет хорошо... Идем.

Что он имел в виду, Роман не знал.

Затем Костя надолго исчез.

Роман ходил вдоль поручней, наблюдая, как меняются возле центрифуг рабочие; одни раздевались и приступали к работе, другие одевались и уходили домой.

Прибежал Костя. Осмотрел с ног до головы Романа:

— Одет ты... можно смириться. Выручишь?

Роман пожал плечами.

— Мотор на газовой полетел. А завод стоять не может, понимаешь? Нужно вручную выгрузить щебень, а людей нелегко в воскресенье найти...

— Надо так надо, — сказал Роман.

— Тогда за мной!

И Роман до конца смены грузил щебень в вагонетки на газовой печи.

— ...Любарец! — послышался голос Никиты Яковлевича. — Ты что, дремлешь?

Роман непонимающе смотрел на учителя.

— Наверное, надо подняться, когда с тобой говорит учитель.

Роман встал.

— Ты меня совершенно не слушаешь, — сказал Никита Яковлевич.

— Я?

— Тогда повтори мои последние слова.

— Последние слова? — В ушах Романа звучали единственные слова учителя: «Они были полпредами нашей литературы...»

Роман отвернулся к окну.

— Извините. Я действительно не слушал, поэтому не могу повторить ни одного вашего слова.

— Интересно! — продолжал Никита Яковлевич. — И как объяснишь это... неуважение?

Какая-то неясная сила подтолкнула Романа и вынудила сказать то, о чем не раз думалось:

— Я не люблю... ваших уроков.

Учитель вдруг побледнел, лоб его прочертили морщины. Для чего-то он раскрыл классный журнал, затем машинально закрыл его и холодно сказал:

— Я тебя не задерживаю...

Роман собрал книги и вышел из класса.

Потом был разговор с директором школы. Василий Михайлович говорил много и длинно.

— ...Уважение, элементарное уважение к человеку, который пятнадцать лет воспитывал таких, как ты, — уважение!

— Уважения не требуют, его заслуживают, — спокойно ответил Роман.

Роман смотрел в глаза директору, которые, казалось, ничего, кроме злорадства, не содержали, смотрел и читал в них многое. Конечно, во всем виноват этот человек.

— Вы... это вы! Вы во всем виноваты!

Глаза директора замутились.

— Вон!

Комната просторная, светлая — три окна в мир.

Роман взял книжку, раскрыл наобум.

Не заметил, как мать на пороге остановилась.

Директор, наверно, рассказал ей все.

Роман сел к столу, бросил книжку.

Мать вытерла слезы концом темной косынки.

— Был бы жив твой отец...

— Не плачь, я тебя прошу...

— Твой отец был добрым. Откуда, не пойму, у тебя столько жестокости!

— Отец мне не выговаривал бы за то, что правду сказал...

Мать села рядом, взглянула на сына умоляюще.

— Рома, сходи к ним, извинись. Прошу тебя.

Мать склонилась на руки, помолчала так, затем сказала с болью:

— Подумай, как ты живешь, сынок.

— Думаю, мама. Уже решено: иду на завод.

Вот и улица, на которой живут учителя. Дома здесь все похожие, поэтому нелегко там искать Никиту Яковлевича.

Роман в нерешительности остановился перед массивными, покрашенными в красный цвет дверями.

Вышла жена Никиты Яковлевича Липа Васильевна.

— Добрый вечер! — поздоровался Роман.

Женщина кивнула и сказала негромко, даже, как показалось ему, неприветливо:

— Заходите...

На столе светился ночничок, и медленно разматывалась магнитофонная лента. Лилась чистая мелодия. Никита Яковлевич сидел напротив в мягком кресле с высокой спинкой — глаза у него закрыты. Не заметил? Нет, кивнул на второе, такое же кресло: садись.

Роман сел, оглянулся. Смотрел на все в этой хорошо обставленной комнате, на Никиту Яковлевича, который сидел тихо и грустно, смотрел и думал, что не может найти ни одного слова, которое можно было бы сказать здесь.

— Никита Яковлевич, — шепнул.

Учитель вздрогнул, словно наэлектризованный, ожидающе взглянул на парня.

— Никита Яковлевич, извините меня. Мне жаль, что так получилось...

Учитель будто и не слушал Романа, только через минуту на его лице появилось что-то похожее на улыбку.

МАЙСТРЕНКО

Майстренко заметно сдал. Напомнило о себе сердце. Накануне вечером Иван Иванович ходил к Константину Дьяченко. Хотел с ним поговорить о Романе, предостеречь, чтобы не сбивал парня с толку, хотел попросить Дьяченко, чтобы тот как-то повлиял на Романа. Майстренко не покидало чувство вины перед учеником.

Костя стоял во дворе с топором в руках. Перед ним лежали нерубленые поленья.

— Прошу, заходите в хату.

— Нет, нет. — Майстренко почему-то стал волноваться. — Я ненадолго, всего несколько слов. О Любарце хотел с вами поговорить.

Костя положил топор, словно он мешал ему разговаривать приветливее. Но все равно фраза прозвучала угрюмо:

— Я вас слушаю.

— Мне говорили, что Роман часто ходит с вами на завод. Это хорошо. Видите ли, Роман — парень пытливый, умный... однако пусть он закончит, а тогда уже решает, что делать дальше.

Еще при первых словах Майстренко Костя уставился в землю. И так стоял, немного отвернувшись, пока учитель не умолк.

— У ваших учеников, Иван Иванович, нет самого главного — мечты. Ваши ученики пусты, им некуда идти, некуда спешить. А мечта дисциплинирует человека, делает его активным — это же ваши слова, вспомните. Вы, Иван Иванович, учили нас, что без настоящей мечты человек обязательно становится мещанином. Потребителем, а не творцом... Извините, мне неловко говорить это вам.

— Хватит! — прервал его Майстренко. — Сейчас у нас одна забота. Парень должен вернуться в школу. Полагаю, судьба Романа вам не безразлична...

Ночью был приступ. Майстренко проснулся весь потный. Горячие мокрые ладони лежали на груди. Левый бок словно щипцами сдавило.

«Сердце...» — подумал Иван Иванович.

За окном было темно. Только одно стекло вверху едва искрилось. Майстренко немного отвел голову влево и увидел серпик месяца. Иван Иванович вспомнил Валерия Рослюка, вспомнил болезненный блеск в его глазах и подумал, что Рослюк так просто не сдастся. Он не из тех, кто из жизни уходит тихо. Рослюк — борец. И только

сейчас, посреди ночи, прикованный к подушке сердечным приступом, Майстренко ясно осознал, что жизнь Рослюка — это проявление, хотя и слишком болезненное, истины: человек не должен жить только для себя.

«Спокойно, Иван Иванович. Ты не можешь так просто уйти из жизни...»

Он расслабил каждый мускул своего утомленного тела, и долго лежал забывшись.

На следующий день состоялось партийное собрание. Подобных Малопобеянская школа еще не знала. Сенсационно прозвучало заявление Василия Михайловича Тулько:

— Последние события в школе, низкая успеваемость учащихся, их неудовлетворительное поведение свидетельствуют прежде всего о плохой организаторской работе администрации, которую я возглавляю. Признаю, что отстал от возросших требований, прибегал к устаревшим формам работы с коллективом. Заявляю партийному собранию о своей организаторской несостоятельности...

Собрание согласилось с заявлением Василия Михайловича, основные выводы его вошли в резолюцию. Кроме этого, собрание объявило строгий выговор Ивану Ивановичу Майстренко — «за грубые просчеты в работе по воспитанию подрастающего поколения».

Иван Иванович спокойно воспринял решение собрания. Он наблюдал за Ульяной Григорьевной. Учительница сидела в первом ряду. Спросить бы, как ее Василий...

Возле Ульяны Григорьевны сидел Боровой. С лица Никиты Яковлевича исчезла снисходительная улыбка, которой он всегда прикрывался от коллег. Только что Никита Яковлевич выступал. Говорил путано, волновался. Но что-то взволновало его.

Жизнь продолжается, Иван Иванович! Жизнь продолжается...

РОМАН

Они пришли к Роману утром.

— Есть кто-нибудь в хате? — послышался Костин голос.

— Есть, есть... — От неожиданности Роман растерялся.

— Может, пойдешь с нами на рыбалку? Ко мне приехал товарищ, решили посидеть на берегу. Как?

— Н-не знаю...

— У нас три спиннинга, каждому по одному. И сапоги надо, сегодня там мокро.

— Резиновые сапоги? Отцовские где-то были...

— И поддень спортивный костюм, прохладно...

— Я сейчас, мигом!

Сапоги отца Роман быстро нашел на чердаке. Там были и спиннинги, старательно подвязанные к перекладине.

Дорожкой через огород они шли друг за другом — Костя со спиннингом и подсекой впереди, за ним Семен с рюкзаком, а за Семеном Роман с веслами. Оказалось, что Семен — учитель. Работает в Манятинской школе, преподает географию.

— А приехал он, представь себе, Роман, с официальным визитом: приглашают меня преподавать у них шоферское дело...

Роман чувствовал себя неуверенно. В больших отцовских сапогах он широко шагал за Семеном, след в след.

— Оставим этот разговор, Костя! — Семену, видимо, было неловко вести подобные разговоры в присутствии ученика.

Остановились возле лодки.

— На, держи. — Костя передал Семену спиннинги.

Роман положил весла в мокрую траву и, пока Костя вычерпывал воду, смотрел на зеленые волны, которые бежали, увеличиваясь, к противоположному берегу...

— Я почему-то думал, что ты мечтаешь учителем стать, — сказал Костя.

Роман удивился.

— А что? У тебя любознательный ум и чуткое сердце. Все остальное наживное. Как сказал поэт: и расти, и действовать нам нужно. И действовать, старик... Ты на Семена похож. Он мне рассказывал о себе, подростке, а я тебя видел... Я понимаю. Учительство — тяжкое дело. Но интересное... Ему можно посвятить жизнь! И ответственность очень большая. Сам подумай — растить людей будущего. Старик, я бы задумался...

«Все равно последнее слово за мной», — думал Роман, благодарно глядя на Костю.

Перевел с украинского А. ОЛЬШАНСКИЙ

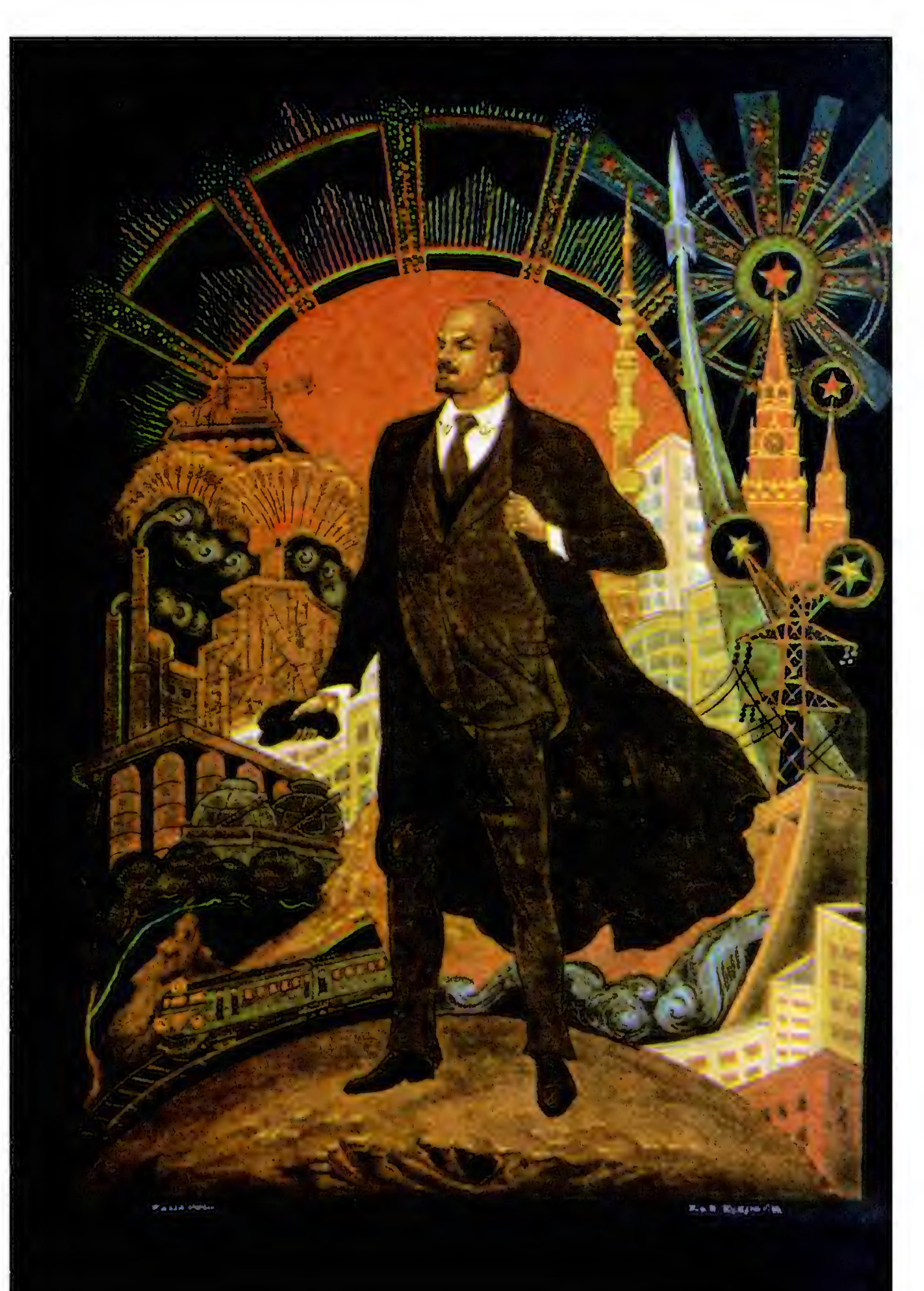
●

**ЖУРНАЛ
В
ЖУРНАЛЕ**

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД, 12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА
СВЕРШИЛОСЬ ВЕЛИКОЕ СОБЫТИЕ.
ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ
КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ «ВОСТОК» С ЧЕЛОВЕКОМ НА БОРТУ,
СОВЕРШИВ ПОЛЕТ ВОКРУГ ЗЕМНОГО ШАРА,
БЛАГОПОЛУЧНО ВЕРНУЛСЯ НА ЗЕМЛЮ.
ПЕРВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, ПРОНИКШИМ В КОСМОС,
БЫЛ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК —
ГРАЖДАНИН СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГАГАРИН.
ИМЯ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ «ВОСТОК»
ВОШЛО В ИСТОРИЮ
ВМЕСТЕ С ИМЕНЕМ ЛЕГЕНДАРНОЙ «АВРОРЫ»,
КОТОРОЕ СТАЛО СИМВОЛОМ УТРЕННЕЙ ЗАРИ
НОВОЙ ЭРЫ В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.
ЖИВЕТ И БУДЕТ ЖИТЬ В ВЕКАХ
ПОДВИГ, СОВЕРШЕННЫЙ НАШИМ НАРОДОМ,
ЕГО ЯСНЫМ УМОМ,
МОГУЧЕЙ ЭНЕРГИЕЙ, ТРУДОЛЮБИВЫМИ РУКАМИ.
ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СОВЕТСКАЯ КОСМОНАВТИКА
ПРОШЛА ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПУТЬ.
ПОЛЕТЫ ПИЛОТИРУЕМЫХ КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЕЙ,
ПЛАНОМЕРНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ «ИНТЕРКОСМОС»,
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИСПЫТАНИЯ
И ЭКСПЕРИМЕНТЫ В КОСМОСЕ,
ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ
ВНЕСЛИ И ВНОСЯТ БОЛЬШОЙ ВКЛАД
В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ НАУКУ,
ИМЕЮТ ВАЖНОЕ ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ,
НЕСУТ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ВЫГОДУ
НАРОДНОМУ ХОЗЯЙСТВУ.

Мы публикуем три работы палехских художников К. и Б. Кукулиевых из серии листов, посвященных первому в истории орбитальному космическому полету, совершенному Юрием Алексеевичем Гагариным.

И СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР В СОЛНЕЧНЫХ ПАРУСАХ

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА КОСМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АКАДЕМИК Р. З. САГДЕЕВ
ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТА

— Разрешите, Роальд Зиннурович, начать с вопроса скорее земного, чем космического. Вы стали действительным членом Академии наук СССР в 36 лет, то есть в 1968 году. Всегда говорили о вас как о самом молодом академике, руководителе сибирской школы плазменщиков. И вдруг в 1974 году Р. З. Сагдеев во главе Института космических исследований. Что привлекло вас в космосе?

— Можно ответить просто: все та же плазма. Или, как ее называют в научно-популярной литературе, четвертое состояние вещества, когда оно при очень высоких температурах переходит в газообразную смесь различных микрочастиц и нейтральных атомов. Так вот, мы в своих земных установках с огромными затратами сил и средств формируем искусственную плазму — пока с очень коротким временем жизни. Главная цель тут известна: управляемая термоядерная реакция — база будущей энергетики. Тем более перспективно изучение плазмы в естественных условиях. И космос в этом смысле прекрасный полигон. Я приведу примеры. Аппаратура, установленная уже на первых спутниках и автоматических космических станциях, позволила зафиксировать выдающиеся открытия — пояса радиации, плазменную оболочку Земли в геомагнитном поле, прямо обнаружить потоки солнечной плазмы в межпланетном пространстве — так называемый солнечный ветер. И теперь нам ясна, например, такая картина: магнитное поле Земли создает вокруг планеты своеобразную полость — магнитосферу. Уже здесь возникает целая гамма направлений науч-

ных исследований, имеющих в ряде случаев и практическое значение.

— Речь идет о наблюдениях, имеющих огромную ценность для науки, а возможно, и практики!

— Не только о наблюдениях. В решении задач физики магнитосферы все большее внимание будет уделено активным экспериментам, когда исследователь влияет на космическую среду с борта космического аппарата или с Земли, используя, например, пучки ускоренных частиц, искусственную плазму, электромагнитное излучение и т. п.

— Надо думать, в общем потоке искомой информации немаловажное место займут сведения о нашем светиле!

— Существует целая отрасль: солнечная физика. И я бы назвал эту отрасль чрезвычайно актуальной. Предстоит глубже проникнуть в сущность физических явлений, стимулирующих вспышечную активность, изучить нестабильные процессы на Солнце и процессы вытекания солнечной плазмы в межпланетную среду. И здесь, бесспорно, решающую роль сыграет аппаратура, установленная на борту орбитальных и межпланетных станций. Вообще Солнце является гигантской естественной лабораторией изучения плазменных процессов. И кроме того, это же звезда! Это ближайшая к нам «действующая модель» других звезд. То есть, познавая Солнце, мы познаем вселенную.

— А загадок Солнце задает все еще немало!

— Очень много. Например, загадкой является взрывная фаза вспышки, когда протоны ускоряются до энергии в несколько сотен Мэв. Подобные вопросы порождают интереснейшие гипотезы. Одна из них, кстати весьма серьезная, гласит, например, что «ядерная печь» Солнца периодически на некоторое время «выключается». Применительно же к насущным земным заботам очень важно было бы установить, в частности, зависимость между изменениями в климате Земли и в радиационном балансе Солнца.

— Изучение космической плазмы, вероятно, лишь одна из сторон научной деятельности руководимого вами института. И потому интересно предварить последующие вопросы таким: что представляет собой ИКИ — Институт космических исследований!

— Это головной институт данного профиля в системе Академии наук СССР. Мы координируем исследования космоса, ведущиеся другими научными организациями, и осуществляем собственную, весьма значительную, поисковую программу. В институте работают пять академиков и членов-корреспондентов АН СССР, около тридцати докторов и ста пятидесяти кандидатов наук, сотни инженеров и техников. Есть свое конструкторское бюро, где создается научная аппаратура для космических исследований, и довольно мощный парк вычислительных машин.

— Чем привлекают ученых ближайшие к нашей Земле планеты! Каковы перспективы их изучения!

— Достижения здесь общеизвестны. Благодаря использованию космических средств получено значительное количество ценных сведений об этих небесных телах. Почему они нас привлекают? По разным причинам. Наиболее общая, пожалуй, та, что на их примере исследуется структура и эволюция «колыбели человечества». Так, изучая циркуляцию атмосферы Венеры, можно глубже понять динамику атмосферы Земли. Сейчас продумывается возможность доставки к Венере специальных аппаратов — «поплав-

ков», которые как бы зависнут в ее атмосфере. Их использование имеет определенные преимущества перед простым зондом, существующим очень недолго. Разумеется, работа этих «поплавков» будет сочетаться с измерениями с борта спутников «Венеры». Программа обширна, я намеренно не вдаюсь в детали: они слишком специфичны.

Исследования малых тел солнечной системы — Луны, астероидов и комет — важны для установления химического состава протопланетного облака. Было бы чрезвычайно заманчиво, например, организовать доставку на Землю веществ с поверхности астероидов, изучить состав газа в различных областях кометы, ее ядро. Однако сближение с кометой потребует нового поколения двигателей для космических полетов (плазменные двигатели) или еще более удивительных способов межпланетных сообщений. Я имею в виду, например, солнечный парус — своеобразный искусственный зонтик диаметром в несколько сот метров, на который действует световое давление.

— А что могли бы почерпнуть земляне, изучая планеты-гиганты Юпитер и Сатурн?

— Полагаю, новую информацию о свойствах протопланетной туманности. Вообще же гиганты столь отличны от Земли, что наблюдаемые на них явления вряд ли удастся интерпретировать привычными аналогами. Но атмосферы их, вероятно, сохранились неизменными с момента образования — вот еще почему они интересны.

— Не в космосе ли решение загадки возникновения жизни?

— Для этого предстоит изучить эволюцию соединений углерода на различных небесных телах. И продолжать поиски жизни во вселенной с помощью теперь уже космической астрономии. Речь, в частности, идет о выводе на околоземную орбиту больших телескопов с диаметром зеркала в несколько метров, что позволит наблюдать наиболее удаленные галактики, квазары. Огромные возможности открывают спектральные и фотометрические исследования в ультрафиолетовом, инфракрасном и субмиллиметровом диапазонах.

— Известны ли сейчас явления во вселенной, которые невозможно объяснить?

— Вспышки гамма-излучений, открытые в 1973 году. Их пока что не удается отождествить с какими-то известными объектами. Однако программа их изучения уже есть.

— Ведутся ли систематические поиски внеземных цивилизаций?

— Считают, что их следы могут быть обнаружены (если, конечно, таковые цивилизации существуют) в диапазоне сантиметровых и дециметровых радиоволн. Но пока это скорее из области научной фантастики...

— В одной из своих статей вы определили космос не только как «хранилище непознанных научных истин», но и как «пространство, которое предстоит заселить человеческому разуму». А сможет ли разум «вселиться» в столь необъятные сферы? И если да, то что останется в нем для простых человеческих радостей и чувств? Охватив пространство, не обедним ли себя?

— Вопрос скорее из области философии или этики. Но все-таки лично я верю в неограниченные возможности человека.

Беседу вел М. РОГИНСКИЙ

НА „САЛЮТЕ" — В 80-е ГОДЫ

Космонавт-исследователь из ГДР Зигмунд Йен на страницах иллюстрированного еженедельника «НБИ» поделился с читателями своими впечатлениями об успехах советской космонавтики в последние годы.

Он, в частности, сказал:

— Такой я увидел и сфотографировал шестую советскую орбитальную станцию 3 сентября 1978 года, в день нашего возвращения на «Союзе-29» после завершения программы совместного космического полета на борту «Салюта-6».

В прошлом, 1980 году «Салют-6» также проводил в околоземном пространстве исследования, имеющие большое значение для науки и народного хозяйства.

В то время как в научно-исследовательских центрах обрабатывались материалы, полученные в этом полете, на «Салюте-6» были проведены три новых эксперимента в рамках «Интеркосмоса», в течение которых выполнялось более 70 различных опытов.

Долгосрочная космическая экспедиция Леонида Попова и Валерия Рюмина, продолжавшаяся 185 дней, принесла значительные результаты: сделано свыше 4500 фотоснимков Земли, 40 тысяч спектрограмм земной поверхности и атмосферы, выполнено более 250 экспериментов по сварке в космосе.

Успешно приступили к работе космические корабли нового поколения «Союз-Т». Впервые на борту «Салюта-6» находился экипаж из трех человек. И было доказано: «Салют-6» может работать и дальше!

Мне приятно слышать, что советские космонавты в тесном сотрудничестве со специалистами из Центра по управлению космическими полетами продлили жизнь и функционирование станции путем использования новой технологии ремонта. Особо меня радует то, что находящиеся на этой станции приборы, сконструированные в ГДР, работают отлично. Многозональная фотокамера, сделанная на народном предприятии «Карл Цейс Йена», МКФ-6М и другая аппаратура, которой мы пользовались с Валерием Быковским в конце лета 1978 года, применяется и в дальнейших полетах.

Орбитальный комплекс «Салют» — «Союз» — «Прогресс» блестяще выдержал испытание в космосе и вселяет в нас уверенность в том, что сможет служить космонавтике 80-х годов.

— Такой я увидел орбитальную станцию...

Огулсолтан ХОДЖАЕВА,
механизатор хлопкоуборочной машины,
делегат XXVI съезда КПСС

ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ

ТУРКМЕНСКИЕ ХЛОПКОРОБЫ славно потрудились в десятой пятилетке. Только в прошлом году поля республики дали 1 миллион 240 тысяч тонн хлопка-сырца, в том числе 285 тысяч тонн особо ценных тонковолокнистых сортов. Такого урожая еще не собирали в Туркмении прежде. Поздравляя наших хлопкоробов с большой трудовой победой, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев отмечал, что «достигнутый успех — результат последовательного проведения в жизнь аграрной политики партии, возросшего мастерства, самоотверженного труда хлопкоробов, всех тружеников села, активной организаторской работы партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций».

Мне, молодому коммунисту, недавней комсомолке, естественно, особо хочется сказать о вкладе в урожай-80 туркменской молодежи. Прошлый год был не вполне благоприятным для выращивания всех видов сельскохозяйственных культур, в том числе и хлопка. Капризничала погода, резкие перепады температур задерживали развитие растений. Поэтому в период «белой страды» следовало максимально использовать все возможности и главное — людские резервы. Еще задолго до начала уборочной Центральный Комитет комсомола республики обратился к молодежи с призывом принять активное участие в сборе «белого золота», развернуть социалистическое соревнование «Хлопковая страда-80». И вот когда пришла пора, на поля республики вместе с опытными хлопкоробами-механизаторами вышли учащиеся школ, профессионально-технических училищ и техникумов, студенты вузов. На «белой страде» ответственный экзамен держали более 140 тысяч юношей и девушек, 673 комсомольско-молодежных хлопководческих коллектива. Теперь можно сказать: экзамен выдержан успешно! 9,5 тонны хлопка собрала студентка первого курса Чарджоуского пединститута Эрешеуль Шамурадова; 8,8 и 7,8 тонны — Курбанкуль Какышева и Огульдур Бердыева, учащиеся Ташаузского педучилища. Около пятидесяти студентов и учащихся собрали по 4 и более тонн. Это много, очень много, ведь трудились они

вручную, без помощи хлопкоуборочных машин. Ну а механизаторы добились замечательных результатов. Комсомольско-молодежная бригада Оразбая Союнова на каждом гектаре участка вырастила по 45 центнеров тонковолокнистого хлопка. Это на 15 центнеров больше самой высокой нормы. А комсомольско-молодежный коллектив из колхоза «Правда» Теджентского района, возглавляемый кавалером ордена Трудового Красного Знамени Аширом Чарыевым, еще в октябре прошлого года выполнил план семи лет. С начала пятилетки коллектив вырастил и продал государству более полутора тысяч тонн хлопка-сырца, в основном ценных тонковолокнистых сортов. В канун XXVI съезда КПСС бригада Чарыева доложила ЦК комсомола Туркмении о выполнении восьмого годового задания.

Как не гордиться успехами товарищей по труду! Ведь выращиваем и собираем мы не просто килограммы, центнеры, тонны хлопка. Каждая коробочка — это пряжа, это ткань, из которой сошьют красивое платье или костюм. Мало ли для чего используется хлопок! Это мысленно видишь, представляешь во всем многообразии, когда бункер машины заполняется «белым золотом»...

В прошлом я самая обычная девчонка-школьница. До девятого класса меня больше тянуло в клуб да на танцы, чем в поле. Но вот пришло очень трудное лето, хлопку на угодьях нашего хозяйства грозили серьезные потери, его надо было собрать в самые сжатые сроки. Комсомольская организация бросила клич: все в поле! И, стараясь не отстать от старших, убирая хлопок, я начала понимать, как нужен и благороден труд на земле. Заинтересовалась профессией хлопкороба, увлеклась этим нелегким, требующим раздумий и поисков делом, стала читать специальную литературу, узнавать тонкости профессии у мастеров высоких урожаев. В выпускном классе у нас сложилась ученическая бригада, все мы остались в колхозе, создали свое комсомольско-молодежное звено. Понемногу, помогая друг другу, шли мы к умению, знаниям, мастерству. Росли и как специалисты, и как граждане: сами стали наставниками молодых, участниками важных общественных дел в своем хозяйстве и в районе. Мне лично выпала высокая честь представлять нашу республиканскую комсомолию на Всемирном фестивале молодежи в Гаване. Избрали меня депутатом Верховного Совета республики. Доверие товарищей стараюсь оправдать хорошим трудом. На съезд нашей партии я приехала не с пустыми руками: соревнуясь за достойную встречу партийного форума, я собрала 300 тонн хлопка.

Все мои дальнейшие планы, как и планы каждого труженика страны, связаны с осуществлением «Основных направлений экономического и социального развития», утвержденных съездом. В таком великом деле, как говорят у нас в Туркмении, «птице — полет, смелому — дорога». Но смелость в творческих поисках должна быть научно подкреплена. По рекомендации и при поддержке партийной организации у нас в хозяйстве созданы совет специалистов и штаб урожая-81. Агрономы и механизаторы строго по циклам разработали научно обоснованный

НИКОГДА НЕ ПРЕКРАЩАЯ БОРЬБЫ!..

«БАРОМЕТР показывает бурю!» — этими словами начиналась ленинская статья, опубликованная в газете «Пролетарий» в октябре 1905 года, статья страстная, публицистически острая, в которой Владимир Ильич давал высокую оценку революционным выступлениям российского пролетариата.

Революционные события развивались с неудержимой силой, с поразительной быстротой. По стране прокатывались волны новых и новых забастовок, сопровождавшихся митингами и демонстрациями. Начавшаяся в Москве политическая стачка охватила все промышленные центры и стала всероссийской. На арену революционной борьбы выходило крестьянство. Проходили крупные волнения солдат, вооруженные восстания матросов. Революционное творчество масс породило Советы рабочих депутатов...

Напуганное размахом революции, царское правительство пошло на уступки. Царь издал манифест, суливший свободу слова, собраний, организации союзов, неприкосновенность личности... Это были лживые обещания. Большевики называли царский манифест ловушкой, они призывали рабочих не верить царским посулам: и после манифеста власть и вооруженная сила оставались в руках правительства, в стране продолжались репрессии, разгонялись митинги и собрания, не прекращались аресты и убийства революционеров. Чего стоили обещанные царем свободы, если всего через

план предстоящих полевых работ. Подготовку почвы начали мы сразу же после уборки, следуя принципу: комбайн с поля — плуг в землю. Для повышения плодородия заранее запасли органические удобрения, внесли их под двухъярусную, наиболее выгодную для хлопчатника пахоту. Чтобы улучшить качество будущего урожая, приготовили для сева особо ценные семена тонковолокнистого хлопка. От нас эстафету приняли планировщики — разровняли пашню, чтоб не сливалась в низины и лучше сохранялась влага. И сразу же провели полив. Это очень важный цикл в хлопководстве. Вода смывает соли, опресняет землю, что в дальнейшем обеспечивает высокую урожайность. Мы, механизаторы, полностью завершили ремонт техники. Словом, база для нового урожая заложе-

несколько дней после объявления манифеста был убит Н. Э. Бауман, если казаки расстреливали на улицах выходящих из тюрем «бунтовщиков»?!

8(21) НОЯБРЯ 1905 года в Россию возвратился Владимир Ильич Ленин. Сбылось страстное желание Ильича вырваться из «постылой эмигрантской «заграницы»!.. В Петербурге Ленин сразу же встретился с товарищами, посетил могилы жертв Кровавого воскресенья, а затем присутствовал на расширенном заседании Петербургского комитета РСДРП и выступил с речью об отношении партии к Советам рабочих депутатов. Он развил положения, высказанные в статье «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», предназначенной для газеты «Новая Жизнь».

Вначале Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили по чужим паспортам в меблированных комнатах «Сан-Ремо», на Невском проспекте, но их пришлось оставить: паспорт Крупской, сданный на прописку, вызвал подозрение полиции. Они поселились в доме на Греческом проспекте, в квартире Воронина, знакомого М. И. Ульяновой, решив прописаться под своими именами, однако легальное положение продолжалось недолго, всего несколько дней. Однажды, возвращаясь домой, Ильич заметил у подъезда «гороховое пальто». Он повернул назад, предположив, что за ним установлена слежка, и скрылся в ближайшем переулке. Опасение Ильича имело основание: оказалось, это действительно был шпик, он заходил к дворнику и интересовался Ульяновыми... (Значительно позже, после Октября, в полицейском архиве обнаружили документ, не оставлявший никаких сомнений в том, что слежка за Лениным была установлена с первых дней его появления в Петербурге.)

Покинув квартиру Воронина, Ленин фактически ушел в подполье, приходилось часто менять адреса и фамилии, жить даже без элементарных бытовых удобств. Но до самого отъезда в Европу — до октября 1907 года — Ленин вел поистине титаническую работу: проводил встречи, беседы, заседания, выступал на совещаниях и конференциях в Петербурге и Москве, писал брошюры, листовки, воззвания, статьи для легальных и нелегальных изданий...

ВСЕРОССИЙСКАЯ политическая стачка подвела рабочие массы к вооруженному восстанию. И оно началось! Весь мир следил за

на прочная, мы твердо уверены, что «белая страда» первого года новой пятилетки станет еще более щедрой, чем в минувшем году.

Рабочая эстафета выходит за пределы нашего хозяйства. Мы заключили договор с комсомольской организацией хлопкоочистительного завода. Ни один грамм «белого золота» не должен пропасть при переработке. Наши заводские товарищи обязались обеспечить высокое качество обработки сырца, подвергнуть его не двойной, как обычно, а пятикратной очистке. На всех участках работы установлен взаимный комсомольский контроль.

Высшая цель партии — неуклонный рост материального и культурного уровня жизни народа. Все свои знания, силы, умения мы отдаем достижению этой светлой, благородной цели.

ходом небывалого декабрьского выступления пролетариата, которое потрясло основы самодержавия. Вспыхнувшее в Москве восстание было поддержано на Украине и в Сибири, в Закавказье и Прибалтике, в Польше и на Урале... Однако, несмотря на небывалый героизм, самоотверженность и самопожертвование рабочих, царские опричники подавили восстание.

Ленин назвал декабрьские события высшим пунктом в развитии революции. Отвергая трусливую, капитулянтскую оценку восстания меньшевиками («Не надо было браться за оружие», — поучал Плеханов), Ленин отмечал его огромное историческое и международное значение, подчеркивал, что надо было более решительно браться за оружие, чтобы добиться успеха.

Крупская вспоминает: «Владимир Ильич считал, что надо самым внимательным, тщательным образом изучить опыт революции, что этот опыт сослужит службу в дальнейшем. Он вцеплялся в каждого участника недавней борьбы, подолгу толковал с ним. Он считал, что на русский рабочий класс легла задача «сохранить традиции революционной борьбы, от которой спешат отречься интеллигенция и мещанство, развить и укрепить эти традиции, внедрить их в сознание широких масс народа, донести их до следующего подъема неизбежного демократического движения»... Предстоящие годы представлялись Ильичу как годы подготовки к новому наступлению».

В год пятнадцатилетия Декабрьского восстания Ленин отмечал:

«До вооруженного восстания в декабре 1905 года народ в России оказывался неспособным на массовую, вооруженную борьбу с эксплуататорами.

После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 году».

Революционный подъем в России вызвал прилив в партию новых, молодых сил. Если весной 1905 года, как отмечал Ленин, социал-демократическая партия была союзом подпольных кружков, то осенью она стала партией миллионов пролетариата. Во многом изменились сами условия деятельности партии. Хоть и непрочные, но были завоеваны права на свободу собраний, союзов, печати. Большевики наладили выпуск легальных рабочих газет, издавались тысячи листков, листовок и воззваний, они расходились невиданными ранее тиражами.

В статье «О реорганизации партии», написанной сразу же по возвращении из эмиграции в ноябре 1905 года для газеты «Новая Жизнь», Ленин указывал на необходимость «использовать самым широким образом теперешний, сравнительно более широкий простор», «создавать новые и новые, открытые и полуоткрытые партийные (и примыкающие к партии) организации», «спешить организоваться по-новому», «смело и решительно определить «новый курс». Этот «новый курс», переход «на новое основание» должен был определить съезд партии.

Ленин считал, что предстоящий, IV съезд РСДРП должен также решить вопрос и о партийном объединении. «Ни для кого не тайна, — писал Владимир Ильич, — что громадное большинство рабочих социал-демократов крайне недовольно партийным расколом и требует объединения». Ленин считал необходимым добиться того, чтобы вся партия признала платформу III съезда РСДРП, твердо стала на позиции революционного марксизма и руководила рево-

люционным движением в России. В статьях и брошюрах, написанных к объединительному съезду, Владимир Ильич четко определил установки партии по важнейшим вопросам русской революции: о перспективах ее развития, о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве, о Советах рабочих депутатов, об отношении к буржуазным партиям и Государственной думе, о взаимоотношениях с национальными социал-демократическими партиями и профсоюзами...

Накануне съезда, во второй половине февраля, Ленин разработал тактическую платформу большевиков — проект резолюций съезда по всем основным вопросам революции. Эти резолюции призывали пролетариат к подготовке нового революционного натиска на самодержавие. Была тактическая платформа и у меньшевиков — она являла полную противоположность платформе большевистской, ибо, по существу, содержала отказ от революционной борьбы. В ходе обсуждения этих платформ и выборов делегатов на съезд большинство организаций высказалось за большевистскую платформу...

А. В. Луначарский вспоминает:

«Во время этой кампании мне приходилось очень часто сопутствовать Ленину... С меньшевиками мы резались люто. Хотя съезд должен был быть «объединенным», но каждый понимал, что в зависимости от количества голосов на этом съезде «объединенная» партия получит ту или иную физиономию...

Я спрашивал Владимира Ильича:

— Ну а что, если мы все-таки в конце концов будем в меньшинстве? Пойдем ли мы на объединение?

Ленин несколько загадочно улыбался и говорил так:

— Зависит от обстоятельств. Во всяком случае мы не позволим из объединения сделать петлю для себя и ни в коем случае не дадим меньшевикам вести нас за собой на цепочке».

IV (Объединительный) съезд РСДРП работал с 10 по 25 апреля 1906 года в Стокгольме. Делегатам приходилось добираться до Швеции через Финляндию, путь этот был нелегким, но о проведении съезда в «осчастливленной» манифестом России не могло быть и речи. Даже в Стокгольм почти все делегаты ехали либо с чужими паспортами, либо под вымышленными именами...

Меньшевики оказались на съезде в большинстве: они имели шестьдесят два решающих голоса против сорока шести, которыми располагали большевики. Объяснялось это тем, что часть большевистских организаций не смогла послать на съезд своих делегатов, особенно уральцы и сибиряки, — там еще продолжались революционные выступления; многие большевики, возглавлявшие вооруженную борьбу, пали на баррикадах. Меньшевиков же делегировали организации непромышленных районов, где, по существу, не было массовых революционных выступлений... Несомненно, такое соотношение голосов оказало существенное влияние на принципиальный характер принятых съездом решений.

Перед самым началом съезда на частном совещании большевиков Ленин познакомился со всеми делегатами, выступил по вопросу расстановки сил на съезде. Как вспоминает делегат съезда М. Лядов, было ясно, что единой партии не создать, разногласия останутся, обострятся, обозначатся еще сильнее. Некоторые из большевиков считали даже более целесообразным разъехаться по домам... Однако Ленин горячо убеждал товарищей, что надо до-

вести съезд до конца, что предстоит объединение не только с «меками», но и с национальными социал-демократическими партиями Польши, Литвы и Латвии, а в том, что по всем важнейшим вопросам они пойдут за большевиками, сомневаться не приходится. На следующем съезде, говорил Ленин, когда эти партии получат право решающего голоса, мы опрокинем меньшевиков.

Повестка дня была обширной, однако полностью она не была исчерпана. Основные дискуссии развернулись по таким важнейшим вопросам, как пересмотр аграрной программы, оценка текущего момента и классовые задачи пролетариата, отношение к Государственной думе, вооруженное восстание...

Одним из главных на съезде был аграрный вопрос. Ленин выдвинул большевистский проект аграрной программы, который предусматривал создание крестьянских комитетов, конфискацию всех земель в пользу крестьян, а в дальнейшем — национализацию земли, — это облегчало пролетариату в союзе с деревенской беднотой переход к социалистической революции. Меньшевики выдвинули программу муниципализации — передачу земли в распоряжение местных органов самоуправления (муниципалитетов) с правом крестьян арендовать эту землю за плату. Такая программа, как отмечал Ленин, была рассчитана на половинчатый исход революции, являлась соглашательской, Ленин видел в ней «призыв к решению вопроса не восстанием, а сделкой с помещиками, сделкой с реакционной центральной властью...».

Большевики выступали за активный бойкот I Государственной думы, исходя из того, что остается лозунг вооруженного восстания, что революция продолжается... Меньшевики видели в Думе чуть ли не «центр революционных сил» страны, они утверждали, что Дума «может сыграть огромную роль в освободительной борьбе, может явиться в руках народа оружием колоссальной силы для разрушения старого государственного строя и создания нового». Высмеивая заблуждения меньшевистских лидеров, Ленин замечал, что отношение к конституционным иллюзиям — это такой вопрос, на котором легче всего было отличить оппортуниста от сторонника дальнейшего развития революции.

В спорах и дискуссиях, отстаивая большевистские позиции, Владимир Ильич обрушивал на головы меньшевиков такие веские доводы, такие убийственные для них доказательства и бичующие остроты, что каждому становилось предельно ясна вся путаница и ошибочность меньшевистских взглядов.

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

ГАЗ ПОЙДЕТ ПОД ВОДОЙ. Самым длинным подводным газопроводом должна стать линия, кредиты на строительство которой уже одобрены британским правительством. Новый газопровод соединит месторождение газа на севере Северного моря с населенным пунктом Св. Фергус в северо-восточной Шотландии. Трубы диаметром 90 сантиметров будут сделаны из сверхтвердой стали, способной выдержать давление 70 килограммов на квадратный сантиметр, и проложены на глубине 140—160 метров. На дне моря их закрепят бетонными перекрытиями. За подводным газопроводом будут постоянно «присматривать» специально оборудованные подлодки, снабженные аппаратурой для обнаружения и ликвидации неисправностей.

НАЙДЕН ЛЕГЕНДАРНЫЙ МАГАН? Уже в III тысячелетии до нашей эры жители территорий, где сегодня располагается государство Оман, плавили руду:

Однако решения принимались большинством голосов, а большинством располагали меньшевики. Потому-то после упорной борьбы съезд утвердил меньшевистские резолюции о Государственной думе, о вооруженном восстании (которое меньшевики считали ошибкой!), принял аграрную программу меньшевиков.

Вместе с тем благодаря требованию партийных масс на съезде была отброшена мартовская и принята ленинская формулировка первого параграфа Устава партии. Впервые была включена в Устав большевистская формулировка о демократическом централизме. Был решен вопрос об объединении с Социал-демократией Королевства Польского и Литвы и с Латышской социал-демократической рабочей партией, которые вошли в состав РСДРП как территориальные организации, ведущие работу среди пролетариата всех национальностей данной территории.

ЧЕТВЕРТЫЙ съезд вошел в историю партии как Объединительный. Но объединение было лишь формальным. На деле и большевики и меньшевики имели свои взгляды, свою платформу по важнейшим вопросам революции. Позднее, в 1920 году, в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Владимир Ильич писал: «С меньшевиками мы в 1903—1912 годах бывали по нескольку лет формально в единой с.-д. партии, *никогда не* прекращая идейной и политической борьбы с ними, как с проводниками буржуазного влияния на пролетариат и оппортунистами».

Сразу же после съезда Ленин написал от имени делегатов-большевиков обращение к партии и «Доклад об Объединительном съезде РСДРП», в которых дал принципиальную оценку меньшевистских решений съезда, разоблачил оппортунистическую линию меньшевиков, их отречение от революции.

Борьба на съезде вскрыла перед партийными массами содержание и глубину принципиальных разногласий между большевиками и меньшевиками. Ленин призывал членов партии и сознательных рабочих широко обсудить решения съезда и отнестись к этим решениям вполне сознательно и критически, разобраться в идейной борьбе, яснее и глубже понять революционную линию большевиков.

Большевики развернули борьбу за то, чтобы следующий, V съезд партии принял революционные, марксистские решения, отменил неверные, меньшевистские резолюции IV съезда.

Н. СИТНИКОВ

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

западногерманские ученые, долго работавшие в этой стране, обнаружили здесь остатки древнейших плавильных печей. Исследования показали, что за тысячелетия до нашей эры Персидский залив стал зоной обширных торговых связей между Ближним Востоком и Африкой, а также странами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Если верить клинописным текстам, дошедшим до наших дней, в порты Аккада во времена Саргона (около 2300 лет до н. э.) прибывали из Магана и Мелуххи «суда с драгоценными породами дерева и камня», которые применялись в строительстве. Купцы другого древнего государства — Ура в 2000 году до н. э. вывезли из Магана тонны меди. Ученые, основываясь на данных недавних исследований, пришли к выводу, что Маган, местонахождение которого долгое время оставалось покрытым мраком, не что иное, как горные районы сегодняшнего Омана. Что же касается Мелуххи, то ее еще предстоит отыскать...

«ЭТИ ЖЕРТВЫ ПАЛИ НЕ НАПРАСНО...»

1 МАРТА 1881 ГОДА в столице Российской империи Петербурге был убит царь Александр II. Тщательно готовившееся народовольцами покушение было совершено. Герои русского освободительного движения торжествовали победу.

Цена этой победы оказалась высока. Была ли она оправданной? Александр II был убит. Трон пошатнулся, но устоял. Самодержавие осталось. Революционеры оплатили смерть тирана своей жизнью, годами тюрем, каторги и ссылки.

Кто же были эти смельчаки народовольцы, не побоявшиеся бросить вызов могучей монархии, проявившие величайшее самопожертвование и своим героизмом вызвавшие удивление всего мира?

ОТМЕНА крепостного права в России не принесла облегчения миллионным массам трудового крестьянства. «Освобождение» крестьян, по сути, означало новое закрепощение. Ленин отмечал, что крестьян освобождали сами помещики, а они-то повели дело так, что, выйдя на свободу ободранными до нищеты, крестьяне попадали в кабалу к тем же помещикам... Манифест 1861 года не устранил противоречий между крестьянами и помещиками. Революционное движение, начавшееся еще задолго до отмены крепостного права, не ослабло, наоборот, оно усилилось. Главную роль в нем стало играть народничество, представители которого называли себя защитниками народа, выразителями его интересов, надежд и чаяний.

Народники 70-х годов создали теорию, в основе своей идеалистическую, покоившуюся на представлениях о самобытности России, о возможности крестьянской общины стать исходным пунктом социалистического развития страны. Они не замечали либо не хотели замечать уже начавшееся в России развитие капитализма и, опираясь на теорию, которая была вовсе не революционной, «не умели или не могли неразрывно связать свою деятельность с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества» (В. И. Ленин).

Образовавшаяся осенью 1876 года в Петербурге организация революционных народников «Земля и воля», не отказываясь от социализма как конечной цели, в качестве ближайшей задачи выдвигала осуществление «народных требований и желаний, каковы они есть в данную минуту», а именно — требований «земли и воли». Программа организации предполагала решение этой ближайшей задачи «только путем насильственного переворота», а сам переворот должен быть подготовлен возбуждением «народ-

ного недовольства» и «дезорганизацией силы государства». Заслугой землевольцев являлось то, что они создали стройную организацию, в основу которой были положены принципы строгой централизации и дисциплины. Устав «Земли и воли» требовал подчинения меньшинства большинству, безусловного принесения каждым членом на пользу организации «всех своих сил, средств, связей, симпатий и антипатий и даже своей жизни», соблюдения полнейшей тайны.

Сторонники «Земли и воли» устраивали постоянные поселения в деревнях и селах, надеясь войти в тесный контакт с крестьянами, завоевать их доверие и поднять на революцию. Но землевольцы на практике убедились в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика...

Многие землевольцы, разочаровавшись в мужике-общиннике, стали склоняться к политическому террору как наиболее действенной форме борьбы с самодержавием. Разногласия между сторонниками старой тактики и сторонниками террора привели к расколу «Земли и воли»: первые организовали общество «Черный передел», вторые — «Народная воля».

«Народная воля» выделилась из недр «Земли и воли» в августе 1879 года, оформилась в самостоятельную политическую организацию, поставившую своей главной целью свержение самодержавия в России и установление политической свободы. Во главе «Народной воли» стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская и другие. Программа Исполнительного комитета так формулировала основную задачу организации: «Как социалисты и народники мы должны поставить своей ближайшей задачей — снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу. Этим переворотом мы достигаем: во-первых, того, что развитие народа отныне будет идти самостоятельно, согласно его воле и наклонностям, во-вторых, того, что в нашей русской жизни будут признаны и поддержаны чисто-социалистические принципы, общие нам и народу».

«Народовольцы сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, — отмечал Ленин, — но связать с социализмом ее не удалось». Они вообще отказались от попыток втянуть крестьянские массы в активную борьбу, считая такие попытки чистейшей фантазией. Исключительное значение придавалось интеллигенции, ей отводилась решающая роль в деле общественного преобразования.

Народовольцы исходили из ошибочной теории об «активных» героях и «пассивной» толпе, они рассчитывали изменить общественный строй без участия народа, своими силами, путем индивидуального террора. По словам Ленина, народовольцы понимали под «политикой» деятельность, «оторванную от рабочего движения», они «суживали политику до одной только заговорщической борьбы».

Следует отметить, что народовольцы заставили правительство и общество считаться с собой как с могучей силой. После взрыва в Зимнем дворце (начало февраля 1880 года) стало казаться, что никакая охрана не в состоянии уберечь царя от карающей руки революционеров.

«ЧТОБЫ УЗНАТЬ ВАС, НЕДОСТАТОЧНО ОДНОЙ ПОЕЗДКИ...»

НЕТ, ЭТО БЫЛА вовсе не та «стайка вопросительных знаков», которую подчас рождает наше воображение, — своеобразный стереотип иностранных туристов — наивных, любопытных, немного растерянных...

Они вышли из аэропорта и сразу же принялись пересчитывать друг друга. Все семнадцать оказались на месте. Группа из Швейцарии. Немецкий и французский языки. Состав смешанный. Возраст — восемнадцать и выше. Есть семейные пары. Учитель, строитель, предприниматель, инженер, студентка... Эти данные давно уже лежат на столе референта Оли Захаровой — она «ведет» в «Спутнике» эту страну.

Что это за люди? Знают ли они государство, в котором им предстоит провести неделю поездок и встреч, где их ждут новые впечатления? С чем приехали они и с чем уедут?

За последнюю неделю москвичи отвыкли от снега, было даже тепло, и асфальт выглядел холодным и сухим. Снег пошел неожиданно, когда группа выехала на первое знакомство с Москвой. Почти ни у кого не было шапок. Зиглинд Майер, руководитель группы, беспокоилась: «Осторожно, сейчас нельзя болеть!» Автобус был как гигантский аквариум, который плыл по морю снующих

И вот 1 марта 1881 года...

Безусловно, царское правительство получило сильный удар. 10 марта Исполнительный комитет направил Александру III письмо, в котором выдвигались два условия: общая амнистия ко всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, а исполнения гражданского долга, и созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями... Они еще питали иллюзии!

Какое-то время Александр выжидал, укрывшись за толстыми стенами гатчинского дворца. А затем издал манифест, в котором быти такие слова: «Посреди великой скорби глас божий повелевает нам стать бодро на дело правления, с упованием на божественный промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять...»

Самодержавие, чуть заколебавшись, перешло в наступление. Да иначе и не могло быть. «При таком колебании правительства, — писал Ленин в июне 1901 года, — только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституции, а этой

пешеходов и машин. Мы видели всех, и все видели нас, и выходить не хотелось.

В «Икарусе» мы проговорили без перерыва два с половиной часа, лишь изредка отрываясь для того, чтобы услышать очередное: «Also, wir sind gekommen zum...» *

— Скажите, Дора, как вам показались русские?

Дора Фрай, пожалуй, самая молодая в группе. Она работает секретарем в одном из учреждений Лозанны, у нее на коленях блокнот. Она все время щелкает затвором фотоаппарата.

— Я бы сказала, они озабоченные. Все куда-то бегут. У нас в Швейцарии никто никуда не торопится. Когда мы ехали по городу в первый раз, я подумала, что это как в старых довоенных фильмах — все убыстренно. А когда оказалась в этой толчее, сама куда-то побежала. И чуть не потерялась.

— Sehen sie mal, sehen sie mal... ** — Зиглинд Майер, сидящая на переднем сиденье рядом с водителем, указывает всем вправо. В снежной пелене с Ленинских гор угадываются очертания спортивного комплекса в Лужниках, чуть дальше — расплывчатые контуры Москвы.

— Вы впервые в Советском Союзе?

Мой вопрос адресован Энгельберту Мюллеру, молодому торговому работнику из Цюриха.

— Да, и до этого я мало где бывал. Очень много забот дома. Зато к нам может приехать каждый — Швейцария гостеприимная страна.

— А СССР?

— О да, тоже.

Наверное, Энгельберт догадался, что я имею в виду, задавая

---

* Итак, мы подъехали к... (нем.).

** Посмотрите-ка, взгляните... (нем.).

силы не было: революционеры исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации...»

Царское правительство жестоко расправилось с революционерами. 15 апреля 1881 года были казнены А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, А. Д. Михайлов. Десятки народовольцев были брошены в тюрьмы, сосланы на каторгу.

Критикуя ошибочную, утопическую программу народовольцев, Ленин в то же время с большим уважением отзывался об их самоотверженной борьбе с самодержавием. «Деятели старой «Народной воли», — отмечал Владимир Ильич, — сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория». Он подчеркивал, что «жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему воспитанию русского народа». Народовольцы так и не смогли пробудить народной революции. «Это удалось только революционной борьбе пролетариата».

В. НИКИТИН

этот вопрос. Из нескольких крупных групп, намеченных на конец декабря (в каждой было около тридцати человек), с трудом удалось сколотить две по семнадцать туристов. Причины отказа остались неясными.

— Это не ваша вина, что многие не поехали. Просто желание приходит и уходит... Дела, знаете, очень много дел. И еще, часто наши туристские бюро не объясняют толком целей и программ поездок. Вот «Спутник» (он произнес по-немецки «Шпутник») — бюро молодежного туризма, а записалось много пожилых людей. Здесь и номера-то у вас рассчитаны на троих, а едут в турпоездку часто солидные пары...

На площади 50-летия Октября фрау Майер отправилась с переводчицей Леной за билетами в театр, группа же потянулась в Центральный выставочный зал на выставку художников России. Идея показать швейцарцам работы российских художников родилась экспромтом, в программу она не входила.

— Вы, наверное, все студенты? — Билетерша с готовностью оторвала всем «студенческие» билетики по пять копеек. Туристы разбрелись по залу. Получилось так, что всю экспозицию мы рассматривали вместе с Петером Метцем, молодым инженером из Цюриха. Сюжеты картин навевали многие вопросы.

— Скажите, пожалуйста, а Гагарин жив? А как называется по-русски этот роман Гоголя? А эти люди геологи?.. Раньше у меня было довольно туманное представление о живописи и вообще о советском искусстве. Дома я собрал приличную коллекцию гравюр на историческую тематику. Нельзя ли в Москве что-нибудь купить для ее пополнения?

Я объяснил Метцу, где у нас находятся художественные салоны. Петер пожаловался на нехватку денег: «Не думайте, что у меня их мешок. А картины стоят дорого?»

— Думаю, что пару хороших гравюр вы свободно можете купить...

Мы подошли к панно, символизирующему заботу о природе на благо грядущих поколений.

— А что, разве у вас охраняют природу? — неожиданно спросил меня Метц. — Я слышал, что в СССР огромные леса и реки и что в них видимо-невидимо зверья и рыбы, масса древесины. Разве это не так?

Пришлось объяснять, какие у нас имеются экологические проблемы. Метц слушал очень внимательно.

— Швейцария маленькая страна. Вы думаете, что она чистая, даже... как это понятнее сказать?.. Вылизанная языком. Вы ошибаетесь. У нас очень остро стоят проблемы загрязнения среды. То же Женевское озеро — жизнь в нем умирает. Почему? Одни говорят, что рядом много предприятий, другие называют иные причины. Я давно читал об озере Байкал в Сибири и очень хочу туда поехать...

К нам подошли несколько человек из группы и попросили разъяснений. На одной из картин была изображена свадьба. Муж был, видимо, русским, жена — узбечка.

— Не возбраняются ли такие браки? — спросила Мартина Майли.

Я объяснил, что в СССР смешанные браки вовсе не возбраняются. Все решают сами молодые.

Перед стендом с карандашными рисунками, посвященными ле-

нинской теме, стоял Энгельберт Мюллер и старался прочесть подписи.

— Нравится?

— Да, очень хорошие рисунки. Вы не поверите, многие из моих друзей в последние годы всерьез заинтересовались работами Ленина... Читали в газетах о молодежных волнениях в Цюрихе? Это происходило на моих глазах.

— Чем, вы считаете, это вызвано?

— Думаю, тем, что власти закрыли цюрихский центр молодежи — наш клуб, арестовали многих его участников, которые говорили, что наша страна — это «островок благоденствия» лишь для крупных торговцев, банкиров и спекулянтов. А потом у нас проблемы с образованием и дальше — с распределением на работу...

Энгельберт говорил быстро, но внятно. Я понял почти все, что он тогда сказал.

— Скажите, Энгельберт, как вы думаете, хотят ли войны русские?

Этот вопрос я задал в гостинице «Украина», когда мы с Мюллером стояли за стойкой в буфете и пили кофе.

— У меня нет никаких оснований утверждать, что русские хотят зла. Но почти ежедневно я читаю об этом в некоторых западногерманских газетах и журналах. Да и в наших тоже иногда попадаются статьи, где говорится, что русские мечтают дойти до Атлантики, думают о третьей мировой войне и так далее. Я много читаю, и не только эти издания, и могу отличить правду от вымысла.

Их особенно интересовали наши московские церкви и соборы. Больше всего снимков они сделали в Замоскворечье, заповеднике старомосковской архитектуры.

— Действует ли сейчас Покровский собор? — интересовалась Мартина Майли.

— Есть ли в Москве синагоги, мечеть? — спрашивал Петер Метц.

То, что им говорили, они тщательно записывали в свои блокноты.

— У меня к вам еще вопрос, — обратилась ко мне Мартина Майли. — У нас в некоторых книгах и газетах пишут, что в Советском Союзе преследуют за религию. Так ли это? Лично я знаю только, что у вас школа отделена от церкви.

Вот так, в вопросах и ответах, мы узнавали друг друга...

Я встретился с ними через четыре дня, после того как группа вернулась из Ленинграда. В холле гостиницы народу было битком — со всех концов страны съезжались группы, участвовавшие во встрече Нового года в Ленинграде и Таллине, Иванове и Самарканде, Ярославле и Ташкенте...

Спросил, что нового для себя они вынесли из этого путешествия.

— Мы увидели очень многое. Жаль, что так мало времени выделено на Москву. Очень хотелось просто побродить по улицам, зайти в книжные магазины, где продают книги на немецком и французском, — сказала Мартина Майли. — Но чтобы узнать вас, недостаточно одной поездки.

— Изменилось ли что-нибудь в ваших взглядах на Советский Союз, на наших людей?

— Мы увидели все своими глазами, а не из книг и статей в наших газетах, — ответил Петер Метц. — Мы как бы прикоснулись к вашей действительности, разговаривая с молодежью на встрече в Ленинграде, в театрах, на улице. Мне почему-то подумалось: какая маленькая все-таки наша Швейцария!

Н. ТЮПИЧ

ЛЕТО НА ТАЙМЫРЕ похоже на большую ярко-пеструю птицу: летела птица, опустилась на землю, расслабила крылья, однако вон уж снова взмыла, опять в полете. Люди машут: до свиданья, мы ждем тебя! Опять запуржило, завьюжило. Люди могли бы вслед за теплом, за караваном птиц тронуться, но они остаются. Они тоскуют среди снегов по лету, а в июле тоскуют по зиме.

Анатолий ЗЯБРЕВ

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

Когда-то я полагал, что держатся люди на Крайнем Севере из-за высоких заработков, потом узнал, что слухи о заработках сильно преувеличены. Достоинства енисейского севера я впервые понял, когда увидел в Новосибирске на квартире у поэта Казимира Лисовского цветные линогравюры Владимира Ильича Мешкова. Картин было много: небольшие по размеру, висели они ряда в три или четыре до потолка на стене справа от окна, куда падало солнце, все с дарственными надписями художника. Хозяин квартиры гордился этой своей коллекцией и каждому, кто приходил, непременно хвалился:

— Вот поэзия! Посмотреть — сказка, а ведь реальность, никакой выдумки.

Помню, были там северные пейзажи в разные времена года: и голубой снег, и цветы, и бегущие по тундре олени. Но не это было главное, а то, что пряталось в неуловимых переливах красок, что брало за сердце, создавало настроение. Это было открытие неведомой для меня земли, неведомого мира, и в то же время в картинах было много знакомого, раньше мной на каких-то путях пережитого; это постигалось не умом, а чувством. Знакомой была поэзия!

А вскоре я свиделся и с самим художником. Собрался я на Север (жил тогда в Новосибирске) и по пути заехал в Красноярск. В доме по проспекту Мира, в квартире на третьем этаже меня встретил спортивной выправки мужчина, очень спокойно, медли-

тельно разговаривающий, в темной рубахе с засученными рукавами и в клеенчатом фартуке.

— Жаль, что я с вами не могу сейчас направиться на Север. Организационные дела держат... — сказал Владимир Ильич. — Сейчас, в середине зимы, в северной тайге особая красота.

И стал он показывать свои новые картины, выставляя их на свет. Хвойные деревья с густо, тяжело налегшим, отвердевшим на ветвях снегом, и гулкая высота, бесконечная просторность, и вон чей-то крупный, еще парящийся след на снегу.

После, бродя по берегам Нижней Тунгуски, я узнавал эти места и поражался остроте глаза художника, насколько точно, объемно, бережно и любовно схвачено. Понимал я коренных жителей Севера, охотников, оленеводов, когда они у себя в балках устроили маленький праздник по случаю того, что Мешков получил от Фиделя Кастро приглашение выставить свои произведения на Кубе. «Там, на другом полушарии, на далеком жарком острове, будут люди знать о нашей северной родине, правду о нас», — говорил охотник и оленевод эвенк Антон Мукто, кавалер орденов Ленина и Октябрьской Революции.

На Кубе художник из Красноярска познакомился с выдающимися деятелями культуры и литературы Латинской Америки: прима-балериной Алисией Алонсо, актрисой Роситой Форнес, поэтом Николасом Гильеном, художниками Порто Карреро, Санду Дарье, Франческо Эспинозой.

Вот как отзывалась кубинская печать о выставке красноярского художника:

«Это искусство способно войти в каждый дом, как книга, газета или радио...»; «Работы Мешкова отличаются выдающимся мастерством и проникновенным лиризмом...»; «Из всех произведений этого замечательного мастера особо выделяются те, которые посвящены жизни и революционной деятельности В. И. Ленина в сибирской ссылке»...

На Кубе художнику были созданы условия писать портреты людей, совершивших на острове революцию. Все картины с выставки он подарил кубинским друзьям.

Сегодня в мастерской художника постоянно гости. Кто-то прилетел из Туры, Хатанги, кто-то из Дудинки, с Диксона, с полярной метеорологической станции, расположенной на острове Пионер, далеко за Полярным кругом, в Карском море. Каждый считает обязательным забежать сюда, передать привет от товарищей, поглядеть, что нового создал мастер. Идут и с просьбой о помощи: надо решить какой-то вопрос в исполкоме, в другом учреждении. И художник берет телефонную трубку, звонит или, оставив мастерскую, идет кого-то убеждать, с кем-то спорить, хотя по характеру он человек скромный, почти застенчивый...

О популярности Мешкова за рубежом говорит такой факт. Поехал он однажды на этюды за город. А чтобы никто не мешал, постарался забраться подальше в тайгу, расположился основательно, собираясь побыть тут наедине недели две. Но его нашел почтальон, вручил телеграмму: летит из Парижа корреспондент, хочет взять у него интервью. Ну не пробираться же сюда, в тайгу, через буреломники залетному гостю, не принимать же его тут на пеньке! Пришлось спешно возвращаться домой.

Парижского гостя, а им оказался собственный корреспондент газеты «Юманите» коммунист Пьер Куртад, друг Пикассо, привело

на Енисей желание познакомиться с автором картин «В горах Путорана» и «В Туре», экспонировавшихся на выставке русского и советского искусства во Франции. Он хотел знать все: у кого Мешков учился мастерству, какие профессора преподавали ему теорию, где исток творчества, какая у него семья, сколько часов в сутки работает, чем питается во время поездки по тундре, каким было детство...

Пришлось вспоминать. Из бедной чувашской деревни с отцом, с матерью приехал он в Сибирь в 1927 году, семи лет. Читать учился по газетам, какими мать заклеивала щели в потолке барака. В тринадцать лет он, как старший из братьев и сестер, чтобы помочь отцу кормить большую семью, начал пасти совхозных свиней. Тут-то и создал он первую свою картину: стадо свиней в поле над оврагом и пастушонок среди них... Учился у самой жизни, она, жизнь, преподавала и практику и теорию. Позднее один из руководителей Академии художеств СССР, рассматривая в Москве работы Мешкова, воскликнет с восхищением: «До чего же самобытно! Никем не испорчено!» В пятнадцать лет одаренного паренька пригласили на должность художника в редакцию газеты...

«Всегда, когда я слышала или читала что-то о Сибири, я приходила в ужас, думая о холоде, который ожидал бы меня там. Я никогда не думала, что холод может быть таким прекрасным, таким разнообразным и пленительным своей теплотой и умиротворенностью, которые художник вливает в каждое сердце. Забуду ли я когда-нибудь эти картины? Не думаю, потому что они нечто единственное в своем роде. Я так хотела бы увидеть Советский Союз! Я так охотно познакомилась бы с Сибирью...» — пишет студентка из Ганы Адриана Гейфорд, побывавшая на выставке произведений Мешкова в Лейпциге.

Я в очередной раз, возвратившись из командировки по северным районам края, захожу в мастерскую художника. У него на столе всегда самовар и куски вяленой дичины, что присылают из тайги друзья-охотники. Лежит большой нож с белой орнаментированной костяной ручкой — подарок таймырских мастеров-косторезов. Сам наливай чай, сам режь мясо сколько надо. Хозяин, не прерывая работу, смеется, указывая на дичину: «Надо оправдать то, что о тебе пишут». Это насчет того, что однажды в зарубежном журнале о Мешкове в объяснение его неиссякаемого вдохновения написали, будто питается он только сырым мясом и спит на шкурах, брошенных на снег...

Разговариваем, понятно, о Севере. О том, что стада оленей в совхозах сокращаются, а с дикими оленями обращаются не всегда по-хозяйски, что народу в тундре прибывает — геологи, строители, туристы, а экологических знаний с учетом местных условий у людей маловато. Да, обнаружены новые месторождения полиметаллических руд в окрестностях уникального озера. Да, геологи в восторге, рассказывают, что завтра тут зафонтанирует нефть, а по Нижней Тунгуске на сотни километров разольется водохранилище, которое будет питать гидроэнергетические блоки мощностью в 12 миллионов киловатт... Перспективы грандиозны: на той широте, на которой расположен Норильск, за Полярным кругом, вдоль побережья Ледовитого океана поднимутся новые города с рудниками, металлообрабатывающими заводами...

Художник задумывается, над бровью прорезается тревожная морщина. Он сорок с лишним лет рисовал Север почти первозданный...

А теперь? Как совместить красоту, нежность, уязвимость полярной природы с наступлением индустрии, с этой жесткой сегодняшней необходимостью? Всем известно, что небольшая рана, нанесенная организму природы, сама собой быстро залечивается где-нибудь на юге, на Севере же, наоборот, с годами приводит к неминуемой трагедии. Это относится не только к земле, а и к воздуху, к воде, даже ко льдам. Север с его снегами, льдами, пургами — это кухня погоды чуть ли не всей планеты. Оптимизм в таком обстоятельстве неуместен.

В последних работах художника люди, пейзаж освещены ожиданием перемен. И в то же время прорезается вопрос: что же будет? Художник всей силой своей души зовет нас, живущих рядом с ним, ответить на этот вопрос уже сегодня, чтобы следующим поколениям, нашим внукам, не пришлось завтра делать многое с опозданием.

В. И. МЕШКОВ. Карское море.

Мешков удивительно трудолюбив. Им исполнено более сорока тысяч эстампов, около трех тысяч рисунков опубликовано в газетах, журналах. Вот уж поистине, как отмечала кубинская печать, его искусство вошло в наш дом подобно книге, газете и радио.

В октябре и ноябре минувшего года в Красноярске проходила выставка новых работ заслуженного художника РСФСР В. И. Мешкова, посвященная его шестидесятилетию. Это был праздник культуры всего края.

Я начал эти заметки с общеизвестного факта, что природа енисейского севера с его небесными красками зимой и обилием земных цветов летом обладает необъяснимой притягательностью. Творчество В. И. Мешкова, несомненно, способствует развитию этого феномена.

КАНАЛЫ ДРЕВНИХ МАЙЯ. Каждый день работы на полуострове Юкатан приносит ученым важные археологические открытия. Это вполне понятно, если вспомнить, что в этом районе Центральной Америки находился очаг древней культуры майя. Десятилетия кропотливых исследований ученых были годами тщательных раскопок. Нынешний день отмечен открытиями иного рода. На помощь археологам пришли спе-

циалисты в области космических исследований. Когда ученые расшифровали фотографии Земли, сделанные с борта космического аппарата «Пионер-Венера-2», то обнаружили на снимках Юкатана странные, до сих пор нигде не встречавшиеся геометрические фигуры. Экспедиция, которая отправилась обследовать загадочное явление, выяснила, что линии, видимые из космоса, не что иное, как разветвленная система каналов. До сих пор ученым были известны лишь сравнительно небольшие хранилища воды, которые имели сугубо местное значение. Эти же каналы занимали площадь 28 тысяч квадратных километров. Строительство их было вызвано неблагоприятными природными условиями и ростом населения государства майя. Эта цивилизация, не знавшая плуга и удобрений, тем не менее обладала развитой земледельческой культурой. Индейцы майя выращивали не только кукурузу, но и картофель, помидоры, бобы, какао, хлопок. В большой степени благополучие народа, жившего в условиях сухого климата, зависело именно от хорошо отлаженной системы водоснабжения.

МРАМОР ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПЫЛЬ. Из окон своего учреждения, расположенного на площади Санта-Мария Нова, главный археолог Рима смотрит на Колизей, Форум Романа и Форум Палатино. И ему не нравится то, что он видит. Загрязняющие атмосферу вещества, выбрасываемые автомобилями, и вызываемая ими вибрация настолько повредили знаменитые скульптуры Рима, что сейчас они быстро разрушаются, а их твердый и гладкий мрамор превращается в мягкий гипс.

«За один год состояние скульптур ухудшилось в большей степени, чем за целое столетие в те времена, когда центр города не был еще оккупирован автомобилями и автобусами»,— заявил главный археолог города Адриано ла Регина. Когда идет дождь (а в Риме нередки обильные осадки), в результате химической реакции между водой и выхлопными газами образуется серная кислота. Кислотный ливень омывает скульптуры, разъедает поверхность и превращает карбонат кальция мрамора в сульфат кальция — химический гипс.

При нынешних темпах разрушения в ближайшие 20 лет практически исчезнут скульптуры многих памятников, заявляет ла Регина. Причиненные повреждения непоправимы, сказал

он, поскольку ученые не нашли еще способов сделать этот химический процесс обратимым. Но сейчас предприняты первые меры, призванные замедлить процесс разрушения. Колонны Марка Аврелия и Траяна, а также отдельные части арки Константина окружены лесами и обернуты защитной проволочной сеткой. То же самое намечается сделать с другими памятниками, находящимися под угрозой. В последующие 5—10 лет эти сокровища будут скрыты от туристов и горожан, их поверхности очистят и в конечном счете, вероятно, покроют прозрачным защитным слоем.

СОЛНЦЕ В УПРЯЖКЕ. Американский инженер Пол Маккриди, прославивший свое имя созданием летательного аппарата,

движимого мускульной силой, изобрел новый самолет. На этот раз источником энергии для полета стало солнце: «Госсамер пингвин» снабжен солнечными батареями, питающими электродвигатель. Предыдущей моделью подобного типа был аппарат «Госсамер альбатрос», перелетевший в 1979 году Ла-Манш за 2 часа 40 минут.

Скорость «Пингвина» — 24 километра в час. Это, конечно, не устраивает инженера, и он работает сейчас над новой моделью «Солар челленджер», более мощным летательным устройством, способным развивать скорость до 65 километров в час. Пока что это самое безвредное для окружающей среды средство передвижения, — разумеется, если не считать гужевой транспорт...

НА ПОИСКИ ЗНАМЕНИТОЙ «МЕДУЗЫ». Весной 1819 года молодой художник, представитель французского романтизма Теодор Жерико создал картину «Плот «Медузы», ставшую одним из ярчайших полотен Лувра. В то же самое время в крепости Ам отбывал наказание офицер французского флота Хьюг Дюрой де Шамарейс, признанный виновным в крушении «Медузы», одного из самых красивых фрегатов конца XVIII — начала XIX века. На борту корабля находились колонисты, направлявшиеся из Франции в Сенегал. Это произошло 12 июля 1816 года близ пустынного берега Мавритании у мыса Аргин.

Сегодня группа подводных археологов собирается предпринять поиски легендарного судна. В их распоряжении лишь точные координаты места кораблекрушения. Накренившись на левый борт, обшитый медью фрегат затонул на пятиметровой глубине и сейчас, как предполагают эксперты, его скрывает двухметровый слой наносов. Исследователи детально обследуют район крушения. «Наша задача в этом предприятии — собрать хотя бы минимальное число обломков, которые свидетельствовали бы о том, что мы на правильном пути», — сказал один из участников работ. Заметно облегчат поиски якоря, пушки и другие металлические предметы, находящиеся на борту: их можно обнаружить с помощью магнитной разведки.

12 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ ВОЙСК ПВО

МНЕ, ВОСПИТАННИКУ Ленинского комсомола, выпала большая честь служить в прославленном воинском коллективе, одном из старейших в Вооруженных Силах, имеющем свои богатые боевые традиции.

Воинам части по-особому дорого имя Ленина. С ним неразрывно связана вся героическая история полка.

ОБЕРЕГАТЬ СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ТРУД НАРОДА

Созданный по личному указанию В. И. Ленина из революционных путиловских рабочих в 1917 году, отряд участвовал в штурме Зимнего, мужественно сражался с интервентами и контрреволюцией в годы гражданской войны, боролся за установление Советской власти в Закавказье. Беспощадно разя фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, полк получил высокое звание гвардейского и боевое знамя с изображением Ильича, а затем и орден Ленина — высшую награду нашей Родины.

Он прошел славный путь от отдельного противосамолетного отряда до гвардейского Путиловско-Кировского зенитно-ракетного полка. Память отцов, овеянные славой знамена зовут нас на ратный труд во имя мира, налагают особую ответственность за сохранение мира и дальнейшее приумножение славных традиций полка, неуклонное повышение боевой готовности.

И сегодня вместе с нами в строю ветераны — легендарный герой Великой Отечественной войны Г. А. Шадунц, бывшие путиловские рабочие А. И. Тимофеев, Р. Р. Крастынь, с чьими именами связаны первые страницы летописи полка, кавалер ордена Красного Знамени Н. Колесник и другие. У них мы учимся по-ленински жить и трудиться, выполнять свой воинский долг.

Высокая личная ответственность помогает воинам лучше решать многообразные задачи воинской службы. Каждый второй воин-комсомолец — отличник боевой и политической подготовки, две трети — специалисты повышенной классности. Многие воины овладели смежными специальностями и могут, если потребуется, заменить в бою своего товарища.

Смотром нашей воинской зрелости, ратного мастерства, тактической выучки являются боевые стрельбы. В год ленинского юбилея, в год, предшествующий съезду нашей партии, они выполнены с оценкой «отлично».

Ежегодно в строй полка встает пополнение из лучших молодых рабочих прославленного коллектива — ленинградского Кировского завода. Ленинский завет «Быть начеку», как зеницу ока беречь свою страну приобретает сегодня особую значимость. Империалистические круги

Запада продолжают политику гонки вооружений; нагнетают международную напряженность, открыто угрожают странам социализма, ведут борьбу против освободительного движения народов, ставят мир на грань термоядерной войны.

Но еще никому и никогда не удавалось запугать нас силой!

«Советский Союз не бряцает оружием, но мы всегда готовы дать сокрушительный отпор агрессору, — говорит Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев. — Мы гордимся боевой мощью наших славных Вооруженных Сил. Молодежь, которая стоит сегодня на страже рубежей нашей Родины, воодушевлена теми же идеями, что и их отцы и старшие братья.

Молодые сыновья Советской Отчизны бдительно охраняют мирный труд нашего народа. И мы уверены, если пробьет суровый час, они не пощадят своей жизни во имя дела революции, во имя Родины, во имя коммунизма».

Да, советский народ может положиться на мощь своих Вооруженных Сил. Воины-комсомольцы заверяют Отчизну, партию, комсомол: они всегда и во всем будут свято следовать заветам великого Ленина, верно служить народу, надежно оберегать мирный, созидательный труд советских людей.

Геннадий ВОРОБЬЕВ,
гвардии старший лейтенант, помощник начальника политотдела по комсомольской работе гвардейского ордена Ленина Путиловско-Кировского полка

Первая страница обложки «Товарища»: Делегат XXVI съезда КПСС Валентина Батурина (на снимке справа). Коммунист Батурина — раскройщица обувной фабрики имени Капранова, наставник молодежи, строгий и добрый воспитатель, своими знаниями и опытом она щедро делится с молодыми работницами. Рядом с Валентиной Батуриной — одна из ее учениц, комсомолка Люба Нейлик. За высокие показатели в труде Валентина Батурина награждена орденом Трудовой Славы III степени. Фото Н. НИКОЛАЕВА.

В. И. МЕШКОВ. На свидание.

Рассказ о художнике В. И. Мешкове читайте на стр. 184.

В. И. МЕШКОВ. В низовьях Енисея.

ПОЭЗИЯ

Юрий ПАРКАЕВ

СОЛОВЬИНОЕ ЭХО

СЕЛЯНКА

Там, где утрами звенит перебранка
лютых чертей-петухов,
добрая, мирная речка Селянка
светится меж лопухов.

Тихо-претихо струится куда-то,
делая дело свое...
Даже смешные подростки-цыплята
вброд переходят ее!

Только она никому ни словечка,
лишь улыбнется чуток...
— Доброе утро, сударыня-речка,
дай-ка водицы глоток!

И, не спеша опуская ладони
в этот несмелый ручей,
вздрогнув,
услышу в таинственном звоне
рокот подземных ключей.

Вот ведь откуда — из вечного
мрака,
глины пробив и пески,
вылилась к людям веселая влага
крошечной этой реки!

НА РАЗГРУЗКЕ УГЛЯ

Пронизанный солнцем,
пропитанный солью,
залив поутру
улыбается сонно,
и, лихо раскинув
железные краги,
встают над заливом
портальные краны.
Я здесь не проезжий,
я здесь не прохожий —
работаю в трюме,
на черта похожий,
шурую к середке
спрессованный уголь:
а ну-ка, лопата,
показывай удаль!
Во все закоулки
ковшу не забраться —
придется, старуха,
тебе постараться;
поглубже,
покрепче осваивай дело!
Гудит, как планета,
упрямое тело,
в виски, грохоча,
барабанит усталость.
— Держитесь, братишки,
полтрюма осталось! —
...А после работы
на палубе, рядом
присядем —
и шутки
посыплются градом,
и лучшей наградой
за наши труды —
братина живой,
родниковой воды.

* * *

Кружáтся налитые охрою листья,
и в трепетном свете зари

рябины перезрелые, влажные кисти
алеют, светясь изнутри.

Морозцем тягучим,
печалью светлынной
пронизана тишь поутру,
но эхо тревожной поры соловьиной
еще не умолкло в бору.

Наверное,
в травах запутавшись где-то,
до срока таилось в глуши
и вот — отозва́лось,
на миг отогрето
теплом человечьей души.

Была бы смертельной
любая утрата:
былинки,
листка,
соловья,
когда бы природа не знала возврата
на вечные круги своя.

БЕРЕЗЫ

Да, я отдаю предпочтенье березам
за то, что в родстве они с русским морозом,
за то, что упругими струями света
восходят из мрака началом рассвета;
за то, что горюют на каждом погосте,
корнями храня наших пращуров кости;
за то, что они на Дону, на Каяле —
да мало ли где? — вместе с нами стояли,
за то, что их древние песни простые
на всех континентах звучат о России.

* * *

Тишина полонила округу.
Я не слышал такой никогда.
Бродят кони по Гладкому Лугу,
и в реке засыпает вода.

Спеть бы песню хорошую, что ли, —
пусть забьется в печурке огонь,
пусть в ночи за околицей, в поле
одинокая бродит гармонь.

Пусть Окой, по горам и пригоркам
с этой песней пройдет ветерок,
чтоб девчонка под городом Горьким
вышла к парню в назначенный срок.

Но печурка огонь загасила,
и дрова прогорели дотла,
а гармонь, что в полях голосила,
неизвестно куда забрела.

Отлюбила гармонь, отболела,
отгуляла порой золотой.
А девчонка...
Нелегкое дело —
вспоминать о девчонке о той!

Потому, что вчера у причала,
где столетняя дремлет ветла,
та девчонка меня не узнала
и задумчиво мимо прошла...

ГОРОД ПАВЛОВО-НА-ОКЕ

Здесь дружили и здесь мечтали мы,
и отеческая земля
открывалась такими далями —
как с межзвездного корабля.

Не беда, что в песок размолоты
наши розовые мечты:
здесь мы были когда-то молоды,
и улыбчивы, и чисты.

...То не годы — то горы пройдены,
и к тому же — не налегке,
чтоб светился на карте Родины
город Павлово-на-Оке.

Много славных его прославило,
и, на старших равняя шаг,
молодые идут, как правило,
в металлисты — и только так!

Приезжай, убедись воочию —
город трудится от души,
так, что руки его рабочие
не уступят рукам Левши.

Край, где некогда спины горбили
безымянные кустари, —
возносясь этажами гордыми,
наступает на пустыри.

И растет он светло и молодо
с солнцем в мужественной руке,
под созвездьем серпа и молота —
город Павлово-на-Оке.

Астер БЕРКХОФ

ВУЛКАН В ЦЕПЯХ

Роман

ГЛАВА XVI

Чтобы выручить нас из тюрьмы, мама еще раз съездила к Абелю Тсомо. Благодаря его вмешательству отец и я были выпущены через 14 дней, к большому неудовольствию старосты Мбеле.

Утром нас впервые не погнали на принудительные работы. У меня теперь был специальный паспорт, с которым я мог свободно ездить по деревням.

Через несколько месяцев до меня дошел слух о человеке по имени Пондо. Не мой ли это брат Джессе? Рассказывали, будто «черные партизаны» в южном Трансваале взорвали высоковольтную опору, шесть фабрик остались без электричества. Руководителя этой группы звали Джессе Пондо.

Однажды я ночью тайно отправился в Питермарицбург за лекарствами. Я делал это уже третий раз. Лекарства я получал в колледже французских миссионеров. Их доставлял в Пондоланд Красный Крест.

На этот раз в колледже работал конгресс по вопросам просвещения. Речь шла о выработке программы для так называемого специального образования для черных. Главные вопросы были решены, и я ушел с заключительного заседания.

Окончание. Начало в № 2 и 3.

В дверях зала я столкнулся с Яном ван Баарле. Он тоже узнал меня и обрадовался.

— Расскажи-ка, что там было. Тогда мне не надо будет слушать эту болтовню.

Ян был на своей машине и пообещал подбросить меня до границы Пондоланда. Это было очень кстати — я мог взять с собою побольше лекарств. Мы поехали за лекарствами, по пути я рассказал ему, как погиб Джимми и что они сделали с Артуром Таба и женщинами. Пальцы журналиста вцепились в руль и побелели.

— Они не могут вести себя пристойно, — сказал он глухим голосом. — Но сколько мужества у твоего отца!

Неожиданно он предложил:

— Если хочешь, могу тебя доставить к Джессе.

Я удивленно уставился на него.

— Не хочешь? — спросил он.

— Еще бы! Но я слышал о каком-то Джессе Пондо в связи со взрывом высоковольтной опоры.

— Это он.

— А где он?

— В Басутоланде. Если подождешь пару дней, можешь отправиться туда вместе с Пирре.

— Так Джессе и Пирре находятся в горах?

— Они работают вместе. Пирре сейчас в Европе, собирает деньги для повстанцев. Мы ждем его со дня на день. А сейчас мы заедем на квартиру Юлиана Хаммонда. Это журналист. Он уехал в Лондон, я могу пользоваться его квартирой. Ты там поживешь, пока не приедет Пирре. В Басутоланд поедете вместе.

— А Пирре давно с Джессе? — спросил я.

— После смерти Сандры.

Я не представлял себе Пирре, тихого, приветливого и мягкого человека, участником партизанского движения.

— Расскажи, что было на конгрессе, — попросил Ян. — Мне надо написать статью.

Но мы приближались к центру города, и я неуверенно спросил:

— Может быть, мне спрятаться, сесть на пол?

— Моя бы воля, я подложил бы под тебя две подушки, чтобы каждый мог видеть, как я еду с черным!

Затем он с горечью сказал:

— Они не хотят видеть черных и белых вместе... Ладно, спрячься, пускай любуются на породистого белого!

Надежда увидеть сразу Джессе и Пирре обрадовала меня настолько, что я не мог думать ни о чем другом.

А Ян рассказывал, что попал в опалу. Но это его не тревожит. Он потихоньку собирает материал и публикует в Нидерландах под псевдонимами. Теперь он с улыбкой говорил о людях, которые наивно верят, что можно чего-то добиться одними разговорами.

Поселившись с ним, я познакомился со многими журналистами и писателями. Они приходили к нам и часами расспрашивали меня о Пондоланде. Как-то вечером пришел Билл Хорман. Он постарел, стал еще мрачнее. Билл поинтересовался, что стало с нашей семьей. Слушал он, не отрывая от меня взгляда, много записывал. Требовал подробностей. Когда я кончил рассказывать, он снова мрачно замолчал и долго смотрел перед собой отсутствующим взглядом.

От Яна я узнал, что Джессе организовал в Басутоланде центр партизанского движения с целой сетью ячеек по всей стране. Я вспомнил, как Джессе пугал нас разговорами о необходимости уничтожить насилие. Тогда его планы казались нам фантастическими и не воспринимались серьезно.

В Иоганнесбурге Ян ван Баарле имел грузовичок с двойной стенкой позади кабины. Там могли поместиться два человека. В этом тайнике он перевозил в Басутоланд к партизанам молодых людей. Для виду машина загружалась мебелью. За погрузкой следил веселый, огромного роста молодой зулус, уже давно работавший у Яна информатором и посыльным. Его звали Дингаан. Ездил шофером Ральф Петерс, молодой англичанин, студент университета.

На этой самой машине Ян ван Баарле и привез Пирре.

Пирре мало изменился. Увидев меня, он осветился радостью. Не помню, чтобы он когда-нибудь громко смеялся, но всегда при виде друзей на его лице появлялась дружеская улыбка.

В дороге Пирре не спал двое суток. При переправе ночью через Лимпопо на границе он натолкнулся на патруль и больше суток вынужден был прятаться в гроте. Отсыпался он целый вечер и ночь, а на следующий день утром мы выехали.

Дингаан поставил к нам в укрытие корзину с продовольствием, а Ян подал плоскую фляжку с водкой. Он всегда носил ее с собой в кармане.

— Как голландец я не мыслю хорошей поездки без бутылочки, — сказал он, улыбаясь.

Дингаан пошутил:

— Если я выпью ее один, то взлечу в воздух как ракета!

Ральф Петерс обратился к Яну:

— Ты можешь злиться, но я сделаю два круга вокруг здания Верховного суда. Я не могу отказать себе в этом удовольствии!

Ян просунул к нам голову.

— Вы, надеюсь, не намерены болтать так громко, чтобы вас услышали на тротуаре.

— Пусть первым замолчит Ральф, шеф, — сказал Дингаан. — А то он может испортить вам настроение.

— Тебя кто-нибудь спрашивает? — Ян стал сердиться.

— Не ворчать! За работу! — скомандовал Дингаан и стукнул по стальной перегородке нашего укрытия.

Пирре закрыл изнутри засовы. Мы услышали скрип мебели, нагружаемой на машину. Наконец заднюю дверь закрыли. Дингаан постучал по кабине водителя:

— Поехали!

— Передайте Джессе мое мнение, — услышали мы раздраженный голос Яна. — Я приеду в Басутоланд. Но на все, что здесь происходит, мне наплевать!

— Я скажу ему, — мирно ответил Пирре. — Веди себя хорошо, старина.

— Что происходит с Яном? — спросил я.

— Он сомневается, — ответил Пирре. — Он не верит в насилие. Хотя и работает для Джессе.

— Почему же он тогда ему помогает?

— Потому что не видит другого выхода.

— А ты, Пирре, веришь, что с помощью насилия можно чего-нибудь добиться?

На какое-то время в нашем укрытии стало тихо.

— Не знаю, — признался он. — Иногда мне кажется — да, иногда — нет. Но я не смогу кого-нибудь убить.

В нашем маленьком укрытии было мало света, воздух поступал через щель в полу. Мы сидели в темноте, прижатые друг к другу. Машина тем временем выехала из города.

— Так странно снова возвращаться в Южную Африку, — проговорил Пирре. — Красивая страна. Точь-в-точь, как в рекламных проспектах. Даже не верится, что люди здесь могут издеваться над миллионами других людей.

Я внимательно слушал его тихий, дрожащий голос.

— Как-то мы с Сандрой поехали к вашему дяде на ферму.

— Дяде Юлиану? — спросил я изумленно. — Я и не знал, что вы были у него!

— Возвращаясь от него, мы сделали крюк, чтобы поплавать в небольшом озере, ты знаешь, Сандра плавала как чемпион.

— Знаю, — ответил я, охваченный воспоминаниями. — Мы

наперегонки переплывали реку. Она плавала быстрее всех. Я звал ее дельфином.

— В тот день на ней был розовый купальник, — продолжал Пирре. — Было жарко, на камнях невозможно было лежать. Небо было голубым, а камни коричневые. «Посмотри, — сказала она, — как хорошо сочетаются голубой и коричневый цвета. Хочешь, я сделаю такие шторы?» Сейчас на том озере построили гостиницу и пристань с лодками. А что делается рядом, в долине? Домики, пыль, грязь и сторожевые башни. Тебе приходилось видеть такие места?

— В одном месте. Нас с соседями привезли туда, но затем отправили в Пондоланд.

— Я стоял, смотрел и думал: об этом в Европе ничего не знают. В рекламных проспектах нет ничего подобного. Вот тут подумаешь: а может, действительно хватит терпеть?

Пирре закурил сигарету, дым вытягивало в щель, потом его подхватывал ветер и уносил под машину.

— Иногда мне кажется, что уйти в партизаны — единственный путь для белого, чтобы жить не стыдясь. Но убивать! Этого я не могу.

— А Джессе может убивать?

Наступило короткое молчание.

— Да, — сказал Пирре. — Он может.

— И он... уже убивал?

— Да. Убивал.

По дороге мы достигли плато. Здесь стояла хижина старого Матье.

Нас встретила Сильвия, тихая, приветливая, немного застенчивая женщина лет шестидесяти. Она угостила нас молоком, хлебом и сыром. Мы сходили к могиле старого Матье, небольшому холмику с деревянным крестом.

— Он любил смотреть на горы, — произнесла Сильвия тихим голосом.

Мы вернулись, хозяйка открыла ворота в пристройку. Там стоял «джип».

Вскоре мы выехали. Каменистая дорога поднималась все выше в горы.

— Что будет, если встретим англичан?

— Едва ли. Они здесь почти не бывают. Но если что — ты спрячешься в скалах, а я спрошу дорогу на горное озеро с форелью. Они укажут.

В багажнике «джипа» лежали рыболовное снаряжение и резиновые сапоги.

— Надо опасаться самолетов, — сказал Пирре. — Тут сразу загоняй машину в скалы.

Вокруг нас простирался хаос коричневых горных цепей. Причудливые скалы были источены дождями и ветрами. В этих горных массивах издавна обитало племя басуто. Этот стойкий, мужественный горный народ гордится тем, что ни одна вооруженная рука не могла его поработить.

Долгое время мы ехали молча. Затем Пирре сказал:

— Сейчас я покажу тебе могилу Сандры.

Среди нагроможденных друг на друга валунов открылась пещера. В огромном, изумительной красоты гроте виднелся холмик, обложенный камнями. Указав на стены грота, имевшие темно-розовую окраску, он сказал:

— Она любила розовый цвет.

Он говорил приглушенно, словно в церкви. У меня сдавило горло. Пирре убрал несколько камней. Я увидел гранитную плиту с выбитыми на камне словами:

«САНДРЕ, ДОЧЕРИ МАМЫ ПОНДО И ДЖОНА ТУЧЕЛА. Я ЛЮБИЛ ЕЕ».

Неожиданно я зарыдал так сильно, что вынужден был закрыть лицо руками. Я опустился на колени и поцеловал плиту.

Глаза Пирре покраснели, задрожали руки, но он сдержался.

— Я привез ее сюда на автомашине. Здесь нес на руках. Я не хотел хоронить ее внизу, у них.

Мы сорвали несколько альпийских цветков шиповника. Я хотел положить букетик на холм, однако Пирре поднял плиту и сунул под нее цветы. Сверху он опять навалил камней.

— О ней знаешь ты, я и Джессе. А больше никому не положено.

Мы вышли из грота и снова сели в «джип».

Мы миновали плоскогорье и въехали в ущелье, настолько узкое, что по обеим сторонам «джипа» оставалось пространство шириной в ладонь. Один раз мы застряли между стенами ущелья. Машина двигалась, царапая борта.

Наконец в расщелине мы увидели высокого человека с острым взглядом и короткими волосами. Мое сердце заколотилось.

— Давид! — воскликнул человек и бросился нам навстречу. — Боже мой, Давид!

ГЛАВА XVII

Не сразу я разобрался, что же изменилось в Джессе. Он оставался таким же красивым и обаятельным, как и раньше, и я без труда представил его в светло-коричневом костюме, белой

сорочке, с красивым шелковым галстуком и зажатой в зубах гвоздикой, каким он уходил из дома по вечерам. И все же он изменился: глаза покраснели, движения стали резкими, все время, пока мы сидели и разговаривали, он курил одну сигарету за другой. Он стал пить много виски — раньше всех опустошал свой стакан.

Ошеломленный, с широко раскрытыми глазами, он слушал мой рассказ обо всем, что произошло с Томом, Михаелом, Розой и Джимми. Мы с ним прохаживались, обняв друг друга за плечи, и я рассказывал о нашем отъезде из Софиатауна, о лагере в Пондоланде.

— Пирре показал тебе могилу Сандры? — спросил он. — Чудесно он все сделал, правда? Ни у одной белой женщины нет такой могилы, как у нашей Сандры. Ты заметил, что стены в гроте розового цвета? Сандра любила этот цвет. Помнишь камушки, которыми она играла в детстве? Они, наверное, до сих пор хранятся у мамы в сундучке.

Два молодых африканца подошли к нему со связкой каких-то бумаг. Просматривая бумаги, Джессе спокойно беседовал с молодыми людьми. Разговор шел о складе оружия в Трансваале. Оба подошедших были одеты в коричнево-желтую одежду под цвет гор. Через некоторое время Джессе кивнул головой и отдал им бумаги.

Мы с ним прошли через небольшой туннель и попали на площадку, окруженную со всех сторон отвесными скалами. Здесь я увидел множество молодых людей — белых, черных, индийцев... Несколько человек сидели за маленькими столиками и писали.

Джессе показал мне пещеры, в которых партизаны жили и работали. Затем мы попали в большое помещение, разделенное перегородками. Потолок был из деревянных панелей. Джессе открыл дверь в одну из комнат, там стояли столы и стулья.

— Это классы для занятий, — сказал он. — Здесь мы готовим людей. Сейчас обучается 60 человек. Потом прибудут новые. Их присылают нам Ян Баарле и другие. Вооруженное восстание — это целая наука. Теперь мы это поняли. И мы готовимся. Наш час наступит непременно.

В его глазах загорелся огонь.

— Белые думают, что они заключили союз с богом. Но посмотрим, что сделает бог, когда мы будем бить их в их домах, когда польется кровь. Они увидят, что бог совсем не на их стороне!

На лбу Джессе выступили капельки пота.

— Наступит час, и двенадцать миллионов черных выйдут на

улицу. Никаким войскам не справиться с этой силой. Содрогнется земля. И все увидят красное зарево. Это будет гореть Иоганнесбург.

Я пробыл у Джессе целую неделю. Днем мне редко приходилось его видеть, но каждое утро и каждый вечер я был с ним. Он работал с огромным напряжением. Вряд ли кто-либо другой выдержал бы такую нагрузку.

ГЛАВА XVIII

Джессе сам отвез меня в «джипе» к хижине старого Матье. Сильвия помогла мне перебраться через границу, затем Ян ван Баарле доставил меня в своей автомашине в Пондоланд. Я вез с собой медикаменты.

Пондоланд встретил меня мрачно: унылая работа каторжников, сухая, потрескавшаяся земля, пыль на тощих бледно-зеленых кустарниках. Я увидел в деревне толпы нищих, доведенных до отчаяния людей, голых детишек и несчастных стариков. В людях росло озлобление, все чаще возникали перебранки, драки. Работы не было, на рынках исчезли продукты, цены беспрестанно росли. Ежедневно рассказывали о воровстве и грабежах. У бирж труда дни напролет стояли длинные очереди. Появились желающие работать в порту или на шахтах. Деревенские старосты, особенно молодые, с образованием, держались высокомерно, охранники ожесточились еще больше. Они теперь бесцеремонно врывались в жилища, уводили мужчин, отбирали продовольствие, били посуду, насиловали девушек.

Думаю, движение АНК доживало последние дни. Представители его, оставшиеся на свободе, устали от борьбы и постоянного страха. Но в эти дни все более заявляла о себе растущая сила повстанцев в горах.

На поселок Кинтоло, где я находился по делам, повстанцы совершили нападение ночью. Проснувшись, я услышал испуганные крики, увидел горевшие бараки и бегущих на фоне красного зарева людей. Из большого барака выволокли охранников, поставили их и расстреляли. Тут же устроили суд над старостой и четырьмя доносчиками, приговорили их к смертной казни и повесили.

Однако на следующий день на дороге в поселок показались необычного вида машины. Это были бронетранспортеры. Они ползли через чертополох, легко преодолевая бугры и ямы. Вдруг они перестроились в ряд на расстоянии примерно пятидесяти метров друг от друга.

Из бараков стали выбегать испуганные люди. Они увидели наведенные дула пулеметов. Вдруг из стволов пулеметов вылетело пламя. Раздался лающий звук. Бронемашины стреляли без разбора: по баракам и по людям.

Я лежал за бараком, прижавшись к земле. Бронетранспортер проехал шагах в десяти. Меня обсыпало комьями глины. На боку этой чудовищной машины я успел рассмотреть большие буквы.

Стреляя на ходу, бронемашины проехали через поселок, раздавив между бараками тела расстрелянных людей.

Удивительно, что чудовищная расправа с жителями поселка ничему не научила их соседей.

В Табанкулу представитель отделения Африканского национального конгресса Джеймс Нлоло собрал митинг. Я был знаком с Джеймсом. Мы вместе учились в колледже. Собралось около ста пятидесяти человек. Собравшиеся подписывали какую-то петицию.

Как я узнал, Джеймс, подобно доктору Иллово, призывал к спокойствию и терпению. Он говорил, что вооруженная борьба принесет лишь вред и вызовет карательные действия со стороны властей. Он предложил послать петицию, которая заканчивалась словами: «Мы не хотим жить отдельно от белых. Их присутствие среди нас не угрожает нашей культуре. Мы хотим жить в атмосфере дружбы и уважения друг к другу». Джеймс собирался направить этот документ премьер-министру.

Неожиданно появился вертолет, и я услышал пулеметную стрельбу. Люди бросились в разные стороны. Кто-то принялся размахивать белым флагом.

Потом мы подобрали семнадцать тел, буквально изрешеченных пулями. Под деревом валялся белый флаг и тело Джеймса Нлоло. Мертвый, весь в крови, он лежал с петицией в руке.

И на этот раз моим рассказам мало кто поверил.

Как это обычно бывает, люди верят лишь тому, что видели сами. Мне было сказано, что о жестоких карательных действиях властей я придумал со страху.

Все же протест в народе зрел, протест дикий, необузданный. Он начинал кричать в душе, подобно человеку, уже не владеющему собой.

ГЛАВА XIX

И вот началось.

В Бизане, где черное население бойкотировало белых торговцев, однажды взорвалась бензозаправочная станция. В витри-

нах магазинов вылетели стекла. Затем огромная толпа в несколько тысяч человек разнесла церковь и линчевала черного священника, шедшего на поводу у властей. В городе возникла паника. На центральной улице выросли баррикады. Мужчины вооружились ружьями и пистолетами, женщины попрятались в подвалах.

Однако до столкновения не дошло: военные машины и солдаты пулеметным огнем разогнали скопление народа.

Разрушение церкви вызвало возмущение общественности. Этому во многом способствовали официальные власти, поднявшие крик о том, что черные разрушают церкви и школы. «Посмотрите, какие они варвары!»

В газетах писалось, что огромные толпы черных окружили в поселках белые районы и не думают снимать осаду.

Руководители повстанцев в горах нашли момент подходящим и решили начать всеобщее восстание.

Однажды в дороге, к удивлению и радости, я встретил пастора ван Флотена, которому несколько раз помогал вести службу в Иоганнесбурге. Он тоже обрадовался встрече. Ван Флотен совсем не изменился. Он был все такой же худой и бледный, с рассеянным взглядом сероватых глаз. Встреча вышла неожиданной. Я направлялся в Нтани, местечко, расположенное на границе Пондоланда. В пути меня застала ночь, и я остановился в небольшой деревушке Бинанго. Здесь у каменной церквушки я и встретил пастора ван Флотена.

Он не сразу узнал меня. Но когда хорошо разглядел, с блестящими от радости глазами воскликнул:

— Давид! Как я рад тебя видеть!

Разговаривая, мы дошли до небольшого серого домика недалеко от церкви, пастор представил меня своей жене и дочери. А ведь в Иоганнесбурге он никогда не пускал меня дальше порога.

Госпожу ван Флотен я знал раньше. Она была вечно нездорова и выглядела старше пастора, у нее было еще красивое, тонко очерченное лицо, одета всегда со вкусом, обыкновенно в серые тона. Их дочери Нэнси было около 30 лет, она помогала отцу вести уроки в школе при церкви, а также преподавала в кружке кройки и шитья. Высокого роста, со светлыми волосами — пожалуй, ее можно было назвать красивой, если бы она не выглядела такой строгой. Когда меня ей представили, она не выразила желания подать мне руку. Однако участие в разговоре она приняла — жертва, на которую она пошла ради родителей.

Зашел поздороваться доктор, молодой шотландский пресвитерианин с женой Мэри, милой веселой женщиной, которая, по

всей вероятности, была безумно влюблена в своего мужа; позднее пришел Саул ван Вессел, фермер.

Я вздрогнул, увидев его огромную фигуру и пышную рыжеватую бороду. В руке он держал ружье. В сапогах и широкополой шляпе он был очень похож на буров из рассказов о старых временах. Казалось, он только что вышел из фургона, запряженного лошадьми. Но рядом с домом стоял вездеход.

Увидев меня в комнате, фермер не захотел войти.

— Могу я с вами поговорить, пастор?

Я хотел выйти, но госпожа ван Флотен меня задержала.

Как оказалось, фермер хотел увезти пастора и его семью на свою ферму. Он сказал, что следует ожидать нападения черных. А на ферме у него двести поденщиков, оружие, боеприпасы и месячный запас продовольствия на случай осады.

Пастор ван Флотен вызвал свою супругу и дочь на улицу. Когда они вернулись, госпожа ван Флотен, улыбаясь, сказала:

— Саул всегда преувеличивает. Все они такие. Сидят на своих огромных фермах, отрезанные от всего мира, и думают только об одном.

Сама она была дочерью коммерсанта из Кейптауна.

Пастор отказался поехать с ван Весселом. Впоследствии мы узнали, что фермер предлагал поехать к нему также и шотландскому доктору с женой, однако они тоже решили остаться дома.

Поздно вечером госпожа ван Флотен и Нэнси отправились спать, а мы еще около часа беседовали о книге пророка Исайи, которая была любимой книгой пастора. Он мог часами, задумчиво глядя на собеседника, вдохновенно говорить о ней. Вдруг он сказал:

— Писание — прекрасная книга: «Мы, дети божьи. Боже, помоги нам, тобою избранному народу». Мы привыкли слышать это с детских лет. Но нет ли тут ошибки? Почему мы считаем себя господами, которым другие обязаны подчиняться, как рабы?

«Да, так оно и есть», — подумал я, понимая, как должен страдать человек, зная произвол официальных властей и церкви.

— Странно, — тихо продолжал пастор, — Иисус был воплощением мягкости, любил бедных. Мы же, напротив, жестоки и смотрим на бедных с отвращением. Мы вешаем их и даже не думаем о том, что убили человека.

Лицо его было мрачным. Он смотрел как бы сквозь меня. Внезапно он взглянул мне прямо в глаза.

— Я приехал в Пондоланд не ради черных, Давид. Я уехал из Иоганнесбурга потому, что считаю политику нашего правительства преступной, а церковь лицемерной. Но у меня не хватает мужества заявить об этом открыто! Я трус. Я боюсь, что

от меня все отвернутся. Давид, я боюсь... У меня нет вашей силы.

— Тогда уезжайте отсюда, — посоветовал я. — Поезжайте к Саулу ван Весселу, отдохните. Вы просто устали.

На лестнице послышались шаги. Вошла госпожа ван Флотен.

— Карел, тебе нужно отдохнуть.

— Да, милая, ты права, — тихо согласился пастор.

Он встал и сказал мне:

— Пойдем, я провожу тебя в твою комнату.

Он зажег свечу рядом с приготовленной мне постелью и вышел.

Мне показалось, что я спал всего несколько минут. Разбудил меня шум, я открыл глаза. Было уже светло.

Окно выходило в сад, видно было несколько бараков между деревьями. Внизу в гостиной я застал пастора и его семью. Они стояли у окна и с тревогой выглядывали наружу. По улице бегали люди, горело несколько домов. Знакомая картина.

— Они идут сюда? — с тревогой спросил пастор.

— Вам они ничего не сделают, — успокоил я его. — В деревне знают, что вы хороший человек.

Толпа направлялась к каменному дому, где размещались бюро по найму и налоговая контора. В огне запылали все бумаги, которые там удалось найти.

Мы увидели молодого доктора. Он стоял перед своим домом и что-то говорил обступившим его людям.

— Это нездешние, — сказал пастор, вглядевшись, — я не знаю из них ни одного.

— Нет, нет, — возразила госпожа ван Флотен. — Вон тех двоих слева мы знаем. А вон еще. А тот человек впереди? Он живет где-то недалеко от бара.

Нэнси была бледна, как и отец, но в глазах ее не было страха, один гнев.

Я выбежал на улицу и обратился к толпе, чтобы пастора и его семью не трогали. Меня оттеснили назад, к дому. Кто-то крикнул, чтобы вышел пастор. Ван Флотен выглянул из дома бледный, перепуганный.

— Почему он так трясется? — раздался крик.

— Он же бур!

«Вот оно, — подумал я, — прорвалось».

На помощь своему мужу вышла госпожа ван Флотен. Она стала уверять, что пастор приехал сюда ради бедных, не захотев больше жить среди богатых. Говорила она убедительно, однако толпа продолжала напирать. Нам невольно приходилось пятить-

ся назад. Вдруг госпожа ван Флотен упала. И тут из дома выскочила Нэнси. Она стала расталкивать людей, пробираясь к матери. Размахнувшись, она ударила кого-то по лицу.

Ее толкнули. Нэнси упала.

— Дьявол! — закричала она, вскакивая на ноги, и снова размахнулась.

Что было потом, я плохо помню. В возникшей суматохе меня сбили с ног. Передо мной мелькали руки, ноги, на меня наступали. Лишь некоторое время спустя мне удалось выбраться из свалки.

Пораженный, я увидел, что двое мужчин держат Нэнси, а третий срывает с нее одежду.

— Ты знаешь, что делают ваши судьи с нашими женщинами? Вот сейчас узнаешь!

Нэнси пронзительно закричала и стала вырываться. Пастор отбивался, как обезумевший.

Дикий, торжествующий вопль потряс воздух, когда Нэнси была раздета донага. Мужчины подняли ее, чтобы показать толпе. По ее белому длинному телу метались черные руки, образовался клубок барахтавшихся мужчин, началось самое отвратительнейшее, что может возникнуть в охваченной безумством толпе.

Вдруг послышались ружейные выстрелы. На полной скорости в деревню ворвался вездеход. За ним следовали два «джипа». Саул ван Вессел с автоматом под мышкой спрыгнул на ходу с вездехода.

— Быстро в машину! — крикнул он пастору ван Флотену.

— Нет! Нет! — воскликнул пастор.

Не обращая внимания на слова пастора, тот схватил его и запихнул в машину, затем, размахивая автоматом, он стал раздавать указания двум белым и нескольким черным помощникам. Внезапно он увидел Нэнси и рядом с ней трех черных мужчин.

Какое-то время Саул ван Вессел смотрел на обнаженную девушку. Затем он остервенело, в упор выпустил очередь в троих черных, снял с себя куртку и накрыл ею Нэнси. Один из его белых помощников перенес ее в вездеход.

У госпожи ван Флотен оказалась сильно поврежденной голова. Ее также внесли в вездеход. Затем машина подобрала молодого доктора и его жену.

Едва машины покинули деревню, на другой стороне улицы появились молодые африканцы, вооруженные ружьями и автоматами. Однако машины были уже далеко и вскоре совсем исчезли в облаке пыли.

ГЛАВА XX

Пондоланд превратился в кромешный ад. Я пытался пробраться домой, чтобы быть вместе с родителями, но это не удавалось.

Отряды повстанцев двинулись с гор, во всех деревнях начались бои. В стране было введено чрезвычайное положение, дороги перекрыли, солдаты никого не пропускали.

В горах тоже было небезопасно: можно было натолкнуться на беглых охранников, которые днем прятались, а ночью пытались пробраться к белым в Бизану, Кокстад или Умтату. Повсюду рыскали банды грабителей. А в деревнях после победы, вскружившей голову обезумевшим от счастья людям, царила полная анархия.

Я двигался к дому то с ликующими повстанцами, то со спасающимися от войск беженцами. Вскоре я добрался до места, откуда за сутки можно было дойти до дома. Но тут над Пондоландом сгустились новые тучи.

Среди белого населения была объявлена всеобщая мобилизация. А из числа лиц старше призывного возраста создавалась гражданская оборона. Появилось множество лагерей, где они учились стрелять. Все белые, даже женщины, стали носить при себе оружие.

Появились слухи о крупных сражениях и больших жертвах. Но больше всего пугало то, что стала меняться атмосфера в деревнях. Победившие уже не ликовали. С тревогой они спрашивали:

— Ну хорошо, мы захватили деревню. А дальше что?

И люди бросали свои дома, уходили из деревень.

Как-то вечером я попал в деревню, в которой оставалось только несколько древних стариков.

— Все ушли в горы, — прошептала старая женщина. — Сюда идут солдаты.

Вскоре и совсем стало невозможно появляться в деревнях — либо там шли бои, либо они были заняты войсками. Воздух наполнился шумом вертолетов и истребителей. От грохота взрывов сотрясалась земля. Ходили разговоры о междоусобной борьбе между самими повстанцами. Паника росла.

Однажды вечером я натолкнулся на долину, усеянную трупами черных. А на следующее утро над горами появились вертолеты. Через репродукторы было объявлено, что до четырех часов все должны собраться в ближайших деревнях. Тот, кто до этого времени не покинет горы, будет расстрелян. Многие не верили, полагая, что это лишь уловка, чтобы заманить всех в ловушку и арестовать.

До деревни, где жили родители, мне оставалось миль шесть, не больше. Я был один и полагал, что, прячась между валунами и кустами, сумею пробраться незамеченным.

Неожиданно метрах в двухстах от меня поднялся вертолет. Затем взлетел еще один, а через несколько мгновений над моей головой пронеслись четыре истребителя. Вскоре я услышал пулеметную стрельбу. Стреляли с вертолетов, самолетов и на земле.

Пригнувшись, я побежал в сторону ближайшей деревни. Туда стекались беженцы со всех сторон. Они бежали между кустами, держа в руках свои пожитки. С вертолетов по ним стреляли. Пули, пролетавшие мимо цели, врезались в песок, поднимая облачка пыли. Но многие черные были убиты.

К вечеру деревня переполнилась народом. Люди сидели на земле возле хижин, прижимаясь друг к другу. Они в страхе наклоняли головы, когда над деревней проносились вертолеты.

Стрельба прекратилась лишь с наступлением темноты. На деревню опустилась тишина, от которой стало жутко.

У сгоревшего дома старосты стояли два военных грузовика, «джип» и танк, образуя четырехугольник, огороженный колючей проволокой. По углам стояли часовые с автоматами в руках. За проволокой, разделившись на небольшие группы, у костров сидело около сорока белых солдат. Они ели.

Я никогда не забуду этой картины: костры, составленные в пирамиды винтовки и спокойные движения солдат, медленно поглощавших плотный ужин. А вокруг, на расстоянии двадцати шагов, массы сидящих на земле голодных чернокожих людей с многочисленными детьми, которые, не отрывая глаз, следили за движениями жующих солдат.

Я думаю, что дети тоже, как и я, запомнили все, что ели солдаты: большие куски жаркого в белом соусе с горошком и морковью, жареная картошка, посыпанная яичным желтком, сыр, белый и черный хлеб, пудинг с изюмом и яблоки.

Поужинав, солдаты закурили сигареты. Затем развернули спальные мешки и, забравшись в них, заснули. Остались лишь часовые — четверо солдат в шлемах, с автоматами в руках и подвешенными к поясу гранатами.

Это холодное, самоуверенное спокойствие солдат являло собой страшную силу, на которую, как на глухую стену, наткнулась волна черного восстания.

Утром в деревню приехал автобус с двумя белыми и одним черным в темно-сером костюме и шестью черными охранниками в униформе, которая была нам так хорошо знакома. «Ну вот они и вернулись», — подумал я с грустью.

Черный в темно-сером костюме был новым старостой. У одного из белых в руках появился рупор. Он приказал нам освободить лужайку перед домом и выйти вперед всем, у кого есть паспорта. Таких оказалось человек двадцать. У нас проверили пропуска и попросили отойти в сторону.

Тех, у кого не оказалось документов, набралось около двухсот человек.

— Вы сожгли свои паспорта, — сказал им белый в рупор. — Вы умышленно нарушили закон. Поэтому вы приговариваетесь к пятнадцати ударам плетью и трем годам каторги. Но тому, кто поможет нам установить личность обвиняемых, срок будет сокращен до шести месяцев. Те же, кто укажет на лиц, находившихся с повстанцами в горах, будут отпущены.

Вперед вышли трое охранников, каждый с длинной кожаной плетью, тоже так хорошо нам знакомой.

Экзекуция продолжалась в течение полутора часов. Двое белых в это время стояли и смотрели, как люди покорно снимали с себя рубашки и подставляли свое тело под удары плети. Женщины и дети, не шевелясь, стояли вокруг места, где наказывали их мужей и отцов. В это время солдаты в лагере позади нас поглощали свой завтрак.

Я не знаю, что испытывали дети, смотревшие, как хлещут плетью их отцов. Говорят, можно ко всему привыкнуть. Я не верю этому. Можно ко многому привыкнуть, но смотреть на то, как истязают плетью твоего отца!.. Думаю, они тоже ощущали на себе жгучие удары плети, впивающейся в тело. У меня сжимается сердце, когда я думаю об этих детях. На их глазах взрослый, дорогой им человек, который был для них воплощением счастья, безопасности и силы, покорно склонялся под свистящими ударами плети.

Пройдут годы, они станут взрослыми, но эти детские впечатления не вытравятся до конца жизни!

После наказания плетьми четверо солдат увели длинную колонну мужчин в горы. Колонна долго брела по песчаной дороге, затем исчезла между двумя горными хребтами. Охранники тем временем сдерживали женщин и детей.

Белый через рупор объявил нам, что теперь каждый должен отправляться в свою деревню.

Так закончилась наша борьба. Еще некоторое время по дорогам торопливо брели небольшие группы перепуганных людей, то и дело поглядывающих в небо. Иногда показывались колонны арестованных в сопровождении солдат или полицейских. А затем все замерло.

По деревням и поселкам расклеили распоряжение: любое скоп-

ление народа запрещалось и преследовалось по закону. Старосты могли теперь изгонять из деревни любого, кто оказывал неповиновение или вел себя непочтительно. Они теперь получили еще больше охранников, а Особый отдел завел повсюду шпионов и доносчиков.

Правители Претории объявили, что беспорядки в стране вызвали агенты коммунистов из-за границы, прибывшие на подводных лодках. Полиция якобы пыталась их арестовать, но им удалось снова скрыться на подводных лодках.

ГЛАВА XXI

У меня забилось сердце, едва я увидел нашу хижину. Как изменилась деревня! Стояли остатки сгоревших и разрушенных хижин. В глиняных стенах уцелевших домов зияли большие дыры.

Ко мне навстречу бросились соседи, но я не отрывал глаз от зеленой двери, которая была открыта. Я бежал к дому.

— Давид! — раздался радостный голос мамы.

Она сидела на полу, прислонившись спиной к стене. Она сильно похудела. Такой я ее никогда не видел. Руки и ноги перевязаны и походили на белые обрубки, все лицо в шрамах. Она протянула ко мне забинтованные руки.

— Мама, что они с тобой сделали? — закричал я.

Она обвила меня руками.

— Боже, ты снова со мной, Давид! Как я рада, что ты снова со мной.

— Где отец?

Мама начала плакать.

— Мама, что случилось? — воскликнул я, встревоженный.

— О мальчик, я больше не знаю, что делать! Отец снова в тюрьме. И они его... Они его...

— Что? Что?

— Карцер. Уже три месяца они держат его в карцере. И Абель Тсомо умер. Его отравили.

— За что они посадили отца в карцер?

— Помнишь, судья ван Хаарен требовал: «Окажи почтение старосте», но отец не покорился... Я сама просидела три недели в тюрьме. О Давид, что же нам делать?

— Я попробую что-нибудь сделать через епископа. Мне кажется, что он хорошо ко мне относится.

Я осторожно взял забинтованные руки мамы.

— Они пытали тебя?

— Не будем говорить об этом. Сейчас уже немного легче.

Расскажи лучше, что было с тобой. Я так рада, что ты цел и невредим.

— Почему они тебя пытали, мама?

— Они хотели, чтобы я поговорила с отцом и убедила его покориться.

— А лицо? Что с твоим лицом? Неужели они били тебя колючей проволокой?

— Не говори об этом больше, умоляю тебя!

Я рассказал о Джессе, о том, где он и что делает. В ее глазах я увидел беспокойство и страх.

— Отец тут, Джессе там. Каждый по-своему... — прошептала она.

В хижине у нас ничего не осталось, кроме небольшого шкафа и кое-какой глиняной посуды.

— А где мебель? — спросил я. — Шкафы с одеждой? Книги?

— Все забрали.

— Охранники?

— Да. Сначала как налог, а последний раз просто пришли, взяли и ушли. Давай лучше попьем чайку, Давид.

Она указала место, где был закопан чай. Только так можно было еще что-то сохранить. Я вскипятил воду, заварил чай. Мама ничего не могла делать забинтованными руками. Мне пришлось подносить ей чашку.

— Что же с отцом? — спросил я тревожно.

— Они могли бы его убить, но не делают этого. Они хотят его сломить. Они хотят, чтобы он при всем народе обесчестил себя. А он борется. Он думает о Томе, Михаеле, Джимми и Сандре. Он часто спрашивает, имеет ли он право жить, если его дети мертвы или обречены на скитания.

— Что же теперь будет? — спросил я.

— Я не знаю, — произнесла мама. — Во время восстания партизаны повесили только охранников. Мбеле удалось сбежать. Теперь он снова здесь.

Торопясь и волнуясь, она стала рассказывать о событиях последних недель. Когда повстанцы заняли деревню, с гор вернулась молодежь, ушедшая с Мортоном Гола. Настала безумная ночь, жители поселка танцевали вокруг повешенных Малоло и охранников. Затем появились вертолеты, танки и солдаты, и всех охватил страх. Началось бегство жителей. А возвращались они уже в мертвящей тишине, опустившейся на деревню, началась порка всех, кто не имел документов. Многих увели в горы под автоматами солдат.

Думая выручить отца, я четыре раза пытался попасть в Бизану, чтобы позвонить епископу. Тщетно. В последний же раз ме-

ня приговорили к десяти ударам плетью и трехнедельному заключению. Только меня выпустили из тюрьмы, как приехал судья ван Хаарен.

Из черной машины вышел небольшой плотный человек со светлыми волосами. Его сопровождали прокурор и двое черных. Они вошли в дом старосты.

Я спустился с холма к дому старосты, намереваясь поговорить с судьей. Охранники оттолкнули меня. Я стал настаивать. Из дома вышел староста Мбеле. Слушая меня, он смотрел своими холодными безразличными глазами. К моей радости, он разрешил войти к судье.

— Чего вы хотите? — спросил судья.

— Мой отец — порядочный, честный человек, — горячо произнес я. — Пожалуйста, освободите его.

— Он может освободиться, если этого захочет. — И судья стал доставать из папки какие-то бумаги. Перелистав их, он вдруг резко сказал: — Сегодня с этим делом будет покончено. Идите.

Мбеле схватил меня и вытолкнул наружу.

— Нет, ничто не поможет, — сказала мама, узнав о моем разговоре с судьей.

Опираясь на меня, она спустилась к лесу, чтобы присутствовать на заседании суда.

Мужчин в деревне почти не осталось, всех забрали, на суд сошлись одни женщины и дети. Появились судья с прокурором в сопровождении Мбеле и четырех охранников. Низенький коренастый судья отличался спокойными, уверенными движениями. Он уселся в красное кресло и разложил перед собой на столе бумаги.

Рассматривалось двенадцать дел. Двое молодых парней, задержанных в горах, были повешены. Шестерых других, обвиняемых в оказании помощи повстанцам, приговорили к пожизненной каторге. Остальные получили от шести месяцев до одного года тюрьмы.

Неожиданно судья произнес:

— Джон Тучела.

Мы и не заметили, как подъехал фургон. Двое охранников побежали к машине.

— Они привезли его, — тихо проговорила мама.

Охранники сдвинули дверь фургона, и мы увидели отца. Мое сердце, казалось, вырвется из груди.

Охранники вынесли отца. Один держал его под руки, другой нес за ноги. За время пребывания в карцере у отца отросла борода снежно-белого цвета. С закрытыми глазами он лежал на

руках охранников такой слабый, что казалось, уже не дышит.

Мама закричала изо всей силы:

— Джон! Джон! Ты меня слышишь?

Руки отца шевельнулись. Он слегка приподнял их, словно делая нам знак. К маме подскочил охранник и крикнул, чтобы она замолчала.

— К дереву, — распорядился судья.

Охранники отнесли отца к дереву и посадили его на землю, прислонив к стволу. Веки его вздрогнули, он открыл глаза, увидел сначала меня, потом маму. В его глазах появился радостный блеск.

Судья ван Хаарен произнес:

— Ну, готов ли ты принести извинения старосте? Если ты откажешься — это неподчинение властям, ты получишь десять ударов плетью.

Один из охранников взял в руки длинную кожаную плеть.

— Джон Тучела, готов ли ты подчиниться власти? — повторил судья.

Взгляд отца был устремлен на судью. Вдруг голова его упала на грудь, а тело обмякло.

— Джон! — закричала мама.

В толпе раздался приглушенный ропот. Охранники переглянулись. Судья ударил рукой по столу:

— Тихо!

По его знаку охранник принес из дома старосты ведро воды и выплеснул на отца. Папа не пошевелился. Тогда охранник несколько раз ударил его по лицу, приподнял голову и внимательно всмотрелся в лицо. Затем приложил руку к груди отца и в смятении повернулся к судье:

— Он мертв.

— Тихо! — снова закричал судья, когда толпа загудела.

Он поднялся на ноги.

— Обвиняемый утвердительно ответил на мой вопрос. Мы видели: он кивнул головой. Мы так и отметим в протоколе: Джон Тучела подчинился властям.

Судья сделал пометку в своих бумагах и добавил:

— Об этом будет объявлено во всех деревнях и поселках.

— Нет! — закричала мама. Хромая, она с трудом вышла вперед. — Это неправда. Джон Тучела не подчинился.

— Пошла прочь! — взревел судья. — Ты не имеешь права вылезать, пока тебя не позовут.

К ней подбежал охранник, но мама оттолкнула его и проковыляла на своих изуродованных ногах вперед.

— Я сама отвечу за своего мужа. Нет!

Охранники пытались схватить маму, но она боролась с ними.

— Мы никогда не подчинимся!

— Нет, мама Пондо, нет! — подхватили люди.

— Мы никогда не будем помогать тому, кто продает себя за деньги. Мы им не подчинимся!

— Нет!

Силы мамы начали сдавать, но, закрыв отца своей спиной, она продолжала отчаянно бороться. Охранникам никак не удавалось с ней справиться. Наконец она упала на тело отца, обвила руками, прижалась. Охранники, отчаявшись оторвать ее от отца, принялись бить ее резиновыми дубинками. Удары сыпались ей на голову, на израненные руки. Мокрые от пота охранники отошли, а мать, закрывая собой отца, осталась лежать на земле.

Сейчас я успокоился. Но в тот день сохранить самообладание мне стоило больших усилий. Даже сейчас воспоминания жгут меня и жизнь представляется мне черным провалом.

И все же у меня нет никакой ненависти. Я по-прежнему молю бога научить меня любить всех.

Я одинок и живу в постоянном страхе. Бывают минуты, когда кажется, что уже ничто не связывает меня с жизнью. Смерть представляется мне большим облегчением. Согревают меня в этом мире лишь одни воспоминания.

ГЛАВА XXII

Похоронить родителей мне не дали. Я даже не знаю, куда они дели их тела. Вчера рано утром Мбеле принес мне письмо от судьи ван Хаарена. Судья разрешил мне отправиться к епископу. Я подумал: он попросту хочет отделаться от меня, потому что я буду постоянно напоминать ему о моих замученных родителях.

Я держал в руке письмо и смотрел, как в деревне начинался день. Несколько мужчин отправились на принудительные работы. Неподалеку от меня ветхий старик чинил поврежденную хижину. В огородах копошились женщины и дети.

А в нашем огороде пусто. Канавки, сделанные руками матери для сбора дождевой воды, уже поросли зеленой травой.

Из своего дома выбежал Мбеле и что-то крикнул охраннику. Тот кивнул головой и поднял руку в знак согласия. Над дверью соседней хижины я увидел табличку «Биржа труда». Туда вошел человек, одетый в темные брюки и белую рубашку.

На память о нашем доме я сорвал несколько стебельков проса, посеянного еще мамой, и засунул их в портфель между бумаг. Больше я ничего с собой не взял, оставив все — одеяла, старую одежду и ведро древесного угля — старой женщине, соседке.

Оглядев темную пустую хижину, я подумал: это место, где я последний раз видел папу и маму.

Странно устроена память человека. Эта хижина никогда не была нашим родным домом, об этом не могло быть и речи, сюда, в деревню, нас привезли силой, но как часто потом я вспоминал о ней с щемящей, гложущей тоской!

Наши соседи, узнав, что я уезжаю, пришли проститься. На дорогу они мне принесли пару яиц, немного сыра, бутылку молока, сухарей, орехов. Я не хотел брать, зная, как бедны эти люди, но мой отказ обидел бы их. Они устроили мне проводы в память отца и мамы, и поэтому я так благодарен им за это. До сих пор вижу я перед собою лица этих женщин и стариков, своей добротой они напоминали мне моих родителей.

В Гаррисмите, куда меня направили учителем, я много думал о Розе, но больше всего о Джессе. Из своей комнаты мне были видны коричнево-желтые горы, в которых находился брат. По вечерам я подолгу сидел в темноте, смотрел в открытое окно и думал о том, как бы мне отправиться к Джессе. Брат служил мне живой памятью о нашей счастливой жизни, которая безвозвратно осталась позади. Перед моими глазами так и стояла его высокая стройная фигура. Как им гордилась мама!

О своем брате я услышал совершенно неожиданно.

В Шарпевилле произошло кровавое событие: полиция расстреляла мирную демонстрацию: 69 человек были убиты, около 200 ранены.

На уроках я обратил внимание, что ученики возбуждены. Они тихонько переговаривались и часто произносили имя Джессе. Глаза их блестели, они говорили о нем как о легендарном герое.

Наконец, уже не таясь, заговорили о том, что Джессе взорвал железнодорожный мост и кабельную линию алмазного рудника. Затем стало известно, что Джессе стал сотрудничать с Нельсоном Манделой, организатором всеобщей забастовки. Мандела хотел добиться создания подлинно национального парламента, но результат получился плачевный. Тысячи африканцев были арестованы, многие потеряли веру и отошли от борьбы. Тогда Мандела с группой африканцев, белых и индийцев организовал

новое движение, которое получило название «Умконто Ве Сизве» — «Копье нации».

Белые всячески пытались обойти эти события молчанием.

Безграничное стремление народа к свободе достигло своей наивысшей точки при известии, что Нельсон и Джессе совершили нелегальную поездку по стране, причем неоднократно уходили из-под самого носа полиции.

В эти дни власти разрешили Альберту Лутули покинуть дом и поехать в Стокгольм за Нобелевской премией мира. Мы были счастливы, увидев в газетах фотографии: Лутули получает премию из рук шведского короля. Это напомнило нам о днях кампании неповиновения.

И тут по всей стране прокатилась серия взрывов. Газеты хоть и скудно, но сообщали о взорванных электростанциях, опорах высоковольтных линий, мостах, зданиях так называемых школ для банту. Появились раненые и даже убитые. В нескольких местах в дома африканцев-коллаборационистов бросили бомбы.

Нельсон Мандела и Джессе объявили, что акты кровавого террора совершались без их ведома, призвали молодежь не допускать подобных инцидентов.

Белые снова впали в беспокойство. Такие события, как массовый расстрел в Шарпевилле, настраивали мировое общественное мнение не в их пользу. И вот сначала международные спортивные федерации лишили ЮАР членства, затем крупнейшие ученые и деятели мировой культуры открыто осудили систему образования в ЮАР, наконец, Всемирный совет церквей за поддержку политики апартеида исключил из своих рядов реформистскую церковь.

Осенью пришло известие, что Нельсон Мандела и все руководство движением схвачены. Их арестовали в пригороде Иоганнесбурга и будут судить за государственную измену. Имя Джессе пока не упоминалось. Однако не было сомнения, что за ним идет охота.

Ректор колледжа, знавший, что Джессе мой брат, однажды сказал мне:

— Если хочешь на какое-то время отлучиться, сейчас самый подходящий момент.

От радости я едва не потерял дар речи. Я сдержанно поблагодарил ректора и кинулся собираться к отъезду.

«Я еду к Джессе, — ликовал я, переполненный счастьем. — Я узнаю, как он там. Я буду рядом с ним...»

ГЛАВА XXIII

В течение трех ночей я пробирался к деревне, в которой находилась ферма Сэма Вилея. Я открыл дверь в огород и пошел между грядками. Вот и окошко, в которое надо было постучать. Собака все не лаяла. Я в нерешительности остановился. Почему она не лает? Передо мной белела стена фермы, справа темнел сарай, слева — сложенные в поленницу дрова. Различив на фоне белой стены собачью конуру, я осторожно приблизился и увидел, что она пуста. Мелькнула мысль: «Сэма нет!»

Я кинулся к окну.

— Мистер Вилей! — позвал я приглушенным голосом. — Мистер Вилей, вы дома?

В доме раздался шорох, зажегся свет, послышались шаги и скрип отодвигаемого засова.

В глаза мне ударил сноп света. Из дома выскочили два человека и схватили меня. Ослепленный, я не рассмотрел, кто это был. Они втащили меня внутрь и снова захлопнули дверь.

В знакомой гостиной с двумя тростниковыми креслами у очага я увидел полицейских. Один из них сильно ударил меня по лицу. Я упал. Он несколько раз пнул меня ногой и стукнул резиновой дубинкой. У меня вывернули карманы, проверили документы.

— Священник? — удивился один.

Я пытался догадаться, что произошло с Сэмом и Дороти. Вдруг я остолбенел. А ведь что-то произошло и с Джессе! Сэм был его связным.

Начался допрос. Полицейские допытывались, где Джессе. Я получил оглушительный удар резиновой дубинкой по голове. Полицейские спрашивали, от кого я узнал о Джессе. Яна ван Баарле я назвать не мог, я сказал, что Джессе сам сообщил мне о себе.

— Каким образом? — спросили они.

— В письме.

Мне, конечно, не поверили и снова пустили в ход дубинки. В конце концов я потерял сознание. Тогда они вылили мне на голову ведро холодной воды.

Один из полицейских наклонился надо мной.

— Мы знаем, где прятался твой брат. Мы уже его поймали. Ты должен назвать всего одно имя. Имя еще одного члена вашей шайки, который сообщил, что твой брат скрывается в горах Басутоланда. Больше нам от тебя ничего не надо.

«Неужели они схватили Джессе и теперь хотят выловить остальных?» — подумал я со страхом.

От боли я снова потерял сознание.

Через некоторое время я услышал голос:

— Да, возможно, он узнал об этом от него самого. В конце концов, он же его брат!

После этого меня заперли в небольшой комнате.

На рассвете меня отвезли в Иоганнесбург, в форт. Несколько часов я находился в комнате у входа — в той самой, где сидел после баскетбольного матча в Парктауне. Теперь на скамейках вдоль стен дожидалось человек тридцать африканцев. Затем меня отвели в большую камеру на первом этаже.

Здесь я увидел Сэма Вилея, Яна ван Баарле и Дингаана. Кроме них, там было еще человек десять.

— Гм, — произнес Ян ван Баарле, — значит, тебя тоже поймали?

Он сидел вместе с Сэмом и Дингааном на полу, прислонившись спиной к стене.

— Я хотел пробраться к Джессе.

Ян сказал:

— Джессе жив, успокойся.

— А Пирре?

— Нет, он убит.

Все были небриты, выглядели устало.

— Где Дороти? — спросил я Сэма.

— В женской тюрьме, я думаю, — сказал он вполголоса.

Он один выглядел спокойным.

— Как они узнали, Сэм? Предательство?

— А что же еще? Так всегда бывает. Нельсона предали. Джессе предали. Всех предали. За доносы они платят сотни тысяч. Они могут позволить себе это. Они же богаты.

— Кто это сделал?

Ян пожал плечами.

— Я слышал, что ни Нельсона Манделу, ни Джессе не повесят. Их приговорят к пожизненному заключению. Они сделают это, чтобы сказать миру: «Посмотрите, какие мы гуманные, мы даже не вешаем террористов!»

Дни шли за днями. К нам в камеру добавили еще шестерых молодых людей, арестованных на ферме Сэма.

Я попытался добиться встречи с Джессе, но мне не разрешили. Знакомого священника, того, который когда-то позволил мне быть с Томом во время казни, в тюрьме больше не было. Новый молодой священник приходил в камеру, выслушал меня и ушел, ничего не ответив.

Затем начался судебный процесс. Он растянулся на несколько месяцев. Нас всех вызывали и допрашивали. Я надеялся, что

мне удастся попасть в зал суда, когда там будет Джессе. Но этого не произошло. Я не встретил его ни разу. Мне удалось увидеть лишь Вальтера Сисулу и Гована Мбеки. Я также слышал, когда Нельсон Мандела произнес свою блестящую речь. Он заявил, что не признает законов парламента, в котором не представлен его народ.

О том, когда вынесут приговор, никто не знал. Но вот однажды поздно вечером Ян ван Баарле, Сэм Вилей и другие не вернулись в камеру. Так мы узнали, что все кончено. Как и предполагал Ян, всех приговорили к пожизненной каторге. Осужденных отправили на самолете на остров Роббен — в океане, к западу от мыса Доброй Надежды.

Дингаан был еще с нами в камере, но через два дня за ним пришли, и больше я его не видел. Я оставался в камере еще три недели. Затем предстал перед белым чиновником. Некоторое время он молча рылся в моем досье.

— Учитывая духовный сан, мы не приговариваем тебя к тюремному заключению. Но вина твоя тяжка. Ты нарушал законы.

Он подписал какую-то бумагу и закрыл досье.

— Ты подлежишь изгнанию.

Я спросил, что под этим подразумевается. Чиновник молча сделал мне знак рукой, чтобы я уходил.

ГЛАВА XXIV

В Трансваале свирепствовала зима. Дул северный ветер. В летней одежде ехать в открытом «джипе» было холодно.

Я не знал, куда меня везут. Полицейские, которые меня сопровождали, не отвечали на вопросы.

Когда солнце, окрасив горизонт в пышные краски, стало заходить, мы остановились. Мне надели наручники, цепью прикрепили к «джипу», и мы переночевали.

На следующий день утром мы впервые увидели у дороги колодец, четыре палатки и нескольких женщин в выцветших оранжевых накидках. Они разводили костер.

Снова однообразная езда по бескрайней желтой равнине. К вечеру остановились возле нескольких засохших, почти окаменевших деревьев. Вокруг росли чахлые кустики бледно-серой травы. Полицейский знаком приказал мне выйти из машины.

— Вот твой паспорт. Береги его. Если потеряешь, тебя посадят в тюрьму.

Посмотрев на паспорт, я прочитал: «Паулюс Мкомбе, священник». На паспорте была наклеена моя фотография.

— Но я же не Паулюс Мкомбе! Я Давид Тучела. И это не моя подпись.

Молодой полицейский развернул «джип», и они поехали прочь, не оглянувшись.

Глядя вслед «джипу», который становился все меньше на желтой равнине, я понял, что со мной сделали. Так вот что значило слово «изгнание»!

Проснувшись на песке, я увидел перед собою человека. Это был старый, неимоверно худой африканец. Его одежда состояла из жалких лохмотьев. Он опирался на палку, расставив ноги и наклонившись вперед.

— Добрый вечер, — нерешительно произнес я на языке пондо. Старик не понял. Тогда я повторил приветствие на зулусском наречии, старик кивнул и тоже поздоровался.

— Вы ранены? — спросил он.

— Нет, это пройдет.

Старик посмотрел на след колес «джипа».

— Это они привезли вас?

С бьющимся сердцем я спросил:

— Это пустыня Калахари?

— Да, — ответил старик.

В пустыню Калахари отвозили обычно тех, кого по той или иной причине нельзя казнить или заключать в тюрьму.

На западе, там, где закат все еще окрашивал горизонт в золотисто-желтый цвет, показались туманные очертания гор. А может быть, это были просто холмы? Во взгляде старика что-то изменилось. В его глазах появилась неясная печаль.

— Вас тоже привезли сюда? — спросил я.

— Это было очень давно, — сказал старик.

— Я не знал, что они делают это уже давно.

— У меня есть молоко, — предложил старик и достал из-под лохмотьев жестяной кувшинчик.

— Нет, — отказался я. — Оставьте себе. Оно вам еще пригодится.

— У меня нет кружки. Но, если хотите, можно пить из ладоней. Давайте я вам налью.

— Нет, нет, лучше уж из кувшина.

Я отпил маленький глоток и вернул старику кувшинчик.

— Там иногда бывает вода, — сказал старик, указав на груду камней. — Но сейчас нет. Колодец высох. Однако я привык тут спать. Нужно побыстрее развести костер.

— А что... львы?

— Если нет следов антилоп, беспокоиться нечего. Но я их видел вон там.

— Тогда нужно набрать дров, пока не стемнело.

— Да, конечно.

Я надеялся набрать под деревьями сухих веток, но не нашел ни одной. Я стал искать среди камней. Тоже тщетно. К моему удивлению, старик постоянно нагибался и что-то подбирал с земли.

— Что там у вас? — спросил я. — Я ничего не нахожу.

Старик разжал пальцы и показал несколько крохотных кусочков дерева величиной со спичку.

— Если повезет, — сказал он, — можно найти и побольше. К сожалению, здесь давно не останавливался караван.

Через час у нас было четыре горстки кусочков и пять маленьких веточек.

— Костер будет не слишком большой, но это ничего, — сказал старик. — Лишь бы побольше дымил. Звери чувствуют дым на очень большом расстоянии.

Ночь выдалась холодная. Старик поджал колени, обхватив их руками.

— А вас за что они отвезли в пустыню, отец?

Глаза старика покраснели.

— А что со мной еще делать? Это было давно. Я работал на ферме. Молодой хозяин изнасиловал мою жену. И я избил его.

— Когда же вас привезли сюда?

— По-моему, лет тридцать назад.

— Тридцать? О боже! А вы пытались выбраться отсюда?

— Это невозможно. Сначала кажется, что возможно, но это не так. Ни один караван не возьмет вас с собой. А все пути и колодцы охраняются полицией.

— У вас, наверно, были дети.

Глаза старика стали влажными.

— Трое.

— О боже, что они сделали с вами?

Я взял руку старика и поцеловал. А он усмехнулся и стал рассказывать о ягодах и съедобных кореньях, которые можно найти в пустыне.

Когда рассвело, старик радостно объявил:

— Караван идет!

На горизонте я увидел точки.

— Они шли всю ночь и теперь будут отдыхать, пока не спадет жара.

Мы наскоро выпили по нескольку глотков молока. Чтобы со-

греться, старик разделся и принялся натираться песком. Я тоже попробовал, и это помогло.

Точки на горизонте росли, приближались, и вскоре мы увидели стадо коз, длинную вереницу вьючных ослов, возле каждого шагал погонщик. Позади верхом на лошади ехал хозяин каравана, толстый, обрюзгший африканец, закутанный в серый бурнус. На его голове была цветная шапочка.

Враждебно окинув меня взглядом, купец спросил:

— Откуда ты здесь взялся? Если тебя привезли полицейские, тогда оставь нас в покое. Неприятности мне не нужны.

Он хлопнул в ладоши, подошли три погонщика. Он стал что-то раздраженно говорить им на непонятном языке.

— Не огорчайся, — шепнул мне старик, — мы будем идти за караваном. Я всегда так делаю. А погонщики потихоньку от купца обязательно дадут нам что-нибудь поесть. Кроме того, за караваном всегда что-нибудь да остается.

По словам старика, нам следовало добираться до Блесбокского оазиса. Там находились списки всех изгнанных в пустыню Калахари. В оазисе нужно показаться коменданту, он поставит в паспорте свой штамп. К нему от правительства поступали деньги для содержания высланных.

— Платят гроши, — рассказывал старик. — В оазисе нам жить нельзя. Там форт с солдатами, полицейский участок и самолет. Крестьяне боятся солдат и полиции как огня. Оттуда мы потащимся в другой оазис. Большинство так делает.

Мы брели за караваном трое суток. Днем караван отдыхал, дожидаясь, когда спадет жара. А ночью в холодных синих сумерках пустыни мы шагали по серому песку. Голубой лунный свет переливался, как вода. Временами встречались необычные скалы, их фиолетовые силуэты таинственно вырисовывались на фоне звездного неба. Порой меня охватывал страх. Я начинал дрожать. Но, почувствовав на локте руку старика и заглянув в его добрые печальные глаза, я успокаивался.

По мере приближения к оазису старик начал проявлять беспокойство. Он несколько раз повторил, что нам там незачем задерживаться.

Мы вошли в огромные сводчатые ворота, и я сразу ощутил прохладный, напоенный ароматом воздух. Сквозь кроны раскидистых финиковых пальм пробивались солнечные лучи. Среди зеленых листьев висели огромные оранжевые грозди фиников. Цвели мимоза, фиговые и гранатовые деревья. У моих ног плескался бассейн с прозрачной зеленоватой водой, такой чистой, что были видны каменистое дно и плавающие рыбки.

Женщины в нарядных костюмах величественно шли с кувшинами воды на голове.

По дороге к форту старик с беспокойством оглядывался по сторонам.

— Хорошо бы не попасть на глаза комиссару Дерксену. Это начальник местной полиции. Злой человек! Он мулат, но выдает себя за белого. Он уверяет, что в его жилах всего лишь сотая доля негритянской крови, но это все равно мешает ему получить очередное повышение.

Большая песчаная площадка, окруженная белыми зданиями с решетчатыми окнами, была заполнена солдатами, грузовиками и «джипами». За колючей проволокой стоял небольшой самолет.

— Постучи вон в ту дверь, — сказал мне старик. — Постучи и входи, не дожидаясь ответа. Ничего не говори и сразу отдай свой паспорт. Я тебя подожду за тем углом.

В небольшой комнате за столом один против другого сидели два сержанта и что-то писали. Один из них молча взял мой паспорт, сделал знак, чтобы я следовал за ним. Мы поднялись по лестнице, пошли по коридору. Сержант рукой указал мне на открытую дверь. Я вошел и очутился в пустой комнате. Здесь не было ни стульев, ни скамеек. Одни голые стены.

Появился черный служащий. Он сказал:

— Будешь отвечать на вопросы, говори «господин администратор».

За богатым письменным столом с позолоченной инкрустацией сидел одетый в белое человек лет пятидесяти. На нем были очки в золотой оправе. Его редкие светлые волосы, смазанные бриллиантином, аккуратно зачесаны назад. Возле стола стояла белая женщина. Она забрала какие-то документы, улыбнулась и ушла.

Человек не смотрел на нее. Он подписал несколько бумаг, промокнул позолоченным пресс-папье и закрыл папку. Мой паспорт служащий положил на край стола. Человек поднял голову и оглядел меня. Служащий дернул меня за рукав, и мы вышли.

Меня снова привели в комнату, где сидели два сержанта. Служащий отдал им мой паспорт и ушел. Сержант поставил в паспорте штамп и сделал знак рукой, чтобы я убирался.

На улице под палящим солнцем меня дожидался старик. Мы собирались уйти, но к нам подошел полицейский-африканец:

— Вас вызывает комиссар Дерксен.

В глазах старика мелькнули страх и смятение.

— Пошли, — кивнул полицейский.

Мы пересекли песчаный двор. Полицейский повел нас по темному коридору. Вскоре мы очутились в пустой комнате, где надо было ждать. После двух часов ожидания служащий сказал:

— Комиссар Дерксен не может вас принять. Приходите завтра утром.

— Вот этого я и боялся, — сказал старик, когда мы снова очутились на улице. — Я же говорил тебе, что он озлоблен на весь мир.

В конторе нам выдали деньги. Оставшуюся часть дня мы провели под деревьями, а вечером отправились в свое убежище.

На следующий день нам снова пришлось долго ждать в пустой комнате. Служащий-африканец велел прийти вечером.

В пять часов он по длинному коридору привел нас в большое, невообразимо грязное помещение, где за письменным столом, заваленным папками, пустыми бутылками и объедками, сидел толстый неопрятный человек. Судя по смуглой, оливковой коже и черным глазам навыкате, его можно было принять за португальского лавочника, но не за мулата.

Он полистал наши паспорта и сказал резким голосом:

— Ваши документы не в порядке. Какие-то грязные бумажки вместо паспортов. Ты, — он указал на старика, — где ты родился?

— Я не знаю, — сказал старик.

— То есть как это не знаешь? Где-то ты ведь родился?

— Я действительно не знаю. Можете считать меня подкидышем, если вам угодно.

— Угодно, угодно! Мне ничего не угодно! Администрации необходимы точные данные. Так где же, позвольте узнать, тогда нашли вашу персону?

— Точно не знаю. Не помню ничего. Может быть, в Порт-Элизабет, а может быть, в Ист-Лондоне или в Кейптауне.

Дерксен заставил старика рассказать обо всей своей жизни. Подробно расспрашивал о жене и детях. Как их звали, как они выглядели, какой у них был характер, где они жили, какая у них была мебель, какого цвета стены и куда выходили окна. Я понял, что это был его метод; принуждая старика рассказывать о прошлом, доставлять ему страдания.

Глаза старика покраснели. Покорно, тихим, прерывающимся голосом он отвечал на все вопросы: какие были глаза у жены, какие руки у детей.

Потом Дерксен повернулся ко мне. Откинувшись в кресле, он произнес:

— А ты?

Мне пришлось рассказывать о Софиатауне, о нашем доме, об улице, на которой он стоял, о саде, о наших родственниках и знакомых, потом про Тома, Михаела, Розу, Сандру, Джимми, о папе и маме, о Джессе.

Сидя за столом, Дерксен своими выпуклыми глазами неотрывно глядел на меня. Иногда он требовал повторять подробности по нескольку раз. Так продолжалось часа два. Затем он нас отпустил.

Солнце уже село, ворота оазиса были закрыты. Мы побрели к своему убежищу, чтобы переночевать. Старик плакал. Он шел и тихо всхлипывал.

Ночь выдалась темная, холодная. Уснуть в нашем укрытии было невозможно. Я вышел на улицу. Вспомнив, что у нас есть спички, принес немного соломы и развел костер.

Показался старик.

— Это ты хорошо сделал, — сказал он, дрожа от стужи.

Мы уселись, протянув к огню ладони. Мы молча сидели у костра, огонь нас согревал, и нам не было страшно.

Я слышал все, что старик рассказывал Дерксену о себе, а он слышал, что рассказывал я. Говорить об этом больше не хотелось. Через некоторое время он спросил:

— Тебе не кажется, что всего этого нет?

Я испуганно и удивленно посмотрел на него.

— А разве такое может быть?

— Да, поэтому я ношу с собой песок.

Старик вынул из-под своих лохмотьев горсть песка.

— Песок — это реальность, — пояснил он. — Видеть и слышать можно и во сне. Но вот осязать во сне мне еще никогда не приходилось. Поэтому я и ношу с собой песок. В пустыне в этом нет необходимости. Там никогда не бывает абсолютно темно. Там слышны голоса зверей и завывания ветра. Ветер не только слышишь, его чувствуешь. Поэтому знаешь, что ты еще живешь.

Мы сидели рядом и были рады, что мы вдвоем.

А потом наступило утро. Как только в сумерках стали различаться стены домов, мы потушили костер и собрали свои пожитки. Быстрыми шагами, с радостно бьющимися сердцами мы направились под высокими пальмами к выходу из оазиса.

Ворота уже открыли. На востоке светлел горизонт, окрашиваясь в темно-зеленый цвет. Перед нами лежала бескрайняя светло-желтая равнина, куда мы так страстно стремились из темноты.

Солдат поднял шлагбаум и убрал с прохода колючую рогатку.

Старик потянул меня за руку. Его глаза радостно сияли.

Ворота мы миновали быстро, словно стремились навстречу своей свободе.

Перевел с голландского Вячеслав ФЕДОРОВСКИЙ

ПОЭЗИЯ

Сергей **БОБКОВ**

ВЕЧНОСТЬЮ ЛЬЕТСЯ ДОРОГА

НОКТЮРН ПАБЛО НЕРУДЫ

И было сказано:
«Так страшен
бег зверя по звезде».
...о, если тянется страна
четырехтысячетрехсоткилометровой
клавиатурой,
на которой
все, что угодно, — румбу, вальс,
сонату,
ноктюрн,
дневной ноктюрн Пабло
Неруды!
и баркаролу — песню моряка —
умеет,
виртуозен,
океан, —
то почему же перелетом света
оттуда, из Сантьяго, с Исла Негра,
летит, мерцая, лишь один мотив? —
взывает к миру реквиема гул
немым напоминанием:

БЕДА!

Беда,
когда косой убийцы скосит
Республику
под неокрепший корень,
беда,
когда ответ — уже в вопросе
«Ты коммунист?».
А это значит — смерть...
Крест.
Черный крест у нации на сердце
расползся,
точно свастики тарантул.
И трудно кровь идет
по рваным венам,
как будто в камеру сочится с неба луч,
и реквием звучит... —
...—..:—
И реквиему верь,
и — гению живой души народа,
ведь ясно сказано:
«:..и пахнет
земля звездой»:

СУЗДАЛЬ

Суздаль —
как звездное слово русского словаря!
Суздаль — как свист птицелова
или полет копья.
Вот он —
опольный, заглавный, весь в серебре,
осиян,
Суздаль опалы,
забавы,
славы!
Как Оссиан.
...Лубья небес окровавив,
Время
ударит в зенит,
по миру пустит,
бедой отоварит,
черным крылом осенит, —
гордо взойди на взгорье,

остановись и слушай:
Суздаль гудит,
как море
в мокрой еще ракушке...
Ветер стенает в снежной сирени,
Суздаль — от суетности исцеленье...
Вороны
оземь
рваными звездами.
Розвальней клюв.
И дыхания купол.
Суздаль —
чтоб пробовать певчему голос!..
Так и звенит высотой неподкупной.

* * *

О многом хотел бы просить я сурового бога,
Как скромный воспитанник буйной
космической вьявь-таки
эры...
Но прежде всего — чтобы дал оглядеться немного
В чертогах,
не знающих
воздуха,
возгласа,
меры...
А там — дело техники —
вечностью льется дорога
Надежды, любви, сострадания ближнему, веры.

* * *

Историю жизни как разделить
На трепет любви,
как мечты подношенье,
На бренного тела блаженную прыть,
На шерсть чернодырья и быта ошейник?
Того ли желаешь,
мой критик лихой,

Идущий Батыем
на свет моего откровенья,
Чтоб выбрал покорно я
здравие иль упокой,
Глагол мятежа
либо страстное опустошенье?!
Подопытный кролик
в келейке под елью
на то есть...

В мятеж повело?
У метели узнай, как звучит!
А страсть объяснять,
это хищного зверя на совесть —
Была ли? — проверить,
когда он картечью прошит.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Лето сегодня
кончается.
Август —
перегорел.
Маятником
качается
Месяца
сердцемер.
Выйди,
печаль моя,
в поле
Тихое,
неширокое, —
А подмосковное,
около
Дач,
опустеющих вскоре!..
Как неотложная помощь
Дервишу —
то́ликой хлеба,
Не угасай в эту полночь,
Яркою близостью неба.

* * *

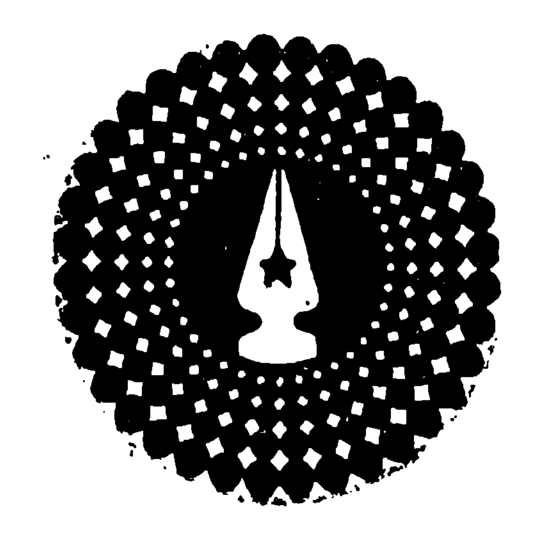
Памяти В. Казакова

Скрипуч
запорошенный сад,
И давним он дан
предисловьем
К упавшему голосу крови
Зимой бесконечных утрат.

Под снегом
земля гробовая,
И птица повисла вблизи
Над яблонями,
затмевая
Звезду молодую вдали.

Крест ветра на плечи —
как пресс
В давильне недоброго чуда
По имени твердому Смерть,
Всегда, навсегда, ниоткуда.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ЗА СТРОКОЙ РЕШЕНИЙ XXVI СЪЕЗДА КПСС

Валентина ОГЛОБЛИНА

ЖИЗНЬ ПО СОВЕСТИ

...Построить не менее 3,6 тыс. километров новых железнодорожных линий. Открыть движение поездов на всем протяжении Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

(Из решений XXVI съезда КПСС)

Дорога на Чильчи

Наша дорога, единственная и потому так необходимая для новой жизни сурового края, бежит среди хмурой осенней тайги. То вильнет к обрыву, то круто взберется к заснеженной вершине сопки, то нырнет под нависший козырек скалы. Сколько же труда, умения понадобилось, чтобы проложить ее по таким непроходимым местам.

— Вы давно на БАМе? — спросила я шофера.

— Всего лишь четыре месяца. А вы, видимо, бывали здесь? — в свою очередь, поинтересовался он.

— Да, в 74-м...

— Ну и как?

— Все только начиналось.

— БАМ я пока плохо знаю, — помолчав, заговорил Василий. Так звали шофера. — Но дорогу свою — отлично. В неделю три рейса от Тынды к Чильчам и назад. 240 километров. Как на ладони вижу... Каждое дерево знакомо. Раскланиваются... Пространство тут поражает — огромное, не то что в нашей Белоруссии. Я сперва даже пугался. Теперь привык. Едешь, а по всей трассе огни. Хорошо...

Всего лишь четыре месяца. А какая привязанность к этим местам! И я спросила:

— Не раскаиваетесь?

— Ну что вы. Люди здесь добрые очень. А работают как! Никогда раньше не думал, что можно так работать. Бывает, сутками с трассы не уходят. В принципе человек может все выдержать. Другое дело — техника. Ломается, изнашивается. Вот и драишь машину, холишь. За невестой порой так не ухаживаешь, как за машиной.

Вдоль дороги сплошная стена тайги. Ослепительно белая от первого снега насыпь. Желтые огни вдоль нее. Огни мигают, и оттого, что ты не один в этих промозглых сумерках, что люди вокруг, на душе тепло.

— Что мне нравится особенно, — вновь заговорил Василий, — как здесь к любому делу относятся. Красиво работают. Не просто добротно, а именно красиво. Даже дорожные знаки, вроде бы мелочь, и те плиткой или нарезным камнем выложены.

Неожиданно машина затарахтела, зачихала и остановилась.

— Ну что ты, родненькая? И чего тебе не хватает? Бензина под самую завязку налил, — бормотал Василий, осматривая мотор. — Воды? Масла? Тоже достаточно.

Словно подчиняясь его уговорам, мотор заработал.

На станции Ларба маневрировал тепловоз, таща платформы, нагруженные цементом, балластом, стройматериалами. За станцией шла укладка пути. Яркие прожектора освещали стройплощадку. И в их свете мост высоко и прочно вздымался над беснующейся пропастью реки.

Серебрились стальные пути. Они шли за мост, туда, где белела насыпь будущей дороги, туда, где работал путеукладчик.

— Успеваете за сутки обернуться? (Я уже по-бамовски начала мерить рабочее время — не днями, а сутками.)

— Всяко бывает, — ответил Василий. — Иногда приходится и ночь в тайге встречать. Машину не бросишь... А осенние ливни так порой зальют дорогу, что сутками «плывешь», а не едешь.

Ночь. Мрачная тайга. Бегущие навстречу огни и дорожные знаки.

— Скоро Чильчи, так наш поселок называется. Поначалу он вам может и не приглянуться... после Москвы-то. Но привыкнете. — Вася, видимо, решил, что меня надо развлекать. — Хоть и недавно на земле стоит, но дома хорошие начали строить, с паровым отоплением. Есть и времянки, конечно, — у мостовиков. Иначе не строят...

Слушая Василия, я подумала о том, как дорога́ стройка этому парню, как велика в нем гордость и ответственность за нее. И захотелось побольше узнать о нем и о тысячах его сверстников-бамовцев.

— Видите огни, — прервал мои размышления Василий, — это костры изыскателей... Еще работают, наиболее оптимальный вариант ищут.

Я хорошо знала, что означают эти слова: «поиск оптимального варианта...»

Изыскатели

Удивительно звездная ночь. В мерцающем свете проступают четкие контуры палаток, серебристая гладь озера Огорон, что расположено на 433-м километре трассы.

По преданию эвенков, это место было границей племен, некогда заселявших его берега. Часто вспыхивали здесь междоусобные войны, много крови пролилось в приозерных долинах.

Не раз уходили с этих «проклятых» мест люди. Уходили, не выдержав поединка с суровой природой. Бездорожье, полная оторванность от мира заставляли покидать родные места. И на долгие годы края, столь богатые лесом, дичью, залежами полезных ископаемых, оставались забытыми.

...Меркнут звезды, догорает вечерний костер. Туман, крадучись, отползает, уступая место рассвету. Лагерь еще спит. А над палаткой-кухней уже курится дымок. Не спит только один человек — шеф-повар Миша. А вон и Баулин из палатки вышел, на радиостанцию направился. И азбукой Морзе заговорил лес. И полетели в эфир позывные. Баулин идет от палатки к палатке и кричит:

— А ну подымайтесь, варвары! Забыли, что ли, — на новое место едем. На выбросной. Сматывай палатки! С собой брать только спальники да пару печурок. А шмотки не брать! Не нужны нам они.

Ровно в двенадцать полетели в эфир позывные: «Энел-1», «Энел-1», «Венера-8» на связи. Докладываю: отряд изыскателей Баулина отправился выбросным до Ушумуна. Их позывные: «Венера-1».

...Вездеход шел непроторенной дорогой, и там, где он проходил, гусеницы сдирали марь. Небо потемнело, снизилось и обрушило на тайгу ливневый дождь. Баулин прямо на ходу настраивает рацию, и до нас доносятся голоса друзей, разбросанных по далеким точкам трассы.

— Хлеба нет, хлеба нет. ГТТ не работает. Сломан ГТТ, — выкрикивает молодой голос.

— Подходите к нам, подходите к нам. Выделим вам булок двадцать Вчера завезли, — вмешивается другой.

— Не на чем пробиться...

— И у нас тягач сломан. Другой на трассу вышел. Вернется, подвезем вам хлеба. Так что ждите к обеду.

— Мы замерзаем и тонем. Тонем, говорю, в потоках ливня, — врывается еще один голос.

...Показался поселок, вернее, следы былого селения: заросшие фундаменты домов, редкие темные срубы, кладбище.

Уверенно вел по маршруту вездеход Федорович (Иван Федорович Панин). Памятливый, цепкий глаз старого изыскателя и штурмана подмечает и засечки на стволах, и почерневшие от времени колышки — ведь еще в 50-м «гнали» они здесь с Баулиным трассу. Но волей обстоятельств вынуждены были временно прекратить работу. И вот снова они на старой колее... Вернулись. Возвращают к жизни места, давно покинутые, забытые.

Говорит Федорович медленно, как бы размышляя:

— В шестнадцать — трудовой фронт под Москвой, в семнадцать — линия фронта. Война и дала в руки специальность. Стал штурманом-корректировщиком. После войны все трассы Союза облетал. А в 51-м на Кольском работал. День только чуть-чуть выглянет и скроется. Наступает долгая полярная ночь. Но оказалось, что и там можно работать.

На что похожи нелегкие дни выбросного? — продолжал размышлять Федорович. — Пожалуй, на войне так же было. Жест-

кий режим трассы: подъем с темнотой и возвращение с маршрута с темнотой.

Федорович хоть и невысок ростом, а шагает так широко, что его напарник никак поспеть не может. Аэрофотоснимки перед собой держит. То на местность взглянет, то на них. Измеряет тщательно кронциркулем, после на местности все с точностью измерит. Ориентируясь по снимкам, аэрофотосъемщики прокладывают вдоль всей трассы магистральный ход с плановыми измерениями. От этого хода и делают высотную отметку и привязку опознанных на местности контуров. Отдельные деревья — ориентир, и Федорович изучающе глядит на лиственницу: та или не та... А напарник уже делает засечку. И так по всему пройденному пути — свежие засечки на деревьях, вешки, колышки, репера.

Четкие излучины ручья Безымянного, но изыскатели и ему имя дадут. Чуть дальше по ручью ущелье. Склоны ущелья высотой до пяти метров. Сложены гранитными глыбами. Геолог, делая описание его, отметит: «Выход коренных». Изыскатель запишет: «Скальный прижим».

Глыбы гранита чуть не в рост человеческий. Поросли зеленым мхом. И корни вековых деревьев намертво обвили, опутали их, как щупальцы спрута обвивают жертву. И непонятно, кто кого держит — дерево камни или камни дерево...

— Нет, нельзя губить такую красоту. Давай-ка перенесем трассу правее. Там и склоны более пологие, а значит, срез склонов поменьше будет. И красоту сохраним, и затраты незначительные, — добродушно хлопочет Федорович.

На походном столике Федоровича фотокарта. Весь участок на ладони просматривается: ленты рек, мари, лесные массивы. А в стереоскоп посмотреть, то с четкостью предстанет и рельеф местности: долины, впадины, обрывы скал. Рядом со снимками схема-план. Красная линия перечеркнула его с одного края до другого. Магистральный ход. Он есть пока только на схеме. Но он должен быть и на местности...

Невысокий, худой, чрезвычайно подвижный. В брезентовой робе, кирзовых сапогах, кепчонке с нелепым пластмассовым козырьком. Цепкие, острые глаза. Жизнь видавшие. И смерть... Вот и у Баулина такие же глаза — молодые, цепкие. И вечно на нем голубой берет как память о десантных войсках, где служил Петр Степанович. Еще в детстве Баулин самолетами грезил. Учился летать в планерной школе, в аэроклубе имени Чкалова. И стал бы он летчиком, да зрение подвело. Теперь ведет трассы, но только не воздушные, а земные.

Говорить с Баулиным сложно. Всегда он «в бегах». Всегда у него неотложные дела, заботы. Всегда люди вокруг него. И надо ловить тот чрезвычайно редкий момент, когда Баулин заезжает на базу Тындинской экспедиции «Мосгипротранса». А когда он на базе, то обедать домой спешит. Знает: жена Галина Павловна ждет и за стол без него не сядет.

А вечером, когда трудный день выбросного позади, Баулин наконец выйдет на связь. И по линии будет нестись: «Баулин в эфире. Объявился. Значит, закончил участок. Хитрец. Пока работу не кончит — на связь не выйдет».

А Баулин усмехнется несколько театрально (позер!) и скажет:

— А что? Отбито 25 километров магистрального хода. За четыре дня покрыл. Магистральный ход сдан.

— Но это нереально!

— Почему нереально? Раз сделали — значит, реально.

— Настырный черт! — только и скажет радист.

Но если вы услышите знакомый и задорный мотив песни: «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер», — то знайте: нелегко сейчас Баулину, очень нелегко...

Палаточный лагерь всегда кочевой. За один сезон столько новых мест, столько новых историй! От ливней и ветров палатка серой станет. Как и трава, пожухнет к осени, до дыр износится. Но каждый сезон отправляется палатка в новый путь. Путь людей. Людей, дело которых граничит с подвигом. Но они не думают о подвиге, они просто работают.

И все они очень разные.

Игорь Бирюков, или Чакин-Чакин, весельчак и балагур. Уже не первый десяток по тайге с Баулиным бродит, а вот по утрам встает ни свет ни заря, чтобы у девчонок в палатке печку растопить. По его мнению, девчонки — существа нежнейшие... да и в тепле всегда легче подыматься, чем на холоде.

— А прошлым летом засобирался я домой в отпуск, — рассказывает Игорь, — так Баулин говорит: «А кто тарантас твой водить станет?» Пришлось остаться. А как в этот год сложится, не знаю. Мать хочу повидать. Она ведь одна у меня. Когда-то была жена, но давно ушла. Зачем ей нужен такой кочевник? А мать все ждет... Сетует: «Кончай ездить. Помру ведь без тебя».

Володя Кузнецов. У него прямые и рыжие волосы, сросшиеся с такой же рыжей бородой. Огромные, в пол-лица, очки. А вот лицо всегда грустное. Быть может, оттого, что забот слишком много. Шутка ли, в неполные 27 лет стать начальником геологического отряда.

По натуре он философ. Высказываться любит, в спорах никому не уступит.

— Главное, с чем человек едет на трассу, — рассуждает Володя, — свое ли место занимает в палатке? И по праву ли? По-моему, счастлив на трассе лишь тот, кто твердо уверен, что не зря он здесь...

Неудобный человек

В этот день комсомольско-молодежная бригада Валерия Павловича Серебрякова, одна из лучших бригад мостоотряда № 74 треста «Мостострой-10», не работала — гоняла по льду Нюкжи футбол.

— Готовимся к соревнованиям, — иронически отвечали ребята.

— Наверстают, — успокаивал себя начальник мостоотряда Р. М. Вохгельд (сейчас он в Душанбе, строит мост через Темрез). И добавил: — Чересчур принципиальные...

— Нагонят, это верно. Кто же в этом сомневается? — возра-

жал немногословный Васильевич, прораб участка. — Но будет ли из-за постоянных простоев и авралов дисциплина в бригаде?

Васильевич — человек крайне тихий и выпячивать себя никогда не станет, а уж если заговорит, значит, наболело. Вся его жизнь связана с тяжелой прорабской службой. Он постоянно на мостах, на объектах. А их у него немало. И на каждом объекте по бригаде. Поладить со всеми сложно, а Васильевич ладит. Не закричит никогда, все больше принципиальностью берет да личным примером доказывает. Наставник все-таки...

— Выкрутимся, Васильевич, — успокаивал его Р. М. Вохгельд, — вроде бы в отстающих не ходим. Но что можно сделать при такой отвратительной поставке материалов?! Я, к сожалению, и на будущее не могу гарантировать бригаде ни отсутствия простоев, ни отсутствия авралов.

— Надоели нам вынужденные перекуры, — говорил Валерий. — Только начнешь работать, темп наберешь, и выясняется: то нет того, то нет другого... Приходится прерывать работу. А потом изнуряющие авралы... Но как при авралах сохранить нужное качество выполняемой работы.

— Пришел, пришел вагон с арматурой! — закричали наконец в трубке рации. — И чего за глотку брать?.. Ведь не только у вас нет арматуры, ее нет во всем тресте. Так что разделим на всех, сегодня и подвезем, не волнуйтесь...

— Мы уж и так просим минимум необходимых материалов, — говорит Л. С. Блинков, управляющий трестом «Мостострой-10». — Все равно половину недосылают. Арматуру нам поставляет металлургический комбинат города Новокузнецка, но сейчас он сам без ферромарганца, необходимого для производства особого сорта стали... И завод, чтобы выполнить план, «катает» арматуру из обычной стали, а для БАМа такая арматура не годится...

Вот и простаивает лучшая бригада мостоотряда № 74. Вынужденно простаивает. А по чьей вине?

— Может быть, второй котлован начнем рыть? — предложил кто-то из ребят. — Надо же как-то выходить из положения. Вроде бы не футбол гонять ехали мы сюда...

— Разве кто в этом сомневается? — ответил бригадир.

Сказано — сделано. Начали копать котлован под вторую опору. Но... бульдозер вышел из строя. День стоит, другой, пока бульдозерист на автобазе запчасти выколачивает.

Пока стояли, в котлован вода просочилась. Начали откачивать. Сколько бесполезной работы! И раньше я была свидетелем подобной ситуации. Бригада долгое время простаивала. Потом, как всегда, авралы. Ребята работали и днем и ночью, измотали себя вконец. В перерыв, сидя в прокуренном тепляке, они делились наболевшим:

— Мало того, что край суров, а тут еще и быт и труд не могут как следует организовать.

— Ну чего ты разнылся?

— Я не ною, а говорю. Говорю, что люди на стройке могли бы жить и работать лучше, легче, если бы все организовать как следует...

И я подумала тогда: да, ребята правы. Работать в тех условиях, в каких порой работают и живут строители великой магистрали, право же, нелегко. И если они так взволнованно обсуждают вопросы своего быта, то это вовсе не значит, что они

жалуются и ноют. Просто желают лучшего, верят в него, добиваются...

Бригада Валерия Серебрякова — лучшая. Да и парни в ней под стать бригадиру: высокие, сильные. Друг за друга всегда готовы постоять. Соревнуются они с комсомольско-молодежной бригадой Сергея Шашуры. И я как-то спросила у Сергея:

— Кто же из вас первенство держит?

— Когда как, — ответил он.

— Ну а чья же бригада впереди?

— Небольшой перевес на их стороне.

— Как-то приезжают ко мне из бригады Шашуры с жалобой, — рассказывал Рудольф Моисеевич. — Говорят: «Езжайте, там серебряковцы цемент не отдают». Приехал, спрашиваю у Серебрякова: «Ты получил мое распоряжение выдать часть цемента соседям?» — «Ну, получил», — отвечает. «Так почему не отдал?» — «А почему я должен отдавать? Хозяин объекта — бригада, вот пусть и решает, как быть с цементом». У нас дело поставлено так, что все решает совет бригады. Я даже принять человека на работу не могу, прежде чем его в бригаде не примут.

На стройплощадке у Серебрякова порядок. Все аккуратно разложено, расставлено. Бригадир выписывает наряды лишь на те материалы, которые необходимы. Привезут больше — возвращает. На хозрасчете бригада. Каждая доска, каждый кирпич взяты на учет. Технику здесь также используют в полный загруз.

Бригада более года работает по бригадному подряду, а сейчас речь идет уже о внедрении участкового и даже сквозного подряда.

Правда, сам Рудольф Моисеевич считает, что подряд может существовать лишь при хорошем снабжении, а это в условиях БАМа и при частой дислокации мостовиков едва ли возможно. Однако практика показала, что ничто так не дисциплинирует людей, как подряд, — мера ответственности, возрастающая при нем как необходимость.

...Что же главное для этих парней? Что заставляет их день и ночь быть на трассе? Может быть, заработок? Отчасти да. Но превыше всего моральный стимул, сознание того, что никто за них эту работу не сделает.

— Все хорошо, — с грустной улыбкой сказал при прощании Валерий Серебряков. — Только трудно бывает мне иногда с начальством ладить. Неудобный я человек. Но ведь такой характер. И потом... Молчать будешь — так и бригаду без работы оставишь. Говорят же: под лежачий камень и вода не течет.

Сказочная явь

Поселок погрузился в сумерки. Мягкое уличное освещение едва высвечивает контуры домов. Закончен еще один трудовой день. В тишине где-то за поселком чуть слышно поют под гитару.

Резкие гудки прерывают песню. Оказывается, приехала водовозка. И жители с ведрами спешат к машине. Журчит, звенит вода, падая в металлическую посуду.

— Спасибо, Саша!

— Вовремя угодил, вода как раз вся вышла.

Саша возит жителям поселка воду уже второй год. Хоть и трудна его работа, особенно зимой, но Саша на судьбу не ропщет. Чуть свет он уже на ногах, уже возле машины крутится, заводит. И в путь.

Сначала надо обслужить котлопункты на мостах. Там повара уже ждут воду, волнуются: обед готовить надо.

Саша Литвинский приехал с Иссык-Куля с женой и маленькой дочкой, и вот уже шестой год на БАМе. Жена работает кочегаром.

— Не захотела в конторе сидеть, — словно бы жалуется Саша. — Говорит: «И печи кому-то топить надо. Все в тепле хотят жить... Ну почему мне не пойти?» Я ей помогаю, конечно.

Бамовцы не ищут себе легкой судьбы.

— Долго вы еще будете работать здесь, на стройке? — спросила я Сашу.

— Мы и не собираемся уезжать. Зачем? Нам здесь нравится. Климат нормальный, здоровый, особенно для Леночки.

Позади у Саши строительство КамАЗа. Поэтому на БАМ он поехал смело, сразу же и семью привез.

Когда Саша сливал воду у одного из вагончиков, из него выскочил высокий парень.

— Знакомьтесь, — предложил Саша. — Наш молодой специалист Алеша Евсеев.

Парень, наскоро протянув мне руку, стал помогать Саше.

На БАМе Алеша недавно. Окончил Московский институт транспортного строительства и получил распределение на БАМ. Работает мастером в бригаде Сергея Шашуры. Но и до этого, так сказать, официального распределения Алеша провел на объектах отряда три студенческих лета.

Алеша Евсеев еще очень молод, только начал свой трудовой путь. И как важно, что начал его в крепком коллективе.

— Вот только с жильем у нас плохо. А у меня жена скоро приедет. Она выпускница этого же института, — говорит Алеша. — Жилья здесь строят много, но столько прибывает людей! Сразу всех разместить трудно. Мне пообещали квартиру. Но зачем нам квартира? Для двоих и комнаты пока хватит.

— Сейчас все же полегче. Мы труднее начинали, — вспоминал председатель постройкома Назаров Василий Андреевич. — Основное для мостоотрядов — база, с нее мы и начинали. 1 апреля 1977 года — день создания нашего отряда с промышленной базой в поселке Чильчи.

Василий Андреевич на БАМе уже пятый год. С семьей в четыре человека приехал он из города Гая Оренбургской области, где долгое время работал в леспромхозе. Его жена, Елизавета Павловна, окончила педагогический институт и более 20 лет работает учителем истории. Она и уговорила мужа отправиться на БАМ. В Чильчах закончил десятилетку их сын Павел и попросился в бригаду мостостроителей.

— Днями и ночами от Тынды шли машины, — рассказывал Василий Андреевич. — Грузов столько, что транспорта не хватило. Люди на погрузке и разгрузке работали сутками. К тому же дороги были отвратительные. А тут еще весеннее половодье... И эти 240 километров от Тынды до Чильчи стали для шоферов сплошной мукой. По двое-трое суток тратили на дорогу, а все-

таки добирались. Бригада Валерия Серебрякова составила первый десант, который высадился на правом берегу Нюкжи.

Начали строить. За год одних жилых домов 17 поставили. Одновременно сооружали котельную, дизельную, хлебопекарню, школу. Поселок строили параллельно с возведением мостов. Сегодня Чильчи — один из лучших на трассе. Не только по красоте лучший, но и по жилищным удобствам.

Грустно покидать места, к которым привык, которые увидишь не скоро. Грустно расставаться с людьми, судьбы которых запали в душу. Но время командировки истекло. Морозным ноябрьским днем я уезжала из Чильчей с твердым намерением вернуться.

Когда подъезжали к мосту через Лопчу, попросила шофера остановить машину: как-то неловко было уезжать не попрощавшись.

Мост на Лопче небольшой, но объект важный, поэтому на нем и сконцентрировали комсомольско-молодежные бригады Сергея Шашуры, Владимира Давыдова и Якова Игнатьевича Залищука.

Яков Игнатьевич давно вышел из комсомольского возраста, на мостах работает более тридцати лет, но именно он является одним из тех специалистов, которые обычно составляют костяк комсомольско-молодежных коллективов. Да и бригада у него особенная. Не найти парня в Чильчах, который не прошел бы в ней школу.

Показалась стрела подъемного крана, а затем и сам кран. Стрела медленно несла в воздухе трехтонное кубло, наполненное бетоном. На мосту наступила горячая пора — пора большого бетона.

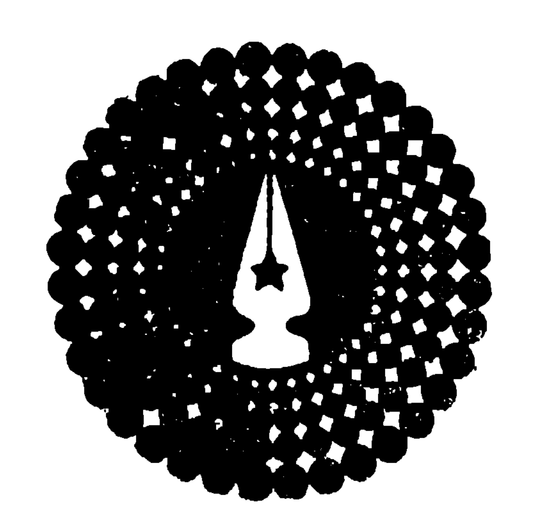
...И снова нескончаемая дорога, а вдоль нее мрачная тайга.

Возле самой «столицы БАМа» путь преградил пассажирский поезд, вышедший из Тынды в Москву. В снежных сумерках плыл золотой пунктир огней — окна вагонов излучали теплый и уютный свет. И мне вдруг вспомнилась моя первая поездка на БАМ, когда стройка только разворачивалась, когда о ней говорили лишь в будущем времени: «Здесь проляжет стальная магистраль, помчатся поезда, вырастут города и поселки». Все это казалось таким далеким, почти сказочным.

С тех пор прошло семь лет, и сказка стала явью. Бегут по рельсам БАМа поезда. Только за прошлый год Тындинское отделение доставило более полмиллиона пассажиров, миллион тонн срочных грузов. Недавно открыто движение поездов на запад от Тынды до станции Ларба и на восток — до Бесстужева.

Прекрасный трудовой подарок бамовцы преподнесли XXVI съезду КПСС, досрочно наладив движение до станции Чильчи, что на 240-м километре западнее Тынды. То есть там, где в настоящее время трудятся замечательные ребята, мои современники, мои добрые друзья, знакомство с которыми явилось для меня радостным приобретением, счастьем встреч с мужеством настоящей человеческой жизни. Жизни по совести.

Байкало-Амурская магистраль

Алексей ГУБАРЕВ,
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

ПРИТЯЖЕНИЕ НЕВЕСОМОСТИ

Я, можно сказать, старожил Звездного, да и Володя Ремек не новичок. Он познакомился со Звездным в 1973 году, когда поступил в Военно-воздушную академию имени Ю. А. Гагарина. В ноябре 1976 года проходил здесь медицинское обследование. И вскоре стал полноправным членом отряда космонавтов. Поселили его в «американской гостинице» — так у нас называют профилакторий, в котором жили американские астронавты, готовясь к совместному полету по программе «Союз» — «Аполлон». Из окон профилактория хорошо виден почти весь Звездный городок: здания тренажных корпусов, центрифуги, озеро и жилые дома.

Здесь и стал жить Ремек, один из кандидатов на полет от ЧССР. Нам с ним предстояла трудная совместная работа по подготовке к полету.

В отряд космонавтов Ремек пришел, имея бóльшую, чем надо, весовую категорию. У него был неплохой запас знаний по теоретическим дисциплинам, а также по русскому языку. Вот он и решил уделять больше времени физической подготовке. Тренировался много. Однажды, по его признанию, почувствовал, что переусердствовал. Получилось так: «поднимали» в барокамере на высоту пять тысяч метров и держали на этой высоте полчаса. Просидел только пятнадцать минут и понял, что больше не выдержит. Теряя сознание, взял кислородную маску. И это на заключительном этапе тренировок!

Обследование показало, что такое его состояние было связано с переутомлением и резким сбрасыванием веса.

Для Ремека цикл «вхождения в колею» длился около месяца.

Я знал, что месяц, прошедший после такой неудачи в барокамере, был для Володи одним из самых трудных за весь период подготовки к полету. Трудным не только для него — для всех наших друзей и близких.

В моей семье любили Володю. Он не скрывал от нас огорчения по поводу постигшей его неудачи.

— Как же так, Надежда Алексеевна, — говорил он моей жене, — неужели все кончено?

— Володя, не раскисай. Все войдет в норму, но для этого надо время, — утешала Надя.

Как же радовались мы, когда наконец Ремек прошел испытания на центрифуге и в барокамере без замечаний. В нашем доме был настоящий праздник. У нас сложились такие отношения, что совершенно не чувствовалась языковая разность. В моей семье Владимир был как сын. Если он где-либо задерживался вечером, в доме волновались:

— Где Володя? Почему он опаздывает?

Да и он привык к нам; не раз в наше отсутствие был за хозяина дома, принимал гостей.

В общем, еще на Земле мы с Ремеком сблизились настолько, что понимали друг друга с полуслова. В космосе это оказалось неоценимым.

Предстартовые испытания все больше сближали нас. Одно из них происходило на море: мы отрабатывали приемы спасательных операций на случай приводнения транспортного корабля в океане.

Итак, мы в спускаемом аппарате, одеты в скафандры. Морские волны плавно покачивают плавающий тренажер. Наша задача: снять скафандры, надеть плавсредства и покинуть корабль. Погода стояла жаркая, а внутри «корабля» и вовсе дышать нечем: «нарушилась» вентиляция. А тут еще море заволновалось. Началась болтанка, мутило и укачивало. Смотрю — с Ремека пот градом. Думаю: тяжело парню. И самому тоже нелегко. Но тренировка есть тренировка. Надо менять амуницию. Вижу, что Володя побледнел. Хоть он и первый раз в такой обстановке, но ни одной жалобы. Все-таки подаю ему кислородный шланг:

— Подыши.

— Благодарю, командир.

Одежда пропиталась пóтом, скафандры прилипают к телу. Гидрокостюм выскальзывает из рук и никак не надевается. Одевались «по частям», согнувшись в три погибели, помогая друг другу.

Во время эксперимента услышали по радио голос врача:

— Может, прекратим работу?

Можно и прекратить — море неспокойное, в каюте корабля повышенное содержание углекислого газа. Спрашиваю Ремека:

— А что, может, и вправду прекратим?

— Ни в коем случае!

Но это был только первый этап испытаний, который он с честью выдержал. Были и другие, не менее ответственные. Тогда-то я и убедился, что у Ремека большая сила воли, что такой парень не подведет.

Кому-то покажется, что подготовка к полету международного экипажа ничем не отличается от подготовки советского экипажа. Но это не так. В советском отряде космонавтов мы знаем друг друга давно и хорошо, изучили особенности характера каждого в той или иной ситуации. Когда же начинается подготовка представителей двух стран, возникает много проблем, не решаемых в один день, за один присест. Ведь недаром русская пословица гласит: «Чтобы узнать друг друга, надо пуд соли вместе съесть».

Я не подсчитывал, сколько соли мы с Ремеком съели, но ито-

ги нашей совместной работы до полета, в период подготовки и во время полета говорят сами за себя. Мы выбрали оптимальный, наиболее приемлемый друг для друга вариант совместной работы на земле и в космосе, и, значит, коллектив удалось создать дружный и работа была построена правильно.

До старта нам с Ремеком приходилось отвечать на различные вопросы. Чаще других задавали такие:

— Что вы делали 12 апреля 1961 года? Как узнали о полете Гагарина? Кто ваш любимый герой?

Я отвечал:

— Этот день — начало штурма космоса человеком. И этому грандиозному событию не будет равных в последующих наших победах в области космонавтики. Я тогда заканчивал Военно-воздушную академию, которая носит сейчас имя Юрия Алексеевича Гагарина. Выпускники готовились к экзаменам. День был такой яркий, что у нас в памяти полет Гагарина связан с весенним солнцем. Мы, летчики, тогда очень были горды: наш собрат в космосе! И про себя, наверное, как и я, каждый подумал: вот и мне бы... Ровно через год мне предложили вступить в отряд космонавтов.

А Владимир Ремек учился тогда в седьмом классе школы в Брно. Школа была новая, с радиоузлом, динамиками во всех классах.

— Во время урока, — рассказывал Ремек, — мы услышали объявление директора школы: «Сейчас будет передано важное известие». Это было сообщение о полете Гагарина. После полета первого спутника многие говорили, что в космос скоро должен полететь человек. И вот свершилось! Мне показалось, что мир должен приветствовать Гагарина стоя, восхищаясь его подвигом. Дома, когда я пришел с уроков, в почтовом ящике уже был специальный выпуск «Руде право». По радио передавали песню, написанную нашим композитором: «Добрый день, майор Гагарин». А вскоре сам Гагарин со своей обаятельной, неповторимой улыбкой был гостем нашей страны. Я смотрел по телевидению, как его встречала наша Прага. Это был незабываемый праздник для всех. Наверное, как тысячи других ребят, я тогда дал себе слово стать космонавтом. И счастлив, что моя мечта исполнилась.

Гагарин был моим любимым героем в детстве. Дорог он мне и сейчас. Особенно теперь, когда от коллег по Звездному городку, хорошо знавших его, я много услышал рассказов, какой это был замечательный человек. Он первый из живущих и живших людей увидел из космоса нашу голубую планету. Она ему показалась неповторимо прекрасной и беззащитной — маленький островок жизни среди беспредельного космоса. И на этом островке есть мой родной город Ческе-Будеевице, который я очень люблю, там живут моя мать, близкие мне люди.

Летчикам известно, что означает тот или иной прибор в самолете. В истребителе такое же количество приборов и тумблеров, что и в космическом корабле, во всяком случае, не меньше. Но в самолете они не связаны в сложные логические соединения, и поэтому летчику гораздо проще реагировать на их показания. В самолете приборы выполняют роль информаторов о

скорости, курсе, высоте. И буквально одного взгляда достаточно, чтобы принять соответствующее решение. А в космическом корабле загорается транспарант, и ты должен проверять одну или несколько взаимосвязанных систем. Надо еще учесть, что летчик летает в условиях, когда на него не действует невесомость, когда нет отклонений в самочувствии, мешающих здраво анализировать обстановку.

В условиях же невесомости, особенно в первый период полета, анализировать обстановку гораздо сложнее. В организме происходит перестройка: ощущается болезненное состояние, может повыситься температура, могут начаться головные боли. Нервная система постоянно находится в напряженном состоянии, человек становится легкоранимым. Кроме невесомости и ее факторов воздействия, на человека оказывает влияние и замкнутость объема, изолированность. Однако летная подготовка очень нужна космонавту, она помогает ему легче переносить невесомость, оттачивает быстроту реакции на показания приборов.

— Невесомость очень интересное ощущение, — говорил Ремек после одной из тренировок в летающей лаборатории. — Сижу в кресле, ремни застегнуты, но руки и ноги свободны. Начались перегрузки. Я ждал, какие реакции последуют за этим. Мне понравилось ощущение, когда тебя отбрасывает от сиденья и ты как бы подвсплываешь. На следующих «горках» отрабатывали перемещение в салоне самолета. Сначала учились перемещаться, затем надевали и снимали скафандры в невесомости. Я стремился узнать: чего можно ждать от невесомости, что она может преподнести?

Некоторые космонавты отмечали в своих отчетах, что при наступлении невесомости, через 2—3 часа испытывали чувство головокружения. Головокружение — одна из разновидностей иллюзий и является результатом расстройства вестибулярного аппарата космонавта.

Впервые с таким состоянием в космическом полете столкнулся космонавт Г. Титов. На третьем витке у него появилось головокружение и ощущение «плавания» окружающих его предметов. Самочувствие ухудшалось при резких поворотах и наклонах головы. Титов также обратил внимание на то, что не только повороты головы, но и мелькание предметов («без Земли, наблюдаемой через иллюминатор и систему «Взор») усиливает головокружение. Указанные явления уменьшались, когда космонавт принимал удобное положение-позу и не делал резких движений. Он чувствовал себя также несколько лучше при фиксации тела к спинке кресла. После приема пищи условия дискомфорта усилились. Появлялась тошнота. Указанные явления полностью исчезли только лишь при включении тормозной установки во время схода с орбиты, головокружение практически было до конца полета.

Б. Егоров и К. Феоктистов также отмечали, что через первые 2—3 часа полета у них возникли иллюзии ощущения перевернутого положения тела в пространстве. Егорову казалось, что он находится в полусогнутом положении, лицом вниз, а Феоктистову представлялось, что он подвешен вниз головой. Иллюзия усиливалась, когда они сосредоточивали на ней свое внимание. Это явление наблюдалось у них на протяжении всего периода действия невесомости.

Г. Береговой рассказал об иллюзиях вращения, которые он наблюдал при полете на корабле «Союз-3»: «В первые минуты закрою глаза, откину голову на спинку кресла, и сразу же возникает ощущение, что я медленно-медленно переворачиваюсь, будто делаю заднее сальто. Когда же, думаю, произойдет полный, на все 360 градусов, оборот? Но как только я открываю глаза, иллюзия вращения пропадает. Видишь, что неподвижно сидишь в кресле да вдобавок еще прочно зафиксирован ремнями».

Головокружения, вращение тела в пространстве, сопровождающиеся явлениями дискомфорта, отмечались также и американскими астронавтами. Во время полета на космическом корабле «Аполлон-8» Борман почувствовал головокружение, тошноту и боль в желудке. Так, по данным НАСА, относящимся к 1971 году, из 27 астронавтов, летавших по программе «Аполлон», у шести были вестибулярные расстройства, сопровождавшиеся тошнотой, а у двух — рвотой.

В июле 1975 года в Париже на Международной авиационно-космической выставке мы с Г. Гречко встретились с американским астронавтом Вилли Поугом, который совершил 84-суточный космический полет на корабле «Аполлон» и орбитальной станции «Скайлэб». Была очень теплая, дружеская встреча. Нас интересовал вопрос, как перенес Вилли Поуг космический полет в начале и в конце. Он откровенно, с улыбкой ответил: «Алексей, а ты разве не знаешь, что невесомость — это не мед? Это очень страшное явление. В начале полета я себя плохо чувствовал. Болела голова, было головокружение с тошнотой и рвотой, аппетита никакого. И не мог себе найти в этот момент места. Все во мне переворачивалось. Я был абсолютно бездеятелен. По-настоящему заболел «космической болезнью». Командир дал мне трое суток отдыха, после чего я стал немного приходить в себя. Заставлял меня кушать, а есть не хотелось, от еды было тяжело. Но потом, после адаптации, все стало на свое место, появились настроение, аппетит и работоспособность».

В настоящее время мы уже знаем причину возникновения иллюзионных и вестибулярно-вегетативных явлений, которые сопровождают космонавта во время полета. Готовясь идти в полет, мы с Ремеком хорошо представляли себе, что в первые сутки мы не должны допускать резких движений головой, туловищем, необходимо избегать всяких резких вращений тела, тем более различных сальто и т. д., чтобы не вызвать у себя неприятных явлений, связанных с расстройством вестибулярного аппарата.

Например, мы знали, что, совершая свой полет на орбитальной станции «Салют-3», П. Попович и Ю. Артюхин в первые дни старались как можно меньше двигаться, а если и осуществляли какие-либо перемещения или рабочие операции, то старались выполнять их плавно, поэтому процесс адаптации у них прошел сравнительно легко.

В. Шаталов рассказывал после первого полета: «Физическое ощущение такое, будто кровь все время приливает к голове, как будто ты все время куда-то всплываешь. Теряешь ощущение верха и низа. И кажется, что тебе все время надо за что-то держаться, чтобы не всплыть».

Г. Шонин в бортжурнале записал: «В условиях невесомости

наблюдалось постоянное чувство прилива крови к голове». Ощущение прилива крови к голове продолжается несколько часов или витков, как отмечают некоторые космонавты, а этот прилив чувствуешь очень долго, порядка десяти суток. Это состояние можно сравнить с земным, если, скажем, взять нетренированного человека, перевернуть его вниз головой и так держать некоторое время. Прилив крови к верхней части туловища ощущается не только субъективно в отечности кожных покровов и слизистых оболочек лица, но и проявляется в одутловатости, сглаживаемости морщин и т. д. Вот почему нашим телезрителям кажется, что лица космонавтов гладкие. На самом деле это не так. Перед полетом космонавт не имеет ни одного грамма лишнего веса. Меньший вес можно иметь, больший — нельзя, — как у спортсменов.

Г. Шонин так описывал это явление: «Я начинаю присматриваться к Валерию Кубасову: неужели он ничего не чувствует? Он поворачивает ко мне голову, его лицо мало напоминает обычного Валерия и я улыбаюсь. «Прежде чем смеяться, посмотри в зеркало на себя, красавец!» — пробурчал он. Плыву в орбитальный отсек, к зеркалу. Смотрю и не узнаю себя: лицо как-то неестественно распухло, красные, налитые кровью глаза. Желание смотреться в зеркало сразу пропало. К исходу второго дня мы почувствовали себя лучше. Лица наши приняли обычный вид, неприятные ощущения притупились».

Изучив материалы о невесомости, мы с Ремеком подготовились работать в трудных ее условиях.

А между тем день старта приближался.

И вот наступило 2 марта 1979 года.

По этой дороге шагали Юрий Гагарин, Герман Титов, Валентина Терешкова, Алексей Леонов и все последующие посланцы человечества, которых вынесли в космос советские ракеты. Сегодня по этой дороге шагаем мы с Ремеком. Когда мы приближались к стартовой площадке, звучала волнующая песня «День Победы»...

Последние минуты перед посадкой в корабль. В эти мгновения мы не говорили о предстоящей работе, потому что все уже было сказано раньше. Твердо знали, что и как нам делать, и потому, словно перед боем, обменивались только короткими фразами или репликами. Каждый из нас старался не потревожить другого, не нарушить ход мыслей, воспоминаний и переживаний.

Мне вспомнился наш совместный полет с Георгием Гречко, работа на борту станции «Салют-4». Но тогда эта работа была в рамках одной страны, одного государства. А теперь судьба соединила меня с Владимиром Ремеком, сыном дружественной Чехословакии. Отныне наша жизнь, наша судьба — это единое целое. Все, что для нас предначертано, объединяет нас, все мы должны теперь делить пополам. Одна и та же нам удача, один и тот же успех. Мы и беду, если она случится, приготовились поделить пополам.

Появилась новая точка отсчета наших судеб.

...Сообщение ТАСС о начале нашего полета мы услышали, когда наш корабль совершал второй виток. За первые двое суток успели привыкнуть к невесомости. Конечно, мне было легче: сказывался опыт первого полета.

Нередко ловил себя на том, что моя память уходит в далекие годы детства, в родное село Гвардейцы, где родился. Село выросло вблизи речки Самарки. В Волгу впадает много больших и малых рек, но эта дорога́ мне тем, что я родился на ее берегу. Особенно радостно и одновременно страшновато видеть ее весной, когда взбунтовавшаяся вешняя вода разливалась на просторе и речка превращалась в реку. Немного находилось смельчаков в лодке переправиться через бешеный поток половодья на противоположный берег. Сердитая, мутная и цепкая вода не любит шуток: подхватит, закрутит, и греби веслами сколько хочешь, а она знай себе тащит плоскодонку вниз по течению. Характер у Самарки весной неузнаваемый — крутой и норовистый...

В детство ворвалась война. Жители деревни ушли в лес. Старики, старухи и дети копали землянки, чтобы укрыться от осколков и пуль. Есть было нечего, мы решили с мамой сходить в деревню, надеялись, что можно проникнуть в подвал, где хранилась картошка. Только достигли опушки леса, как вокруг нас взметнулись фонтанчики песка, засвистели пули.

— Ложись! — крикнула мама.

Фашистский пулеметчик выпустил еще пару очередей для полной уверенности. Из пулеметной ячейки донесся лающий хохот и взвился синий клубок табачного дыма. Пролежав некоторое время, мы медленно поползли к спасительным деревьям. Еще три-четыре метра, и мы под защитой толстых, тревожно шумящих сосен.

— Хальт! — рычит хриплый голос.

— Бежим, Лешенька!

Заклекотал пулемет, огненные трассы срезали сосновые ветки. Фашист метил попасть в нас.

Зимой 1942 года мы эвакуировались в Куйбышевскую область. Тяжело устраивались после переезда. И вот весной сердобольная соседка подарила нам маленькую телочку.

Какая была радость в нашей семье! Я кормил ее, ухаживал за ней все свободное время. И она так привязалась ко мне, что узнавала мой голос.

Телочка выросла, но осталась такой же ласковой и умной. Появился и у нее теленок. Бывало, уйдет со стадом на пастбище и затеряется. Даже пастух не мог найти, куда она запропастится. И тогда я бежал в лес и кричал:

— Пестрянка, Пестрянка, Пестрянка!

Эхо подхватывало голос, несло над речкой Самаркой, и откуда-то издалека прилетало ко мне еле слышимое: «Анка, анка, анка». Покричу, покричу и замру, прислушиваясь. Слышу — далеко-далеко мычит, откликается. Наконец появится и сама Пестрянка. Привожу ее домой. Дома радость: не потерялась кормилица. Мать посыпает горбушку хлеба крупной солью и подносит ей на ладони. Пестрянка виновато смотрит на нас и шумно вздыхает...

Это было тяжелое для страны время. Шла четвертая четверть учебы в школе, последняя перед летними каникулами. Апрель — посевная пора в Куйбышевской области, а во время сева каждая пара рабочих рук имеет особый вес и значение. Опоздаешь посеять хлеб — не жди урожая.

Вызывает меня директор совхоза:

— Алексей, ты учишься хорошо. Начинается посевная, и надо помогать стране, помогать колхозу.

Мы пахали, сеяли, делали все, что было в наших силах. Мне тоже пришлось пройти весь полеводческий трудовой семестр, в том числе и за плугом походить. Пахали землю на четырех лошадях: две — впереди, две — за ними. На передней паре обязательно мальчишка-погонщик. Иногда это поручалось женщине, и она вела лошадей за уздечки. Плуг с одним или двумя лемехами, тяжелый и неповоротливый. Вся гидравлика и кибернетика в твоих мускулах, в сноровке, в умении. Ведь надо не просто держаться за рукоятки плуга — надо удерживать его в нужном положении по вертикали. Чтобы глубина вспашки соответствовала агрономическим требованиям, необходимо пахать без огрехов — борозда к борозде. Я потом часто вспоминал, когда вел «Союз» на стыковку с «Салютом», что стыковка и ручная пахота чем-то напоминают друг друга.

...Наступает долгожданный час свидания с дорогими товарищами высоко над планетой, на орбитах дружбы. Но чтобы свидание совершилось, надо состыковать два космических аппарата. Поэтому стыковка — серьезный экзамен и для нас, космонавтов, и для инструкторов, и для конструкторов, и для специалистов, обеспечивающих полет из Центра управления полетами.

Когда наш корабль и станцию разделяло двадцатикилометровое расстояние, включились радиотехнические системы поиска, сближения и стыковки. И вот осуществлен радиозахват. Автоматика зорко следит за дальностью, скоростью сближения, угловым положением космических аппаратов и выдает команды исполнителям — двигателям.

В расчетное время стыковка была произведена. Хозяева станции — Романенко и Гречко — встретили гостей чрезвычайно радушно.

Нам предстояла большая работа на борту станции «Салют-6». Сложностей мы не боялись, так как чувствовали полную уверенность друг в друге.

Дорого орбитальное время. Юрий Романенко поглядывает на циферблат часов и напоминает, что надо приступить к выполнению биологической части программы — эксперименту «Хлорелла».

Целью этого советско-чехословацкого эксперимента является изучение влияния невесомости на развитие одноклеточных земных водорослей семейства хлорелла. Водоросль хлорелла хорошо изучена и неоднократно использовалась в различных космических экспериментах в качестве модели быстрорастущего организма.

Еще не получены полные и ясные ответы на главные вопросы. Как воздействует невесомость на живые организмы? Как долго можно подвергать их влиянию невесомости? Не разрушится ли генетическая наследственность организма?

Исследования советских и американских ученых позволяют сделать вывод, что условия космического полета оказывают некоторое влияние на клетки растений.

В поисках ответа ученые — космические биологи обратили внимание на хлореллу. Она удобна тем, что количество клеток

в популяциях каждые четыре часа удваивается. За несколько дней полета в космосе можно получить данные о нескольких поколениях организмов, которые развивались в условиях невесомости.

Если в отношении изменения наследственности отдельных организмов под действием факторов космического полета имеется некоторая ясность, то в отношении популяций, состоящих из нескольких миллиардов особей, эти законы только открываются. И хлорелла тем более интересна, что именно это быстро размножающееся растение может стать пищей при длительных космических полетах, а экспериментальные системы регенерации атмосферы и воды на основе фотосинтеза одноклеточных водорослей, которые могут оказаться исключительно полезными во время длительных полетов, уже успешно функционировали в земных лабораториях. Словом, эксперимент с хлореллой, продолженный на «Салюте-6», имеет не только научное, но и практическое значение, связанное с созданием перспективных систем жизнеобеспечения для дальнейших этапов развития космонавтики.

Проводящийся эксперимент отличался от предыдущих тем, что, помимо хлореллы, использовались и другие водоросли.

По окончании орбитального этапа эксперимента часть водорослей была «заморожена» и подвергнута различным видам исследований, а другая часть доставлена в живом виде в лаборатории для исследования особенностей роста и развития потомства в институтах Советского Союза и Чехословакии.

За другой эксперимент — «Морава», который продолжался почти двое суток, нес ответственность В. Ремек. Он проводился с целью исследования закономерностей процесса кристаллизации, связанных с направленным затвердеванием кристаллических и стеклообразных структур.

В эксперименте «Морава» исследовались хлориды серебра и свинца, хлориды одновалентной меди и свинца, которые помещались в кварцевых ампулах. Материалы, находящиеся в ампулах, представляют огромный интерес для оптоэлектроники. Ученые надеются, что в невесомости процесс плавки придаст им свойства, которые почти невозможно получить в земных условиях.

Были и другие важные эксперименты, наблюдения, исследования.

Забот и хлопот невпроворот. Космическая вахта завершается. Пора домой, на Землю. В нашем багаже конверты, проштемпелеванные в космосе и предназначенные для музеев СССР и ЧССР, медали, посвященные полету международного экипажа, а также медали с изображением Клемента Готвальда, Зденека Нееддлы, Сергея Королева. С нами возвращается интересный документ, подписанный на «Салюте-6», — свидетельство Федерации авиационного спорта СССР. В нем говорится: «Настоящим удостоверяется, что впервые международный экипаж осуществил полет на космическом корабле, стыковку с научным орбитальным комплексом и переход на орбитальную станцию...»

Сборы при полете в космос не терпят суеты и спешки, то же самое и при возвращении на Землю. «Прекрасное должно быть величавым», — сказал поэт. Когда работаешь и знаешь, что плоды твоего труда нужны для блага народа, ты и в уме не держишь такое понятие, как «работа на публику», на внешний

эффект. Ты просто работаешь, стараешься все делать на совесть. Благо народа — эти слова наполнены особым смыслом. Ведь ты сам — частица этого народа. Народа, который отказывает себе в немаловажном ради большего, ради будущего своих детей, своих потомков. Это ли не величаво, это ли не прекрасно!

Юрий Романенко и Георгий Гречко помогают нам, хотя сами загружены до предела. Им еще оставаться на орбитальной вахте — экспериментировать и быть самим объектами эксперимента. Наука ищет пути и способы продления жизни в невесомости, и никакая ЭВМ не может высчитать точно, сколько может человек находиться в безвоздушном пространстве, не подвергая себя смертельной опасности. Рано или поздно полеты к дальним планетам станут реальным фактом нашего бытия, а время полета будет исчисляться годами, десятками лет.

Мы обнимаемся, жмем друг другу руки и «уплываем» в «Союз-28». Сразу после перехода надеваем послеполетные костюмы и скафандры, занимаем свои рабочие места в спускаемом аппарате, закрываем люк, ведущий в орбитальный отсек. Сбрасываем давление из орбитального отсека, чтобы проверить герметичность.

...Всего несколько минут прошло после расстыковки, и наш корабль превращается в звездочку на фоне черного полотна космоса. Над Атлантикой включается тормозной двигатель, и «Союз-28» переходит на траекторию снижения.

Через четверть часа, где-то над Северной Африкой, жестко щелкнув, будто раскололся большой железный орех, отделились орбитальный и приборный отсеки: прошло разделение.

— Такое впечатление, что не спускаемся, а вертикально падаем, и пыль в кабине пошла вниз, начинается перегрузка, — резюмирует Ремек.

Незримая сила настойчиво и неумолимо вдавливает нас в ложементы кресел. Корабль входит в плотные слои атмосферы. Огненное плазменное облако окутывает спускаемый аппарат. Связь с внешним миром прекращается. Радиоволны не могут пробиться сквозь высокотемпературный слой пламени. Ослепительные лезвия огня чиркают по толстым стеклам иллюминаторов, покрывая их окалиной и копотью. Трудно теперь наблюдать через них. Ничего существенного не видно, да и как дотянешься до круглых проемов, если ты буквально припечатан на лопатки?

Идет управляемый спуск. Кажется, будто мчимся по длинной трубе, наполненной огнем.

Земля встречает своих коренных жителей, посмевших переступить ее вековечные законы тяготения.

Когда мы вышли из корабля на свежий ветерок, мне показалось, что нет ничего прекраснее этого целинного края.

Нас ждали на Земле. На космодроме Байконур весна. Первый проливной дождь заботливо умыл бетонные плиты стартовой площадки и рыжую землю окружающей степи.

Весеннее, кипучее настроение передается и нам. На второй день после возвращения с орбиты вышли на первую самостоятельную прогулку. Приятно взять в руки горсть земли, с которой уходишь в заоблачную высь и к которой стремишься после полета.

Спустя некоторое время мы встречали Георгия Гречко и

Юрия Романенко в гостинице «Космонавт» традиционным хлебом-солью.

— Володя, а ты самый молодой холостяк, слетавший в космос, — подшучивает над Ремеком Георгий во время одной из наших вечерних прогулок. — За тобой мировой рекорд и европейский.

— За мной еще один рекорд, — невозмутимо парирует он. — Чехословакия заняла первое место по количеству космонавтов на один квадратный километр... Кроме того, мы стали первыми в истории космонавтики официальными международными почтальонами. Мы не только доставили на орбитальную станцию письма, посылки, газеты, но и получили от почтовых ведомств Советского Союза и Чехословакии специальные штемпеля. Таким образом, орбитальный комплекс «Салют-6» — «Союз-27» — «Союз-28» был превращен в международный космический почтамт!

Около десяти лет до трагической гибели Юрия Алексеевича Гагарина в хвойном массиве появились люди с треножниками теодолитов и полосатыми рейками в руках. Трудно сказать, где был забит первый колышек и кем, но довольно скоро к хвойному запаху примешался запах солярки и бензина, а к вековечному шуму деревьев — рокот бульдозеров и самосвалов. Лесные великаны помнят, как быстро поднимались белые стены учебных корпусов и жилых домов, становясь вровень с ними, а некоторые даже выше. Так рождался Зеленый, еще не отмеченный на географических картах городок, названный позже Звездным. Вскоре появились здания школы, детского сада, магазина и камера повышенной влажности — баня. Кстати, о бане. Строители вначале наотрез отказались ее строить, когда в титульном списке возводимого городка прочитали это «несовременное» слово. Мотивировка одна: космос и баня несовместимы, в каждой жилой квартире будет ванная комната с душем, с холодной и горячей водой. Космонавты имели другое мнение, основанное на опыте спортсменов. На гаревой дорожке, на ринге, на помосте штангистов жирок не способствует достижению высоких спортивных показателей. В космосе тоже. Сталь мускулов надежнее, если она без примесей. Да и вес — фактор немаловажный. Юрий Алексеевич собрал отряд космонавтов и предложил сообща искать выход из трудного положения. Предложений посыпалось много, но они тут же отметались как неоригинальные или нереальные. Присутствующие недоумевали, когда Гагарин сказал: «Давайте заменим слово «баня» другим эквивалентом. — И подвел черту: — На раздумья — сутки». Через двадцать четыре часа отряд единодушно утверждал, что ни в словаре Даля, ни в словаре Ожегова эквивалента нет. Правда, кто-то робко подал голос: «А если сауна?» Гагарин хитровато прищурил глаза и выжидающе обвел взглядом унылые лица друзей. Медленно поднялся и отчеканил:

— Камера повышенной влажности! Кто против? Кто за? Единогласно!

Титульный список был перепечатан с учетом принятого изменения и вновь ушел в вышестоящую инстанцию на утверждение. На другой день пришла телефонограмма:

— Почему указали маленькую сметную стоимость?

Ответили:

— Уложимся.

Когда приехала соответствующая комиссия, чтобы принимать законченные постройки, она настойчиво допытывалась:

— Когда же нам покажут камеру повышенной влажности?

— Это второстепенный объект, — следовал спокойный ответ. — В конце рабочего дня посмотрите.

Опустились густые сумерки, и комиссия направилась к последнему пункту. Когда очутились в предбаннике, то многие начали недоумевать. Гагарин серьезным голосом предложил всем раздеться. Ошеломленным членам комиссии вручили по березовому венику и предложили пройти в следующее помещение. Из открытой двери хлынул густой пар. Босые ноги неуверенно затоптались на месте...

— Смелее, товарищи. Прошу следовать за мной. — И исчез в проеме двери.

— Так это же баня! — вразнобой закричали специалисты.

Пар быстро осел, сухой горячий воздух заполнил просторную комнату с бревенчатыми стенами.

— Ошибаетесь, товарищи. Это настоящая камера повышенной влажности. Давайте проверим ее готовность.

Проверили. При подписании акта не было ни единого замечания.

Скромным и трудолюбивым, веселым и находчивым, остроумным и серьезным помнят современники и соратники Юрия Алексеевича Гагарина — все, кто встречался с ним. Его короткую, но яркую жизнь как образец и пример несут в своих сердцах продолжатели наступления на космос. Первый космонавт всегда будет в первой цепи атакующих неизвестное.

...Мы приближаемся к памятнику советскому человеку, который первым в истории нашей планеты преодолел огромную силу земного притяжения. С невысказанной грустью возлагаем цветы к подножию бронзового монумента, молча стоим несколько минут. Сквозь печаль утраты проглядывает гордость за то, что наш современник, наш соотечественник озорно и радостно воскликнул «Поехали!», когда космический корабль «Восток» только-только оторвался от стартового стола байконурского космодрома. Мы гордимся, что теперь труд миллионов людей страны вливается в дело освоения космического пространства — в космонавтику, плоды которой с каждым годом становятся полновесней и обильней.

Литературная запись Б. БОБЫЛЕВА

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

Б. БОГДАНОВ,
доктор философских наук,
заведующий сектором истории
марксистско-ленинской философии
Института философии АН СССР

ЛЕНИНИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

В эпоху борьбы двух систем и перехода от капитализма к социализму особенно острый характер приобретает идеологическая борьба по вопросу о путях разрешения противоречий современного мира. Недавно проходивший XXVI съезд нашей партии вновь подтвердил непреходящую ценность ленинского наследия в решении вопросов современности. Неоценимая заслуга Ленина в том, что он дал ответы на самые острые вопросы, которые ставила жизнь, указал наиболее действенные формы борьбы против империализма, против социального и национального угнетения, за победу социалистической революции и торжество коммунизма.

Ленинизм представляет собою качественно новый этап в развитии марксизма. На основе ленинского учения победила социалистическая революция в нашей стране и построено развитое социалистическое общество, растет и крепнет содружество братских социалистических стран. Идеи ленинизма вдохновляют ныне миллионы борцов за социальное и национальное освобождение, борцов против империализма, расизма, за сохранение и упрочение мира. Ленинизм поистине является знаменем нашей эпохи.

Все это побуждает наших противников вести ожесточенную идеологическую борьбу против идей Ленина. Именно антиленинизм стал на сегодня главной стратегической установкой антикоммунизма при всей его многослойности и различии форм про-

явления. Поэтому пропаганда, защита идей ленинизма, раскрытие его творческой сути играют в наши дни первостепенную роль.

Изучение идей ленинизма — важнейшая составная часть в формировании научного мировоззрения у молодого поколения. Каждое новое поколение, вступая в жизнь, осваивает марксистско-ленинское мировоззрение в изменившихся исторических условиях, ищет ответ на новые проблемы и сталкивается с новыми идейными противниками. Буржуазные идеологи стремятся сбить молодежь с выбора правильного пути в жизни, отклонить ее от революционной борьбы и созидательной деятельности. Поэтому необходимо знать приемы и методы действий своих идейных противников, чтобы уметь противопоставить им свою контраргументацию.

Для уяснения смысла идеологической борьбы современной эпохи недостаточно обращения к тем или иным отдельным работам наших противников. Очень важно понять логику их выступлений. Тогда отдельные факты и эпизоды встанут на свое место, будут видны их истоки и т. п. Например, антиленинизм в наши дни порой прикрывается требованиями борьбы за «права человека». Более того, можно даже встретить словесное признание достоинств ленинизма в работах, по своей сущности антиленинских. Сколь сознательно или бессознательно антиленинизм входит в субъективные намерения таких авторов, в данном случае вопрос второстепенный. Важно видеть общий смысл и логику сегодняшней идейной борьбы.

Если под этим углом зрения попытаться выявить здесь некоторые ведущие темы, то можно в связи с этим назвать прежде всего два взаимосвязанных вопроса. Это, во-первых, вопрос о том, что такое социализм и, во-вторых, чтó такое философия Маркса и Энгельса. В эти два вопроса издавна вписываются или к ним непосредственно примыкают все сколько-нибудь существенные вопросы идейной борьбы по проблемам ленинизма. И нет оснований утверждать, что эта борьба станет угасать в ближайшем будущем.

Поскольку для нашей эпохи именно Ленин дал творческий ответ на эти важнейшие вопросы, то поэтому как раз ленинизм оказался в фокусе современной идеологической борьбы.

Таким образом, речь идет не о каких-то деталях или о различном подходе к отдельным историческим фактам. Под сомнение пытаются поставить пригодность ленинизма как метода постановки и решения коренных мировоззренческих и социально-политических проблем.

Каково же существо ленинского решения отмеченных выше вопросов? В чем качественная новизна ленинского подхода?

Что касается первого из названных вопросов, то здесь ожесточенные идеологические дискуссии идут уже давно. Хотя сама марксистская философия существует свыше столетия и к настоящему времени сделано чрезвычайно много для раскрытия как ее существа, так и истории ее развития, но тем не менее накал идеологических битв не смягчается. Нельзя не согласиться с утверждением одного довольно известного буржуазного швейцарского марксолога о том, что «спор с Марксом устно и письменно с середины столетия принял такие масштабы, что одному человеку невозможно обозреть поток публикаций...».

Каков же социальный смысл этого «марксологического взры-

ва»? На этот вопрос можно ответить словами одного из модных современных буржуазных философов ФРГ — Ю. Хабермаса. В статье «О философских дискуссиях вокруг Маркса и марксизма» он прямо заявлял, что этот интерес менее всего академического свойства. Причиной такого явления, говорит он, является «политическая реальность, которую коммунизм приобрел в государстве Ленина и его последователей, и та огромная угроза, которая, кажется, исходит от него в отношении остального мира после победы в 1945 году». Антиленинская и антисоциалистическая направленность обращения буржуазных идеологов к философии Маркса здесь высказана с неприкрытым цинизмом и откровенностью. Таким образом, антиленинизм выступает зачастую в форме дискуссий об основах философии Маркса, ее коренных принципах и категориях. Так, буржуазные идеологи противопоставляют отдельные исторические периоды в развитии марксистской философии, ранний Маркс противопоставляется позднему, «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» — «Капиталу», наконец, Маркс противопоставляется Энгельсу и т. п.

После смерти Маркса и Энгельса их идеи благодаря деятельности ряда их видных учеников и последователей (Г. В. Плеханов, К. Каутский, Р. Люксембург, П. Лафарг, Ф. Меринг и др.) широко популяризуются, распространяются в рабочем движении, внедряются в методологию научных исследований. Но одновременно происходит нежелательное упрощение и опасная догматизация учения. Это свидетельствовало о неспособности лидеров II Интернационала творчески ответить на выдвигавшиеся самой жизнью новые проблемы эпохи. Главный общий недостаток отношения к теоретическому наследию у большинства деятелей II Интернационала заключался в традиционном пренебрежении к философской стороне марксизма. Некоторые из них даже утверждали, что в марксизме вообще отсутствует собственно философия, и поэтому пытались ее заимствовать в кантианстве, естественнонаучном материализме и т. п.

Другим существенным пороком была ошибочная трактовка марксистского учения о закономерностях общественного развития, при которой фактически не оставалось места для действий субъективного фактора. Эта теоретическая слабость в понимании диалектики субъективного и объективного закрывала дорогу для выработки наступательной стратегии и тактики. Человеку, партии, классу при таком понимании ничего не оставалось, как следовать за пресловутой «исторической необходимостью». В результате из марксизма исчезало главное — его революционная сущность, забывалась диалектика как методология мышления и революционного действия.

Вспомнив об этой идеологической ситуации, мы можем рельефнее представить, сколь велика была историческая заслуга Ленина в деле возрождения подлинного революционного марксизма и в творческом применении его к решению проблем новой эпохи.

Философия Маркса — это философия диалектического материализма. Таков был чрезвычайно важный принципиальный ленинский ответ на вопрос о существе философских воззрений основоположников марксизма. Для сегодняшнего молодого поколения такое понимание — это общеизвестная истина. Но, чтобы добиться ее утверждения, Ленину и его последователям пришлось провести титаническую работу. Учение Маркса — Энгельса было охарак-

теризовано Лениным как «последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества» *.

К основополагающим принципам ленинской трактовки философского наследия Маркса — Энгельса относится прежде всего постановка и решение вопроса о диалектике как душе марксизма, что в полной мере не осознавалось теоретиками II Интернационала. В самом марксизме, показал Ленин, без диалектики невозможны были бы ни научный коммунизм, ни материалистическое понимание истории, ни научная политэкономия.

Впервые лишь у Ленина марксистская философия была взята во всей ее цельности. Например, у теоретиков II Интернационала отсутствовала гносеологическая проблематика; отсутствовала также проблематика диалектики природы, ибо философию Маркса сводили к объяснению лишь истории.

Далее, никем, кроме Ленина, с такой отчетливостью и резкостью не было выявлено возрастающее методологическое значение материалистической диалектики. В «Материализме и эмпириокритицизме», «Философских тетрадях» и других работах Ленин убедительнейшим образом показал, что без диалектики как метода мышления наука обречена на постоянные блуждания, кризисные ситуации и т. п. В области социальных явлений диалектика является алгеброй революции. Поэтому, продолжая традиции Ф. Энгельса (работы «Анти-Дюринг», «Диалектика природы» и другие), Ленин выдвигает для философской науки в качестве главной программной задачи разработку теории диалектики. Ленин определяет ее структуру, ее основные категории, характеризует важнейшие принципы и законы материалистической диалектики. В своей последней философской работе — в статье «О значении воинствующего материализма» (1922), ныне рассматриваемой в качестве философского завещания Ленина, — задача разработки теории диалектики выдвинута в качестве первоочередной проблемы для складывавшейся в стране в ту пору советской философской науки.

К числу необходимых условий выполнения намеченной работы Ленин относил союз философии и науки (и в особенности естествознания); союз философии и истории (включая историю познания, историю диалектики, а в последней особую важность Ленин видел в материалистической переработке гегелевской диалектики); союз философии и современности (особенно обобщение новейшего опыта классовой борьбы и опыта социалистических преобразований).

Это определение общей программы работы, характера и источников разработки теории диалектики имело и сохраняет принципиальное значение. В направлении, указанном Лениным, и развивалась советская философская наука.

Достаточно вдуматься в каждый из названных выше моментов, чтобы увидеть, что работа Ленина как философа имеет принципиальную интернациональную значимость, то есть это отнюдь не «сугубо русское явление» и не какое-то «позднее наслоение на мысли Маркса», как пытаются уверить нас в этом буржуазные и ревизионистские авторы. Причем этот вопиющей лживости

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 48.

штамп является одним из самых распространенных в арсенале наших противников. История же свидетельствует, что истина состоит совсем в ином: ленинизм в философии — это творческий марксизм современной эпохи, имеющий неоценимую международную ценность не только для настоящего, но и для будущего.

Вопрос о путях строительства социализма стоит сегодня применительно к условиям научно-технической революции, он рассматривается с учетом опыта, накопленного СССР и странами социалистического содружества. Ленин обогатил марксистскую теорию множеством новых обобщений, начиная от концепции социалистической революции в новую эпоху и до развернутой программы социалистического строительства в стране, а также генеральной линии международного коммунистического и рабочего движения. В качестве практической реализации этой ленинской теории мы имеем сегодня развитое социалистическое общество в нашей стране и странах социалистического содружества. Поэтому по своему объективному смыслу стремление наших идейных противников всячески принизить или дискредитировать ленинизм в теории является не чем иным, как формой классовой борьбы с реальным социализмом.

В выступлениях противников ленинизма можно выделить, по крайней мере, три характерных момента. Для одних свойственно неприкрытое резко негативное отношение к ленинизму, поскольку это марксизм новой эпохи. Другие пытаются по-своему интерпретировать те или иные отдельные идеи марксизма, например идею отчуждения, и, вырвав их из целостной доктрины марксизма, противопоставить марксизму в целом. Третьи выступают против ленинизма, апеллируя к имени и теоретическому наследию Маркса. Здесь значительную группу составляют сторонники так называемого «западного», «творческого», «аутентичного» марксизма, где главный мотив «подлинности» марксизма — освобождение его от ленинизма как якобы «позднего наслоения» на идеях Маркса. Поскольку антиленинизм у этого направления зачастую завуалирован, то выступления этого рода таят в себе определенную опасность и способны дезориентировать неискушенного читателя.

Противники ленинизма стремятся доказать, что современный марксизм как в теории, так и на практике находится якобы в состоянии «кризиса». Они пытаются предложить собственные средства «излечения» от этого «кризиса». Исторические корни и существо такой ситуации, если верить рассуждениям данных авторов, заключаются в следующем. Марксизм в философии под влиянием позднего Энгельса («Анти-Дюринг», «Диалектика природы») и затем через работы Г. В. Плеханова, В. И. Ленина и советскую философскую науку якобы постепенно «утратил» гуманистическое ядро философии Маркса, особенно Маркса раннего, и «забыл» проблему человека. На практике в политике этой «дегуманизированной» философии (диалектический материализм) соответствует «дегуманизированный» социализм.

Коль скоро поставлен именно такой «диагноз», то нетрудно догадаться, что главное средство лечения — это повторная «гуманизация» марксизма, то есть возвращение проблем человека как в философию, так и в социалистическую практику («социализм с человеческим лицом»).

В буржуазной социал-реформистской, антикоммунистической и

ревизионистской идеологии накопился определенный запас идеологических штампов, которые в различных комбинациях выдвигаются против реального социализма и ленинизма как его теоретической основы. Использование этих штампов подчинено определенной стратегической установке.

Общий характерный мотив этих выступлений можно выразить следующим образом: развитие демократии в буржуазном обществе якобы делает революцию излишней. Все эти идеи преподносятся под лозунгом защиты гуманизма.

Слово «гуманизм» в последнее время вообще стало самым модным и, пожалуй, наиболее употребительным понятием (а точнее говоря — штампом) у противников социализма и ленинизма. Сложилась и общая методология, объединяющая этих «защитников» гуманизма. Ее можно назвать одним словом: плюрализм. Единственный путь гуманизации современного мира — это путь плюрализма — так можно было бы кратко выразить существо выдвигаемых в связи с этим идей. Какое же содержание вкладывается в понятие «плюрализм»?

В качестве иллюстрации воспользуемся словами В. Кракси — одного из теоретиков Итальянской социалистической партии. «Ленинизм и плюрализм — это тезис и антитезис, — заявляет он в статье с характерным названием «Плюрализм социалистов — противоположность ленинизму». — Если верх берет одно, то второе умирает. ...Демократия (либеральная или социалистическая) предполагает существование плюрализма центров власти (экономических, политических, религиозных и т. п.), конкурирующих между собою... Кроме того, плюралистическое общество является светским обществом, поскольку в нем нет никакой официальной государственной философии, никакой обязательной истины. В плюралистическом обществе закон конкуренции действует не только в экономике, но и в политике, в идеологии».

Одним словом, «плюрализм» — это не что иное, как другое название банальной апологетики порядков современного буржуазного общества со всеми его пороками — частная собственность, конкуренция, формальная, буржуазная демократия и т. п. Но это не просто капиталистическое общество, уверяют нас, а капитализм в стадии своего, так сказать, перерождения в «гуманистический» социализм. Причем это мнимое перерождение капитализма в «демократический социализм» происходит незаметно, совершенно безболезненно, абсолютно «демократически» и т. п. «Социализм в своем демократическом варианте, — продолжает В. Кракси, — представляет собою политико-этический проект, вписывающийся в традиции реформаторского просветительства. Этот проект можно вкратце представить как обобществление ценностей либеральной цивилизации, расширение власти, справедливое распределение богатства и жизненных возможностей...»

В достоинствах этого мифического или «демократического социализма» его адепты пытаются убедить путем клеветы на реальный социализм и ленинизм. Последний, мол, сугубо российское явление, он совершенно недемократичен, возникает в результате революционного или якобинского насилия, слома буржуазного парламентаризма, не допускает соперничества различных партий, рыночной стихии (то есть «плюрализма») и т. п. В противоположность этому «демократический социализм» не какой-то продукт азиатской отсталости, а наследие самых наилучших евро-

пейских традиций, квинтэссенция всего самого благородного из культурного наследия западной цивилизации. Одним словом, для социал-реформистов всякий социализм хорош, кроме реального. Беда лишь в том, что нигде, кроме рекламных проспектов, этот обещанный «демократический социализм» еще не возник, в том числе и там, где социалисты находятся у власти. Реальным там остается только капитализм.

Современный марксизм стремится осмыслить и отыскать пути к социализму с учетом новой расстановки сил в современном мире, сложившейся в результате победы Октябрьской революции, образования системы социализма, усиливающейся борьбы за мир и демократию. Само представление об общих закономерностях движения к социализму по мере накопления опыта, учета традиций национальной истории, изменений, связанных с научно-технической революцией, становится все более глубоким и многогранным.

В конгломерате идей, именуемых порой как «западный марксизм», «западный путь к социализму» и т. п., можно встретить влияние идеологических штампов упоминавшегося выше «демократического социализма». Совпадают подчас и несправедливые обвинения по адресу ленинизма и реального социализма в духовной отсталости, отходе от гуманистических и демократических традиций европейской цивилизации, в русле которой развивался Маркс и т. п. Совпадения доходят вплоть до использования словаря буржуазной пропаганды («пренебрежение к демократии», «нарушение прав человека» и т. п.) в оценке реального социализма. Поэтому необходимо, мол, «возродить» истинного Маркса, очистив его от «поздних наслоений», порожденных ленинизмом, особенностями исторического пути СССР и т. п.

Словесное признание огромной исторической роли ленинизма сочетается с пересмотром многих его фундаментальных идей, включая прежде всего такие основополагающие его принципы, как учение о государстве, о партии нового типа, о революции. Плюрализм во всех областях — экономической, социальной, культурной, политической — объявляется единственно возможной основой выхода из противоречий капиталистического мира. Плюрализм выдается за главный положительный итог предшествующего исторического развития и изображается сутью этой мнимосоциалистической системы, ее пределом и оправданием, иными словами, плюрализм все более выдвигается в качестве основы идейно-политической ориентации для всех ревизионистов. Причем эти идеи выдаются за «возрождение» гуманизма учения Маркса. Однако это обращение к теоретическому наследию гениального основоположника научного социализма лишено всяких оснований.

Дело в том, что «плюралистический социализм» берет своей исходной предпосылкой идею невозможности предсказать какие-либо определенные модели общества. Иными словами, получается так, что сколько голов, столько и истин. Однако марксизму чужд такой крайний релятивизм.

Согласно Марксу и Энгельсу существуют общие объективные закономерности общественного развития, которые поддаются научному исследованию. Именно с раскрытием этих закономерностей и связан переход социализма от утопии к науке. Затушевывать в марксистском наследии проблемы объективной истины, научности познания общественных процессов, наличие объектив-

ных закономерностей общественного развития значило бы наносить марксистской теории непоправимый урон.

Соответственно своим политическим установкам сторонники «плюралистического социализма» пытаются перетолковать и философию Маркса. Под видом «возрождения» гуманизма философии Маркса они стремятся кардинальным образом пересмотреть ее основные принципы. Философию Маркса называют «философией практики», «историческим гуманизмом», «философией исторической инициативы» и т. п., но отнюдь не философией диалектического материализма. Ее исходным понятием якобы является понятие человека, его практики, а не понятие материи.

В результате сложилась довольно многочисленная группа теорий, в которых под видом «возрождения» гуманистического ядра философии Маркса проблема «субъективности» (в собственной их трактовке) выдвигается в качестве основополагающей. Другие же проблемы расцениваются как вторичные, то есть проводится курс на определенную антропологизацию и субъективизацию философии. Поскольку в политической ориентации абсолютизируется особенное, принижается значимость общих закономерностей, то соответственно и в философии марксизма перетолковывается понимание объективности, материальности, объективной истины. Современные ревизионисты сводят эти принципы исключительно к вопросу об активности человека, утверждая, что в диалектическом материализме забыта, мол, «деятельная сторона» Марксова материализма, а применительно к проблеме человека забыта его творчески преобразующая, практически деятельная сущность. Поэтому философия диалектического материализма якобы впала в «онтологизм», «сциентизм», «догматизм», утратила свои критические функции и т. п., одним словом, «дегуманизировалась». Проблема материалистической диалектики в ленинской ее трактовке считается утратившей свой смысл. Тем самым под видом «гуманизации» философии марксизма создается теоретическое оправдание политического «плюрализма» с его требованием правомерности существования неограниченного множества соперничающих между собою «истин».

Таким образом, проводится двойная фальсификация. С одной стороны, К. Марксу приписывается абстрактная концепция «человека вообще» путем затушевывания того факта, что проблема человека рассматривалась Марксом через систему таких основополагающих категорий, как «общественное бытие», «объективные закономерности», «объективная истина», «классы», «классовая борьба» и т. д. С другой стороны — Энгельсу и Ленину безосновательно приписывается забвение деятельной стороны нового материализма, гуманистической его сущности, вопроса о практике.

Обратимся в связи с этим к некоторым решающим фактам из истории ленинской борьбы за революционный марксизм и материалистическую диалектику. История убедительно свидетельствует о лживости распространенной версии о ленинизме как якобы «дегуманизированном марксизме», в котором недооценивается роль исторического творчества человека, его социальная инициатива и т. п.

Напротив, революционный гуманизм Маркса, его концепция человека как практического существа, изменяющего мир и создающего самого себя в этом процессе, лежит в основе ленинских решений кардинальных проблем революционной борьбы, а затем и

социалистического строительства в послеоктябрьский период. Методология Маркса и Энгельса не только всецело воспринята Лениным, но и творчески развита им применительно к новой эпохе.

Сложнейшим вопросом в связи с этим выступал вопрос о соединении борьбы за демократию с борьбой за социализм. Именно вокруг этой проблемы уже издавна, а сейчас особенно активно, концентрируются всевозможные антиленинские измышления. Чрезвычайная сложность и противоречивость проблемы заключалась в том, что в России пролетарское социалистическое движение развертывалось в условиях, когда еще не произошли буржуазно-демократические преобразования. Развитие капитализма в стране происходило в рамках феодально-абсолютистской монархии. Для пролетариата развитых европейских стран, где уже совершились буржуазно-демократические преобразования, проблема соединения социализма и демократии была вопросом использования в своей классовой борьбе уже возникших институтов буржуазной демократии (представительной системы правления, гражданских прав и свобод, партий, прессы и т. д.). Там на первом плане стояла борьба двух сил — пролетариата и буржуазии. Иное дело в России. Относительно позднее развитие капитализма в России чрезвычайно осложняло классовую борьбу и усиливало все противоречия. Российская буржуазия, напуганная революционным движением пролетариата в Европе и в собственной стране, с самого начала была реакционной, стремилась к союзу с феодально-абсолютистской монархией и не собиралась выполнять свою «миссию» — достижение формальной буржуазной демократии. Решение этой задачи, кроме всего прочего, ложилось на плечи пролетариата. В результате ему приходилось вести одновременно две войны, а не одну, как пролетариату развитых европейских стран. Содержание революции в России, отмечал Ленин, в 1905 году заполняют «две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего... буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией, за социалистическое устройство общества».

Сложнейшим вопросом для российского пролетариата и его партии был вопрос о том, что делать на каждом конкретном этапе борьбы. Необходимо было выработать такую генеральную линию, которая бы сочетала в себе и самостоятельность революционной позиции, и реализм требований. Две опасности постоянно подстерегали пролетариат. Одна из них — заниматься тем, чтобы таскать каштаны из огня для буржуазии, быть придатком в достижении ее буржуазных классовых целей («хвостизм»). Другая опасность — попытаться в ходе демократических преобразований осуществлять свои собственно классовые, сугубо социалистические цели, условия для которых еще не созрели («заскакивание»).

Пролетариат должен стоять во главе русской революции, только он является последовательным борцом за демократию, именно ему должна принадлежать гегемония в революции — таков новый и совершенно последовательно проведенный вывод, к которому приходит Ленин. Идея первичности классовой борьбы пролетариата по отношению ко всем другим противоречиям образует ведущий принцип ленинской концепции революции. Тем самым

теория революции в России обретает необходимую стройность, логическую последовательность и боевой, наступательный характер. Мы уже знаем, что противники ленинизма назовут его волюнтаризмом, отказом от Марксова учения о закономерностях общественного развития и т. п. На самом же деле это было отказом от упрощенного понимания учения Маркса.

Дальнейший ход событий все яснее будет выявлять ограниченность плехановского понимания Марксова учения о закономерностях общественного развития. Главный недостаток заключался в недооценке роли субъективного фактора. Человек превращался в некоего исполнителя непоколебимой воли «естественно-исторической необходимости». Ему оставалась лишь роль следовать по ее пятам, не будучи способным в ней что-либо существенно изменить, направить в иное русло и т. п. Одним словом, эта концепция страдала упрощенным пониманием диалектики субъективного и объективного.

Эту ограниченность устраняет Ленин. Коль скоро пролетариат является главной силой в достижении буржуазно-демократических свобод, то следует согласно Ленину выводы делать совсем другие, нежели те, к каким приходили меньшевики и их сторонники. Главная задача состоит не только в том, чтобы не допускать «забегания вперед», но и в том, чтобы не допускать снижения революционной активности «низов» и отыскивать оптимальные формы организации и развертывания этой исторической инициативы (партия нового типа, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, Советы и т. п.). Революция будет тем успешнее, чем шире, активнее и инициативнее будет в ней участвовать пролетариат.

Революция 1905 года потерпела поражение. Характерны выводы, которые делал Ленин из поражений московского и ряда других восстаний. Он не считал, как Плеханов, что не нужно было браться за оружие. Ценность революции Ленин видел в том, что она просвещает и сплачивает народ. Он становится активным творцом новых общественных порядков, формируется его классовое самосознание, вырабатываются необходимые формы организации.

Следующий качественно новый этап в возрождении и дальнейшем развитии Лениным революционного гуманизма Маркса связан с преодолением кризиса в европейском социалистическом движении, порожденного первой мировой войной. Согласно традиционному тогда взгляду социалистическая революция должна была произойти сначала в высокоразвитых промышленных странах Европы. Лидеры II Интернационала на словах говорили о наступлении социализма, но, когда в ходе войны 1914 года революция встала на повестку дня, эти лидеры изменили делу социалистической революции. К непосредственным революционным действиям были подготовлены лишь Ленин и большевики.

В этот период Ленин выполнил огромнейшую теоретическую работу по возрождению революционной сущности марксистского учения, догматизированного лидерами II Интернационала. За их стратегическими просчетами, показал Ленин, стояли глубокие философско-теоретические промахи. К. Каутский и его последователи на словах отстаивали точку зрения, что наступление социализма абсолютно неизбежно, с железной необходимостью следует из закономерностей общественного развития. Этим закономерно-

стям никто не в силах помешать. До поры до времени такая теория придавала уверенность рабочему движению, коль скоро за его спиной стоит «железная необходимость» истории. Но у такой теории была и другая сторона. Упование на внутренний ход закономерностей самих по себе принижало роль человеческого фактора, действий класса, партии. Считалось, что на закономерность нельзя ни повлиять, ни в чем-то изменить, а можно только ее осознать и ей подчиниться. Тем самым каутскианцы оправдывали собственную бездеятельность, оправдывали политику иллюзорной надежды на «самоубийство» капитализма посредством развития его внутренних закономерностей исключительно мирным, парламентским, постепенным путем.

Ленин разрушил этот окаменевший взгляд на действительность и возродил в рабочем движении действительное учение Маркса о роли субъективного фактора в историческом развитии. Ленинский стиль мышления и деятельности характеризует глубокое проникновение в диалектику субъективного и объективного в противовес чисто «экономическому объективизму», с одной стороны, и субъективистскому волюнтаризму — с другой.

Из учения Маркса следовало, что социализм не может быть претворен в жизнь в любой стране и в любой момент истории. Для этого необходимы определенные объективные и субъективные предпосылки. Но историческое развитие не однолинейный и не предопределенный процесс. В нем возникает множество объективно возможных вариантов развития. И от сознания и воли человека, класса, его партии зависит выбор наиболее оптимального варианта и претворения его в жизнь. Отсюда проблема выбора, проблема компетентности, ответственности за решения, организованности и воли в их реализации, то есть огромная роль, отводимая тому человеческому фактору, который так упрямо стараются не замечать в ленинизме его сегодняшние критики.

Таким образом, уже давно на почве различных трактовок философского учения Маркса происходили острейшие битвы по кардинальным социальным проблемам эпохи. Особо ожесточенный характер они приняли в связи с победой Октябрьской революции и решением вопроса о судьбах социализма в стране. Каутскианско-меньшевистские противники ленинизма отвергали социалистическую природу происшедшей революции и призывали к скорейшему возвращению на «естественный» путь «демократического капитализма». Социалистический путь они считали «безумным экспериментом», ибо Россия не готова-де для социализма.

Ленин и большевики в полном соответствии с методологией Маркса переносят решение этой проблемы в совершенно иную плоскость. Если каутскианцы, меньшевики и другие противники ленинизма пассивно ожидали вызревания предпосылок в недрах «демократического капитализма», то Ленин разрабатывает концепцию социализма как «создания самих народных масс». Социализм не может быть самопроизвольным продуктом некой исторической закономерности, а является делом рук самого человека. В качестве главной формы организации исторической инициативы народа в послереволюционный период выступает диктатура пролетариата. Ее функция не только и не столько насилие и подавление с целью предотвратить реставрацию капитализма (как до сегодняшнего дня твердят противники ленинизма), сколько творчество, созидание. В области экономической — это создание ма-

териально-технической базы социализма, в области социально-политической — обеспечение демократии, без которой социализм невозможен, в области культуры — формирование нового человека. Причем ни одна из этих задач не может быть решена порознь.

Таким было ленинское решение давнишней и чрезвычайно сложной проблемы связи социализма и демократии. На каждом историческом этапе эта проблема приобретала свою конкретную форму и получала соответствующее решение.

В «Капитале» и других работах Маркса описывается, что развитие капитализма в Европе шло последовательно по трем ступеням. Это, во-первых, преобразования в области техники, материальных средств производства. Во-вторых, далее наступали преобразования в классовой структуре и возникала новая социальная система еще в недрах старого строя. И только после этого шли революционные преобразования в надстройке, государственно-правовой системе.

Эту схему догматизировали каутскианско-меньшевистские противники Октябрьской революции, они считали эти ступени обязательными и для России. Ленин обосновывает в противовес им свою концепцию революции. Если предшествующие революции захватом власти заканчивались, то социалистическая революция этим только начиналась, ибо по своей природе социалистический способ производства не мог складываться в недрах старого строя. Отсюда решительное расширение в послеоктябрьский период сферы значимости политики вообще, руководящей роли авангарда пролетариата, политики его партии. Эти идеи были дальнейшим творческим развитием учения Маркса — Энгельса о роли субъективного фактора в истории.

Все это свидетельствует о несостоятельности ревизионистской версии истории марксизма как о борьбе двух линий: «гуманистической», якобы восходящей к Марксу, продолженной «неомарксизмом», и линии «позитивистской», где якобы забыт человек как творец своего будущего. Именно Ленин с наибольшей полнотой воспринял от Маркса и Энгельса и развил далее их революционный гуманизм, их концепцию человека как творческого существа.

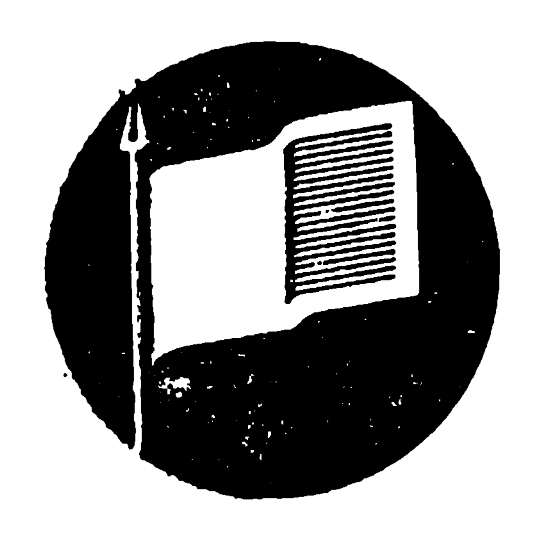
История свидетельствует, что в новую эпоху только Ленин был подлинным революционером, гуманистом и диалектиком. Его традиции продолжаются марксистами-ленинцами в современную эпоху, и помешать торжеству ленинских идей противники ленинизма не смогут никогда.

Ленинские идеи составляют прочный методологический фундамент в формировании и развитии материалистического мировоззрения молодежи нашей страны, определяют политику партии по этим проблемам. Марксизм-ленинизм выступает теоретической основой строительства социализма и коммунизма. Поэтому выступления наших идейных противников против ленинизма являются одной из форм современной классовой борьбы.

«Ленинизм, — отмечалось в постановлении ЦК КПСС к 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина, — это марксизм современной эпохи, целостное, непрерывно развивающееся учение международного рабочего класса».

Для нашей молодежи, как и для всякого советского человека, изучение, пропаганда и защита ленинизма являются одной из важнейших задач.

●

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕОРГИЯ МАРКОВА

Феликс **КУЗНЕЦОВ**

МАСШТАБНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

На памяти одно из недавних заседаний секретариата Правления Союза писателей СССР, за несколько недель до XXVI съезда КПСС, посвященное вопросу, для писателей чрезвычайно важному — обсуждению «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Разговор непростой, потому что, наполненный социально-экономической конкретикой, документ этот требует от писателей глубины и немалого объема знания жизни в наисовременнейших ее проявлениях и масштаба мышления, соответствующего историческому размаху этого документа.

«Если сейчас мы представим нашу страну от края и до края, от Закарпатской Украины и до Камчатки и Курильской гряды, — начинает разговор первый секретарь Правления Союза писателей СССР Г. М. Марков, — то она представится нам мысленно как всенародный государственный совет, в котором участвуют не только уполномоченные этого народа, а участвует сам народ полностью, от мала до велика. И может быть, нет другого подобного примера, расположенного в обозримом ближайшем к нам времени, который бы с такой силой, как этот пример, показывал бы демократичность нашей жизни и столь глубокие, коренные связи нашей партии с народом.

Цель этого совета состоит в том, что партия ставит свои размышления, свои наметки, свои мысли на проверку масс.

Вторая задача состоит в том, чтобы приобщить многомиллионные массы к государственному мышлению в масштабах такой великой державы по всем линиям и направлениям предстоящей экономической и социальной жизни, вызвать инициативу снизу, разбудить новые ее источники, которых в народе всегда предостаточно».

Слушая эти наполненные точной и сильной масштабной мыслью, напором внутренней энергии размышления Георгия Маркова о гигантских исторических перспективах, которые открываются на ближайшее десятилетие перед нашей страной, о роли и месте литературы в нашем социальном и хозяйственном строительстве, которые она занимала па всем протяжении существования Советского государства, я думал о типе художника, качественно новом социальном типе творца, выработанном партией, жизнью, временем.

Давно и пристально читая прозу Георгия Маркова, его публицистику, вслушиваясь в его всегда интересные, часто неожиданные выступления, размышления вслух, беседуя с ним на самые различные, но всегда глубоко существенные для развития нашей литературы и жизни темы, ощущаешь то главное, ту генеральную черту его личности, которая определяет его и как человека и как писателя. И в литературе, и в жизни, и в сложном деле руководства литературным процессом он — государственный человек в наиболее полном и точном значении этого слова.

Понимание того, что есть подлинная любовь к Родине, истинный патриотизм, — тема, заслуженно занимающая в наш век умы очень и очень многих, ибо жизнь современности с ее глобально обострившимися, достигшими опасных напряжений международными противоречиями и конфликтами, причем как на Западе, так и на Востоке, не располагает к благодушию, заставляет пристально задумываться о судьбах социалистического Отечества.

Творчество Георгия Маркова пронизано глубокой и всеобъемлющей любовью к своей как малой, так и большой Родине, сыновней верностью ее традициям, заветам дедов и отцов. Собственно, все его книги в конечном счете об этом — об исторических судьбах Отчизны, о прошлом, настоящем и будущем, о людях, которые подготовили и которые осуществляют ее сегодняшний день.

Как известно, малая родина писателя — Сибирь. На ее территории вполне помещается вся Европа, да еще и для части Азии место найдется. Сын сибирского охотника и сам в годы отрочества и юности таежный охотник, правнук тамбовского крестьянина, из-за безземелья и нужды когда-то отправившегося обживать таежную глухомань, Георгий Марков каждой клеточкой души и сердца принадлежит трудовому народу, что́ и определяет глубинный, органический демократизм как его прозы, так и его личности.

И тот факт, что начиная с десятилетнего возраста вместе с отцом, а потом и один, он исходил с топором и ружьем за плечами сотни и сотни верст по таежным тропам вдоль рек Васюган, Чулыма, Парабель или Кеть, что он рос, впитывая с младенчества легенды и предания, мечты и чаяния, внутренний дух этого свободолюбивого и прочного, подлинно сибирского края, лег резкой печатью на его личность и все его творчество. В тре-

петную пору детства, в ярчайшее по впечатлениям время юности он вобрал в свой духовный опыт память поколений тамбовских и сибирских крестьян, все краски и запахи тайги, мощь и несокрушимую силу ее природы, духовные, душевные качества ее людей.

А так как отрочество и юность писателя пали на грозные послереволюционные годы, время коренных революционных преобразований в самых отдаленных, в том числе и сибирских, глубинах нашей страны, пламень социальных процессов тех трудных, грозных лет опалил и закалил его душу, обогатил политическими и гражданскими представлениями, революционной верой и убежденностью того незабываемого, романтического времени.

Биографические впечатления тех лет — участие Георгия Маркова, еще мальчиком, подростком, в первых сельскохозяйственных коммунах двадцатых годов, работа уполномоченным по коллективизации, инструктором комсомола в тридцатых — и легли в какой-то степени в основу романа «Отец и сын», по которому был поставлен популярный, полюбившийся зрителю кинофильм. Это роман и фильм о создании и гибели под ударами, как говорили в ту пору, классового врага таежной сельскохозяйственной коммуны на берегу безлюдного Васюгана, о трагической и героической судьбе первых сибирских коммунаров — Романа Бастрыкова и его сына Алешки, продолжившего его борьбу.

В жестоком противостоянии купцу Порфирию Исаеву, тридцать лет полновластно хозяйничавшему в этом далеком краю, в борьбе за новую жизнь раскрываются в романе — и фильме — высокие, идейные, а потому одухотворенные характеры коммунистов и комсомольцев двадцатых годов.

В какой-то мере я знаю и помню то время двадцатых годов по людям европейского Севера, прежде всего по рассказам своих родителей, Феодосия Федоровича и Ульяны Ивановны, народных учителей Вологодчины, комсомольцев двадцатых годов, по воспоминаниям их многочисленных друзей, сельских интеллигентов, которые несли свет знания и идеи революции в глухие таежные места Вологодской области. Что поражало и восхищало в этих людях прежде всего — это черты подвижничества, проистекающего из глубокой и подлинной идейности, из нерушимой веры в огромное благо революции для Родины и ее народа и, конечно же, для родного края, для вологодских ли, сибирских крестьян. И им казалось, что всенародное счастье, полное удовлетворение всех чаяний народных — вот оно, рядом, за ближайшим перевалом исторических времен.

Путь оказался куда более долгим и трудным. Но трудности и мучительные подчас противоречия действительного, реального пути в будущее ни в малой степени не ставят под сомнение, не преуменьшают того светлого и ясного революционного порыва, каким была наполнена жизнь наших дедов и отцов.

Вот в этом естественном, само собой разумеющемся для Георгия Маркова единстве любви к Отчизне, ее привольным таежным, сибирским просторам, любви, гордости и восхищения ее природой, ее людьми и верности революционной идее, перевернувшей жизнь нашей великой страны, и заключена принципиальная особенность жизненной и творческой позиции писателя. Его патриотизм — это деятельный революционный патриотизм, неотрыв-

ный от движения истории, от путей родной страны в социалистическое, коммунистическое будущее.

Такой деятельный патриотизм, в основе которого лежит ленинское чувство национальной гордости великороссов, такая любовь к родной стране и гордость за ее судьбу, которые неотделимы от стремления к благу ее трудового народа, и выражаются как в творчестве, так и в общественном поведении писателя, в государственном мышлении, в партийном, государственном его подходе к постижению и осмыслению коренных процессов и тенденций жизни действительной, тех характеров, которые она вырабатывает.

А истоки подобного патриотического чувства писателя в его революционных идеалах, в верности памяти тех огневых, революционных лет, которая живет буквально во всех его книгах, начиная с первого крупного романа, которым Георгий Марков вошел в литературу, — «Строговы».

Уже здесь, в этом первом значительном произведении писателя заложены те идейно-творческие принципы, которые красной нитью пройдут через все его творчество, здесь успешно решается задача исследования исторических судеб сибирского крестьянства в предреволюционные и революционные годы. В центре — впечатляющие характеры сибирских крестьян, таежных охотников, тружеников, и прежде всего характеры, составляющие большую крестьянскую семью Строговых, — деда, пасечника Захара Строгова, его жены Агафьи, сына Матвея, его молодой жены Анны, внуков Артема и Матвея, жизнь и труд которых во славу родной Сибири составит содержание следующей книги писателя, романа «Соль земли». Через эту семью, в которую полноправным членом входит дед Фишка, родной брат старой Агафьи, ближайший друг и сподвижник Матвея Строгова, воспитатель его детей, человек неизбывного, подлинно народного оптимизма и редкой доброты, знающий тайгу как, пожалуй, никто другой, раскрываются в романе судьбы таежного края в трудную и противоречивую пору начала века. Это книга о судьбах народных в предреволюционные и революционные годы, о путях, которые привели в революцию трудовое сибирское крестьянство, о зарождении и упрочении в глубинах таежной Сибири новой, народной, революционной власти.

Жизнь народной Сибири этих предреволюционных лет предстает в романе наполненной острейшей классовой борьбой. Перипетии этой борьбы Строговых — Матвея, деда Фишки, других крестьян-бедняков, поддерживающих Матвея Строгова и его единомышленников в этой борьбе, — разворачиваются в остросюжетном повествовании, завершающемся созданием партизанской армии, возглавляемой Матвеем Строговым, трудными боями отрядов партизан-сибиряков с колчаковцами.

Матвей Строгов, его сыновья, дед Фишка — это те истинно народные характеры, в которых в полную, незаурядную силу и мощь раскрывается душа, натура трудящегося человека, с его устремленностью к людям, с его коллективизмом, стремлением подать руку помощи каждому страждущему, с его активной, деятельной добротой. И одновременно в этих характерах, в особенности в Матвее Строгове, стихийно живет подлинно государственный взгляд на жизнь, не эгоистическое, но глубоко коллективистское, гражданственное отношение к людям. Отношение, ко-

торое и приводит Матвея Строгова в конечном счете в революцию, в Коммунистическую партию.

И еще одна черта народного самосознания, последовательно, из книги в книгу исследуемая Георгием Марковым, уже в романе «Строговы» заявленная прозаиком с полной отчетливостью: любовь к природе родного края, отношение к природе как к матери-кормилице, вера в огромные возможности Сибири, в богатство пока еще не открытых, даже не разгаданных ее кладовых.

Собственно, эти два аспекта: народ и революция, народ и природа — и составляют главную суть всего творчества Георгия Маркова; их исследованию в сложной диалектике внутреннего единства, равно как и во всей сложности реальных противоречий на различных этапах развития нашей страны, и посвящены все крупнейшие и наиболее значительные его произведения.

Не случайно конфликт в романе «Строговы» по своей социальной природе глубоко классовый конфликт между трудовым крестьянством Сибири, воплощенным в характерах Строговых или деда Фишки, и местными богатеями разворачивается вокруг таежных богатств сибирского края: кому владеть этими богатствами — кедровниками и охотничьими угодьями Юксинской тайги — богачам или же общине, народу, миру? В романе воссозданы хищные характеры богатеев — лавочника Зимовского, который ради денег идет даже на разбойное убийство деда Захара Строгова, идет на все, чтобы открыть золотой прииск в Юксинской тайге, сельских кулаков Юткиных и Штычковых, у которых почти вся деревня «в должниках ходит».

Роман «Строговы» и начинается с того, что таежные охотники дед Фишка и Матвей Строгов наткнулись в заповедных охотничьих угодьях Юксинской тайги, где испокон века охотилось только семейство Строговых, на труп замерзшего золотоискателя, обнаружившего золото в этих местах, — событие, определившее во многом жизнь в этой округе, а равно и развитие действия в романе.

В значительной степени роман «Строговы» и посвящен тому, как хищничество и корыстолюбие стремятся завладеть богатствами этого таежного края и как коренное, местное, трудовое его население в меру своих сил и возможностей подчас наивно и неумело противостоит этим агрессивным попыткам разграбления и осквернения Сибири. В романе правдиво передана, с одной стороны, глубокая, причем стихийная, часто интуитивная, основанная на многовековом опыте, народная вера в наличие этих огромных природных богатств, заключенных в недрах сибирской тайги, и одновременно живущее в народе сложное, противоречивое и такое же инстинктивное чувство боязни, страха перед капиталистическим хищничеством, перед теми утратами, которые неизбежны, если «чумазый» придет в эти заповедные места Сибири. В дореволюционных условиях из этого объективно существовавшего противоречия для сибирских крестьян не было выхода. «Вот найдет какой-нибудь Зимовский золото — и нагрянут сюда всякие Прибыткины да Кузьмины, заграбастают всю тайгу, и кончено с твоим простором: оттеснят народ и от тайги и от земли», — горестно размышляет Матвей Строгов.

Герои романа часто возвращаются к этой волнующей их, а подчас и гнетущей теме: до чего богата и одновременно бедна

Россия! «Сколько у нас добра вот в таких закромах! А взять это добро не можем, и оттого живет русский народ в великой бедности».

Со страниц романов Георгия Маркова — и в этом важное их значение — в полный рост, во всю огромную, ни с чем не сравнимую мощь встает Сибирь с ее бескрайними просторами, ее могучей, богатейшей природой, гордой суровостью условий ее жизни и труда, яркими особенностями национального характера населяющих ее русских людей — сибиряков. Писатель находит емкие и точные слова, чтобы передать свою любовь к этому краю и населяющим его людям-труженикам, свое незаемное знание Сибири.

Ближе всего ему «добрая, отзывчивая душа» этих людей, особенно ярко воплощенная в характере Матвея Строгова, его отца Захара, деда Фишки. «У меня вот о других никогда сердце не болит, а он за каждого душу готов отдать, — размышляет об особенности характера Матвея его жена Анна. — Случись у кого беда — первый помочь побежит».

Книги Георгия Маркова демократизмом своим, качеством народности, взглядом на народные основы жизни принадлежат к той тенденции, той традиции отечественной и современной прозы, пафос которой в утверждении ценностей трудовой, народной, крестьянской нравственности, вырабатывающейся веками борьбы и труда человека на земле. Однако особенностью его позиции, его взгляда на оную нравственность является подчеркнуто социальный, классовый подход.

«...Богачи — что? У них сердце каменное. Сначала к чужому горю жалость теряют, а там, глядишь, и своих домашних за даровых земляков или за вещь какую-нибудь начинают считать», — объясняет Матвей Строгов брату своей жены Денису, выходцу, как и Анна, из семьи богатеев Юткиных. Матвей рад тому, что Денис пока что «сердцем отзывчивый» и «жадность богаческая да лиходейство» пока еще его не тронули. У Матвея твердое понятие того, что «богачей на свете немного и закон у них в жизни один: человек человеку — волк. Второе — что большинство народа живет другой жизнью, не этими волчьими порядками, а любовью к человеку», а потому «рано или поздно объединится весь угнетенный рабочий люд, уничтожит волчьи законы и устроит жизнь по-новому, по-человечески».

Это стремление писателя связать подлинно человеческие ценности народной нравственности с трудом, с традициями трудовой, народной, крестьянской или рабочей жизни, в противовес жизни «богачей», в городе ли, деревне, все едино, стремление к социальной правде характеров, к выявлению всей беспощадности и бесчеловечности социального эгоизма тех же кулаков Юткиных или лавочника Зимовского, плодотворно и истинно. Книги Г. Маркова спорят с наметившейся в иных произведениях о прошлом нашей деревни тенденцией к определенной идеализации этого прошлого, когда на вполне реальные, причем беспощадные социально-классовые противоречия в жизни старой русской деревни вдруг набрасывается этакий розоватый, сентиментально-романтический флер.

Такой трезвый, правдивый, реалистический взгляд на прошлое русского, в данном случае сибирского крестьянства, выявляющий нравственную и социальную опасность социального эгоизма ку-

лачества, богатеев, эксплуатирующих крестьян, пристально исследующий народную жизнь в конкретных формах ее социального расслоения, в обстоятельствах классовой борьбы тех времен, глубоко современен и своевремен. Он ни в малой степени не уменьшает любви писателя к родному краю, к людям, населяющим этот край, красоты и достоинства трудовой народной нравственности, зато учит современного читателя верному и подлинно человеческому отношению к социальному эгоизму в современных формах его проявления, к агрессивному атавизму собственнических, потребительских, рваческих начал сегодня. Учит конкретно-историческому, реалистическому, социально-классовому взгляду на жизнь, правильному пониманию процессов жизни, тому патриотизму, который сопрягает любовь к Родине с социальной активностью в борьбе за счастье и благополучие не только свое, но родного народа, всех трудовых людей, населяющих ее. А такая любовь всегда неотделима от ненависти к паразитам, узурпирующим, порабощающим, искажающим и уродующим народную жизнь.

Такого рода противоречия и двигают конфликт «Строговых».

«— Народу — не жалко, а вот Зимовскому... не отдадим!» — размышляет вслух о судьбе золотоносной Юксинской тайги Матвей Строгов. Борьба за богатства родной природы, тайги, в течение долгих лет кормившей сибиряков, будит самосознание жителей этой таежной деревни, заставляет сплотиться их в противостоянии местным богатеям и в том случае, когда они пытаются отнять у деревенского «мира» кедровую тайгу.

«Кедровник берегли всем народом. Каждый от мала до велика знал: за одну шишку, сбитую не в указанное время, выведут все семейство виновного на сход, и тогда быть великой беде». Ибо кедровая тайга от века надежно служила окрестным жителям, поставляя не только пушнину, живность, но и орехи, которые тут же сбывались скупщикам, что заметно увеличивало крестьянские достатки. «Особенно выручал орех бедноту».

И когда местная власть за взятку решила передать кедровник, приписанный некогда сельскому «обществу», под отруба Евдокиму Юткину и Демьяну Штычкову, этот открытый грабеж народа двумя богатеями не мог никого из крестьян оставить равнодушным.

Трудная эпопея борьбы мужиков за кедровник, начинавшаяся походами «по начальству», попытками «доказать» свои «законные» права, а завершившаяся открытым вооруженным столкновением с властями, а позже боями с колчаковцами, и составляет основное содержание романа «Строговы». Лишь революция разрешила этот спор, безвозмездно передав крестьянам права на кедровник и на все пахотные и луговые земли, которые они обрабатывали издавна.

Завершался роман «Строговы» встречей Матвея Строгова и деда Фишки, приехавших с делегацией сибирских крестьян в Москву, с Владимиром Ильичем Лениным, которому Матвей Строгов и высказал свою «самую затаенную думу». Это дума об огромных, в земле и на земле сибирской, богатствах родного края, которые много веков терпеливо дожидались хозяина.

«— Наша Юксинская тайга, товарищ Ленин, золотом славится, — сказал Матвей. — Каменный уголь там находится, по озерам какие-то жирные ключи бьют. Богатые люди это давно

унюхали... Совет нашей армии постановил... товарищ Ленин, как только война кончится, просить Советское правительство послать в Юксинскую тайгу ученых людей. Желает народ, чтобы у нас на Юксе свои прииски и шахты были».

И Ленин говорит в ответ Матвею Строгову и деду Фишке в романе следующие пророческие слова: «Правительство и партия окажут вам, товарищи, всяческую поддержку в деле поисков и освоения новых месторождений золота, угля, нефти. Нам предстоит гигантская и благодарная работа — невиданно поднять производительные силы России, изменить ее облик, преобразить ее окраины...»

Роман «Строговы», наполненный верой в неисчислимые природные и в том числе геологические богатства Сибири, писался Г. Марковым в 1936—1948 годах. Это убеждение в ту пору покоилось не столько на основе уже проведенных и законченных геологических изысканий, на показаниях геологической науки, но больше на вере народной, на преданиях дедов и отцов, на тех самых первых, быть может, далеко не всегда профессиональных изысканиях, которые вели политические ссыльные в тех местах.

Эта вера в будущее родного края в полную меру прозвучит чуть позже в романе «Сибирь» — наиболее значительном произведении Георгия Маркова, заслуженно отмеченном Ленинской премией.

«Российское могущество прирастать будет Сибирью». Только гений мог сказать слова, мудрость которых рассчитана на века...

Улавливаю в сих словах о Сибири прежде всего патриотическую гордость Ломоносова за свой народ...

Все больше и больше задумываюсь: кто, какой общественный строй в состоянии поднять производительные силы Сибири, вдохнуть в ее просторы жизнь и действие, на деле осуществить гениальный завет Михайлы Ломоносова?!» — размышляет в романе «Сибирь» русский ученый-демократ Венедикт Петрович Лихачев, отдавший жизнь исследованию этого края.

Убедителен вывод, к которому приходит в романе этот человек, повторивший в своем духовном развитии путь Ильи Мечникова или профессора Тимирязева:

«Мечусь и терзаюсь в раздумьях и, как ни прикидываю, вижу одну лишь силу, способную взять на себя эту титаническую работу, — партию эсдеков-большевиков. Есть у нее для этого и ум, и отвага, и смелость, и корни ее уходят глубоко в народ, и потому за ней будущее».

Вывод этот подтвержден не только развитием романа, но и всем последующим ходом жизни. В нем глубокая современность книги, посвященной, казалось бы, столь далеким, предреволюционным временам — поре 1916—1917 годов. Современность «Сибири» Г. Маркова прежде всего в авторском подходе к объекту своего изображения, в масштабности и глубине писательской мысли о судьбах этого легендарного края и его людей в канун Великого Октября.

Тема Сибири в нашей литературе огромна и значительна. Значение ее особенно возрастает в наши дни, когда внимание не только нашей страны, но и Европы, Америки буквально приковано к этой, как сказано в романе, кладовой гигантских размеров, поражающей колоссальным запасом природных богатств.

Сегодня пришел срок их освоения в масштабах, поражающих мир.

Сибирь, утверждает своим романом Георгий Марков, ее просторы, ее прошлое, настоящее и будущее заключают в себе такие возможности и человеческие деяния, такие уникальные человеческие характеры и могучие человеческие страсти, что литература при всем том, что уже ею сделано, может считать себя в огромном долгу перед этой землей.

Его собственные романы, на взгляд писателя, лишь одна из первых сегодняшних попыток в нашей литературе вернуть народу этот долг. В них содержится масштабная и глубоко современная постановка темы Сибири на историческом материале. Исчерпывающее же решение столь грандиозной и многообразной темы, громадного исторического вопроса о судьбах Сибири в ее прошлом, настоящем и будущем сподручно лишь литературе в целом, в поступательном развитии ее.

Следует отдать должное Г. Маркову: в предложенном им художественном решении поставленных проблем он счастливо избежал многих опасностей, которые подстерегают художника на этом пути. Речь идет прежде всего о ложно понимаемой романтизации Сибири, когда на первый план выходит тема русского Клондайка, оборачивающаяся живописанием не столько социальных, сколько биологических страстей и «нутряных» характеров, поставленных в исключительные, будто бы чисто «сибирские», обстоятельства. Печать такого рода «романтики» и «нутряного» биологизма, без должных оснований приписываемого русскому сибирскому мужику, в свое время лежала на некоторых произведениях, посвященных Сибири, затемняя и затеняя социальную суть исследуемых характеров и обстоятельств.

Георгий Марков — глубокий знаток и пристальный исследователь веками складывавшегося колоритнейшего уклада сибирской народной жизни. При этом он умеет передать не только исторически обусловленное своеобразие этой и в самом деле совершенно особенной и неповторимой жизни, но и глубочайшие социальные контрасты и противоречия ее.

Страницы, рисующие жизнь и быт старой сибирской деревни, ее людей, могучие кержацкие характеры, которые выкованы на этой суровой земле веками бесстрашного и неизбывного труда, — лучшие в романе «Сибирь». Писатель, как уже подчеркивалось выше, знает эту жизнь, ее труд и быт досконально. «Когда меня спрашивают, в какой школе я получил художественное воспитание, я отвечаю, что начальной школой жизни и искусства были для меня среда охотников, промысловый труд, таежный костер и охотничий стан», — говорит он.

Глубоко народная школа жизни писателя определила и своеобразие замысла романа «Сибирь». Замысел этот неоднозначен. Он высекался, мне представляется, на пересечении биографического опыта художника и тех наисовременнейших токов и потребностей жизни, которые определяют сегодня будущее Сибири. Наивно было бы ограничивать авторский замысел лишь утверждением природных богатств и возможностей этой и в самом деле сказочно богатой земли.

Тема природы, ее богатств, ее значения для человека и человечества звучит в романе исключительно современно. Богатейшая сибирская природа в представлении писателя фактор не только

экономический, обусловливающий могущество страны, но и нравственный. Хозяйское, рачительное отношение к природе, столь характерное в романе для охотника Степана Лукьянова или поселенца Федота Федотовича, с одной стороны, для профессора Лихачева и его племянника, ссыльного большевика Ивана Акимова — с другой, осмысляется автором как естественное проявление трудовой нравственности, неотъемлемой от души народной. Оно самым решительным образом противостоит тому хищничеству по отношению к природе и человеку, которое свойственно миру собственничества, представленному в романе в первую очередь семейством Епифана Криворукова, беззастенчиво рвущимся к богатству, даже если это богатство добыто ценой человеческой жизни.

Роман «Сибирь» принципиально важен для современности авторским убеждением в том, что коммунистическая мораль и нравственность, пролетарская культура в целом, говоря ленинскими словами, «не является выскочившей неизвестно откуда», что коммунисты пришли в мир как достойные наследники и продолжатели тех гуманистических начал в отношении к природе и человеку, которые были выработаны трудом и борьбой народных масс на протяжении тысячелетий.

Гуманизм и человечность трудовой народной нравственности олицетворены в романе в таких характерах, как старая Мамика, сохранившая ясный ум и чистую совесть, правившая непререкаемый нравственный суд над жителями своего села. «Человека бедного и униженного она всегда защитит», — говорит охотник Лукьянов: потому-то и недолюбливают, но одновременно и боятся Мамику лукьяновские богачи. В центре романа такие ясные и чистые по своим нравственным устоям и потому могучие и сильные народные характеры, как охотник Степан Лукьянов, натура талантливая и одухотворенная, социально активная, естественно и органично тянущаяся к культуре, знаниям, что и определяет меру его неукоснительного авторитета среди жителей Лукьяновки.

Сила таких характеров, как Степан Лукьянов или старая Мамика, нравственная. Характеры эти воплощают в представлении Г. Маркова душу трудового народа, его разум, а не предрассудок. За ними гуманистические, истинно человеческие ценности жизни, а потому и будущее.

В романе «Сибирь», духом своим также спорящим с сентиментально-романтическим отношением к старой сибирской деревне, правдиво показана вся сложность процессов классовой дифференциации жизни той поры. Такие персонажи, как Епифан Криворуков или староста Филимон Селезнев, подпевающий лукьяновским богатеям, — это ведь характеры также исконно сибирские, но не им принадлежит будущее. В романе выделяется силой и страстностью первая часть второй книги — «Поля», рассказывающая о драматической судьбе дочери фельдшера Горбякова, вышедшей замуж за сына Епифана Криворукова, о ее поездке со свекром в Васюганскую тайгу, к сопкам и остякам, куда тот направился «деньгу загребать». Поездка эта, характеры упырей-скопцов, безжалостно обманывающих остяков, испепеленная наживой душа Епифана обрисованы в романе мастерски. Перед внутренним взором Поли открывается такое человеческое падение, такая бессовестность, что она приходит к бесповорот-

ному решению: порвать с «криворуковским миром», «миром несправедливости и обмана».

«Мне всегда, конечно, казалось, что собственность со всеми вытекающими из ее природы последствиями не может увлечь тебя, стать делом твоей жизни», — говорит в ответ на это решение отец Поли, фельдшер Горбяков, посвятивший жизнь свою борьбе за то, чтобы рухнул «этот мир собственничества, жестокости и несправедливости».

Так обозначается в романе водораздел борьбы, не только классовой, но и духовной, нравственной, гуманистической. Водораздел, по одну сторону которого мир «криворуковский», мир стяжательства, а по другую — мир правды и добра, труда и борьбы, истины и справедливости. Внутренняя, художественно доказанная в романе закономерность состоит в том, что этот мир, мир истинной человечности, объединяет в себе все лучшее и человечное: старую Мамику и Степана Лукьянова, Полю и юную революционерку Катю Ксенофонтову, фельдшера-большевика Горбякова и бегущего из ссылки коммуниста Ивана Акимова и его учителя, крупнейшего исследователя Сибири, профессора Лихачева.

Фельдшер Горбяков, конспиративно организующий побег Ивана Акимова, не какой-то пришлый, чуждый Сибири и ее людям человек. Пробыв здесь в свое время положенные три года ссылки, он тут и остался, чтобы лечить ссыльных, охотников, рыбаков, крестьян, а главное — в глубокой конспирации выполнять ответственнейшее поручение партии. Его нравственный авторитет в округе, как и авторитет Мамики или Степана Лукьянова в своей деревне, непререкаем. Никто не знал о тайной жизни Федора Терентьевича, не догадывался о связях фельдшера с революционерами и «государственными преступниками», но все ощущали незаурядность личности Горбякова, чистоту и совестливость его души, силу ума и характера этого человека, безусловность добра, с которым он шел в народ. Будучи подлинным интеллигентом-демократом, большевик Горбяков плотью своей души неотрывен от народа, от его дум и чаяний, лучших традиций трудовой нравственной основы.

В полном соответствии с правдой жизни писатель показывает, что самые яркие и самые совестливые, богатые душой и сильные умом личности в народе тянутся к большевикам, находятся в их рядах или же к ним идут. Ибо мировоззрение ленинской партии выражает самые заветные чаяния трудящегося народа, самые светлые его черты, оно аккумулирует социальный, нравственный, духовный опыт народных масс и поэтому близко, понятно, дорого им.

Гуманистическая суть этих идеалов, говорит своим романом Г. Марков, убеждала умы и сердца и таких честных русских интеллигентов, как профессор Лихачев.

«Не вздумай, любезный отрок Ванька, вообразить, — пишет он своему племяннику Ивану Акимову, — что ты обратил меня в свою веру. Дошел до нее сам, дотумкал собственным умом».

Собственным умом понял подлинный русский интеллигент, профессор Лихачев, что без революции «родная земля не очистится от скверны», что «иначе бесталанные люди — всякого рода мерзавцы и самозванцы — будут продолжать топтать мой народ, изгаляться над его великой и прекрасной душой, взнуздывать

его в пору благородных порывов, глушить его высокие стремления».

Роман Георгия Маркова «Сибирь» — глубоко патриотическая книга. И патриотизм ее в утверждении социальной и нравственной неизбежности революции на просторах России, в утверждении социализма как той главной и определяющей силы, которая на деле осуществляет гениальный завет Михайлы Ломоносова: «Российское могущество прирастать будет Сибирью».

Сыновьям и внукам Строговых и Лукьяновых, чьим трудом и борьбой совершена революция, их заботам по практическому освоению богатств Сибири был посвящен роман Георгия Маркова «Соль земли», писавшийся в 1949—1959 годах, пьеса «Вызов», написанная им совместно с Э. Шимом и поставленная на сцене Малого театра.

Интересно проанализировать соотношение идей, проблем, мотивов романа «Соль земли» и пьесы «Вызов», потому что за этим соотношением движение жизни действительной, а вместе с тем и внутреннее развитие автора.

Роман «Соль земли» писался в ту пору, когда использование геологических богатств Западной Сибири было делом весьма проблематичным по той простой причине, что геологическая наука отвергала самую возможность такие богатства найти.

Пьеса «Вызов» создавалась в наши дни, когда освоение природных богатств Западной Сибири уже идет, причем с невиданным в истории человечества размахом, ставя перед людьми совершенно новые проблемы и вопросы. Социально чуткий художник, Георгий Марков не мог не откликнуться на них.

Это становится доброй традицией нашей литературы и нашего театра: выносить на подмостки сцены, на широкое общественное обсуждение насущнейшие социально-экономические и нравственно-философские вопросы жизни. И привлекать к их коллективному осмыслению, втягивать в страстный, подчас непримиримый спор интересов, звать к активному гражданскому сопереживанию и внутреннему соучастию самого широкого читателя и зрителя.

Глубина, сила непосредственного подобного сопереживания, реакция читателей и зрителей и в частности зрителей спектакля «Вызов» на тот диспут идей и общественных страстей, который разворачивается на сцене, говорят о многом. И прежде всего о формировании в глубинах народной психологии государственного мышления, государственного подхода к коренным проблемам нашего социально-экономического и общественного бытия, о зреющей в душах потребности в активной жизненной позиции, стремления быть не созерцателем, наблюдателем, но соучастником, хозяином этой жизни.

Такое стремление и составляет самую суть характеров Максима Строгова (народный артист РСФСР В. Коршунов), Артема Строгова (заслуженный артист РСФСР Е. Буренков), Николая Титаренко (В. Г. Богин), старого охотника Лисицына (народный артист А. Кочетков) и его дочери Ульяны (А. Евдокимова) в спектакле «Вызов». Это люди, о которых сказано: «Соль земли».

Спектакль Малого театра дает нам возможность вновь встретиться, но уже в современных условиях, с хорошо знакомыми героями книг Г. Маркова «Строговы», «Соль земли». В пьесе «Вызов» действуют в основном те же характеры, что и в рома-

не «Соль земли», отобраны ситуации, составлявшие в значительной степени сюжетную основу романа. И тем не менее пьеса эта отнюдь не инсценировка книги. Правильнее будет сказать, что это самостоятельное произведение, в чем-то написанное по мотивам романа, но вместе с тем во многом под углом вопросов и проблем сегодняшнего времени, дополняющее и обогащающее его. И не только тем, что действие в пьесе из первых послевоенных лет, как это было в романе, продолжено, продвинуто в наши дни.

Обогащение идет прежде всего за счет новых, современных акцентов в осмыслении проблем и явлений жизни, за счет современных идей, страстей и противоречий сегодняшнего времени, в преодолении которых раскрываются характеры в спектакле «Вызов».

Если вспомнить, в романе «Соль земли», написанном почти четверть века назад, главный пафос и сюжетная суть заключались в доказательстве той неопровержимой и сегодня всем очевидной идеи, что природные богатства Западной Сибири уникальны и требуют немедленной разведки и комплексного освоения. В борьбе за эту идею раскрывались характеры героев книги, их коренные жизненные и духовные принципы.

Роман «Соль земли» писался в те времена, когда в ученом мире Западная Сибирь считалась с точки зрения природных ископаемых краем не очень перспективным. В тех условиях книга молодого в ту пору прозаика, с таким яростным полемическим запалом, устами начинающего геолога Краюхина, доказывавшего мысль, что богатства западносибирских недр ничуть не меньше, чем богатства сибирских лесов, была также своего рода вызовом. Вызовом рутине, инерции мышления, устаревшим научным взглядам, привычным принципам хозяйствования.

Пьеса «Вызов» отнюдь не отрицание, но развитие идей романа. И в этом смысле она принадлежит сегодняшнему дню, неизмеримо более драматическому, чем день вчерашний, если иметь в виду сложнейшие проблемы экономического освоения Сибири и — шире — проблемы нашего хозяйствования. Хозяйствования не только в масштабе колхоза, предприятия, района, но и области, всего сибирского края и даже страны.

Именно такой — воистину государственный — размах мысли в спектакле, свойственный в равной мере и его героям, и его авторам, умело воплощенный в сценическом действии, и заражает мыслительной, духовной энергией зрительный зал. Главный вопрос, который мучает героев, авторов и зрителей спектакля, — это вопрос о стиле нашего хозяйствования сегодня, о том, насколько по-хозяйски, с думой о завтрашнем дне мы подходим к эксплуатации тех гигантских природных богатств, которые заключены в уникальной кладовой мира, именуемой Сибирью. И это далеко не только хозяйственный, но политический и одновременно нравственный вопрос, один из коренных вопросов современности.

Вопрос этот лежит уже в основе завязки конфликта в спектакле, когда на заседание ученого совета крупнейшего сибирского научно-исследовательского института, куда только что был назначен директором Краюхин, непонятно кем и зачем вызываются руководящий работник Госплана СССР Максим Стро-

гов, академик Венедиктин, первый секретарь обкома Богачев... Оказывается, вызов послал и одновременно «вызов бросил» друг юности Краюхина, братьев Строговых, Венедиктина, в прошлом комсомольский секретарь, а теперь простой лесник в Синеозерье, Николай Титаренко, ради спасения Синего озера, бесценным, заповедным богатствам которого угрожает строительство спроектированного академиком Венедиктиным химкомбината. Сам Николай Титаренко, хозяин Синего озера, с его целебными источниками и кедровыми лесами, смертельно ранен браконьерами, и его дело приходится защищать сыну, Виталию Титаренко (Н. Верещенко).

Развитие действия в спектакле показывает, что бой за природу, который ведут отец и сын Титаренко, начался не сегодня. Его истоки уходят в глубину, в те времена, когда Максим Строгов, вернувшись с фронта домой и став заведующим промышленным отделом обкома, только начинал борьбу за комплексное освоение родного края. К нему-то спустя тридцать лет и обратился Титаренко за помощью, веря, что Строгов именно тот человек, который его поддержит в стремлении сохранить от гибели и разрушения заповедные места Сибири.

Вокруг Синего озера и окружающей его кедровой тайги, вокруг кардинальной для нашего времени проблемы разумного, бережного, хозяйского отношения к природе и разворачивается в спектакле «Вызов» спор, неуступчивая и трудная борьба. Началась она еще тридцать лет назад. Ретроспекция в пьесе, умело сделанная по мотивам романа «Соль земли» и заметно заостренная в сравнении с романом, переносит нас в трудное послевоенное время, когда лежавшая в развалинах страна как хлеба насущного ждала леса, и ради выполнения планов лесоповала местные власти готовы были пустить под топор и часто пускали бесценные, но легкие в добыче кедровые леса.

В ту пору братья Строговы — Максим и Артем, сыновья Матвея Строгова, оба партийные работники, нашли в себе силы и мужество встать на защиту сибирского кедра, попытаться оборонить его от бездумья и бесхозяйственности. Они шли на эту нелегкую борьбу, смело выступив против придерживающегося иных взглядов на практику хозяйствования первого секретаря обкома Ефремова (народный артист РСФСР Б. Толмазов) потому, что им были дороги интересы дела, чаяния народа, верность заветам отца, еще до революции защищавшего кедр от варварских порубок. Братья Строговы были неодиноки в своей борьбе.

Убедительный, глубокий образ старого труженика, охотника Лисицына, знатока сибирских недр и лесов, создает в спектакле артист А. Кочетков. Впечатляет в спектакле сцена, где старик Лисицын соглашается для видимости проводить на Синее озеро лесоустроителей, которые приехали, чтобы заложить леспромхоз. Его рассказ этим людям о кедре, о богатствах синеозерской тайги — это поэма влюбленного в лес человека. И одновременно крик боли страдающей души.

«— Это ведь кедры гниют!.. — показывает он на завалы леса. — Если бы столько не терять, не губить, дак и Синее озеро незачем трогать! Что мы делаем, а? Неужто сердце у нас не болит?.. Ведь не конец света, чтобы больше ничего не жалеть!..»

Жесткий, бескомпромиссный приговор старого охотника — «никудышные мы хозяева!» — перевернул душу братьев Строго-

вых, заставил их тогда, тридцать лет назад, когда промышленное освоение края только еще начиналось, отдать сердце защите сибирской природы.

Значит ли это, что герои спектакля «Вызов» ратуют за природу как неприкасаемую ценность? Что решение этой сложнейшей и актуальнейшей для современного мира проблемы — человек и природа — они видят в некоем пасторальном, ностальгическом ключе?

Отнюдь нет. Значение спектакля «Вызов», как мне представляется, в том и состоит, что, вмешиваясь в острейшие экологические споры, которые идут в современном мире, спектакль этот выявляет разумную, здравую и, как мне представляется, доказательную точку зрения на эту проблему как его героев, так, следовательно, и авторов.

Позиция эта была заявлена Г. Марковым еще в его романе «Соль земли». Размышляя о том, как много значит природа в жизни человека, — практически, без освоения человеком природы не было бы ни цивилизации, ни культуры, ни земледелия, ни промышленности, — Артем Строгов говорит: «Природа! И не просто природа для любования, а природа производящая!»

Производящая природа! Мысль, особенно важная в наше время, когда в таком гигантском объеме разворачивается промышленное освоение Сибири. Раз берешь так много от природы — твоя, человеческая обязанность об этой живительной, спасительной для тебя природе заботиться, возвращать сторицей то, что берешь, и, конечно же, в традициях дедов и отцов думать, что потомкам останется!.. Такой важнейший принцип гуманистического, коммунистического хозяйствования на земле, подлинно государственный подход к вопросу освоения и одновременно охраны природы убедительно и страстно утверждается в спектакле «Вызов».

В действии, широко и привольно разворачивающемся на сцене Малого театра, органично и естественно переплетаются две, казалось бы, исключающие одна другую темы: борьба за сохранность природы и необходимость разведки природных полезных ископаемых, которую страстно доказывает геолог Краюхин, так же, как и Строговы, уроженец здешних мест. Для людей, для страны, для народа и то и другое крайне важно, и примирить эти две исторические необходимости, доказывается в спектакле, может только принцип «производящей природы», разумного, хозяйского, ответственного и подлинно научного природопользования.

Если в романе эти две темы как бы мирно сосуществуют, без особой тревоги за завтрашний день, то спектакль активно зовет на борьбу с бесхозяйственностью и бездумностью, возможными в таком гигантской важности и гигантских масштабов деле, как освоение природных богатств Сибири. За этим изменением акцентов — движение времени, изменение и усложнение задач, дыхание громадных перемен, реальное понимание опасностей, которые они с собой несут, если воля, разум и предусмотрительность человека не помогут «производящей природе» в условиях и этих перемен сохранять и приумножать себя.

Вот почему в спектакле в сравнении с романом гораздо больше тревоги, остроты в постановке этих вопросов, драматизма и конфликтности между двумя столь четко обозначенными сюжет-

ными линиями — как заложенных объективно, так и привносимых субъективно, тем, что молодой геолог Краюхин, отстаивая в принципе не просто правильную, но необходимую мысль об освоении геологических богатств Западной Сибири, не дает себе труда задуматься о другой стороне вопроса. А именно о том, насколько важно, развивая производительные силы Сибири, заблаговременно и ответственно подумать, как при этом сохранить природу края во всем ее богатстве и красоте, каким оставить этот край потомкам.

Если в романе Краюхин — безукоризненный и безусловный «положительный герой», то в спектакле вот эта бездумность Краюхина, для которого главное — «доказать свою теорию и всю землю перевернуть дыбом!» — осознается тем же Лисицыным, да и авторами и зрителем как нечто настораживающее и даже опасное. «Чтоб он всю землю перевернул? — тревожится Лисицын. — Глянь, после золотого прииска осталось — двадцать годков отвалы не зарастают!.. Ему теорию доказать надо. А тут тайга живая, люди живые, каждой травинке под ногами цены нет!»

Эта ограниченность Краюхина стала особенно очевидной в наши дни, когда разумное комплексное природопользование стало одной из главнейших и труднейших практических задач.

Вот почему в спектакле «Вызов» нравственный суд вершится не только в отношении явного карьериста и циника Венедиктина, который живет по принципу «после нас хоть потоп», но и в отношении, пускай и увлеченного своим делом, но подчас бездумного Краюхина, который, как выясняется по ходу спектакля, просто «не занимался этими проблемами», как, к примеру, сочетать строительство химкомбината в родной его области и сохранение Синего озера, окружающей его кедровой тайги.

В сшибке характеров, противоположных подходов к решению гигантской по размаху и трудностям задачи освоения невиданных природных богатств Сибири в спектакле «Вызов» с кристальной ясностью прорезается, утверждается следующий, исключительно важный для нас, глубоко истинный и подлинно гуманистический принцип: сегодня уже невозможно именоваться хозяином, стремиться к ответственному, зрелому, грамотному хозяйствованию и при этом не думать о том, чтó дает и чтó может дать людям завтра наша главная, непреходящая ценность — земля, природа.

Но, к сожалению, еще велик разрыв между должным и сущим! И особенно он велик в отношении к природе, которая в силу ее неохватности в масштабах нашей страны кажется кое-кому бескрайней, бесконечной, бездонной. Спектакль «Вызов» потому и берет за душу, что в нем с трезвым, а подчас и горьким реализмом показано, как велик наш долг перед отечественной природой, как много здесь возникает тревог. И какие гражданские усилия потребуются от всех нас, чтобы вернуть сторицей этот долг! А иначе, гневно говорит Артем Строгов, «какие же мы хозяева в своем государстве? Мы живем на богатейшей земле, сбереженной отцами и дедами. А что оставим детям своим, внукам? Оставим больше, чем получили?..»

Ответ на этот глубоко партийный, государственный вопрос дает сама жизнь в своем поступательном развитии, наше социалистическое государство, уже разработавшее ряд законов, направлен-

ных на сохранение и приумножение природной, экологической среды, намеченный XXVI съездом КПСС коренной принцип нашего хозяйствования, соединяющий динамическое развитие производительных сил с заботой о сегодняшнем дне отечественной природы.

...Вернемся мысленно к тем раздумьям Георгия Маркова о месте и роли литературы в нашей жизни в связи с «Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», с которых мы начинали нашу статью. Раздумья эти помогут нам поставить творчество самого Г. Маркова в контекст литературного процесса, лучше понять и уяснить те творческие цели и задачи, которые он ставит перед собой.

«Советская литература, — утверждает Георгий Марков, — всегда была сильна тем, что не только формировала духовную жизнь нашего общества, влияла на образы и типы нашего современника, но своим активным вмешательством в жизнь помогала государству и партии непосредственно влиять на социальные и экономические факторы нашей действительности. Разве «Поднятая целина» не поднимала проблемы, связанные с экономическим и социальным обновлением нашей страны? Разве «Русский лес» не поднимал важные проблемы социально-экономического развития? Разве «Районные будни» Овечкина не помогали влиять на сферу духовную, философскую и одновременно не будили то, что мы называем производительными силами?..

Эти книги влияли на формирование черт нашего человека и через людей пробуждали производительные силы, чтобы мы становились еще богаче. Наша экономическая задача и состоит в том, чтобы сделать наше государство еще более мощным, более сильным.

А задачи в области таких специальных сфер, как техника, связанная с космонавтикой, или глубинные проблемы, связанные со сбережением экологической среды или воздушного океана? Пора об этом говорить народу, потому что законы, которые приняты в последнее время по инициативе ЦК партии — это великие законы. И задача нашей литературы трубить об этом. Как говорил Л. Леонов, «бить в рельсу», и не только в тех случаях, когда мы встречаемся с ошибками или упущениями, но и в тех, когда найдены правильные решения. Не буду утомлять слушателей здесь своими размышлениями, скажу только, что вижу здесь и свои собственные писательские задачи».

Да, писательские задачи Георгия Маркова всегда лежат на стрежне развития народной жизни, связаны с коренными и корневыми, подлинно государственными ее задачами. В этом особенность творчества этого незаурядного современного писателя и гарантия новых, будущих его успехов.

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПОСТИГАЯ КРИТИЧЕСКИЙ МЕТОД

Критичность мышления — качество огромной социальной ценности. Философы предостерегают против неправомерного отождествления его с нигилизмом. Способность разумного, осмысленного восприятия явлений — результат «роста образования, интеллектуализации общества (а это процесс закономерный и неизбежный, захватывающий прежде всего молодежь)» (Новиков А. И. Нигилизм и нигилисты. Л., 1972). Недаром те, кого волнуют проблемы духовного развития современной молодежи, так остро ставят вопрос о необходимости воспитания у нее активности, самостоятельности, аналитичности мышления, умения оперировать общими, отвлеченными понятиями и т. д. В связи с этим подчеркивается особо важная роль литературно - художественной критики. «Такие мероприятия, — пишет Л. С. Степанян (а мы бы сказали шире: такие формы идейного воздействия вообще. — **В. К.**), — в которых молодежь... вовлекается в обсуждение тех или иных эстетических проблем, новой книги, фильма или спектакля, я бы поставила в один ряд с самодеятельным искусством. Пусть человек не становится здесь певцом или танцором, но он приобретает навыки критика, искусствоведа, навыки культурного, содержательного общения; здесь формируется и оттачивается творческая (именно творческая!) индивидуальность взглядов и позиций, измеряется глубина суждений и эмоций» (Степанян Л. С. Человек и прекрасное. — «Молодой коммунист», 1970, № 11).

Б. Г. Лукьянов Методологические проблемы художественной критики. М., «Наука», 1980.

С учетом этого небольшого вступления я хочу привлечь внимание читателя к недавно вышедшей книге Б. Лукьянова «Методологические проблемы художественной критики».

Что греха таить: в отношении методологии еще существуют предубеждения, причем не только у некоторых читателей, но и среди самих критиков. «Критик творит, как птица поет, — говорят одни, — чем безотчетнее, тем лучше». Другие, иронически улыбаясь, напоминают, что сороконожка разучилась хо-

дить, как только задумалась над тем, в каком порядке ей переставлять ноги. Третьи советуют «не мудрить»: «Был бы талант, а остальное само собой приложится».

Книга Б. Лукьянова ценна, на наш взгляд, прежде всего своей направленностью против подобных антитеоретических, антиметодологических тенденций. Ей присущ пафос осознанного отношения к критической деятельности.

Талант, конечно, не заменишь ничем. Но что касается метода познания — а основу критики составляет познавательный процесс, — то еще философ-материалист XVII века Френсис Бэкон сравнивал его со светильником, освещающим путнику дорогу в темноте. (Недаром «метод» в переводе с греческого и означает «путь исследования», «способ познания».) Старый философ тоже владел оружием иронии. Даже хромой, утверждал он, идущий по дороге, опережает того, кто бежит без дороги... Ныне вопросы методологии относятся к числу наиболее актуальных проблем науки, в том числе и теории критики.

В центре внимания автора находится вопрос о критической оценке художественного произведения. Б. Лукьянов исследует, на какие эстетические критерии опирается такая оценка, какие понятия и в какой последовательности должны применяться при ее выработке.

В области методологии художественной критики много дискуссионных, спорных проблем. Не составляет исключения и проблема критической оценки. Может ли оценка художественного произведения быть объективной, неопровержимо истинной? В современной буржуазной эстетике, как показывает Б. Лукьянов, преобладает отрицательный ответ на этот вопрос. Впрочем, элементы скептицизма проскальзывают и в суждениях некоторых советских ученых. «Сколько людей — столько мнений», — говорят скептики, забывая объяснить: откуда же тогда берется единодушие многих в оценке творений, признаваемых классическими, образцовыми? Некоторые критики утверждают, что поскольку произведение искусства образно и уникально, — единственным эффективным инструментом критики является художественная интуиция, а критические оценки-де всегда субъективны и лишены общезначимости...

Подвергая убедительной критике подобные интуитивистские и субъективистские взгляды, Б. Лукьянов утверждает возможность и необходимость объективной критической оценки произведения, основанной на глубоком знании его реальных достоинств и недостатков.

Автор отнюдь не упрощает проблему соотношения объективного и субъективного в критике. Широко известен так называемый «парадокс Писарева». Парадокс в том, что явно субъективные и ложные по своему общему пафосу статьи Писарева о Пушкине и Белинском мы тем не менее признаем блестящими образцами отечественной критической мысли. Многие исследователи обходят этот парадокс стороной, боясь разрушить стройность своих теоретических построений. Б. Лукьянов посвящает статьям Писарева ряд интересных страниц.

В субъективизме, предвзя-

тости, «перекосах» критического вкуса автор справедливо усматривает едва ли не самую серьезную опасность для критика. В качестве поучительных примеров он демонстрирует, сопровождая соответствующими комментариями, окаменелые образцы вульгарно-социологической и разносной рапповской критики периода 20—30-х годов.

Б. Лукьянов не отрицает важности для критика непосредственного эстетического переживания, таланта, интуиции и т. д. Он с должным вкусом и тактом анализирует ту разновидность красоты, которую можно назвать «таинственной красотой», исследует «поэтику не сказанного, но угадываемого». Но все это, верно подчеркивает исследователь, не исключает, а предполагает владение научной методологией критического творчества.

Произведение искусства, говорит автор книги, можно оценивать с разных сторон, применяя для этого более или менее частные критерии. Соответственно известны различные виды критики: социальная, эстетическая, историческая, содержательная, формальная и т. д. Для современной буржуазной критики особенно характерна идея множества якобы равноправных методологий, дробность критериев оценки, произвольность их выбора и сочетания.

Вместе с тем издавна, а особенно интенсивно в новое время, вызревал метод целостной, всесторонней, «синтетической» критики, отмечает исследователь. Мы не станем оспаривать сам вывод. Однако отметим, что исторический обзор, призванный продемонстрировать эту тенденцию, не то чтобы очень краток, что вполне извинительно, но как-то произвольно-фрагментарен. От Аристотеля мы переносимся сразу к Сент-Бёву и Гёте (минуя, например, великих просветителей Дидро и Лессинга). Из русских революционных демократов выделены лишь Белинский и Писарев.

Расценивая метод предшественников современной марксистской критики как «неосознанный системный подход (а значит, непоследовательный и во многом эмпирический)», автор требует перерастания его в подход «осознанно системный». Во-первых, аргументирует он свое требование, если произведение искусства согласно представлениям современной эстетики сложная система, то и метод его познания и оценки должен быть системным. Во-вторых, такой подход соответствует самой природе критики, отличие которой от искусствознания он усматривает именно в целостной оценке художественного явления. И наконец, в-третьих, системный подход выражает важные черты диалектико-материалистического метода вообще и современного этапа его развития, в частности. «Тяга к синтезу, к системности — это, конечно, знамение времени», — подчеркивает автор.

Логика критического анализа, обосновываемая Б. Лукьяновым, начинает свое развертывание с понятий, раскрывающих структуру художественного содержания. Таковы понятия «изобразительность» и «выразительность», «идейность», «художественная деталь», «ассоциативность» и некоторые другие. Много места и внимания уделено в книге идейному содержа-

нию, многообразным, часто противоречивым формам его выражения в произведениях искусства. Интересные суждения высказывает автор о категории «эстетический идеал». Непонятно лишь, почему, говоря об эстетическом идеале художника, Б. Лукьянов умалчивает о наличии такового у критика.

Особенно обстоятельно и увлеченно исследует автор моральный аспект идейного содержания в искусстве. Анализируя этическую проблематику таких художественных произведений, как драма Шекспира «Ричард III», рассказ В. Шукшина «Капроновая елочка», повести В. Астафьева «Царь-рыба», В. Солоухина «Приговор», Р. Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», Б. Лукьянов выступает уже не только как ученый, но и как литературный критик, и в общем успешно, что не так уж часто встречается в нашей эстетической литературе.

Надо сказать, что не все категории содержательного анализа произведения искусства получили в работе равноценное освещение. Категории «характер», «сюжет», «мотивировка», правда, упомянуты, но специально не рассматриваются. «Тема» и «конфликт» даже не названы.

На результаты содержательного анализа произведения и опираются, по мысли автора, такие основополагающие оценочные критерии, как «правдивость», «идейность», «народность», «партийность».

Все эти критерии, не говоря уже о самом универсальном из них — критерии «художественности», характеризуются автором как обобщенные, «собирательные». «Объединение ряда элементов произведения по какому-то содержательному признаку, — пишет Б. Лукьянов, — позволяет критику выделять целые пласты значений, обозначаемых категориями — правдивости, новизны, стройности и т. д.». Это значит, что любой такой критерий может быть применен лишь в результате предварительного анализа, а затем синтеза множества слагаемых художественного целого. Отсюда ясно, насколько заблуждаются те, кто говорит, что анализ вообще противопоказан критике, что он-де умерщвляет непосредственное впечатление, и т. п. Автор напоминает, что даже Гёте, сетовавшему на трудности критического анализа, все-таки «в течение всей жизни пришлось и расчленять, и дробить произведение...». Кстати, в книге воспроизводится таблица критических оценок, составленная Гёте и подытоживающая его критическую практику.

В книге Б. Лукьянова затрагиваются также формальные критерии оценки произведений. В этой части работы преобладает критический пафос, направленный против различных проявлений формализма. Из приведенного обзора современных западных концепций критики видно, как буржуазные теоретики стремятся свести художественность к чисто формальным признакам произведения; как они «крайне неохотно идут на признание содержательных критериев», исключают из рассмотрения социальные грани содержания. Чаще всего это оправдывается ссылкой на то, что такие содержательные критерии критической оценки, как правдивость, идейность и другие, будто бы неспецифич-

пы для искусства. Опровергая подобные доводы, Б. Лукьянов пишет по адресу одного из буржуазных ученых — В. Кайзера: «Но почему же он решается применять формальные критерии в чистом виде? Почему он не боится утратить специфику, применив соображения (единство, целостность и т. д.), также существующие наряду с искусством, до него, то есть, следовательно, в равной мере являющиеся не специфическими для поэзии, ...для искусства? Здесь нет никакой логики». Меткий контраргумент!

Б. Лукьянов выступает за критику строгую, взыскательную, нелицеприятную, не робеющую ни перед какими авторитетами. Даже величайшие творения искусства, напоминает эстетик (например, «Сикстинская мадонна» Рафаэля), вызывали в свое время разноречивые оценки известных критиков. Ради преодоления инерции оценок, вынесенных когда-то и ставших трафаретными, автор считает допустимым и целесообразным периодический пересмотр сложившихся репутаций, среди которых есть, по его мнению, и ложные, незаслуженные.

Кому-то эти суждения покажутся банальными. Кому-то, наоборот, слишком дерзкими. Нам они, признаемся, импонируют. Ведь и сам все чаще думаешь о том, что критика прежде всего должна быть... критичной! Критичной в большом и в малом, по отношению к давно устоявшемуся в искусстве и еще только утверждающемуся.

Автор рецензируемой книги — сознательный противник жесткой нормативности в искусстве, которую он метко называет «эстетическим «уложением о наказании» за неподчинение канону». На этом фоне явным диссонансом звучат сформулированные им суровые запреты художникам: никогда не включать в классический текст песенных вставок и любого комментария, даже авторского; не выстраивать несколько образов в один ассоциативный ряд. Но не о таких ли запретах мудро сказал когда-то видный советский философ и эстетик В. Ф. Асмус: «Искусство еще не раз порадует нас веселой простотой и смелостью, с какой оно взорвет оболочки, налагаемые на него нормативной эстетикой и критикой» (Асмус В. Ф. О нормативной эстетике. — В кн.: Социалистический реализм и проблемы эстетики. М., 1970, с. 212).

«Синтетический» подход Б. Лукьянова к методологии критики предопределил широту проблематики, обсуждаемой в книге, а вместе с тем и ее значительный объем. И все же, думается, читатель, да и сама работа только выиграли бы от сокращения некоторых мест, второстепенных с точки зрения обрисовки и обоснования авторской концепции, к тому же дублирующих результаты других исследований (например, анализ правдоподобия, условности, видов живописной перспективы и др.).

Подводя итог, отметим, что исследование Б. Лукьянова отчетливо формулирует ряд важных методологических проблем художественной критики и, будя творческую мысль, одновременно намечает перспективу их решения, исходя из принципов марксистско-ленинской эстетической науки. Книга Б. Лукья-

пова занимает четкую позицию в борьбе идей, развертывающейся сейчас в сфере эстетики, искусствознания, художественной критики. В этом ее актуальность и несомненная познавательная ценность.

В. КРУТОУС,
кандидат философских наук

О ГЛАВНОМ В ЖИЗНИ

Вопрос о смысле бытия так или иначе возникает перед каждым из героев нового романа Василия Андреева «Красное лето». Произведение это о нашей столице, и все представленные в нем персонажи — москвичи, наши современники (за исключением, быть может, Тимофея и Лукерьи Булавиных). Эти престарелые супруги живут в нескольких часах езды от столицы, но думают о ней непрестанно, поскольку туда переселились взрослые дети Булавиных — аспирант Дмитрий и студентка Люся. Задумываются о своей судьбе родители: мнится им подчас, что сын Дмитрий, врач и будущий ученый, и слишком бойкая на рассуждения о жизни Людмилка стали отрезанными ломтями. Детей увлекла шумная городская жизнь, ведут себя они, по мнению старших, отчужденно. А коль стали они чужими по новым привычкам, то оправданы ли родительские усилия, так ли они сами прожили жизнь?..

Увереннее иных выглядит в романе Иван Иванович — коренной москвич, пенсионер. Однако страшное горе обрушивается на голову Ивана Ивановича — гибнет при исполнении служебных обязанностей на границе его сын, и отец оказывается как бы без опоры. И здесь на первый план событий выступает, все больше проявляя свой характер, девятнадцатилетняя Катя Воронцова.

Нужны были особо тонкие штрихи к портретам этих двух очень разных людей, соседей по квартире, не всегда замечавших друг друга прежде, далеких по возрасту и интересам, чтобы обрисовать их постепенное взаимное доверие, перешедшее в глубокую человеческую привязанность. Автор нашел эти штрихи и выдержал необходимый такт. Для подкошенного болезнью и внезапным горем пенсионера Катя — добрая душа — просто спасение. Для Кати Иван Иванович — наставник, в какой-то мере отец, ибо своего родителя она не помнит, а мать, не успев дождаться совершеннолетия дочери, путешествует где-то по Северу. Среди премудростей нравственного порядка Катя перенимает у своего пожилого соседа нелишние для нее навыки постоять за себя.

Знакомство Кати с Дмитрием Булавиным начинается с эпизода, который на первый взгляд кажется случайным. Они уже однажды встречались, когда торопившийся по своим делам аспирант заскочил в парикмахер-

---

Василий Андреев. Красное лето. Роман. — «Москва», № 7, 1980.

скую и попал в кресло к тоненькой девчонке-практикантке. Подлинное их знакомство состоялось позже: Катя, агитатор с избирательного участка, попадает в квартиру, где бездействует батарея отопления и жильцы называют вслух имя некоего Дмитрия Тимофеевича, как избавителя от подобных неудобств. Этим умельцем по части исправления неполадок оказался не слесарь ЖЭКа, а недавний клиент Кати.

«А вы разве не слесарь? — удивилась Катя.

Дмитрий немного замялся, отведя глаза в сторону, сказал:

— Я... я тоже... но самоучка.

— Это неважно, какая разница, — обрадовалась Катя, готовая его в эту минуту обнять. — Я вас очень прошу, ведь там ребенок замерзает».

Отнюдь не безразличным стал Кате и Дмитрию ребенок, попавший в беду из-за нерадивости слесаря. Дмитрий, конечно же, вернул в дом нужное людям тепло. Рискуя опоздать на защиту собственной диссертации, молодой ученый осмотрел заболевшего ребенка. А Катя, оказавшаяся невольной свидетельницей непоказного благородства Дмитрия, стала всерьез симпатизировать парню.

Катя Воронцова с детства отличалась обостренным чувством неприятия зла. Однажды, еще школьницей, девушка, в отсутствие матери, пережила посягательство на ее честь со стороны подвыпившего отчима. «В то апрельское утро, — говорится в романе, — Катя и поставила отчиму условие: или он вербуется и уезжает, или она все расскажет матери. Отчим выбрал первое...»

Это воспоминания. Реальность же такова, что вслед за отчимом отправилась на Север и мать Кати, предоставив школьнице надеяться лишь на свои силы и незначительный жизненный опыт. Нельзя оказать, что опыт вхождения во взрослую жизнь давался ей просто, без напряжения и потерь. В пылу вспыхнувшего влечения к Дмитрию девушка временами забывает обо всем, живет одним чувством. К счастью, она не ошибается в Дмитрии.

Так происходит вызревание ее характера. Разносторонность переживаний вчерашней десятиклассницы и отзывчивое восприятие ею происходящего делают ее жизнь заметной для других. От Кати читатель ждет действительно прекрасных поступков...

Катя Воронцова гибнет в схватке с грабителем, напавшим на женщину-кассира среди бела дня. Гибнет на глазах у множества людей, растерявшихся, способных лишь сожалеть и восхищаться. И все же смерть девушки, практически обезвредившей бандита, заставила многих ее знакомых внимательнее приглядеться к ее краткому, но светлому жизненному пути. Ничем пока не вознагражденная за свои отличные качества человека и труженицы, кроме отеческого уважения Ивана Ивановича и нежной привязанности Дмитрия, Катя решается на подвиг. И мир вокруг как бы озаряется ее жертвенным поступком: сближаются в память о дорогом для них обоих человеке ревниво относившиеся прежде друг к другу Иван Иванович и Дмитрий...

Огромный город, вобравший

в себя множество судеб людских, рисуется автором масштабно, теплыми красками. Не однажды герои романа пройдут, замечая перемены вокруг, по Ленинскому, Звездному проспектам, залюбуются улицей Королева. У юной Кати есть свой заветный уголок столицы — Останкино. Привыкает к Москве, сознавая ее красоту и величие, молодой ученый Дмитрий Булавин.

Глубокие переживания Дмитрия из-за внезапной гибели Кати подчеркивают в нем человечность, способность не только понять, но и прочувствовать во всей глубине потерю большого друга.

Дмитрий Булавин, Катя, Иван Иванович, старый парикмахер Петр Потапыч, ветеран, с его убежденностью не отступать перед кривдой. Все эти люди исповедуют правду людскую, высокие нравственные принципы.

Автор ненавязчиво противопоставляет им иную категорию жителей города, как бы потерявших себя или ищущих легких путей к достатку. Таких выводят из состояния опьянения своими успехами лишь увесистые оплеухи судьбы.

Вот Люся — младшая сестра Дмитрия. В этой недавней провинциалке воплотился тип будущей неистовой мещанки, признающей за норму всяческие сделки, лишь бы они привели к насыщению сиюминутными благами.

Дмитрий откровенно страдает, наблюдая за поступками и взглядами сестренки, которую он, удивляясь и возмущаясь ее поведением, продолжает по-родственному любить. Кроме того, он чувствует ответственность старшего за судьбу младшего члена своей хлеборобской семьи:

«От кого ты набралась такого, что с тобой делается?.. Ты же выросла в трудовой крестьянской семье и поначалу нас радовала, а теперь прямо на глазах меняешься все к худшему. ...Тебя уже каким-то Люсьеном зовут, и ты, глупенькая, радуешься этому.

— Что жалеть о былом? — Люся спокойно поправила сползавшие на лоб волосы. — Что говорить, наивная росла, не знала настоящей жизни, широк ли в деревне мир... А здесь у меня словно второе зрение открылось... Вон Жора рассказывает, один его знакомый жену с ребенком бросил и на дочке известного композитора женился... И представь себе, новоиспеченного зятя за каких-нибудь полгода уже в артисты вывели — интермедии исполняет».

Касаясь «изнанки жизни», обращая внимание на людей и явления негативного толка, автор, конечно, рисковал создать картину столичного бытия чересчур пестрой.

И все же роман «Красное лето» остался лирическим по звучанию, с преобладанием оптимистического, светлого.

Сотни книг художественной летописи нашего времени выпускаются ежегодно в столичных издательствах. Наш читатель много знает о вертолетчиках Севера и геологах Дальнего Востока, о прошлом и настоящем сел Нечерноземья, о речниках и тружениках Поволжья. О Москве и ее современных людях пишут редко — сложна и ответственна тема жизни столицы! Василий Андреев с каждой своей новинкой все больше углубляется в эту тему, преодолевая ее сложности, приближаясь к своей главной книге о людях Москвы. Нынешний его роман свидетельствует о растущем мастерстве

писателя, о его приверженности к теме и несомненных удачах в создании художественной летописи жизни нынешних москвичей.

Николай РОДИЧЕВ

СЛОВО ГЕНИЯ — СЛОВО НАРОДНОЕ

Заканчивая одну из глав своей книги о творчестве Достоевского, Юрий Селезнев пишет: «Слово народа и есть в мире Достоевского центральное, определяющее его мир слово. Однако, как мы понимаем, эту формулу легче провозгласить, нежели доказать».

Признание, заставляющее о многом задуматься. Действительно, это теперь для нас аксиома, что писатель в идеале должен быть выразителем общенародных чаяний и представлений — о судьбах мира, о его прошлом и будущем. Но Достоевский?.. Один из самых трудночитаемых писателей, на страницах книг которого «представители народа», непосредственные носители народного слова появляются лишь эпизодически, на короткие миги, — в каком смысле можно и уместно говорить о народности его, одного из сложнейших гениев человечества?

Но сложность восприятия писательского слова еще не отрицательный аргумент. Ведь и фольклор — традиционнейшая форма народной культуры — не так-то прост. Фольклорное слово — как мы знаем из современной практики — не очень-то поддается торопливому усвоению. «Смыслового поля» иной былины или сказки иногда и за всю жизнь не обойти, хотя сюжет ее умещается в нескольких строках пересказа.

Но все же как быть с тезисом о центральности слова народного в мире Достоевского? Ю. Селезнев не боится указать на обстоятельства, которые будто бы противоречат тому, что́ им заявлено. Да, признает он, «в романах Достоевского стихия народной речи как-то себя не обнаруживает»; перед нами автор, который «даже и осуждал неоднократно «натуральный мужицкий язык» в произведениях писателей-современников». Это факты неоспоримые. Но, предупреждает нас Ю. Селезнев, проникая к миру Достоевского, стремясь его постичь, невозможно ограничиться одной лишь констатацией всевозможных «фактов». Ведь и сам создатель этого необычнейшего мира любил говорить, что факт — «далеко еще не истина».

Отчетливей выявить народную сущность слова Достоевского Ю. Селезневу помогает обращение к творческим заветам Пушкина, точнее же к тому, как их воспринимал и претворял в своих произведениях создатель «Братьев Карамазовых». Ведь и на страницах пушкинских творений, если рассматривать их на уровне «факта», народное слово в его первозданной оболочке не такой уж частый гость. Но непреложно другое: «...никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни

Юрий Селезнев. В мире Достоевского. Библиотека «Любителям российской словесности». М., «Современник», 1980.

после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин». Эта классическая формула принадлежит Достоевскому. И она помогает лучше раскрыть природу народности его собственного слова. Потому что как и у Пушкина, так и у Достоевского родственное соединение «с народом своим» происходило не на уровне снисходительного любования «мужиком» или сентиментального перед ним умиления. Это родственное соединение означилось на путях поиска единого для всего народа (в том числе и для Пушкина, для Достоевского) идеала существования. Идеала, который бы удовлетворял чаяниям не только современников, но и будущих поколений. Этот идеал, по Достоевскому, и есть «слово России, хранящееся в душе народа»... Помочь такому сокровенно хранимому слову зазвучать во всю мощь «во всемирном всечеловеческом диалоге» — вот в чем, по убеждению исследователя, состояло писательское кредо Достоевского, вот в чем обретал он смысл своего служения.

Идейное кредо писателя неотчленимо от его поэтики, всей своей книгой подтверждает Ю. Селезнев. Иначе говоря, в мире Достоевского, в кругу его творений, нет ни единого образа, ни единого даже слова, которые не были бы связаны с идейно-художественными первообразами Достоевского, с его Словом с большой буквы. Взять хотя бы одну-единственную словесную клеточку этого мира, столь часто встречающееся в текстах Достоевского слово «вдруг». Вроде бы проходное, никак не окрашенное словцо, но в поэтике Достоевского оно, оказывается, играет громадную роль. «Вдруг» то и дело происходят события в романах писателя, «вдруг» совершают его герои самые важные свои поступки — прегрешают и каются, падают и воскресают, вдруг мгновенно решаются на подлость или объясняются в любви... Эти «вдруг», эти мгновенные разряды человеческого волеизъявления и придают миру Достоевского столь свойственные ему черты катастрофичности, чрезвычайности всего происходящего. В атмосфере, до предела заряженной такими «вдруг», герои Достоевского постоянно пребывают в ожидании чего-то непредвиденного, стихийно-хаотического, а то и фантастического (вспомним, кстати, традиционный фольклорно-сказочный ход: «Вдруг откуда ни возьмись...»).

Но при более внимательном и подробном рассмотрении, свидетельствует Ю. Селезнев, становится очевидно, что эти «вдруг» роятся вокруг совершенно незыблемой оси. Мгновенное в мире Достоевского, каким бы капризно-своевольным оно ни представлялось, неминуемо связано с вечным. Текучее, зыбкое в конце концов обязательно подчиняется (или хочет подчиниться) началу устойчивости и постоянства. Или, как говорил сам Достоевский: «мимо текущий лик земной и вечная истина соприкоснулись тут вместе». На таком основании соприкасаются, например, в романе «Преступление и наказание» несколько грозовых «вдруг» из жизни Раскольникова (решение преступить черту, убийство старухи, раскаяние...) и та «вечная истина», что неумолимо ведет его к духовному воскрешению. Иногда и одного вроде бы случайного мига оказывается

достаточно, чтобы распахнулась перед героем вся его жизнь, обнажила свой сокровенный смысл. И ничтожный факт вдруг может стать ключиком, секретом к великим тайнам человеческого существования.

Миг и вечность, факт и истина, секрет и тайна, личина и лик — Ю. Селезнев внимательно приглядывается к этим и иным полярно отторгнутым и нерасчленимым одновременно образам, которые придают поэтике Достоевского ее неповторимость. Причем рассмотрение такое не имеет целью инвентаризацию «средств художественного воздействия», либо самоценную литературоведческую «игру в бисер». Конечная цель исследователя — помочь тому, чтобы чтение книг Достоевского становилось «не восприятием определенной информации, но сотворчеством, прямым соучастием в мировом творчестве добра».

Задача эта решается тем успешнее, чем меньше работа Ю. Селезнева похожа на... литературоведческое исследование. От вопросов поэтики и связанных с ними проблем мировоззрения автор книги «В мире Достоевского» свободно и естественно обращается к узловым моментам биографии писателя или к очерку социального фона, послужившего материалом для его романов, или, наконец, к полемике с теми или иными концепциями, накопившимися за сто с лишним лет изучения творчества писателя. Филолог то и дело уступает место публицисту, историку культуры, романисту-биографу.

Характерна своей жанровой многоплановостью глава «Лики единого мира», носящая подзаголовок «Достоевский и Лев Толстой». Давно уже установилась традиция противопоставлять двух гениев русской литературы XIX века. Особенно сильно эта направленность исследовательской воли «на разлучение двух писателей» проявилась в свое время у Д. Мережковского. В той или иной степени ему наследовали Н. Бердяев, Н. Лосский, Л. Шестов, А. Белый, В. Вересаев... Признавая частичную правоту такой заданной направленности, Ю. Селезнев напоминает нам некоторые эпизоды биографий двух великих людей, некоторые их отзывы о творчестве друг друга, некоторые их принципиально расходящиеся мировоззренческие установки. Но, несмотря на различающую двух творцов полярность их мироотношений, существует и та громадная сфера их деятельности, которая позволяет Ю. Селезневу подчеркивать «единство Толстого и Достоевского как явлений духовной жизни России, человечества...».

Сфера эта — все то же «слово России», выявить и огласить которое «перед лицом всего мира» по-разному, но с одинаковой силой искренности и страстности стремились Достоевский и Толстой. «Испытание истины», предпринятое ими в своем творчестве, не знает себе равных в XIX веке ни в России, ни за ее пределами. Со страниц их творений вдруг заговорили целые пласты народного самосознания, дотоле пребывавшие в сокровенной немоте. Многоголосие художественных миров Толстого и Достоевского в конце концов отражало громадную идейную насыщенность современной им русской действительности, едва различимые в своем размахе горизонты народной мысли.

Одной из наиболее злободневных сторон этого народного сознания, преломленного в слове Достоевского, предстает под пером Ю. Селезнева антибуржуазная направленность творчества романиста. Да, Достоевский последовательно, неподкупно антибуржуазен, пишет ли он о Хрустальном дворце в Лондоне, или о наполеоновской мании Раскольникова, или о ротшильдовской идее Подростка, или о меркантильном Ганечке Иволгине. Менее всего склонен писатель к окарикатуриванию буржуа как человеческого типа. Моровое поветрие буржуазности видится ему в поистине страшном обличье, и здесь уже он говорит не от своего лишь имени, но от имени всей современной ему России, той народной России, которая спустя десятилетия во гневе порвет паучьи путы капитализма.

В двадцатом веке трудно сказать новое слово о Достоевском. Ю. Селезневым избран нетрадиционный угол зрения: писатель и народ, центральность народного слова в мире Достоевского. Формула не только заявлена, но и раскрыта. Свою книгу Ю. Селезнев написал с той взволнованной, горячей и искренней прямотой, которая свидетельствует: так можно говорить лишь о подлинно любимом писателе.

Ю. ЛОЩИЦ

МУЖАЯ НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Молодой писатель... Много уже говорилось о нынешней относительности этого понятия. Возраст человека, отдавшего молодость заводу, шахте, полю и уже в зрелые годы взявшегося за перо, не всегда соответствует сегодня степени его литературной известности, маститости. Александр Плетнев, прозаик из Приморья, лишь перешагнув рубеж четвертого десятка, стал профессиональным литератором. До этого почти 20 лет работы на одной из дальневосточных шахт, армия, еще раньше — детство и ранняя юность в Барабинской степи, совпавшие с военным и послевоенным временем. Именно эти вехи судьбы и памяти отразились в его повестях и рассказах. Уже первая книга шахтера, вышедшая во Владивостоке, привлекла интерес читателей и критики. Она, как и новые работы прозаика, опубликованные в периодике, получила высокую оценку на VI Всесоюзном совещании молодых писателей. Затем в Москве вышла книга «Дивное дело». Новый сборник Александра Плетнева, выпущенный в серии «Молодая проза Дальнего Востока», вобрал в себя лучшие, наиболее зрелые вещи, созданные им.

Сказать, что основная ценность прозы А. Плетнева в ее жизненной достоверности, в выстраданности убеждений художника, в немалом и нелегком его опыте, в глубине и своеобразии впечатлений,

---

Александр Плетнев. Когда улетают журавли. Повесть и рассказы. Владивосток, Дальневосточное книжное изд-во, 1978.

вложенных автором в книгу, значило бы при всей правильности этих слов во многом сузить диапазон художественного воздействия его работы. Тематически содержание книги почти не выходит за рамки того, о чем писали и пишут многие сверстники автора: детство в глухом селе, оборванное войной, недетски тяжелый труд вместе с солдатками и вдовами. Радость победы, смешанная с горечью стольких утрат. Возмужание подростка, ставшего сиротой уже после войны. Размышления зрелого человека, отдавшего жизнь работе для людей, над переменами, которые происходят в материальном и моральном облике общества, от разрухи пришедшего к благоустроенному, обеспеченному быту, над жизнью тех, чье настоящее — в городе, а прошлое, корни—в селе... Да, перед нами темы многих писателей. А в сущности, почему должно быть иначе у Плетнева — ведь это его судьба, жизнь его героев, слитая с судьбой народа, страны, земли.

Земля, природа, пашня... Слитность с ними ощущалась рассказчиком в повести «Дивное дело» с первых шагов его мальчишеского бытия. «Я родился в прохладный полдень на жатве, можно сказать, с миром природы в глазах. Мне кажется, я помню первый свой час — и тяжелое подчерненное облако, и посвист ветра в стерне, и мельтешенье колосьев, и усталые потные лица людей. А немного позже выполз за порог — и опять среди колосьев или в степи, где шумит и звенит, и столько разного народа жужжит, свиристит, кричит, ползает, прыгает, летает... А все, что вокруг тебя, — это и есть ты». Это отнюдь не метафора, это коренное художественное убеждение автора, исходя из которого он строит и лепит в слове характеры людей, запавших в память сердца...

Невелика затерянная в Барабинской степи предвоенная деревня Доволенка, схожая с тысячами таких же селений, непримечательные с виду люди живут в ней. Все их заботы, казалось бы, лишь об урожае, о хлебе, о самых насущных крестьянских делах и нуждах. В «Дивном деле», как и во всех лучших произведениях Плетнева, нет лишних, «пустых» действующих лиц, которые можно было бы сравнить со «слепыми» окнами в доме — нарисованы, а не существуют. Читатель видит происходящее глазами не только одного рассказчика, но всех, о ком говорится. Рельефно, выпукло, с чертами неповторимости предстает в книге любой человек, даже появляющийся всего на одной странице. Вот отец рассказчика в «Дивном деле», один из первых трактористов Доволенки. Не дано ему было стать шибко грамотным, но как бережно, неистово взращивает он в сыне семена добра и стремления глубоко постичь жизнь, осознать место свое на земле. «Не долбил, не настаивал — влил в душу, как растопленный воск в форму» — так отдавал он сыну свою земную науку мудрости и человечности... Горласт, разухабист, и не только с виду, но и по сути, груб и даже жесток в начале повести молодой парень Костя Миронычев, живет в нем этакое презрение ко всему, что «не от мира сего». С войны он возвращается с обезображенным лицом, но не изуродована его душа, напротив, именно там он почув-

ствовал в себе нежность, тягу к красоте людской и земной, познал цену истинной любви, силу доброго слова. Так говорит он, прежде ни в грош не ставящий стихи, о своем земляке, фронтовом поэте Иване Раздолинском: «Стал читать Иван. И знаешь, вроде бы души наши, запыленные да заскорузлые, вынул и в родниковой водице промыл... прямо хоть сразу в бой». А ведь Иван и впрямь считался в родной Доволенке чудаком, и по всем уставам старой сельской жизни должно бы было захиреть, увянуть и пропасть его дарование. Но именно они, доволенцы, столь далекие от книжности, занятые сугубо земными делами, разглядели в человеке росток таланта, не дали ему заглохнуть. И вот пришел огненный час — во всю мощь зазвучало на фронте слово крестьянского парня-поэта...

Впечатление первозданности чувств, свежести красок, остроты восприятия лиц и судеб людских во многом определяется у Плетнева тем, что в большинстве своих произведений он показывает мир прежде всего глазами человека юного — ребенка, мальчика, подростка... Отсюда такая пронзительность боли, когда в другом рассказе читаешь о смерти фронтовика, пришедшего с войны. Сколько б ни жил Шурка Зотов, тощий, почерневший от загара и зимних ветров мальчуган, ломящий непосильную работу на пахоте и в лесу, всегда будет помнить он, какой ценой достался людям мирный труд, будет помнить страдания отца, страстно любившего жизнь. Будет всем сердцем отвергать тех, кто наживается на горе людском... Его подросший сверстник Митя из рассказа «Травы клонит, скачут кони» уходит из села в ФЗО, и здесь уже всерьез обозначается нравственный выбор. Мите он дается несложно — селу тоже нужна техника, это понимают и его земляки. Но чем дальше разворачивается цепочка рассказов сборника, чем ближе в них наше время, чем взрослее герои, тем труднее и весомее бремя нравственного выбора, встающего перед ними.

Причем если в годы войны и разрухи проблема эта диктовалась чисто материальными лишениями, то повзрослевшие и зрелые герои Плетнева подвергаются все более сильным испытаниям другого плана — благополучием, спокойным бытом, угрозой духовного ожирения, опасностью забыть корни свои, людей, которым обязаны жизнью. И одно из самых серьезных испытаний — на прочность любви, на чистоту ее и верность. В рассказе «Иди, Бахри» дед Степан, выросший и усвоивший правила жизни еще до революции, казалось бы, должен был осудить свою юную невестку, татарку Бахри, которая через год после свадьбы «задурила» — ежевечерне выходит на берег степного озера Тандов, чтобы услышать из родного аула, с другого берега, голос любимого, клич того, с кем не удалось ей связать судьбу. Но и он, и его сын Николай, сельский механик, приходят, трудно, с болью в сердце, но приходят к пониманию того, что сила истинной любви выше, чем своды житейских законов...

Барабинское озеро Тандов... Оно стало воплощением природы, степи, в которой жи-

вут герои книги Плетнева, магнитным символом, вокруг которого «географически» группируются сюжеты его прозы. Собственно, все события повести и рассказов (за исключением «шахтерских») происходят на небольшой полосе земли, на берегах этого озера. При всем несходстве судеб и характеров, изображенных автором, их объединяет этот небольшой уголок земли с густыми травами, березовыми духмяными перелесками, птичьими ордами на заливных лугах у озера. Поэтому рассказы в сборнике воспринимаются не по отдельности, но как нечто цельное и емкое. «Дивное дело» представляется мне как бы фундаментом сборника, этическим, сюжетным и географическим корнем, из которого вырастает древо рассказов. В этом плане весь сборник являет собой динамичное и целостное произведение, несомненно, ставшее наиболее удачной книгой приморского прозаика, которая позволяет судить о его немалой перспективе.

Честность, бескорыстие и верность — нравственный стержень любимых героев Плетнева. Автор не приукрашивает их характеры, напротив, он видит вполне реальные слабости и недостатки людей, о которых пишет, но они и дороги ему такими — полнокровными и жизненными, жаждущими красоты и счастья на земле. Вот шахтер Проня из одноименного рассказа. Неказистый внешне, наивный и на пятом десятке не очень-то обласканный жизнью, но вот подарено же ему «умение любить крупно», подарена настоящая любовь женщины простой и заботливой. И ни двадцать лет в шахте, ни повседневная рутина быта не смогли заглушить в шахтере неистовой влюбленности в жизнь и чистоты, о которой он и сказать-то толком не может.

«Шахтерские» рассказы не стоят особняком в этой книге. С «барабинскими» их объединяет прежде всего духовная общность героев, исходящая из судьбы автора. В центре рассказов о людях забоя, как правило, те же повзрослевшие, даже заматеревшие, мальчишки из послевоенных сел, волею судеб оказавшиеся в шахте. Но не потеряли они юношеской бескомпромиссности и крепко помнят, как мужали в трудные годы, как доставался честный кусок хлеба.

«Нас на все хватало» — так называется один из рассказов этой книги. Действительно, героев Плетнева хватало на все. Хватало сил у фронтовиков, чтобы поднять хозяйство из военной разрухи, чтобы вырастить сыновей настоящими людьми. Хватало сил у мальчишек, чтобы в ранние годы стать опорой страны. Хватало и хватает этих людей, чтобы приумножить красоту Земли и видеть ее в неброских и будничных чертах бытия и родного края, в земляках и товарищах по жизненному пути...

Верится, что и у автора этой книги тоже хватит сил и дарования на многие весомые произведения о судьбах людей, которых он знает.

Ст. ЗОЛОТЦЕВ

ЖИТЬ ПАМЯТЬЮ

Новый сборник известного поэта Михаила Львова носит символическое название — «Круглые сутки». В нем сплавлено ощущение биения пульса жизни страны и стремление поэта работать в унисон с ним.

Михаил Львов принадлежит к тому поколению, которое вошло в поэзию незадолго до Великой Отечественной войны. Сегодня оно переживает время итогов.

Читая энергичные, насыщенные жаждой жизни и работы стихи Михаила Львова, не вспомнишь, что поэту за шестьдесят, — столько в них молодого задора и нравственного максимализма. Михаил Львов воспринимает жизнь как праздник труда и песен, праздник борьбы за новую жизнь, это постоянное, ежечасное и ежеминутное ее созидание. Сборник открывает программное стихотворение:

Уж раз
явили нас
в сей мир —
На труд,
на песни
и на пир,
Не для
скольженья
по нему —
А чтоб
дополнить
жизнь саму, —
То одержимо
и живи,
И вдохновенно
ей служи,
Не распыляя
дни свои,
Не зря
и голову
сложи.

Одержимость и вдохновенное служение жизни, дополнение ее своим, пусть малым, вкладом — вот пафос поэзии Михаила Львова. Поэт приемлет лишь жизнь, осененную жертвенностью, высокой идеей служения народу. Поэту свойствен жизнеутверждающий, оптимистический взгляд на мир; он никогда не жалобится, не сетует на судьбу. Но может быть, в том-то и есть секрет поколения, что, вынеся на своих плечах неимоверные тяготы изнурительной и жестокой войны, оно научилось ценить простые радости, преподавая важный урок жизнелюбия. Недаром Михаил Львов говорит:

Благодарить
и удивляться

Доныне
не перестаю.

Единственное сетование поэта на нехватку времени, когда ты еще полон душевных сил, когда ты в творческом расцвете, а жизнь неминуемо торопит тебя к краю, к предельной черте. Наступает пора осмысления и уже сделанного, и того, что делается сегодня.

Все чаще
медленно
и молча
На прошлое свое
смотрю
Огромными
глазами ночи,
Но —
ничего там
не сотру.

Михаил Львов поэт счастливой судьбы, потому что, оглядываясь назад, он с удовлетворением может сказать:

Было:
насмерть стояли.
И лицом
отцвели.
Эту жизнь
отстояли.
Смерть от всех
отвели...

Михаил Львов. Круглые сутки. Стихотворения. М., «Современник», 1980.

Тема памяти для этой книги Михаила Львова — основополагающая. Здесь и юность, проведенная на Урале, когда поэт начинал жизнь с мыслью «нужным быть, как хлеб», когда жили «барачно», сурово, когда давалось «все — собственным хребтом», здесь и годы войны, и испытанные потрясения, и товарищи юности, погибшие на фронте. Жизнь идет стремительно, и ощущение этой стремительности присутствует в каждой строке Михаила Львова.

Поэт «превращает ночи — в зеркала», испытывая потребность «вглядеться в давние дела. И в эту жизнь, которой мало дня...». И в прошлое и в настоящее он глядит с открытым сердцем. А сердце наполнено болью за каждый «километр отступленья через пепел родных деревень» и верой в бессмертье Земли.

Грядущее,
где жить нам не дано,
Ты обними
своей любовью
тоже.
И знай, что жизнь
не кончится тобой,
Что жизнь сама —
всеобщее наследье.
Прекрасно знать:
свод вечен голубой.
Благословлять
всю Землю
на бессмертье...
Не сознавая
даже ничего,
Я буду знать,
что жизнь на свете — вечна!

Умудренность приходит с годами, но все-таки она не приходит сама собой, а лишь когда живешь «обычной жизнью, как народ, с душой и разумом — не розно». Тогда поэт осознает себя «защитником этого Времени», его бойцом и летописцем одновременно. Такова деятельная философия поэта, питающая его творчество. Отсюда и ощущение того, что «на подвигах стоит Отчизна наша», и, следовательно, каждый гражданин должен быть готов к подвигу во имя Отчизны. Речь здесь идет, конечно, не только о подвиге военном, но и подвиге ежедневного служения ей на мирном фронте. Таково видение жизни Михаилом Львовым, который предстает в сборнике солдатом, так и не пожелавшим уйти в отставку:

Я не покину
поле боя,
Я не оставлю
этот пост.

Стремление поэта «солдатскую правду везде отстоять» не случайно, оно освящено памятью о погибших друзьях, «полпредом» которых чувствует себя поэт.

Поэт воспринимает себя «рабочим пера», уподобляет себя плотнику. И свои стихи он воспринимает как «производное от жизни», а не как поэтический вымысел. За такой оценкой своего творчества кроется дума о главном, о том, чтобы быть полезным и нужным стране, времени.

«Не разменяю суть на суету», — говорит он, и в этом проявляется характер Михаила Львова. Сборник его стихотворений свидетельствует о чистоте звучания голоса поэта, об удивительной ровности его мастерства, в котором почти нет «провалов». К редкому сегодня качеству относится та сознательная ясность, которая является наиболее характерной чертой стихотворений книги. Именно эта ясность наполняет поэзию важным общественным звучанием.

Но есть еще одно качество, без которого нельзя оценить в полной мере не только сборник, о котором мы говорим, но и творчество Михаила

Львова в целом. Поэт сам пишет о нем:

И работаю —
не на показ,
Есть — и дерзость,
а более детскость...
Но — прекрасная наша
советскость
Выручает меня
каждый раз.
И вот именно ей
и молюсь,
Защищаю,
и верю,
и славлю;
Во главу поведения —
ставлю,
Потому и душой
не сломлюсь.

Это качество, присущее в полной мере поэзии Михаила Львова, наиболее в нем дорогое и близкое читателю. Неразрывность личной судьбы поэта и судьбы социалистического Отечества, скрепленная памятью, слитность личного и общественного делают книгу поэта цельной и по-особому значимой.

Виктор КРЕЧЕТОВ

ВОЗВРАЩЕННЫЙ ЗВУК

Судьба этого сборника необычна. Его авторы — люди разных возрастов и профессий—лишены слуха, и поэзия для них — сокровеннейшее средство приобщения к миру звуков, прорыв в него из царства тишины.

В 1976 году, к пятидесятилетнему юбилею Общества глухих, издательство «Московский рабочий» выпустило первый, пробный сборник стихов, названный «Камертоном». Книжка привлекла внимание читателей и критики, достойно пополнив библиотечку самодеятельной поэзии наших дней.

И вот новая ступень: вышел второй поэтический сборник, который по объему значительно превзошел предыдущий. Составитель и участник сборника, московский поэт Иван Исаев стремился с наибольшей широтой показать на его страницах не только индивидуальные особенности письма и уровень мастерства своих собратьев по перу, но и творческие возможности авторов в целом. Это ему во многом удалось и тем более ценно и дорого, что подобное издание является поистине уникальным.

Своеобразные, непохожие друг на друга поэтические голоса собраны под изящной обложкой книги, оформленной также членом ВОГ известным художником-графиком Николаем Бапниковым. Голоса, еще подчас ломкие, молодые и умудренные жизненным опытом, несущие задушевность лирических переживаний и гражданские раздумья над судьбами Времени, углубленный психологизм и живописную пластику верлибра... Разнящиеся характеры, житейские биографии, художественные пристрастия. Студент Юрий Грум-Гржимайло и кандидат технических наук Борис Комашинский, учительница Ольга Дмитриева и рыбовод Юлия Силантьева, фармацевт Лариса Голубева и художник-мультипликатор Одесской киностудии И. Дуценко, инженер В. Новиков и поэтесса Н. Новосельнова... Всех их

Тень звука. Стихи. «Московский рабочий», 1980.

объединяет «одна, но пламенная страсть» — поэзия.

Под стать и география сборника, как бы олицетворяющая географию страны. Сибирь здесь перекликается с Украиной, Урал — с Москвой. И это делает содержание стихов еще более значимым и весомым. Сегодняшний день Отчизны с ее радостями, заботами, тревогами, нравственные искания нашего современника, живые краски природы предстают в них свежо и зримо. Авторы лучших стихотворений книги заражают читателя полнотой своего мироощущения, высокой духовностью.

Вера в жизнь, в тепло дружеской руки и плеча звучит в строках и молодых, и поэтов старшего поколения.

Как же здорово другу верить,
Безоговорочно, до конца,
В непобедимой Стране доверия
Проверяются наши сердца, —

читаем мы в стихотворении юной Ирины Анисимовой «Страна доверия», которым открывается сборник.

Я боюсь не потерь,
Не ударов, нацеленных
в спину, —
Нет, всего мне страшнее теперь,
Что до времени сердцем
остыну, —

восклицает умудренная годами Э. Вишневская.

Напряженная поэтическая мысль ведет за собой слово. И тогда возникает та особая личностная интонация, свой взгляд на все сущее, которые в числе прочих отличают, скажем, стихи Ивана Исаева, одни из самых зрелых в сборнике.

Приветствуя пуск новой плотины, вспоминая покойного друга-шахматиста, наблюдая за прихотливыми росчерками ласточек в небе или летающими по жэковским квитанциям фиолетовыми от копирки пальцами кассирши, автор свободно сопрягает далекие, казалось бы, друг от друга понятия, проникает сквозь внешние приметы действительности к ее основам. Неуловимый поворот образного строя, и плотина, дарующая людям свет и тепло, уподобляется поэту, к которому обращены следующие строчки:

Скрипи и крепись,
пропуская
сквозь сердце
поток бытия.
Крепись и корпи понемногу
над словом —
быть может, оно
засветит
заблудшим
дорогу,
затеплит
озябшим
окно...

Лирический герой многих стихотворений, помещенных в сборнике, готов сказать о себе словами того же И. Исаева: «Утешаться малым — не умею. Обольщаться многим — не могу». Это в первую очередь относится к стихам Б. Комашинского, который уверенно противопоставляет жизненным невзгодам стоическое мужество человека, знающего конечную цель пути, и славит «рыцарей без страха и упрека — Дон-Кихотов будущих времен».

Пусть от судьбы защиты нет —
вступай с ней в бой, как
прежде.
Пока живем и видим свет —
есть место и надежде!

Вечная поэтическая тема — любовь — находит удачное воплощение в стихах Л. Голубевой, В. Самсоновой, Ю. Силантьевой и других авторов книги. Она перерастает в тему любви к отчему крову, родной земле, в тему ясно

осознаваемой ответственности перед жизнью.

Жизнь моя, пред тобой
в ответе я,
Как жила, что сумела-сделала...
Чем плоха я, а чем хорошая —
До седых волос не узнала,
Но поскольку с меня
не спрошено —
Вот возьму и начну сначала!

Не для одной Н. Новосельновой обращение к живительной памяти прошлого, своей лично и целого поколения, становится вдохновляющим стимулом. В стихотворении Н. Нырова «В музее», где «Руками не трогать!» — табличка кричала», слепой посетитель ощупывает «буденновской шашки остывшее жало» и «пробитое пулями Красное знамя» с молчаливого согласия смотрителей, понимающих, что «всего не предвидишь в музейной инструкции», и выходит после на улицу, «светлый и строгий, коснувшись душою огня Революции».

Из заоблачных высей чувств и лугового разноцветья, из бытовой круговерти неизменно возвращается слово поэта к нашим извечным истокам. И, как сказано, у Ю. Грум-Гржимайло:

Оттого ли сливается сила
и березы весенняя грусть
в этом имени чудном —
Россия.
в этом древнем названии —
Русь?..

Поэт не выбирает тему, тема выбирает его. И стихотворение москвича А. Софронова «Чили», где экспрессивная ритмика верлибра спаяна со сложным ассоциативным рядом, звучит столь же органично, как и проникновенные лирические зарисовки апрельской природы, шутливая «марсианская» миниатюра, грустная баллада о старой сосне, принявшей в свои последние объятия летчика-испытателя, который некогда веснушчатым мальчишкой лечил ее пораненный ствол зеленкой...

Не все вещи сборника равноценны. Некоторые из авторов пока только нащупывают путь к своему слову и звуку. Однако неподдельная искренность интонации искупает недостатки стиха, вызывает ответный отклик в сердце читателя. А это главное.

Юрий ОСИПОВ

МИР, ПРОПУЩЕННЫЙ ЧЕРЕЗ СЕРДЦЕ

В одном из ранних рассказов Леонида Фролова поразила концовка: «Старики шли под руку, как молодые. Но это впечатление было обманчивым: старики держались один за другого, чтобы легче было идти». Всего две строки, а за ними четко просматривается и долгая трудная жизнь этих людей, и острая необходимость друг в друге, которая усиливается с каждым прожитым годом, и жалкая беспомощность. Видишь и запавшие глаза, иссеченные морщинами лица, дрожащие руки с негнущимися пальцами, изборожденные синими жилами.

Но как ни выразительны процитированные строки, о талантливости автора есте-

Леонид Фролов. Сватовство. М., «Молодая гвардия», 1980.

ственно говорить сейчас, когда на полках библиотек стоят признанные читателем уже четыре его книжки, а недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышла и пятая — «Сватовство». Первый, кто сказал о том, что Леонида Фролова ждет большой и достойный литературный путь, был Юрий Нагибин:

— Леонид Фролов поистине знает все про деревню, про ее заботы и больные вопросы, надежды и страхи, боль и радость, и как называется в избе каждая малость, и как отзывается природа весне, слышит каждый лесной и луговой шорох, всплеск речной воды, движение живых существ в траве, голоса животных и птиц, — и весь этот сложный, многообразный мир цельно и полно несет в своем сердце.

Небогата событиями жизнь нечерноземного села Полежаева. Недаром приезжий замечает: «Да как-то уж очень размеренно жизнь идет. Будто и забот у людей нет никаких, никто никуда не торопится». — «Как это не торопится?.. — искренне возмущается деревенская жительница. — Тут с зарей встают и с зарей ложатся — и не успевают всех дел переделать».

Вот эта бедная внешними событиями жизнь селян как бы резче высвечивает жизнь внутреннюю, неспокойную.

Неустроенны судьбы героинь Л. Фролова. Доживают свой век без семьи, без детей старухи погодки Федосья («Звезда упала»), Тишиха («Девки приехали»), Павла Ивановна («Сватовство»). Расстается с мечтой о суженом 40-летняя Ксения («Во бору брусника»). Ждет, но никак не дождется своего счастья терпеливая Нюрка («Алевтинино гостеванье»). Смиряется с неласковой судьбой молоденькая учительница Вера («Сватовство»). В розовых мечтах пребывает киоскерша Таня («Везде хорошо»).

У одних в войну поубивало женихов, другие мужей уже в мирные годы схоронили, у третьих — женихи в городах порастерялись. Разный возраст, разные судьбы, только несчастье у всех общее — одиночество.

Одиночество? А как же тогда понимать подзаголовок книги «Рассказы о любви»? Какая любовь в одинокой жизни? Какая радость от нее? Но именно неустроенность существования героинь позволяет автору резче обнажить прекрасные человеческие качества, искони заложенные в женщине, которая приходит на эту землю, чтобы стать женой, матерью, чтобы одаривать любовью.

Особенно удаются Л. Фролову образы пожилых женщин. Чем жить им, одиноким? Для кого жить? Все в прошлом. Осталось одно — вспоминать об ушедшем. Но воспоминания хороши, когда они согревают душу, успокаивают хоть на час, обволакивают лаской прежних дней и тем самым окрашивают радостью сегодняшний день. А какие воспоминания у старой Тишихи? У ее сверстницы Павлы Ивановны? Всю жизнь словно серым туманом заволокло. За плечами война, тяжелая вдовья доля, заботы, заботы... Такая иссушающая, однообразная жизнь. Но это только с первого взгляда, взгляда из сегодняшнего, жадного до радостей и впечатлений дня так кажется. И для этих женщин, оказывается, была в их прошлом радость,

и теперь они упорно, настойчиво к ней стремятся. Потому что с молодости до старости сохранили они потребность жить для других, и этим светла их жизнь.

Вот почему днем и ночью тревожится старая Тишиха о своих четырех, давно уже ставших взрослыми дочерях, которых жизнь разбросала по стране. Вот почему больше всего на свете хочется Павле Ивановне выдать замуж (а значит, сделать счастливой), пристроить к хорошему, надежному человеку свою молоденькую постоялицу.

С особой авторской симпатией выписан образ Федосьи («Звезда упала»). Не обошло ее бабье счастье, одна беда — короткая радость была ей отпущена. Четыре года промелькнули как один день — весенний, солнечный, беспокойный лишь одним — что скоро все кончится. Так оно и случилось. Непроходящей тоской заплатила за те светлые годы Федосья. Но осталась память — живая, острая, будоражащая. Дорого эта память далась Федосье, но ни за что от нее бы не отказалась.

Осталась у Федосьи от короткой замужней жизни благодарность судьбе. А что до того, что увела Костю через несколько годков молодая Анна, то ведь Федосья понимала, что не в Анне, а в Косте дело. «Не могла Федосья Анну судить и Костю ни за что не корила. Она ведь с первых дней своего замужества чувствовала, что была Косте больше матерью, чем женой». И есть на то причина: на 14 лет у них разница в возрасте.

Не пришлось стать Федосье матерью, и всю свою нежность и теплоту отдала она немощному, израненному Косте, как отдала бы неродившемуся сыну. Потому и приняла она смиренно свое одиночество, потому и не могла разлучницу судить и Костю ни за что не корила. Может, оттого так давит на нее невысказанное, невыплаканное горе: «Нет, и Настин приход не снял с Федосьи тоски. И у окошка посидит, и фляги у молоковоза пересчитает. Теперь уж молоковоз не на телеге ездил, а на санях. От снега и в избе посветлело. Но на душе у Федосьи прежняя сутемень».

И все-таки проснулась у Федосьи надежда на другую жизнь. После расставания с Константином прошло немало, уже выросла у него дочь, стала взрослой, вышла замуж. Но случилось несчастье — при родах она умерла, и всю обиду Федосьи захлестнуло новое чувство — помочь вырастить оставшегося сиротой малыша. И сколько ни отговаривают Федосью, ни убеждают, что не ее это забота, что совсем чужая она той семье, Федосья упорно собирается в дорогу, потому что спасти ее может только эта новая забота, это сознание своей нужности.

Образы Федосьи, Тишихи, Павлы Ивановны — из того длинного ряда женских образов, что через все страдания и лишения пронесли извечно женское — доброту, незлобивость, терпение, для которых любить — значит жалеть, желать добра и делать его.

«Павла Ивановна взмыла руками вверх, взвизгнула и пошла дробить. Но что за дробь в валенках? Так, шуршание одно. Будто веником пол метут, а не пляшут. Лампа под потолком ни разу не колыхнулась. Стаканы на столе даже не дрогнули. А ведь

настоящая пляска — и стаканы по столешнице пляшут, и лампа под матицей плавает, и вода в кадке в прихожей выплескивается».

Тут и откровенная радость старушки: как не вспомнить молодые годы, и детски простодушная, очень точная наблюдательность, и щемящее сознание невозвратности.

Автор добр к своим героям. Даже там, где слышишь явные нотки осуждения, к примеру в отношении приезжей — научного работника Фаины Борисовны («Девки приехали»), для которой жизнь колхозников интересна лишь в той степени, в которой она может пополнить «материалы» к ее кандидатской. Даже в ней Л. Фролов пытается отыскать что-то искреннее, не измельченное голым расчетом. Фаина Борисовна, такая поднаторевшая, такая ценкая в жизни, в свои 25 лет разучившаяся удивляться, вдруг делает открытие для себя: оказывается, веки у курицы закрывают глаза снизу, а не сверху, как естественно было бы предположить.

Можно и жизнь прожить, не зная об этом, и ничего вроде бы не потерять. Но вот такие детали, такое небезразличие ко всему живому незримо, но верно прибавляет к твоему мироощущению что-то такое, без чего восприятие станет беднее, а сам ты что-то упустишь в красоте окружающего тебя мира, и человечьего и природного.

Да, Леониду Фролову деревенская жизнь знакома. Не понаслышке, не со стороны, не по воспоминаниям. Деревня, ее радости и горести, ее дела и заботы, ее умение и сноровистость навечно прописаны в нем самом. Оттого так живо смотрят со страниц книги эти добрые, работящие, бесхитростные люди, оттого так емок, свеж, колоритен их язык. Складная, ладная, цветастая, меткая речь делает их еще симпатичнее. А частушки, присказки, приметы! Без них в деревне не обходятся. Старые люди — хранители деревенских устоев. Сватовство из того же набора уходящих, но оберегаемых деревенских обрядов.

Старое и новое, вчерашнее и завтрашнее, отживающее и нарождающееся тесно сплелись в нынешней деревне, перемешались так, что и разделить трудно.

Герои рассказов писателя даны в извечной деревенской работе, без которой они не мыслят жизни.

«— Ой, ведь у меня есть что про жизнь рассказать... — радуется хуторская Огреша, узнав, что из города приехали студентки-практикантки, которые жизнью крестьянской интересуются. — Ты видела ли, сколь у меня на заборке Почетных грамот наклеено? Ой, мне ведь и медаль первой вручали. Еще значок какой-то из Вологды привозили — три года ни один теленок не умер, падежа не было.

— Да они не про работу спрашивают, — разъясняет Огреше Тишиха. — Они про жизнь.

— Ой, да какая это жизнь без работы? — удивилась Огреша. — Я про работу только и помню».

Без работы нет ощущения жизни. Если нет забот на колхозном поле, на ферме, так зато сколько их на своем дворе: и корову подоить, и сена насушить, и дров привезти, и забор поправить, и крышу починить.

Заботы эти требуют не только времени, но и физической силы, поэтому пугает деревенских женщин-одиночек не столько отсутствие мужского внимания, теплоты, ласки, сколько невозможность справиться с домашним хозяйством. А что до ласки, внимания, теплоты, то в деревенской женщине прочно живет сознание, что она сама, хранительница домашнего очага, должна дать это и мужу. Л. Фролов словно проверяет своих героев на нравственную прочность. Отказывается выходить замуж не по любви молодая учительница Вера («Сватовство»), не разменивает свою тоску по любви на минутные радости сорокалетняя Ксения («Во бору брусника»), не идет на сделку с совестью молоденькая киоскерша Татьяна («Везде хорошо»), покорно дожидается своего суженого засидевшаяся в девках Нюрка («Алевтинино гостеванье»).

Прост, незатейлив сюжет рассказов Л. Фролова. Нескольких слов довольно, чтоб пересказать их. Но не сюжет вызывает интерес к ним. За простеньким сюжетом, за внешне однообразной жизнью героев угадывается тема глубинная и вечная: неутоленный голод по любви, по семье, по нужности людям. Тема сугубо интимная, но неожиданно проецирующаяся на социальные проблемы нечерноземной деревни. Уходит молодежь в город в поисках удачи, счастья. «Везде надо работать», — говорит одна из героинь. Во всяком случае, Алевтина своего счастья не поймала. Как ни хвастается она городской жизнью, как ни пытается скрыть неприязнь к мужу, никого обмануть не может, а прежде всего себя.

Пересказывать книжку Л. Фролова — занятие неблагодарное. Зато хочется цитировать — настолько впечатляющ, неординарен его язык, образность и колорит которого идут от точного знания материала, пропущенного через сердце.

Нельзя не сказать еще об одном качестве прозы Л. Фролова. Несмотря на очевидную грустинку, пронизывающую почти все его рассказы, автор всегда оставляет у героя надежду на будущее. И в том случае, когда ему двадцать, и в том, когда в три раза больше. Пока жив человек, он имеет право на радость, он обязан за нее бороться, должен верить в светлый завтрашний день. В этом плане показательна концовка рассказа «Звезда упала».

«В небе трубили журавли. Они летели над Федосьиным домом. Вот оттуда откуда-то вчера сорвалась и упала звезда. Федосья Васильевна и сейчас не верила, что ее не найти. Ведь рядом, кажись бы, падала, совсем рядом... Не в траве, так у изгороди в крапиве лежит. Поискать по-настоящему — и найдется».

Хочется верить — найдется.

Ирина ДАНЧЕНКО

КРУГ ЧТЕНИЯ

Р. И. Косолапов. Социализм: к вопросам теории. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., «Мысль», 1979.

В книге Р. И. Косолапова вскрывается и освещается самое существо научного понимания социализма. Автор подчеркивает, что роль рабочего класса в революционном движении и построении нового общества, его политический облик и интересы, взгляды и мораль становятся своего рода эталоном для всех социальных групп в условиях социализма. И закономерно, что крестьянство и интеллигенция преобразуют себя в направлении сближения с рабочим классом под его руководством и с его активной помощью. «Истолкование этого факта в противоположном смысле, — продолжает Р. И. Косолапов, — а именно будто происходит «отречение» от чисто рабочей точки зрения, «деклассирование» и т. п., лишено каких бы то ни было объективных оснований... «Всенародность» и «общенародность» же — это «выражение того, что экономические и политические интересы рабочего класса, его идеология и мораль... приняты всеми слоями трудящихся как свои собственные и занимают доминирующее положение в обществе».

Известно, что ревизионисты пытались всячески опорочить и опошлить учение классиков марксизма-ленинизма о характере экономического строя социализма. Они усиленно распространяли версию о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс ошибались, говоря, что социализм не товарное, а непосредственное общественное хозяйство, что В. И. Ленин, будто бы держась этой позиции до социалистической революции, затем под влиянием опыта строительства социализма пересмотрел свои взгляды.

В книге убедительно показана несостоятельность такой точки зрения. К. Маркс и Ф. Энгельс, будучи великими диалектиками, в своих научных трудах делали лишь такие выводы, для которых уже были твердые основания. В. И. Ленин не ревизовал, а развил учение классиков научного социализма и показал,

как товар превращается в непосредственно общественный продукт, как меняются те формы, которые возникли в лоне товарного хозяйства и как они приспосабливаются для нужд социалистического строительства.

Молодое поколение нашей страны идейно закаляется в условиях строительства коммунистического общества. Молодежь должна учиться, «применяя социалистические, марксистско-ленинские критерии, оценивать общественные явления через призму социализма как воплощения интересов рабочего класса, всего трудового народа. Это и есть нынешняя форма классового подхода, которым должен умело пользоваться каждый молодой человек», — подчеркивает Р. И. Косолапов. Разобраться в принципиальных вопросах развития социализма с марксистско-ленинских позиций возможно, только овладев материалистической диалектикой. Читатель книги убеждается, что «из марксизма-ленинизма не может быть изъято ни одно положение, точно так же как все чужеродные ему добавления быстро обнаруживают свою несовместимость с ним». В книге наглядно продемонстрировано, что только тщательное и вдумчивое изучение наследия классиков дает нам в руки путеводную нить для решения важнейших вопросов современной жизни. Не случайно Центральный Комитет нашей партии призывает всех коммунистов и комсомольцев, всех трудящихся изучать ленинизм. Из книги Р. И. Косолапова читатель может почерпнуть строго научное представление о таких важных понятиях, как «свобода», «труд», «социальное равенство», «демократия», «пролетарский интернационализм», узнать о том, как влияют социалистические преобразования на судьбы человеческого общества.

Книга Р. И. Косолапова — важное подспорье для тех, кто стремится к серьезному овладению теоретическим оружием нашей партии.

М. ПОПОВ

П. Н. Новиков. Счастье быть бойцом. Воспоминания о Николае Островском. Харьков, «Прапор», 1979.

Каждая новая книга о Н. Островском вызывает большой читательский интерес. Книгу воспоминаний о знаменитом писателе его ближайшего друга Петра Новикова нельзя читать без волнения. Это рассказ о необыкновенной личности, о высоком мужестве, подвиге, о дружбе, верной и преданной, проверенной и закаленной жизнью. Но автор рассказывает не только о верности в дружбе, а прежде всего о верности идеям, верности высоким целям.

Мимолетное знакомство двух юношей в январе 1921 года на переполненном Киевском вокзале оставило у обоих крепкую симпатию. Но никто из них тогда не думал, что судьба сведет их еще раз и уже на всю жизнь свяжет неразрывной дружбой.

Со страниц первых глав книги встает живой и обаятельный образ молодого Островского — пламенного комсомольца, тяжко больного, но жизнерадостного, старающегося жить интересно даже в стенах больничной палаты.

В книге прослеживается почти вся жизнь Островского, все перипетии его трагической судьбы. Автору удалось уточнить и дополнить некоторые страницы его творческой биографии.

Друзья жили в разных городах, встречи были нечасты, но то, чему Петр Новиков не был свидетелем лично, восполняют многочисленные письма к нему Николая Алексеевича, его жены — Раисы Порфирьевны, матери, сестры. Эти свидетельства жизни писателя, многие годы бережно хранимые Новиковым, широко использованы в книге и придают ей особую достоверность. Из них с необыкновенной убедительностью встает необычная, удивительная личность человека. Болезнь наступала, отнимая у него все — руки, ноги, подвижность тела, глаза. Но росли его упорство и воля в этой беспримерной борьбе за жизнь, за активное в ней участие. Этого требовала высокая цель — снова «встать в колонны передовых борцов».

В письмах Островского к другу хорошо прослеживается, как в годы болезни он неустанно наращивал свои знания. Сначала перечитаны были классики мировой литературы. Он с восторгом сообщает другу: «Буквально день и ночь читаю, уйму книг имею, связался с громадной библиотекой и читаю запоем и научное, и вперемежку для разрядки мозга беллетристику. Все новые книги. Хорошо!»

С таким же увлечением он учится в заочном Коммунистическом университете. Когда угасло зрение, университетом стало радио. Весь день не снимает наушников. Но и будучи слепым, продолжает учиться. Учиться с жадностью, со страстью. В этом ему помогали многочисленные добровольные чтецы. В одном из писем к друзьям он сообщает: «Лозунг для каждого приходящего: «Читай!»

Ненасытная жажда знаний, характерная для Островского, приоткрывает секрет того, как из обычного паренька вырос писатель.

В воспоминаниях Петра Новикова воссоздана обстановка жизни, быт Островского, его окружение. К чести автора книги надо сказать, что ему удалось показать атмосферу невиданного коллективизма в нашей стране. Удивительно много добрых, душевно щедрых людей пришло на помощь Островскому. Имена их названы в книге. Это и товарищи — комсомольцы и заслуженные большевики, и просто соседи по квартире. Все больше нуждался Островский в поддержке моральной, а нередко и в материальной. И безошибочно находил ее в друзьях. Особенно нужна была поддержка в период творчества. Ему необходимо было поверить в значимость своей литературной работы, в свое дарование. Он шлет главы романа «Как закалялась сталь» своим друзьям для беспристрастной оценки.

Без помощи армии друзей вряд ли бы выдержал Островский все трудности. Неслучайно восклицает он в одном из писем к семье Новиковых, когда первая часть романа «Как закалялась сталь» была принята к печати: «Дверь жизни широко раскрылась передо мной. Моя страстная мечта — стать активным участником в борьбе — осуществилась... Моя победа — ваша победа».

Книга П. Н. Новикова читается с большим интересом. Она повествует не только о

том, как вырастал и формировался писатель Николай Островский, но и о «комсомольской братве» тех неповторимых лет, о советских людях, о новой морали и новых взаимоотношениях, возможных только в социалистическом обществе.

М. ШИРЯЕВА

Э. Балашов. Хлебный ветер. Стихи. М., «Советский писатель», 1979.

Существуют стихи, как бы органически вырастающие из ощущения самой жизни, вбирающие ее цвета и запахи; их внутренний рост совершается постепенно, но при серьезной работе автора они оказываются созвучными времени, вызывают ответное движение человеческой души.

Тема времени, осмысливаемого в тесной связи с судьбой человеческой, — одна из главных в поэзии Эдуарда Балашова. Она вытекает у него из ощущения жизни как источника творческой силы.

...И вижу в сполохе огня
След птицы, искру от кремня,
Тень от куста, и слышу гром,
И проще кажется простого,
Чтоб ощутить себя во всем,
Взять и к числу прибавить
слово...

Для Э. Балашова важным в его творческой судьбе стало развитие мироощущения, связанного с народными представлениями о нравственности и гуманизме, о добре и зле, олицетворяемых силами света и тьмы, противоборство которых связано с историей общественного развития. Это приводит поэта к глубоким, порой афористическим обобщениям и метафорам. В некоторых стихотворениях Э. Балашова философичность авторской мысли ощущается в образах и сравнениях, словно бы взятых из народных сказаний, преданий, легенд.

Поэт, как сказал он в одном из стихотворений о лирическом герое,—но эти же слова можно прочитать и как автохарактеристику — находится «умом в грядущем, а душой в былом». Отсюда ясно, что время в его представлении оказывается категорией неразрывной и созидательной. Точно так же и дела людские, совершенные в прошлом, устремлены к усовершенствованию будущего. И потому, может быть, и не теряется во времени, в истории человеческий след, что, развивая нравственность и духовность в настоящем, в нашем дне, мы утверждаем своими поступками духовную связь и преемственность от прошлого к будущему. Не случайно у Э. Балашова всегда точно определена смысловая и нравственная нагрузка на строку. Осмысливая итог человеческой жизни и, в частности, имея в виду судьбу поэта, жизненный путь которого уже завершен, Э. Балашов произносит слова, внешне похожие на молву и в то же время утверждающие, что дело жизни поэта продолжается — он хоть и «в землю ушел», но, мол, «за солью земли».

Интересно стихотворение Э. Балашова «Легенда» — о рождении, о любви, о смерти, в котором угадывается связь с преданиями старины глубокой об этих понятиях. Видимо, не всегда можно согласиться с авторской трактовкой некоего вневременного бытия, пучин вечности, в которых очень уж навязчиво звучащими выглядят «подземные волны музыки» (труд-

но реально представить, что это такое), но нельзя не видеть и того, что свой поэтический поиск Э. Балашов ведет в сфере нравственных явлений, а это уже привлекательно.

И дух отечества опять обнимет
нас, —

пишет Э. Балашов в стихотворении «Седмица», заявляя таким образом, что высшей цели — служению Отечеству— должны быть посвящены творческие порывы и устремления современников. Показательна в этом отношении небольшая, эмоционально насыщенная поэма Э. Балашова «Воспоминание о суворовском училище», да и ряд других стихотворений сборника «Хлебный ветер», в которых поэтично освещается неразрывность судеб сегодняшнего поколения с судьбой Родины, с судьбой России фронтовых лет, для которой испытание войной было одновременно испытанием ее сынов на высокую духовность, на готовность к бессмертию.

Особенно любопытна емкая авторская метафора в одном из стихотворений, где Э. Балашов, описывая реальный бой на кладбище, развороченном фашистскими снарядами, говорит, что вместе с живыми солдатами поднялись, пошли в сражение и тени предков.

...И того не помнят плиты,
И в неведенье село:
Сколько ожило убитых,
Сколько мертвых полегло.

В переносном смысле так это и было. Фашизм побежден народом, сильным своей исторической памятью, верностью героико-патриотическим традициям дедов-прадедов. Слияние судьбы человека с судьбой Родины воспринимается Э. Балашовым как неотъемлемая черта духовности его современника, и поэтому очень важно, как каждым из нас путь жизни пройден. Ведь, восклицает он:

На то и есть судьба и воля.
А Родина — одна. Одна!

Многие стихи Э. Балашова мелодичны, музыкальны, во всяком случае, их так и хочется переложить на музыку. Напевность фетовских романсов отличает лучшие из них.

Пала тень глубокая
На долину дня.
С каждым днем далекое
Дальше от меня...

Эдуард Балашов как поэт не навязывает себя читателю, находясь как бы в тени, в стороне от шумной «словесной войны», но он внимательно вслушивается в ту «вековую тишину», что живет «во глубине России», в глубинах собственной души. Утверждая нравственное начало жизни, поэт говорит читателю, да и себе тоже:

Не бойся белого огня:
Он обжигает счастьем.
А черного огня страшись:
Он обернется горем.
Меж двух огней пылится жизнь.
Она зовется полем.

В. КАРПЕЦ

Александр Шевелев. Единственная земля. Книга стихотворений. М., «Современник», 1979.

В новой книге избранных стихотворений Александра Шевелева «Единственная земля» одни стихи тяготеют к точной пластике, к густому живописному мазку, другие тянутся к народной песенной стихии.

В поэзии Шевелева нам от-

крывается мир детской непосредственности: «Там за деревней лесопилку, с перекосившимся окном, январь ударит по затылку Медведицы ковшом». Здесь хороша именно детская угловатость фразы и буквальное последствие метафорического события — от удара еле слышно и медленно сползает с крыши снег. Реальность обратилась в эту новогоднюю ночь в чудо:

И в эту ночь зеркальных
пятен
на небе больше будет стыть...
И запах снега так понятен,
что невозможно объяснить!

Шевелеву близка целостность, гармоничность мира природы и человека. И тем острее воспринимается поэтом разрушение этой цельности в русской деревне военной и голодной послевоенной поры. Здесь сразу же столкнулось детское и недетское, чудесное и реальное:

Сокрушаясь,
женщина молчала,
запрокинув смуглое
лицо,
и душа безумная
кричала,
взятая в железное
кольцо
не беды,
а просто всей
юдоли
вдовьих
необласканных ночей...

Образ немого горя — он был и в кино, и в прозе, и в стихах. Я бы даже сказал, что угроза расхожего сочувствия стала маячить над пронзительностью горя настоящего. Но вот ожила эта пронзительность в коротком стихе, и мы сразу почувствовали дыхание поэзии.

Чисто русская, некрасовская черта проявилась в стихах Шевелева. Этика, взявшая мерилом трудную судьбу женщины, легко чувствует суетность мира. Вот деревенское свадебное застолье, люди еще в слезах, вспоминают войну, а после...

После кто-то с косынкою
белой
выходил на середку плясать.
В первый раз я услышал,
как пела
вместе с этими бабами
мать.
Пела тихо,
глаза прикрывая,
в общем гаме почти
не слышна...

Лирика многослойна, как и душевный опыт.

Шевелев предан романтическому чувству дороги и звезды над ней. В этом он, может быть, чуть и старомоден: «И звездный свет, дрожащий свет подобен вымыслу и чуду...» Но в лучших своих стихах поэт обнаруживает немалый опыт, с какой-то деревенской, крестьянской закваской.

У сторожа одна забота —
чтоб не открыл никто ворота.

Сидит на ящиках пустых
и небу доброму внимает:
он звезд движенье понимает,
вокруг весь мир затих.

Он видел многое на свете,
Россию всю исколесив,
он только с виду неприветлив
и, как философ,
молчалив.

Может быть, кому-то покажется, что недостает в таких стихах сюжетных и психологических подробностей. Но что делать, если герои Шевелева немногословны, не выпячивают себя. Война, лишения, испытания угадываются за их молчанием. Публицистический пафос мало присущ поэзии Шевелева. Эпическое же построение стиха порой исчерпывается возведением монументального фасада, начиная, например, с выспреннего заголовка «Труду и солнцу благодарны» и многозначительного эпиграфа из Льва Тол-

стого: «И день и силы посвящены труду, и в нем самом награда». Но за фасадом оказываются строки, которые по силам заурядному стихотворцу: «Летний день огромен и велик, он наполнен светом лучезарным. Тот, кто вырос на земле, привык быть труду и солнцу благодарным». Поэт вязнет в риторике, теряя живое ощущение стиха.

Такое в поэзии случалось не однажды: один шаг — и богач становится нищим. Самобытный мастер может оказаться беспомощным в несвойственных ему жанровых формах.

У любого поэта есть внутренние противоречия в развитии его дарования. Но не они определяют интерес к его творчеству. Важнее увидеть то, что составляет самобытную черту поэта. То как раз, чему радуешься в последних книгах Александра Шевелева.

А. ПИКАЧ

Н. Машовец. Общность цели. Литература и критика. М., «Современник», 1979.

Для кого пишет критик? Существует немало свидетельств современных писателей относительно плодотворного влияния критики на их творчество. Но критик — это и посредник, важнейшее звено в цепи между писателем и читателем.

И все же, пожалуй, стоит признать — широкая читающая публика обращается к литературной критике мало. Не способствуют расширению читательской аудитории литературно-критические выступления, которые отличают поверхностные суждения, усредненные оценки.

В этом смысле работы критика Н. Машовца, объединенные под обложкой сборника «Общность цели», можно назвать удачной попыткой сориентировать читателей в «книжном море», научить самостоятельно анализировать художественное произведение, понимать литературу.

Центральная мысль книги выражена четко: «Художественную жизнь современности невозможно понять и верно оценить, рассматривая составляющие ее литературные явления как замкнутые эстетические системы. Общественная жизнь не просто предмет изображения литературы, но и ее бытие. В ней истоки пафоса художника, в ней обретает писатель свой эстетический идеал».

Критик ставит перед собой трудную задачу — выявить единство общественно-нравственной цели таких произведений, как «Живи и помни» В. Распутина, «Сказание о директоре Прончатове» В. Липатова, «До третьих петухов» В. Шукшина, «Долгий отдых» В. Личутина, «Привычное дело» В. Белова, «Последний поклон» В. Астафьева... Эстетическая самостоятельность этих несхожих произведений подчеркивается критикой. Однако Н. Машовца интересует объединяющее начало: «Нынешняя проза в вершинных своих проявлениях воплощает лучшие гуманистические традиции классической литературы, всегда видевшей смысл поэтического творчества в общественном служении народу».

Статьи, вошедшие в сборник, написаны автором в разное время. Тем не менее читатель знакомится не с разрозненными работами, но частями целого. Творчество пи-

сателей, оказавшихся в сфере внимания критика, исследуется им как бы на витках спирали, в разных масштабных соотношениях.

Н. Машовец стремится прежде всего обнаружить социально-политическую основу явлений литературы и искусства. Вот он ведет строгий нелицеприятный разговор о том отрицательном явлении в нашей словесности, которое получило название литературщины (статья «Нравственное утверждение человека»). На примере произведений, в центре которых находится судьба молодого художника, критик показывает недопустимость бытования в нашей литературе снобистско-элитарного взгляда на роль искусства. Не менее волнует его проблема литературы для детей. В статье «Родники» поставлены принципиальные вопросы, убедительно подтверждается мысль, что «наша детская литература в целом стала заметно подслащенной». Подобным слащаво-назидательным «детским» книжкам автор противопоставляет произведения писателей «не специально» детских, но помогающих юным открывать окружающий мир: «Конь с розовой гривой» В. Астафьева. «Катюшин дождик» В. Белова. «Моя Джомолунгма» Е. Носова и других.

Своеобразие, привлекательность книге придает ярко выраженная полемичность. Автор то и дело включается в спор, показывая как уважительно-внимательное отношение к точке зрения оппонента, так и принципиальную твердость собственных взглядов. Умение Н. Машовца вести острую и строго научную полемику обнаруживает его добрую учебу у классической русской и советской критики. Такой вывод подкрепляет статья «История и современность», как бы подытоживающая книгу. Здесь автор задумывается над проблемами развития советской литературной критики, размышляет о ее месте не только в литературной, но и в общественно-политической жизни.

«Критика не может быть скучной, то есть поверхностной или заумной, иначе ее просто не будут читать. Критика не может быть предвзятой, иначе ее не надо читать. Чтение критики — процесс, требующий от читателя активного отношения, соразмышления, полемики». Соглашаясь с этими мыслями автора, можно с удовлетворением отметить, что его книга выдерживает поверку столь высокими критериями.

М. МИХАЙЛОВ

В. Захаров. Пламя белое берез. Стихи. М., «Молодая гвардия», 1980.

Когда читаешь лучшие стихи Владимира Захарова, собранные в этой книге, вышедшей уже через несколько лет после его гибели, ясно видишь его перед собой — сочувственный взгляд, открытая улыбка... Улыбка, наверное, и была ключом к сердцам людей, которых встречал он в жизни.

Я себя нисколько не жалею,
Я хожу по острию ножа
Босиком — беспечная душа.
Говорят, что жить я не умею...
Может быть, они умеют жить?
Может быть, но я иное знаю:
Нет, и не могу, и не желаю
Жить в полжизни, в пол-любви
любить...

В. Захаров ценил и понимал значение слова, русского, на-

родного говора. Поэтические образы его стихов — сочные, полновесные, живые. Учителями своими он считал многих поэтов, но в первую очередь Я. Смелякова, который при внешней суровости и сдержанности был человеком эмоциональным, страстно откликавшимся на живое, искреннее явление в поэзии. Столь же эмоциональны и строки В. Захарова, обращенные к своему наставнику.

Стихов, посвященных тем, кто создавал и развивал русскую литературу, в книге немало. Они собраны в отдельный раздел: «О, поле словесности русской». Здесь и стихи о безымянном бессмертном авторе «Слова о полку Игореве», и о пламенном сердце Н. Островского, и, наконец, цикл стихов, связанных с именем Пушкина.

С любовью к русскому языку, конечно, связан и глубокий интерес поэта к русской истории. Эти мотивы звучат в стихах первого раздела, символично названного «Истоки». Интерес к истории Руси здесь отнюдь не книжный. Поэт видит прошлое в сегодняшнем дне, оно в неиссякаемом потоке бытия русского человека. Нынешний день — это естественное продолжение минувшего, хотя расстояние между ними — века:

И вспыхнула во мне
преемственность времен,
В сраженьях, и в огне,
И в золоте знамен.

Детство поэта совпало с Великой Отечественной войной. И конечно, горестные детские воспоминания не могли не отразиться в его творчестве. Стихи, посвященные этому времени, находим мы в разделе сборника: «Память об этом жива».

Исполнена высокого, мужественного, героического пафоса «Баллада о ледяном генерале» памяти героя Советского Союза, генерал-лейтенанта Д. М. Карбышева.

Искренностью, неподдельной добротой и высокой человечностью привлекают строки стихотворения «Каравай», в котором простая крестьянская женщина-мать отдает последний хлеб, чтобы накормить им голодных солдат.

Нелегко писать воспоминанья
Если труд рассчитан на века.
Но крепка простым солдатским
званьем
Маршальская каждая строка.

Эти слова поэта адресованы маршалу Жукову, но и сам Владимир Захаров остается в нашей памяти, в своих стихах «гвардейцем» поэтического батальона.

Лидия ГЕЙДЕКО

Петр Грищенко. Соль службы. Л., Лениздат, 1979.

О судьбе автора этой книги можно написать интересную и поучительную приключенческую повесть. Жизнь словно испытывала его на прочность. Кем только не приходилось ему работать — батрак, слесарь, рабочий в порту и на железной дороге. Но он успевал и учиться — после окончания школы поступает в вечерний электромеханический техникум. Однако юношеской его мечтой было море...

Петр Грищенко стал курсантом. Но школа жизни только начиналась, школа воспитания мировоззрения и таких качеств характера, как мужество, честность, добросовестность, требовательность к себе. Одним из лучших командиров подводного флота стал

капитан I ранга Петр Грищенко. Дерзкий, бесстрашный и удачливый моряк, на своей лодке «Фрунзенец» он топил врага даже на меридиане Берлина. Этой лодке Ольга Берггольц посвятила прекрасную песню, которую в годы войны пели на Балтике:

Подводная лодка уходит
в поход
в чужие моря и заливы.
Ее провожают Кронштадт
и Кроншлот
И встречи желают счастливой...

Но прежде командир должен был пройти долгий и трудный путь до капитанского мостика. Мечта сбудется, если у тебя есть вера и упорство, — вот что прежде всего доказывает книга П. Грищенко «Соль службы».

Свои воспоминания автор посвящает боевым друзьям, подводникам Балтики, экипажу подводной лодки Л-3. И это глубоко закономерно: быть может, лучше, чем кто-либо другой, знал командир Грищенко цену боевой дружбе, потому и был его экипаж слаженным, энергичным, всегда готовым к походам и атакам. Как живые встают со страниц книги члены команды: Коновалов, Крастелев, Дубинский, Титов, Беляков...

Читатель найдет в книге описание драматических эпизодов, без которых не обходилась жизнь подводника. Но за деталями мы всегда видим людей, сложные человеческие судьбы. Старый моряк, участник революции Яков Осипович Осипов в Военно-морском училище имени М. В. Фрунзе был воспитателем и автора книги, и будущего комфлота адмирала Трибуца. А в 1943 году он пережил гибель сына, ушедшего на прорыв вражеских противолодочных заграждений.

Небольшая по объему, книга Грищенко насыщена разнообразным материалом. Автор напоминает, что с подводным флотом связаны судьбы многих выдающихся деятелей других профессий. Штурманом на «Пантере», когда она в 1919 году потопила эсминец интервентов, был будущий академик Аксель Берг. На Л-3 ходил в учебное плавание писатель Леонид Соболев.

Много страниц посвящает Грищенко дружбе писателей с подводниками. На его лодке бывали Всеволод Вишневский, Ольга Берггольц, Всеволод Азаров. Александр Фадеев в 1942 году посвятил ему пророческие слова: «Знаю, что будешь таким же товарищем, каким я тебя узнал, а самое главное, что ты никогда не умрешь и из всякого дела вернешься с победой».

Наряду с морем Петру Грищенко всегда была дорога литература. К работе над книгой «Соль службы» Грищенко подошел, уже будучи автором небольшой книги о подводниках и ряда очерков. Перед нами книга воспоминаний. В ней, обращаясь к молодому поколению, герой-подводник призывает его быть верным памяти мужественных защитников Родины. Этому учит и жизнь самого Петра Денисовича Грищенко.

Владислав ШОШИН

Владимир Щербаков. Семь стихий. Роман. М., «Молодая гвардия», 1980.

Далекая планета у зеленого солнца... Как чаще всего и случается в научно-фантастических произведениях, она обитаема. Здесь полноводные

реки. Двойная звезда, вокруг которой обращается планета, капризна. Происходит космическая катастрофа, планета теряет свою звезду, рядом вспыхивает другое горячее солнце. А с Земли стартует к созвездию Близнецов космический корабль.

События эти можно назвать прологом, с которого начинается фантастический роман Владимира Щербакова «Семь стихий».

Автоматика корабля, посланца Земли, работает безупречно, и он достигает той планеты... И ничего не находит, кроме подводного цветка с двадцатью тремя лепестками. Да еще камня с непонятными знаками. Находки эти сделаны на дне глубокого озера с горячей водой.

Проходят десятилетия... Звездный посланец возвращается на Землю. Подводный цветок помещают в особую камеру, а знаки на камне удается расшифровать. Получается примерно вот что: на камне записана легенда — инопланетяне якобы превратились... в цветы, спустились на дно озера, где жар нового их солнца ощущается слабее. И не было у разумных обитателей планеты иного пути в будущее.

Разумеется, чтобы узнать, что произошло дальше, нужно прочитать весь роман.

Книга читается с интересом. Привлекает богатство фантазии автора. Фантастические события как бы «очеловечиваются» стихотворными строками, которые К. Щербаков органично вписал в текст произведения. Автор словно задался целью использовать в романе чуть ли не все жанры литературы. Мы найдем тут и прозу эпического стиля, и интервью, журналистский репортаж, и письма, и легенды. Но читатель почти не чувствует «стыков» между разнородными по жанру отрывками. Может быть, именно этот прием и помогает автору создать особый мир, пронизанный светом мечты.

Фантастическая литература давно разрабатывает тему контактов с внеземными цивилизациями. В романе «Семь стихий» утверждается мысль о том, что контакт может состояться только при взаимной доброжелательности. Вопросы науки в романе оказываются неразрывно связанными с вопросами морали и нравственности. Само превращение цветка в инопланетянку могло состояться лишь в том случае, если были соблюдены важные условия: не только химический состав среды в фитотроне, но, главное — внимание, забота об иных формах жизни, та забота, которая диктуется не только научными, но и гуманистическими соображениями. Сама история встречи с обитателями иных миров наводит читателя на важную мысль: любой контакт означает вмешательство в чужую жизнь, последствия которого предвидеть невозможно. И потому контакт становится реальностью лишь в обществе, воплощающем самые светлые мечты о будущем.

Перед писателем-фантастом стоит сложная задача создания ярких, запоминающихся характеров. Герои его произведения должны быть похожи и одновременно непохожи на наших современников. Вспомним, что и Александру Беляеву не удалось создать яркого живого образа человека будущего. Тем более смешными и неуклюжими выглядели бы на страницах современной фан-

тастики герои Жюля Верна. Вот уже четверть века прошло со времени первой публикации «Туманности Андромеды» ученого и писателя Ивана Ефремова, и все яснее становится, что максимализм его героев воплощает лишь общие черты нашей мечты о человеке будущего. Владимиру Щербакову приходится поэтому прибегать к особым изобразительным приемам, которые создают поэтически обобщенные образы. Главный герой романа Глеб — журналист и физик. Он рассказывает историю встречи с инопланетянкой Аирой так живо и непосредственно, что сказка перестает для нас быть сказкой. Этому помогает достоверность главного героя, история его любви, разочарований, отчаяния, неустанных и мужественных поисков. Человек этот живет и действует в сложном прекрасном мире будущего, где полет мечты так же необходим, как взлет смелой и яркой научной мысли.

Жаль, что другие герои романа выписаны менее убедительно и движение им придает лишь развитие необыкновенной истории Глеба и Аиры.

Романы об отдаленном будущем писать трудно. Наверное, каждый такой роман — эксперимент. Эксперимент Владимира Щербакова надо считать несомненной творческой удачей.

Владимир КЛЯЧКО

Первая и четвертая страницы обложки: иллюстрации лауреатов премии Ленинского комсомола Б. и К. Кулиевых и О. Ана к книге-альбому «Сын России». Рисунки в номере художников Б. Жутовского (стр. 26, 27), В. Халютина (стр. 108) и В. Васильева (стр. 198).

Главный редактор **Анатолий ИВАНОВ**

Редакционная коллегия: **Валерий ГАНИЧЕВ, Вячеслав ГОРБАЧЕВ** (заместитель главного редактора), **Владимир ГРОШЕВ, Нодар ДУМБАДЗЕ, Александр ИГОШЕВ** (ответственный секретарь), **Борис ЛЕОНОВ, Михаил ЛОБАНОВ, Борис ОЛЕЙНИК, Петр ПРОСКУРИН, Иван САВЕЛЬЕВ, Владимир СЕМЕНОВ, Владимир СОЛОУХИН, Иван УХАНОВ, Василий ФЕДОРОВ, Владимир ФИРСОВ, Вячеслав ШУГАЕВ, Виктор ЯКОВЕНКО** (первый заместитель главного редактора).

Художественный редактор В. Недогонов

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 03.02.81. Подп. в печ. 20.03.81. А07768.
Формат 84×108 1/32. Печать высокая. Условн. печ. л. 16,8.
Уч.-изд. л. 21,4. Тираж 872 000 экз. Цена 60 коп. Заказ 97.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Дорогие друзья!

Начинается пора сбора целебных растений.

Уже сейчас можно собирать цветы, листья и траву ландыша. Срезать ландыши следует очень аккуратно, на уровне пленчатых листьев, и только таким образом, чтобы не повредить корневища.

Ценна как лекарственное сырье также кора крушины ольховидной; она темно-бурого цвета, гладкая, с чечевицеподобными поперечными черточками, а если ее слегка поскоблить, проступит пурпурно-красный слой.

В каждом поясе есть свои целебные растения. В заготорганизации района можно уточнить, какие именно растения нужно собирать сейчас в вашей местности.

Не забывайте о сборе первых грибов. Уже появились нежные и бархатистые сморчки конические, а на опушках, на пастбищах и у дорог растут более крупные грибы — строчки обыкновенные (их также называют торчок, бабура, пестрица).

Правильно высушенные грибы принимаются заготорганизациями Потребсоюза без ограничений.

Желаем успеха!

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

Цена 60 коп.

Индекс 70544